Серия научной фантастики „ГАЛАКТИКА"

Крылья ночи

Крылья ночи

Серия научной фантастики „ГАЛАКТИКА"

Крылья ночи

Минск
«Университетское»
1989

ББК 84(0)6
К 85

Серия основана в 1989 году

Составление, предисловие и сведения об авторах
Г. Ануфриева, С. Солодовникова

Художник С. Баленок

4703000000—068
К———————БЗ 154—89
М317(03)—89

© Составление. Оформление. Предисловие. Издательство «Университетское», 1989

ISBN 5-7855-0279-8

КОСМОС ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье,
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья...

М. Ю. Лермонтов

Перед тобой, читатель, еще один сборник научной фантастики. Если ты принадлежишь к почитателям этого жанра, то, пробежав глазами содержание, не скроешь радости: тебя ждет встреча со многими полюбившимися авторами. Среди них и признанные мастера, такие как Р. Хайнлайн, Р. Брэдбери, Р. Шекли, У. Ле Гуин, и менее известные у нас писатели — М. Демют, Дж. Питт, Дж. Поллард. А если ты предпочитаешь реалистическую литературу, все равно, не спеши отложить книгу в сторону. Прочти несколько рассказов, и, может быть, ты откроешь для себя нечто новое, чего, как тебе казалось, фантастика дать не может. И тогда ты обязательно дочитаешь книгу до конца. Ведь мир фантастики так же неисчерпаем, как человек и окружающий его мир. Прав Е. Парнов, утверждая: «Научная фантастика — это прежде всего литература, и в центре ее стоит человек с его душой, его устремлениями, с его вечными вопросами — кто мы, откуда, куда идем».

Научная фантастика давно завоевала уважение и любовь миллионов людей, доказав, что ей по плечу самые большие задачи, что она — самая что ни на есть большая литература. А возможности ее в раскрытии «космоса человеческой души» поистине безграничны. И в некоторых областях, например, в предупреждении человечества о возникших негативных тенденциях в его развитии, она даже имеет приоритет. Заставить человека задуматься о последствиях им содеянного — в этом заключается одна из главных функций фантастики.

Люди всегда стремились однозначно определить, что есть добро, а что — зло. И наука здесь зачастую оказывалась в тупике. Тогда приоритет переходил к искусству и литературе. Исследуя и познавая человека в природе

и обществе, Мир Человека, они обращают свой взгляд все дальше и глубже — в Космос, Вселенную... Весомую лепту в уточнение границ этих вечных вопросов и ответов внесла и вносит научная фантастика.

Космос... Вселенная, породившая и наше светило, и нашу прекрасную планету — Землю. Тысячелетия человек трудился на земле, осваивал родную планету, но всегда взор его — с восхищением и преклонением — обращался к звездному небу. Ему казалось, что все яркое, истинное, доброе должно быть именно там. И человек устремляется в небо, чтобы решить проблемы дальнейшего развития цивилизации, расширить границы своей планеты, возможности рода человеческого.

Первые запуски космических кораблей — легкое, осторожное зондирование: как там, наверху? Каково придется человеку? Пока действие разворачивается на высоте нескольких сот километров от поверхности планеты. Это еще и не космос, а Приземелье. А что ожидает человека дальше, в необъятных просторах звездного мира? Телескопы разных систем ловят радиоволны и высасывают из них информацию о Вселенной. Физики, химики, математики, астрономы — ученые самых разных специальностей просчитывают пути в космос. Конструкторы и инженеры строят корабли... Но впереди всех идут писатели-фантасты.

Они давно вырвались за пределы Солнечной системы, их корабли бороздят пространство и со скоростью света, и мгновенно «прокалывая» его, используя «подпространство», «надпространство». Но порой корабли десятки лет «медленно» летят на скорости в сотни и тысячи километров в секунду, неся на себе сменные экипажи. Столетия в полете под тонкой и ненадежной оболочкой корабельной обшивки, среди излучений, пронизывающих корабль вдоль и поперек, что сказывается на рождающихся в нем поколениях (вспомним классический рассказ Клиффорда Саймака «Поколение, достигшее цели»). Р. Хайнлайн в романе «Пасынки Вселенной» также рисует крайние и экстравагантные ситуации, и в то же время проводит эксперимент: как будет развиваться большая группа людей, оказавшаяся в изоляции, какие возможности для выживания использует, какие межличностные отношения возникнут в этом случае. При всем хлестком, авантюрном сюжете роман заставляет размышлять о том, какой выход искать человечеству, если не будут изобретены

средства передвижения в космосе со скоростями близкими к световой. Скорость света — абсолютный предел для обладающих массой тел, а следовательно, и для наших космических кораблей. Потому фантасты и создали воображаемое «гиперпространство», где скорость беспредельна и возможны межзвездные перелеты. Удивительно, но и в научных кругах не исключается возможность существования такой вселенной, наполненной частицами «тахионами» (от греческого слова «скорость»).

То, что мы еще не освоили Солнечную систему,— не причина для отказа от этой темы, казалось бы, далекой от жизни. Вообще космические исследования имели и имеют много противников, считающих, что сначала нужно хорошенько устроиться на Земле. Противники были у полета на Луну, они появятся и у грядущей экспедиции на Марс. О том, что такие проекты будут не только приводить в восторг, но и вызывать негативную реакцию, написал еще в 1939 г. А. Азимов в рассказе «Тенденции».

Мысль художника не может не забегать далеко вперед. Человечество выживет, если станет смело глядеть в будущее, а не цепляться за прошлое. Дальние полеты придется совершать, и быть может, даже раньше, чем мы предполагаем. Технологическое развитие нашей цивилизации ускоряется необычайно. Только прежде надо решить экологические, политические, национальные проблемы... И человечество буквально ринется к звездам! А может быть, именно земные проблемы будут способствовать этому?

М. Демют в повести «Оседлавшие свет» предлагает другой вариант длительного полета. Тут нет экстремальности, идущей изнутри человеческого коллектива-экипажа. Опасность возникает там, где она часто возникает и на Земле: подводит техника. Интересен образ Исходного Комплекса — собрата в семье модификаций инопланетного разума (Океан Солярис Ст. Лема, Черное Облако Ф. Хойла, сверхразум из рассказа Ф. Брауна «Арена» и т. д.). У Демюта этот разум оказывается неожиданно уязвимым и погибает от импульса ненависти ребенка. Явная натяжка, из которой нашим молодым писателям следует извлечь урок: не знал Демют, как распорядиться своим столь экзотическим персонажем, и убил его. Прием в литературе известный: когда автор не знает, что делать с героем, он его убивает. В повести Исходный Комплекс сыграл роль «бога из машины», устранившего

неполадку в двигателе космического корабля. Такого рода произведения бывают часто более полезны, чем те, в которых все отточено, высчитано, все, кажется, стоит на своем месте. Читатель, особенно склонный к художественному мышлению, может доопределить ситуацию.

Космос... Что ожидает человека в его глубинах? Великие испытания, необычайная экзотика (как в рассказе А. Порджеса «Погоня»), тяжелый труд и нелегкие победы над собой, над временем, над пространством? Все это будет. Будут и встречи с такими явлениями, о которых мы сегодня не можем даже предполагать. От этого и отталкивается научная фантастика.

Р. Брэдбери в «Уснувшем в Армагеддоне» материализует сразу несколько метафор. Одна из них гласит (воспользуемся известным высказыванием К. Маркса): «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых». Да, высадившись на неведомой планете, космонавты никогда не будут знать, с чем столкнутся. А что, если планета с умершей цивилизацией может быть населена не только смертоносными бактериями, но и призраками, тенями ушедшей культуры? Брэдбери впечатляюще рисует призраки милитаризма, поселяющиеся в мозгу спящего человека и убивающие его.

В повести «Лед и пламя» Брэдбери мы видим модель мира, в котором время течет ускоренно. За восемь дней люди успевают прожить целую жизнь. Картины стремительного развития и умирания человека детализированы и описаны очень достоверно. Ведь и наши 80—90 лет для неких разумных существ могут быть теми же восемью днями! Ибо нет пока большей загадки, чем загадка времени. Что есть время? Локально оно или всеобще? При каких условиях оно может ускорять свой бег, при каких замедлять? Растягиваться? Фантасты своими художественными моделями, в которых нет математических выкладок, но есть образы, помогают ученым в разгадке тайны.

Одно из следствий теории относительности демонстрирует нам Урсула Ле Гуин в рассказе «Ожерелье». Одна ночь равняется девяти годам. Ночь поиска драгоценности. Ночь, которой оказывается достаточно для полета со скоростью света на далекую планету, а за это время на родной планете Семли проходит девять лет. Печальная и странная история о принцессе, напоминающая старые сказки. Сама героиня не постарела, а когда вернулась домой, то застала взрослой свою дочь, которая

была маленькой в день отлета. Эта относительность времени использовалась в народных сказках задолго до открытия теории относительности, которую на разные лады обыгрывают сегодня писатели-фантасты. Переводы рассказов Брэдбери и Урсулы Ле Гуин сохраняют всю свежесть подлинника, они поэтичны и музыкальны.

Тема космоса, как правило, включает в себя тему контакта. Высаживаясь на других планетах, люди будут встречаться с иными разумными существами. Научная фантастика создала множество вариантов и стереотипов контакта — от недоразумений, конфликтов и войн до всевозможных видов межпланетных связей и отношений. Тема контакта хороша тем, что позволяет писателю создавать другие миры, которые наделяются своей историей, культурой, словом, всем тем, чем характеризуется развитая цивилизация. Разумеется, в любом случае фантасты отталкиваются от земной. Только намек делает Лестер дель Рей на уровень развития некоей цивилизации обитателей Луны, от которой остался только один представитель. Можно порассуждать и о том, почему эта цивилизация выродилась: не потому ли, что не заботилась о среде обитания, буквально съела столь необходимый для продолжения жизни элемент — медь... И не так ли мы сейчас поступаем на Земле со многими жизненно важными веществами?

Непонятное, но явно безобидное существо прилетает из глубин космоса на Землю в рассказе Э. Рассела. Обращаем внимание читателя на форму рассказа, разительно контрастирующую с его содержанием. Даже больше, рассказ этот может служить хрестоматийным литературоведческим примером по теме формы и содержания. Судебное разбирательство, прием диалога, порой довольно жесткого, поскольку затрагивается такое святое для буржуазного общества понятие, как собственность, и доброта, излучаемая пришельцем, который в конце концов решает помочь слепому человеку, стать его глазами, поводырем.

Космос... Он принесет человеку, выходящему в этот пока еще чуждый ему мир, новые опасности. Здесь, на Земле, мы не любим ночной темноты, которая кажется нам враждебной; идя по лесу ночью, мы чувствуем себя беззащитными. Этот страх передали нам наши далекие предки, вместе со страхом высоты, пустого пространства и т. п. Какое же время должно пройти, чтобы человек

смог справиться со страхами космическими? Важную роль в этом может сыграть и «земная подготовка», генетическая память. Модели различных опасностей рисует в своих рассказах Э. Нортон. Писательница умело пользуется сказочной и чисто приключенческой атрибутикой. Скажем, рассказ «Все кошки серы» содержит в себе мотив клада, сокровищ, охраняемых чудовищем.

Дж. Питт в рассказе «Возвращение Реда Спида» рисует наиболее вероятную, почти реалистическую картину опасности, угрожающей человеку в космосе. Кстати, мы, запуская к Венере и Марсу свои корабли, проводим весьма тщательную их дезинфекцию, чтобы не занести в атмосферы этих планет земные вирусы и бактерии. То, что разные виды жизни в космосе могут «не принять» друг друга,— один из весьма серьезных прогнозов научной фантастики. Земные условия оказываются смертельными для марсиан в романе Г. Уэллса «Война миров», странных существ в повести Жозефа Рони-старшего «Ксипехузы». Ред Спид также заразился какой-то болезнью, попав со своим кораблем в зеленые облака, зеленую плазму. Во вступлении к роману «Дневник, найденный в ванне» Ст. Лем говорит, что из космоса были занесены некие бактерии, которые быстро сожрали на Земле всю бумагу. Это оказалось гибельным для истории. Историческая память превратилась в смутные и загадочные легенды. В преддверии все более широкого выхода человечества в космос следует еще раз обратиться к земному опыту борьбы с различными болезнями, проанализировать его с различных точек зрения.

Мир фантастического произведения — это, с одной стороны, terra incognita, лежащая за пределами человеческого опыта; с другой стороны, это порождение опыта человека, совокупность достоверных деталей, которые дополняются воображением писателя; так возникает небывалое или невозможное (пока). Вряд ли можно согласиться с тем, что только писатель-реалист берет детали из собственного опыта, а фантаст — все выдумывает. Как сказал А. Толстой, «в фантастике главное — достоверность невероятного», и добиться такой достоверности можно лишь тогда, когда невероятное подается читателю в обрамлении хорошо знакомого, близкого, легко узнаваемого.

Фантастические сюжеты вырастают из реальных впечатлений; и вот уже Фредерик Пол пишет роман, связан-

ными с событиями в Чернобыле. Роман — фантастика, но основан на конкретном материале действительности, который писатель получил, побывав на месте трагедии, встретившись с участниками драматических событий.

В рассказе У. Ле Гуин «Девять жизней» находим и тему вмешательства в организм человека, и тему цели освоения космоса — что мы будем брать на других планетах, в частности, не населенных и лишенных разумной жизни. Громадный риск, жертвы — все окупается мужеством добровольцев и необходимостью для цивилизации Земли урановой руды. Тема тяжелого и опасного, но необходимого труда широко представлена в мировой литературе. Научная фантастика добавляет этой теме особый привкус сверхромантики, небывалого мужества героев.

Особое очарование фантастике придают игра и улыбка, хотя в полной мере удается это только подлинному мастеру. Таковым и является Р. Шекли. Немногие писатели-фантасты могут сравняться с ним в безудержности фантазии, живости и игре воображения. В самом деле, живет себе человек, обыкновенный средний американец — и вдруг оказывается вовлеченным в настоящую фантасмагорию. Кармоди носится с планеты на планету, погружается в разные эпохи, но не может избавиться от своего врага-преследователя. Врага этого можно истолковать различно: это и быт, и мещанство, когда весь мир становится ловушкой, если за душой нет ничего твердого и определенного. Но это твердое, нравственное начало постепенно крепнет в душе Кармоди... Не зря Сизрайт говорит: «Запомните: все доброе действует открыто. Все злое непременно хитрит, трусливо прикрываясь иллюзиями, масками, грезами». И действительно, всякий раз, когда Кармоди поддается привычным иллюзиям самого обыкновенного мещанского свойства, он тут же почти попадает в пасть хищника... Словом, сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок! Эта мораль русской народной сказки вполне подходит к «Координатам чудес» Р. Шекли.

Казалось бы, особняком в сборнике стоит рассказ Дж. Полларда «Заколдованный поезд». В нем нет космических страхов и ужасов, но он написан с тою же внутренней улыбкой, что и «Координаты чудес» Шекли. В нем имеется вполне определенная мораль (что даже заставляет, читая рассказ, вспомнить Гоголя). А мораль эта

такова: мужчины должны уважать женщин, своих жен. Только и всего. А для этого тоже нужно покорить космос — человеческой души. И многие женщины, чтобы это было так, охотно прибегли бы к услугам и ведьм, и другой нечистой силы!

Космос... Все-таки человек выйдет в космос. Он достигнет других планет и звезд, оснует там свои поселения, обживется и снова пойдет дорогой познания — туда, где, возможно, начинается *нечто совсем иное*... Тут мы остановимся — дальше должны говорить фантасты, но путь человека бесконечен, ибо остановка для него равнозначна смерти, и только движение вперед есть жизнь.

Геннадий Ануфриев,
Станислав Солодовников

Урсула Ле ГУИН
Артур ПОРДЖЕС
Роберт ХАЙНЛАЙН
Джордано ПИТТ
Мишель ДЕМЮТ
Эндри НОРТОН

Пасынки вселенной

Урсула Ле ГУИН

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ

Внутри она была живой, а снаружи мертвой, ее черное лицо было покрыто густой сетью морщин, шрамов и трещин. Она была лысой и слепой. Судороги, искажавшие лицо Либры, были лишь слабым отражением порока, бушевавшего внутри. Там, в черных коридорах и залах, веками бурлила жизнь, порождая кошмарные химические соединения.

— У этой чертовой планеты нелады с желудком,— проворчал Пью, когда купол пошатнулся и в километре к юго-западу прорвался пузырь, разбрызгав серебряный гной по закатному небу. Солнце садилось уже второй день.— Хотел бы я увидеть человеческое лицо.

— Спасибо,— сказал Мартин.

— Конечно, твое лицо — человеческое,— ответил Пью.— Но я так долго на него смотрю, что перестал замечать.

В коммуникаторе, на котором работал Мартин, раздались неясные сигналы, заглохли и затем уже возникло лицо и голос. Лицо заполнило экран — нос ассирийского царя, глаза самурая, бронзовая кожа и стальные глаза. Лицо было молодым и величественным.

— Неужели так выглядят человеческие существа? — удивился Пью.— А я и забыл.

— Заткнись, Оуэн. Мы выходим на связь.

— Исследовательская база Либра, вас вызывает корабль «Пассерина».

— Я Либра. Настройка по лучу. Опускайтесь.

— Отделение от корабля через семь земных секунд. Ждите.

Экран погас, и по нему побежали искры.

— Неужели они все так выглядят? Мартин, мы с тобой куда уродливее, чем я думал.

— Заткнись, Оуэн.

В течение двадцати двух минут Мартин следил за спускающейся капсулой по приборам, а затем они увидели ее сквозь крышу купола — падающую звездочку на кроваво-красном небосклоне. Она опустилась тихо и спокойно — в разреженной атмосфере Либры звуки были почти не слышны. Пью и Мартин защелкнули шлемы скафандров, закрыли люки купола и громадными прыжками, словно прославленные артисты балета, помчались к капсуле. Три контейнера с оборудованием снизились с интервалом в четыре минуты в сотне метров друг от друга.

— Выходите,— сказал по рации Мартин,— мы ждем у дверей.

— Выходите, здесь чудесно пахнет метаном,— сказал Пью.

Люк открылся. Молодой человек, которого они видели на экране, по-спортивному выпрыгнул наружу и опустился на зыбкую пыль и гравий Либры. Мартин пожал ему руку, но Пью не спускал глаз с люка, в котором появился другой молодой человек, таким же прыжком опустившийся на землю, затем девушка, спрыгнувшая точно так же. Все они были высокие, черноволосые, с такой же бронзовой кожей и носами с горбинкой. Все на одно лицо. Четвертый выпрыгнул из люка...

— Мартин, старик,— сказал Пью,— к нам прибыл клон.

— Правильно,— ответил один из них.— Мы — десятиклон. По имени Джон Чоу. Вы лейтенант Мартин?

— Я Оуэн Пью.

— Альваро Гильен Мартин,— представился Мартин, слегка поклонившись.

Еще одна девушка вышла из капсулы. Она была так же прекрасна, как остальные. Мартин смотрел на нее, и глаза у него были, как у перепуганного коня. Он был потрясен.

— Спокойно,— сказал Пью на аргентинском диалекте.— Это всего-навсего близнецы...

Он стоял рядом с Мартином. Он был доволен собой.

Нелегко встретиться с незнакомцем. Даже самый уверенный в себе человек, встречая самого робкого незнакомца, ощущает известные опасения, хотя он сам об этом может и не подозревать. Оставит ли он меня в дураках? Поколеблет ли мое мнение о самом себе? Вторгнется ли в мою жизнь? Разрушит ли меня? Изменит? Будет ли

он поступать иначе, чем я? Да, конечно. В этом весь ужас: в незнании незнакомца.

После двух лет, проведенных на мертвой планете, причем последние полгода только вдвоем — ты и другой,— после всего этого еще труднее встретить незнакомца, как бы долгожданен он ни был. Ты отвык от разнообразия, потерял способность к контактам, и в сердце рождается первобытное беспокойство, оживают смутные страхи.

Клон, состоявший из пяти юношей и пяти девушек, за две минуты успел сделать то, на что обыкновенным людям потребовалось бы двадцать: поздоровался с Мартином и Пью, окинул взглядом Либру, разгрузил капсулу, приготовился к переходу под купол. Они вошли в купол и наполнили его, словно рой золотых пчел. Они спокойно гудели и жужжали, разгоняя тишину, заполняя пространство медово-коричневым потоком человеческого присутствия. Мартин растерянно глядел на длинноногих девушек, и те улыбались ему, сразу трое. Их улыбки были теплее, чем у юношей, но не менее уверенные.

— Уверенные в себе,— прошептал Оуэн Пью своему другу.— Вот в чем дело. Подумай о том, каково это — десять раз быть самим собой. Девять раз повторяется каждое твое движение, девять «да» подтверждают каждое твое согласие. Это великолепно!

Но Мартин уже спал. И все Джоны Чоу заснули одновременно. Купол наполнился их тихим дыханием. Они были молоды, они не храпели. Мартин вздыхал и храпел, его обветренное лицо разгладилось в туманных сумерках Либры. Пью высветлил купол. Внутрь заглянули звезды, среди них Солнце — великое содружество света, клон сверкающих великолепий. Пью спал, и ему снилось, что одноглазый гигант гонится за ним по трясущимся залам ада.

Лежа в спальном мешке, Пью следил за тем, как просыпается клон. Они проснулись в течение минуты, за исключением одной пары — юноши и девушки, которые спали тесно обнявшись в одном мешке. Увидев это, Пью вздрогнул, словно в нем зародился отзвук землетрясения Либры. Один из поднявшихся толкнул парочку. Они открыли глаза, и девушка села, сонная, раскрасневшаяся, не прикрыв золотых обнаженных грудей. Одна из сестер

что-то шепнула ей на ухо, девушка бросила на Пью быстрый взгляд и исчезла в спальном мешке. Кто-то буквально просверлил капитана гневным взором, с другой стороны донеслось:

— Господи, мы привыкли, чтобы в наши дела не вмешивались. Надеюсь, вы не возражаете, капитан Пью.

— Разумеется,— ответил Пью не совсем искренне.

Ему пришлось встать, он был в трусах и чувствовал себя ощипанным петухом — весь покрылся гусиной кожей. Никогда еще он так не завидовал загорелому крепкому Мартину.

Англия перенесла Великий голод сравнительно легко, выжило больше половины населения — этого удалось добиться строжайшим контролем над распределением пищи. Спекулянтов и мешочников расстреливали на месте. Делили все до последней крошки. В других, куда более богатых странах большинство умерло, тогда как некоторые благоденствовали и наживались. В Англии умирало меньше, и не наживался никто. Выжившие остались худыми, и дети их выросли худыми, и внуки тоже. Выросли поколения низкорослых, хрупких, болезненных людей. Когда закон очереди за хлебом стал определять судьбу цивилизации, англичане этот закон соблюдали и выжили не самые сильные, а самые разумные. Оуэн Пью был заморышем. Но он долетел до звезд.

За завтраком один из Джонов сказал:

— Итак, если вы проинструктируете нас, капитан Пью...

— Зовите меня Оуэном.

— Тогда мы, Оуэн, сможем выработать программу. Что нового на шахте со времени вашего последнего доклада? Мы ознакомились с вашими сообщениями, когда «Пассерина» была на орбите вокруг пятой планеты.

Мартин молчал, хотя шахта была его открытием, его детищем, и все объяснения выпали на долю Пью. Говорить с клоном было трудно. На десяти одинаковых лицах отражался одинаковый интерес, десять голов одинаково склонялись набок. Они даже кивали одновременно.

На форменных комбинезонах Службы исследований были вышиты их имена. Фамилия и первое имя у всех были общими — Джон Чоу, но вторые имена — разные. Юношей звали Алеф, Каф, Йод, Джимел и Самед. Девушек — Садэ, Далет, Зайин, Бет и Реш. Пью пытался было называть их этими именами, но тут же от этого отказался:

порой он даже не мог различить, кто из них говорит, так одинаковы были их голоса.

Мартин намазал гренок маслом, откусил кусок и наконец вмешался в разговор:

— Вы команда, не так ли?

— Правильно,— ответили два Джона одновременно.

— Ну и команда! Я даже не сразу все понял. А вы можете читать мысли друг друга?

— По правде говоря, мы совсем не умеем читать мыслей,— ответила девушка по имени Зайин. Остальные благожелательно наблюдали за ней.— Мы не знаем ни телепатии, ни чудес. Но наши мысли схожи. Мы одинаково подготовлены. Если перед нами поставить одинаковые задачи, вернее всего, мы одинаково к ним подойдем и одновременно их решим. Объяснить это просто, но обычно объяснений и не требуется. Мы редко не понимаем друг друга. И это помогает нам как команде.

— Еще бы,— сказал Мартин.— За последние полгода мы с Пью семь часов из десяти тратим на взаимное непонимание. Как и большинство людей. А в критических обстоятельствах вы можете действовать как нормаль... как команда, состоящая из отдельных людей?

— Статистика свидетельствует о том, что можем,— с готовностью ответила Зайин.

«Клоны, должно быть, обучены находить лучшие ответы на вопросы, рассуждать толково и убедительно,— подумал Пью.— На всем, что они говорят, лежит печать некоторой искусственности, высокопарности, словно ответы были заранее подготовлены для публики».

— У нас не бывает вспышек озарения, как у одиночек, мы как команда не извлекаем выгоды при обмене идеями. Но этот недостаток компенсируется другим: клоны создаются из лучшего человеческого материала, от индивидуумов с максимальным коэффициентом интеллектуальности, стабильной генетической структурой и так далее. Мы располагаем бóльшими ресурсами, чем обычные индивидуумы.

— И все это надо умножить на десять. А кто такой, вернее, кем был Джон Чоу? — спросил Мартин.

— Наверняка гений,— вежливо заметил Пью. Клоны явно не были для него новинкой и интересовали его меньше, чем Мартина.

— Он был многогранен, как Леонардо,— сказал Йод.— Биоматематик, а также виолончелист и подвод-

ный охотник, интересовался структурными проблемами и многим другим. Он умер раньше, чем успел разработать свои основные теории.

— И теперь каждый из вас представляет собой какой-то один аспект его разума, его таланта?

— Нет,— ответила Зайин, покачав головой одновременно с несколькими братьями и сестрами.— У всех у нас схожие мысли и устремления, мы все инженеры Службы планетных исследований. Другой клон может быть подготовлен для того, чтобы освоить иные аспекты личности Чоу. Все зависит от обучения — генетическая субстанция идентична. Все мы — Джон Чоу. Но учат каждого из нас по-разному.

Мартин был потрясен.

— Сколько вам лет?

— Двадцать три.

— Вы сказали, что он умер молодым; значит, половые клетки были взяты у него заранее или как?

Ответить взялся Джимел.

— Он погиб двадцати четырех лет в авиационной катастрофе. Мозг его спасти не удалось, так что пришлось взять клетки внутренних органов и подготовить их к клонированию. Половые клетки для клонирования не годятся — в них только половинный набор хромосом. Внутренние клетки могут быть обработаны таким образом, что они становятся основой нового организма.

— И все вы — обломки одного кирпича,— громко заявил Мартин.— Но как же... Ведь некоторые из вас — женщины?

Теперь ответила Бет:

— Это несложно — запрограммировать половину массы клона для воспроизведения женского организма. Удалите из половины клеток мужские гены, и они вернутся к исходному состоянию, то есть к женскому началу. Труднее добиться обратного эффекта и создать искусственную у-хромосому. Так что клонирование происходит в основном от мужского донора — клоны, состоящие из обоих полов, лучше функционируют.

— Методы производства и функционирования клонов были очень тщательно разработаны,— сказал Джимел.— Налогоплательщик не желает, чтобы его деньги кидали на ветер. Манипуляции с клетками, инкубация в плаценте Нгама, содержание и подготовка групп приемных роди-

телей — все это привело к тому, что мы стоим каждый по три миллиона.

— А что касается следующего поколения,— не сдавался Мартин.— Я полагаю... вы размножаетесь?

— Мы, женщины, стерильны,— спокойно ответила Бет.— Как вы помните, из наших первоначальных клеток удалена у-хромосома. Мужчины могут вступать в контакт с обыкновенными женщинами, если, конечно, захотят. Но, для того чтобы снова создать Джона Чоу в нужном количестве копий и в нужное время, приходится брать клетку от клона — этого клона, нашего клона.

Мартин сдался. Он кивнул и дожевал остывший гренок.

— Ну что ж,— сказал один из Джонов. И тут же настроение клона изменилось, словно стая скворцов единым неуловимым взмахом крыльев изменила направление полета, следуя за вожаком, которого человеческий глаз не в силах различить. Они были готовы приняться за дело.— Разрешите взглянуть на шахту? А потом мы разгрузим оборудование. Мы привезли любопытные новые машины. Вам, без сомнения, будет интересно на них взглянуть.

Если бы даже Пью и Мартин не согласились с предложением Джонов, признаться в этом им было бы нелегко. Джоны были вежливы, но единодушны: то, что они решали, неукоснительно выполнялось. Пью, начальник базы Либра-2, почувствовал, как мурашки пробежали по его спине. Сможет ли он командовать группой из десяти суперменов? И при этом гениев?

Когда они выходили, Пью держался поближе к Мартину. Оба молчали.

Расположившись в трех больших флаерах — по четверо в каждом,— они помчались к северу над серой под звездным светом, морщинистой кожей Либры.

— Пустынно,— сказал один из Джонов.

Во флаере Пью и Мартина сидели юноша и девушка. Пью подумал, не они ли спали прошлой ночью в одном мешке. Пожалуй, если он спросит об этом, они ответят без стеснения. Вернее всего, секс для них так же естествен, как дыхание. «Это вы дышали прошлой ночью?»

— Да,— ответил Пью,— здесь пустынно.

— Мы первый раз в космосе, не считая практики на Луне.— Голос девушки был выше и мягче, чем у юноши.

— Как вы перенесли прыжок?

— Нам дали наркотик. А мне бы хотелось самому ис-

пытать, что это такое,— ответил юноша. Его голос дрогнул. Казалось, личность их проявлялась больше, когда они остались вдвоем. Неужели повторение индивидуума отрицает индивидуальность?

— Не расстраивайтесь,— сказал Мартин, управлявший вездеходом.— Вы не ощутили бы вневременного перехода, там и ощущать-то нечего.

— А все-таки мне хотелось бы попробовать,— ответил юноша,— тогда бы мы знали.

На востоке опухолями возникли горы Мерионета, на западе поднялся столб замерзающего газа, и флаер опустился на землю. Близнецы вздрогнули от толчка и протянули руки, словно стараясь предохранить друг друга. «Твоя кожа — моя кожа, в буквальном смысле этого слова»,— подумал Пью. Интересно, какие чувства испытываешь, когда на свете есть кто-то, столь близкий тебе? Если ты спрашиваешь, тебе всегда ответят, если тебе больно, кто-то рядом разделит твою боль. Возлюби ближнего своего, как самого себя... Древняя неразрешимая проблема разрешена. Сосед твой — ты сам. Любовь достигла совершенства.

А вот и шахта, Адская Пасть.

Пью был космогеологом Службы исследований. Мартин — техником и картографом при нем. Но когда в ходе разведки Мартин обнаружил месторождение урана, Пью полностью признал его заслуги, а заодно возложил на него обязанности по разведке залежей и планированию работы для исследовательской команды. Этих ребят отправили с Земли задолго до того, как там был получен доклад Мартина, и они не подозревали, чем будут заниматься, пока не прилетели на Либру. Служба исследований попросту регулярно отправляла исследовательские команды, подобно одуванчику, разбрасывающему семена, зная наверняка, что им найдется работа если не на Либре, то на соседней планете или еще на какой-то, о которой они и не слышали. Правительство слишком нуждалось в уране, чтобы ждать, когда до Земли за несколько световых лет дойдут сообщения. Уран был, как золото, старомоден, но необходим, он стоил того, чтобы его добывали на других планетах и отправляли на Землю. «Он стоит того, чтобы менять его на людские жизни»,— невесело думал Пью, наблюдая за тем, как высокие юноши и девушки, облитые светом звезд, друг за другом входили в черную дыру, которую Мартин назвал Адской Пастью.

Когда они вошли в шахту, рефлекторы на их шлемах загорелись ярче. Двенадцать качающихся кругов света плыли по влажным морщинистым стенам. Пью слышал, как впереди потрескивал счетчик радиации Мартина.

— Здесь обрыв,— раздался голос Мартина по внутренней связи, заглушив треск и окружавшую их мертвую тишину.— Мы прошли по боковому туннелю, впереди вертикальный ход.— Черная пропасть простиралась в бесконечность, лучи фонарей не достигали противоположной стены.— Вулканическая деятельность прекратилась здесь примерно две тысячи лет назад. Ближайший сброс находится в двадцати восьми километрах к востоку, в траншее. Эта область сейсмически не более опасна, чем любая другая в нашем районе. Могучий слой базальта, перекрывающий субструктуру, стабилизирует ее, по крайней мере пока он сам стабилен. Ваша основная жила находится внизу, в тридцати шести метрах отсюда, и тянется через пять пустот к северо-востоку. Руда в жиле очень высокого качества. Надеюсь, вы знакомы с данными разведки? Добыча урана не представляет трудности. От вас требуется только одно — вытащить руду на поверхность.

— Поднимите крышку и выньте.

Смешок. Зазвучали голоса, но все они были одним голосом:

— Может, ее сразу вскрыть? Так безопаснее. Открытая разработка.

— Но это же сплошной базальт! Какой толщины? Десять метров?

— От трех до двадцати, если верить докладу.

— От взрыва руда разлетится вокруг.

— Используем этот туннель, расширим, выпрямим и уложим рельсы для роботачек.

— Ослов бы сюда завести.

— А хватит ли у нас стоек?

— Мартин, каковы, по вашему мнению, запасы месторождения?

— Пожалуй, от пяти до восьми миллионов килограммов.

— Транспорт прибудет через десять земных месяцев.

— Будем грузить только чистый уран.

— Нет, проблема транспортировки грузов теперь разрешена; ты забыл, что мы уже шестнадцать лет как улетели с Земли? В прошлый вторник исполнилось шестнадцать лет.

— Правильно, они погрузят руду и очистят ее на земной орбите.

- Мы спустимся ниже, Мартин?

- Спускайтесь. Я там уже был.

Первый из них — кажется, Алеф — скользнул по лестнице вниз. Остальные последовали за ним. Пью и Мартин остались на краю пропасти. Пью настроил рацию на избирательную связь с Мартином и заметил, что Мартин сделал то же. Было чуть утомительно слушать, как один человек рассуждает вслух десятью голосами. А может, это был один голос, выражавший мысли десятерых?

— Ну и утроба,— сказал Пью, глядя в черную пропасть, туда, где изрезанные жилами, морщинистые стены отражали лучи фонарей далеко внизу.— Коровий желудок, набитый окаменелым дерьмом.

Счетчик Мартина попискивал, как потерявшийся цыпленок. Они стояли внутри умиравшей планеты-эпилептика, дыша кислородом из баллонов, они были одеты в нержавеющие антирадиационные скафандры, способные выдержать перепады температур в двести градусов, не подвластные ударам и разрывам, созданные для того, чтобы любой ценой сберечь мягкую плоть, заключенную внутри.

— Хотел бы я когда-нибудь попасть на планету, где нечего было бы исследовать.

— А тебе досталась такая.

— Тогда в следующий раз лучше не выпускай меня из дому.

Пью был рад. Он надеялся, что Мартин согласится и дальше работать вместе с ним, но оба они не привыкли говорить о своих чувствах, и потому он не решался спросить об этом.

— Постараюсь,— сказал он.

— Ненавижу это место. Ты знаешь, я люблю пещеры. Потому я сюда и залез. Страсть к спелеологии. Но эта пещера — дрянь. Серьезно. Здесь ни на секунду нельзя расслабиться. Хотя, надеюсь, эти ребята с ней справятся. Они свое дело знают.

— За ними будущее, каким бы оно ни было,— сказал Пью.

«Будущее» карабкалось по лестнице, увлекло Мартина к выходу из пещеры и засыпало его вопросами.

— У нас хватит материала для крепления?

— Если мы переоборудуем один из сервоэкстракторов, то да.

— Мини-взрывов будет достаточно?

— Каф может рассчитать нагрузки...

Пью переключил рацию на прием их голосов. Он наблюдал за ними, смотрел на Мартина, молча стоявшего среди них, на Адскую Пасть и морщинистую равнину.

— Все в порядке? Мартин, ты согласен с предварительным планом?

— Это уж твое дело,— ответил Мартин.

За пять дней Джоны разгрузили и подготовили оборудование и начали работу в шахте. Они работали не покладая рук. Пью был зачарован и даже напуган такой эффективностью, равно как и их уверенностью и независимостью. Они в нем совершенно не нуждались. «Клон и в самом деле можно считать первым полностью стабильным самостоятельным человеческим существом»,— думал он. Выросши, они уже не нуждаются ни в чьей помощи. Они будут сами себя удовлетворять и в физическом, и в интеллектуальном, и в эмоциональном отношении. Что бы ни делал один член этой группы, он всегда будет пользоваться полной поддержкой и одобрением остальных. Никто больше им не нужен.

Двое из клона, занятые вычислениями и всякой писаниной, остались в куполе, но часто выбирались на шахту для измерений и испытаний. Это были математики, Зайин и Каф. Как объяснила Зайин, все десятеро получили достаточную математическую подготовку в возрасте от трех до двадцати одного года. Но с двадцати одного до двадцати трех они с Кафом специализировались в математике, тогда как другие больше занимались геологией, горным делом, электроникой, робототехникой, прикладной атомистикой и тому подобным.

— Мы с Кафом считаем, что мы в клоне ближе всего к настоящему Джону Чоу,— сказала Зайин.— Но, разумеется, в основном он был биоматематиком, а это уже не наша специальность.

— Мы нужнее здесь,— заявил Каф, и в голосе его не в первый раз послышался оттенок самолюбования.

Пью и Мартин вскоре научились отличать эту пару от других. Зайин — по целостности характера, Кафа — лишь по обесцвеченному ногтю на безымянном пальце (Каф в шестилетнем возрасте ударил по пальцу молотком). Без сомнения, существовали и другие различия, как фи-

зические, так и психологические. Природа может создавать идентичное, а воспитание внесет свои поправки. Но найти эти различия было нелегко. Сложность заключалась еще и в том, что клон никогда не разговаривал с Пью и Мартином всерьез. Они шутили с ними, были вежливы. Жаловаться было не на что: они были чрезвычайно милы, но в их поведении чувствовалось стандартизованное американское дружелюбие:

— Вы родом из Ирландии, Оуэн?

— Нет никого родом из Ирландии, Зайин.

— А как же американцы ирландского происхождения? Их много.

— Это так, но настоящих ирландцев не осталось. На всем острове, насколько мне известно, живет тысячи две, не больше. Они в свое время отказались от контроля рождаемости, и запасов пищи на всех не хватило. Третий Голод пережили только священники, а они все, или почти все, придерживались обета безбрачия.

Зайин и Каф натянуто улыбнулись. Им не приходилось сталкиваться с фанатизмом, и они не понимали иронии.

— Так кто же вы этнически? — спросил Каф.

— Я валлиец.

— Вы разговариваете с Мартином на валлийском языке?

«Это тебя не касается»,— подумал Пью, но ответил:

— Нет, это диалект Мартина. Аргентинский. Ведет происхождение от испанского языка.

— Вы изучили его для того, чтобы другие вас не понимали?

— От кого нам таиться? Просто человеку иногда приятно говорить на родном языке.

— Наш родной язык английский,— сказал Каф безучастно. Да и как он мог быть участливым? Человек проявляет участие к другим потому, что сам в нем нуждается.

— Уэллс — необычная страна? — спросила Зайин.

— Уэллс? Вы имеете в виду Уэльс? Да, Уэльс необычен.— Пью включил камнерез и таким образом избавился от дальнейших расспросов, заглушив их визгом пилы. И пока прибор визжал, Пью отвернулся от собеседников и выругался по-валлийски.

— Еще два месяца терпеть,— сказал Мартин как-то вечером.

— Два месяца до чего? — огрызнулся Пью.

Последнее время он был раздражителен и угрюмость Мартина действовала ему на нервы.

— До смены.

Через шестьдесят дней возвратится вся экспедиция с обследования других планет этой системы. Пью об этом прекрасно знал.

— Зачеркиваешь дни в своем календаре? — поддразнил он Мартина.

— Возьми себя в руки, Оуэн.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал.

Они расстались, недовольные друг другом.

Проведя день в Пампе, громадной лавовой долине, до которой было два часа лета на ракете, Пью вернулся домой. Он был утомлен, но радовался одиночеству. Одному было не положено пускаться в дальние поездки, но они часто делали это в последнее время. Мартин стоял, склонившись под яркой лампой, вычерчивая одну из своих мастерски выполненных карт; на ней было изображено изуродованное язвами лицо Либры. Кроме Мартина, никого не было, и купол казался огромным и туманным, как и до приезда клона.

— Где наша Золотая Орда?

Мартин, продолжая штриховать, буркнул, что не знает. Затем выпрямился, обернулся к солнцу, гигантской красной жабой расползшемуся по восточной равнине, и взглянул на часы. Часы показывали 18.45.

— Сегодня здорово трясет,— сказал он, вновь наклоняясь над картой.— Чувствуешь? Ящики так и сыплются. Взгляни на сейсмограф.

На ролике дергалась и дрожала игла, без устали повторяя свой замысловатый танец. Во второй половине дня на ленте было зарегистрировано пять сильных землетрясений. Дважды игла самописца вылезала за ленту. Соединенный с сейсмографом компьютер выдал карточку с надписью: «Эпицентр 61″ к северу — 42′4″ к востоку».

— На этот раз не в траншее.

— Мне показалось, что оно отличается от обычных. Резче.

— На Первой базе я все ночи не спал, чувствуя, как подо мной трясет. Удивительно, как ко всему привыкаешь.

— Рехнешься, если не привыкнешь. Что на обед?

— А я думал, ты его уже приготовил.

— Я жду клона.

Чувствуя, что проиграл, Пью достал двенадцать обеденных пакетов, сунул два из них в автовар и тут же вытащил вновь.

— Кушать подано.

— Я вот что думаю,— сказал Мартин, подходя к столу.— Что если какой-нибудь клон сам себя воспроизведет? Нелегально. Сделает тысячу дубликатов, десять тысяч, целую армию. Они же смогут преспокойно захватить власть.

— Но ты забыл, сколько миллионов стоило вырастить этот клон? Искусственная плацента и все прочее. Это нелегко сделать втайне, без собственной планеты... Давно, до Голода, когда Земля была поделена между национальными правительствами, об этом шли разговоры: склонируйте, мол, своих лучших солдат, создайте полки из клонов. Но безумие кончилось раньше, чем они смогли сыграть в эту игру.

Они разговаривали дружески, совсем как прежде.

— Странно,— жуя, сказал Мартин.— Они уехали рано утром.

— Да, все, кроме Кафа и Зайин. Они надеялись доставить на поверхность первую партию руды. А что тебя беспокоит?

— Они не приехали на обед.

— Не волнуйся, с голоду не помрут.

— Они уехали в семь утра.

— Ну и что?

И тут Пью понял. Баллоны с кислородом были рассчитаны на восемь часов.

— Каф и Зайин взяли с собой запасные баллоны. А может, у них есть запас в шахте?

— Был, но они привезли сюда все баллоны на заправку.

Мартин поднялся и показал на поленницу баллонов, перегородившую купол.

— В каждом скафандре есть сигнал тревоги.

— Не автоматический.

Пью устал и хотел есть.

— Садись и поешь, старик. Они сами о себе позаботятся.

Мартин сел, но есть не стал.

— Первый толчок был очень сильным, Оуэн. Он меня даже испугал.

Пью помолчал, потом вздохнул и сказал:

— Ну, хорошо.

Без всякого энтузиазма они влезли в двухместный флаер, который всегда был в их распоряжении, и направились на север. Долгий рассвет окутал планету ядовито-красным туманом. Низкий свет и тени мешали видеть, создавали миражи — железные стены, сквозь которые свободно проникал флаер, превратили долину за Адской Пастью в низину, заполненную кровавой водой. У входа в туннель скопилось множество механизмов. Краны, сервороботы, кабели и колеса, автокопатели и подъемники причудливо выступали из тьмы, охваченные красным светом. Мартин соскочил с флаера и бросился в шахту, но тут же с криком выбежал обратно:

— Боже, Оуэн, обвал!

Пью вбежал в туннель и метрах в пяти от входа увидел блестящую мокрую черную стену. Только что обнаженная обвалом порода казалась кровоточащей плотью. Вход в туннель, расширенный взрывами, казался таким же, как раньше, пока Пью не заметил в стенах тысячи тонких трещинок. Пол был мокрым и скользким.

— Они были внутри,— сказал Мартин.

— Они и сейчас, возможно, там. Но у них наверняка найдутся запасные баллоны.

— Да ты посмотри на крышу, Оуэн! Разве ты не видишь, что натворило землетрясение?

Низкий горб породы, прежде нависавший над входом в шахту, провалился в огромную котловину. Подойдя ближе, Пью увидел, что и эта порода испещрена множеством тонких трещин. Из некоторых струился белый газ, он скапливался в образовавшейся котловине, и солнечный свет отражался от него, словно это было красноватое мутное озеро.

— Шахта ни при чем. Шахта рассчитана правильно!

Пью быстро вернулся к нему.

— Шахта ни при чем, Мартин. Слушай, не может быть, чтобы все они были внутри.

Мартин последовал за Пью и начал поиски среди искореженных машин и механизмов — вначале безучастно, но с каждой минутой все более поддаваясь беспокойству. Он обнаружил флаер, который врезался под углом в яму. Во флаере было два пассажира. Одного из них наполовину

засыпало пылью, но приборы его скафандра указывали на то, что человек жив. Женщина висела на ремнях сиденья. Ноги ее были перебиты, скафандр разорван, замерзшее тело было твердым как камень. Вот и все, что им удалось найти. Как того требовали правила и обычаи, они тут же кремировали мертвую, прибегнув к лазерным пистолетам, которые носили с собой. Им никогда раньше не приходилось пускать пистолеты в ход. Пью, чувствуя, что его вот-вот стошнит, втащил другое тело в двухместный флаер и отправил Мартина с ним в купол. Затем его вырвало, он вычистил скафандр и, обнаружив неповрежденный четырехместный флаер, последовал за Мартином. Его трясло так, словно холод Либры пронизал его тело.

В живых остался Кафф. Он был в глубоком шоке. На затылке у него обнаружили шишку, но кости были целы.

Пью принес две порции пищевого концентрата и по стакану аквавита.

— Давай,— сказал он.

Мартин послушно взял стакан. Они уселись на ящики возле койки и пили аквавит.

Каф лежал не двигаясь, лицо его в обрамлении черных волос казалось восковым, губы были приоткрыты, и из них вырывалось слабое дыхание.

— Это все первый толчок, самый сильный,— сказал Мартин.— Он сдвинул горные породы. Должно быть, там находились залежи газа, как в тех формациях в тридцать первом квадрате. Но ведь ничто не указывало...

И тут земля выскользнула у них из-под ног. Вещи вокруг запрыгали, загремели, затрещали, захохотали: ха-ха-ха!

— В четырнадцать часов было то же самое,— произнес Разум дрожащим голосом Мартина, прислушиваясь к тому, как распоясывается и рушится мир. Но Безумие заставило вскочить, слушая, как проходит пароксизм, перестают плясать вещи, и кричать.

Пью перепрыгнул через разлитый аквавит и прижал Кафа к койке. Мускулистое тело отбросило его. Мартин навалился ему на плечи. Каф кричал, боролся, задыхался, его лицо почернело.

— Кислород! — скомандовал Пью. Пальцы инстинктивно отыскали нужный шприц; пока Мартин держал маску, он вонзил иглу в нервный узел, возвращая Кафа к жизни.

— Вот уж не думал, что ты это умеешь,— сказал Мартин, переводя дыхание.

— Мой отец был врачом. Но это средство не всегда помогает,— ответил Пью.— Жаль, что не пришлось допить аквавит. Не пойму — землетрясение кончилось?

— Не думай, что только тебя трясет. Толчки еще продолжаются. Хотя и слабеют.

— Почему он задыхался?

— Я не знаю, Оуэн. Загляни в книгу.

Каф стал дышать ровнее, и лицо его порозовело, только губы по-прежнему оставались темными.

Они наполнили бокалы бодрящим напитком и вновь сели возле него, раскрыв медицинский справочник.

— Под рубриками «шок» или «ушиб» ничего не говорится о цианозе или удушье. Но не мог же он чего-нибудь наглотаться — ведь на нем скафандр,— Пью с досадой бросил книгу на ящик.— Этот справочник нам так же полезен, как «Бабушкина книга о лекарственных травах»...

Книга не долетела — видимо, либо Пью, либо ящик еще не обрели спокойствия.

— Почему он не подал сигнала?

— Не понял.

— У тех восьми, что остались в шахте, не было на это времени. Но ведь он-то и девушка находились наверху. Может, она стояла у входа и ее засыпало камнями. Каф же оставался снаружи, возможно в дежурке. Он вбежал в туннель, вытащил ее, привязал к сиденью флаера и поспешил к куполу. И за все это время ни разу не нажал кнопку тревоги. Почему?

— Наверное, из-за удара по голове. Вряд ли он вообще осознал, что девушка мертва. Он потерял рассудок. Но даже если он и соображал, не думаю, чтобы он стал нам сигналить. Они ждали помощи только друг от друга.

Лицо Мартина напоминало индейскую маску с глубокими складками у рта и глазами цвета тусклого антрацита.

— Ты прав. Представляешь, что он пережил, когда началось землетрясение и он оказался снаружи, один...

В ответ Каф закричал.

Он свалился с койки, задыхаясь, судорожно размахивая рукой, сшиб Пью, дополз до кучи ящиков и упал на пол. Губы его были синими, глаза побелели. Мартин снова втащил его на койку, дал вдохнуть кислорода и скло-

нился над Пью, который приподнялся, вытирая кровь с рассеченной скулы.

— Оуэн, ты жив? Что с тобой, Оуэн?

— Я думаю, все в порядке,— сказал Пью.— Зачем ты трешь мне физиономию этой штукой?

Он показал на обрывок перфоленты, измазанный кровью. Мартин отшвырнул его.

— Мне показалось, что это полотенце. Ты разбил щеку об угол ящика.

— У него прошел припадок?

— По-моему, да.

Они посмотрели на Кафа, лежавшего неподвижно. Его зубы казались белой полоской между черными приоткрытыми губами.

— Похоже на эпилепсию. Может быть, поврежден мозг?

— Вкатить ему дозу мепробамата?

Пью покачал головой.

— Я не знаю, что было в противошоковом уколе. Не хотелось бы давать слишком большую дозу.

— Может, он проспится и все пройдет?

— Я и сам бы не прочь поспать. Еле на ногах держусь.

— Тебе нелегко пришлось. Иди, а я подежурю.

Пью промыл порез на щеке, снял рубашку и остановился.

— А вдруг мы могли что-то сделать — хоть попытаться.

— Они умерли,— мягко, но настойчиво сказал Мартин.

Пью улегся поверх спального мешка и вскоре проснулся от страшного клокочущего звука. Он встал, пошатываясь, нашел шприц, трижды пытался ввести его, но это ему никак не удавалось. Затем начал массировать сердце Кафа.

— Дуй ему в рот! — приказал он, и Мартин подчинился.

Наконец Каф резко втянул воздух, пульс его стал равномерным, напряженные мышцы расслабились.

— Сколько я спал? — спросил Пью.

— Полчаса.

Они стояли, обливаясь потом. Земля содрогалась, купол то покачивался, то сжимался. Либра снова вытанцовывала свою проклятую польку, свой танец смерти. Солнце, поднявшись повыше, стало еще больше и краснее;

скудная атмосфера была насыщена газом и пылью.

— Что с ним творится, Оуэн?

— Боюсь, что он умирает вместе с ними.

— С ними... Но они мертвы, все до единого, я же сказал.

— Девять умерло. Раздавлены или задохнулись. Но все они в нем, и он в каждом из них. Они умерли, и теперь он умирает их смертями, одной за другой.

— Господи, какой ужас!

Следующий приступ был примерно таким же, но пятый — гораздо хуже. Каф рвался и бился, силясь что-то сказать, но слов не было, словно рот его набили камнями и глиной. После этого приступы стали слабее. Но и сам Каф ослаб. Восьмой приступ начался в половине пятого. Пью и Мартин бились целый час, стараясь удержать жизнь в теле, которое без сопротивления уплывало в царство смерти. Им это удалось, но Мартин сказал, что следующего приступа Каф не переживет. Так бы оно и вышло, но Пью, прижавшись ртом к его рту, нагнетал и нагнетал воздух в опавшие легкие, пока сам не потерял сознания.

Когда он очнулся, купол матово светился, хотя свет не горел. Пью прислушался и уловил дыхание двух спящих мужчин. Потом он заснул, и его разбудил только голод.

Солнце поднялось высоко над темными равнинами, и планета прекратила свой чудовищный танец. Каф спал. Пью и Мартин пили крепкий чай и глядели на него с торжеством собственников.

Но вот он проснулся. Мартин подошел к нему.

— Как себя чувствуешь, дружище?

Ответа не последовало. Пью занял место Мартина и заглянул в карие тусклые глаза, которые глядели на него, но ничего не выражали. Как и Мартин, он сразу отвернулся. Затем подогрел концентрат и принес Кафу.

— Выпей.

Мышцы на шее Кафа напряглись.

— Дайте мне умереть,— сказал юноша.

— Ты не умрешь.

Каф сказал, четко выговаривая слова:

— Я на девять десятых мертв. У меня нет сил, чтобы жить дальше.

Это подействовало на Пью, но он решил сражаться до конца.

— Нет,— сказал он тоном, не терпящим возражений.— Они мертвы. Другие. Твои братья и сестры. Ты —

не они. Ты жив. Ты — Джон Чоу. Твоя жизнь в твоих собственных руках.

Юноша лежал неподвижно, глядя в темноту, которой не было.

Мартин и Пью с запасными роботами по очереди отправлялись на экспедиционном тягаче к Адской Пасти, чтобы спасти оборудование, уберечь его от зловещей атмосферы Либры, потому что ценность этого оборудования выражалась поистине в астрономических цифрах. Дело двигалось медленно, но они не хотели оставлять Кафа одного. Тот, кто оставался в куполе, возился с бумагами, а Каф сидел или лежал, глядя в темноту, и молчал. Дни проходили в тишине.

В приемнике что-то затрещало, и тут же заговорило радио:

— Корабль на связи. Через пять недель будем на Либре, Оуэн. Точнее, по моим расчетам, через тридцать четыре земных дня и девять часов. Как дела под куполом?

— Плохо, шеф. Исследовательская команда погибла в шахте. Все, кроме одного. Было землетрясение. Шесть дней назад.

Радио щелкнуло, и в него ворвались звуки космоса. Пауза — шестнадцать секунд. Корабль был на орбите вокруг второй планеты.

— Все, кроме одного, погибли? А вы с Мартином невредимы?

— Мы в порядке, шеф.

Тридцать две секунды молчания.

— «Пассерина» оставила нам еще одну исследовательскую команду. Я могу перевести их на объект Адская Пасть вместо квадрата семь. Мы уладим это, когда прилетим. В любом случае сменим тебя и Мартина. Держитесь. Что-нибудь еще?

— Больше ничего.

Еще тридцать две секунды...

— Тогда до свидания, Оуэн.

Каф слышал весь разговор, и позднее Пью сказал ему:

— Шеф может попросить тебя остаться со следующей исследовательской командой. Ты ведь знаешь здешнюю обстановку.

Зная порядки в Дальнем Космосе, он хотел предупредить юношу.

Каф не ответил. С тех пор как он сказал: «У меня нет сил, чтобы жить дальше», он не произнес ни слова.

— Оуэн,— сказал Мартин по внутренней связи.— Он сломался. С ума сошел.

— Он неплохо выглядит для человека, который девять раз умер.

— Неплохо? Как выключенный андроид! У него не осталось никаких чувств, кроме ненависти. Загляни ему в глаза.

— Это не ненависть, Мартин. Послушай, это правда, что в определенном смысле он мертв. Я и представить себе не могу, что он чувствует. Он нас даже не видит. Здесь слишком темно.

— Случается, в темноте перерезают глотки. Он нас ненавидит, потому что мы — не Алеф и не Йод.

— Может быть. Но я думаю, что он одинок. Он нас не видит и не слышит. Это верно. Раньше ему и не требовалось никого видеть. Никогда до этого он не знал одиночества. Он разговаривал сам с собой, видел самого себя, жил с самим собой, жизнь его было полна девятью «я». Он не понимает, каково это — жить самому по себе. Он должен научиться. Дай ему время.

Мартин покачал головой.

— Сломался,— сказал он.— И когда ты остаешься с ним один на один, помни, что ему ничего не стоит свернуть тебе шею одной рукой.

— Это он может,— улыбнулся Пью.

Они стояли возле купола, программируя серворобота для починки сломанного тягача. Оттуда им был виден Каф под яйцевидным куполом, напоминавший муху в янтаре.

— Передай-ка мне вкладыш. Почему ты решил, что ему станет лучше?

— Он — сильная личность, можешь в этом не сомневаться.

— Сильная личность? Обломок личности. Девять десятых ее мертвы. Он же сам сказал.

— Но он-то не мертв. Он — живой человек по имени Джон Каф Чоу. Воспитание его было необычным, это правда, но в конце концов каждый юноша рано или поздно расстается со своей семьей. Он тоже это сделает.

— Что-то не похоже.

— Пораскинь-ка мозгами, Мартин. С какой целью люди придумали клонирование? Для обновления земной

расы. Мы ведь не лучшие ее представители. Взять хотя бы меня. Мои интеллектуальные и физические данные вдвое хуже, чем у Джона Чоу. Но Земля так нуждалась во мне, что, когда я изъявил желание работать здесь, мне вставили искусственное легкое и ликвидировали близорукость. Будь на Земле избыток здоровых молодых парней, разве ей потребовались бы услуги близорукого валлийца с одним легким?

— Вот уж не знал, что у тебя искусственное легкое.

— Теперь будешь знать. Не жестяное легкое, а человеческое, часть чужого тела, выращенная искусственно, точнее говоря, склонированная. Так в медицине делают органы-заменители. С помощью клонирования, только не полного, а частичного. Теперь это мое собственное легкое. Но я хотел сказать о другом: сегодня слишком много таких, как я, и слишком мало таких, как Джон Чоу. Ученые пытаются поднять уровень генетического резервуара человечества, который после опустошительных Голодов превратился в мелкую лужу. Поэтому мы знаем, что если человек клонирован, то это наверняка сильная и умная личность. Разве не логично?

Мартин хмыкнул. Серворобот загудел, разогреваясь.

Каф мало ел. Ему трудно было глотать пищу, он давился и отказывался от еды после нескольких глотков. Он потерял в весе восемь или десять килограммов. Но недели через три к нему начал возвращаться аппетит, и в один прекрасный день он занялся разборкой имущества клона, переворошил спальные мешки, сумки, бумаги, которые Пью аккуратно сложил в конце прохода между ящиками. Он рассортировал все, сжег кипу бумаг и мелочей, собрал остатки в небольшой пакет и снова погрузился в молчание.

Еще через два дня он заговорил. Пью пытался избавиться от дрожания ленты в магнитофоне, но у него ничего не получалось. Мартин улетел на ракете проверять карту Пампы.

— Черт возьми! — воскликнул Пью, и Каф отозвался голосом, лишенным выражения:

— Хотите, чтобы я это сделал?

Пью вскочил, но тут же взял себя в руки и передал аппарат Кафу. Тот разобрал его, потом собрал и оставил на столе.

— Поставь какую-нибудь ленту,— сказал Пью как можно естественнее, склонившись над соседним столом.

Каф взял первую попавшуюся ленту. Это оказался

хорал. Каф лег на койку. Звуки сотен человеческих голосов заполнили купол. Каф лежал неподвижно. Лицо его ничего не выражало.

В последующие дни он выполнил еще несколько дел, хотя никто его об этом не просил. Он не делал ничего, что потребовало бы инициативы с его стороны, и если его просили о чем-нибудь, он попросту не реагировал на просьбу.

— Он поправляется,— сказал Пью, обращаясь к Мартину на аргентинском диалекте.

— Нет. Он превращает себя в машину. Делает лишь то, на что запрограммирован, и не реагирует на остальное. Это хуже, чем если бы он совсем ничего не делал. Он уже не человек.

Пью вздохнул.

— Спокойной ночи,— сказал он по-английски.— Спокойной ночи, Каф.

— Спокойной ночи,— ответил Мартин.

Каф не ответил.

На следующее утро за завтраком Каф протянул руку над тарелкой Мартина, чтобы достать гренок.

— Почему ты меня не попросил? — вежливо сказал Мартин, подавляя раздражение.— Я бы передал.

— Я и сам могу достать,— ответил Каф бесцветным голосом.

— Да, можешь. Но послушай: передать хлеб, сказать «спокойной ночи» или «привет» — все это не так уж важно, но если один человек что-то говорит, другой во всех случаях должен ему ответить...

Молодой человек равнодушно глянул в сторону Мартина. Его глаза все еще не замечали людей, с которыми он говорил.

— Почему я должен отвечать?

— Потому что к тебе обращаются.

— А почему?

Мартин пожал плечами и рассмеялся. Пью вскочил и включил камнерез.

Потом он сказал:

— Отстань от него, Мартин.

— В маленьких изолированных коллективах очень важно помнить о хороших манерах, раз уж работаешь вместе. Его этому учили. Каждый в Дальнем Космосе знает об этом. Так почему же он сознательно пренебрегает вежливостью?

— Ты говоришь «спокойной ночи» самому себе?

— Ну и что?

— Неужели ты не понимаешь, что Каф никогда не был знаком ни с кем, кроме самого себя?

— Тогда, клянусь богом, все эти штуки с клонированием ни к чему,— после некоторого раздумья сказал Мартин.— Ничего из этого не выйдет. Чем могут помочь человеку эти дубликаты гениев, если они даже не подозревают о нашем существовании?

Пью кивнул:

— Вероятно, разумнее разделять клоны и воспитывать их с обычными детьми. Но из них составляются такие великолепные команды!

— Разве? Не уверен. Если бы наша команда состояла из десяти обыкновенных, ничем не примечательных инженеров-изыскателей, неужели все они оказались бы в одно время в одном и том же месте? Неужели они бы все погибли? А что если эти ребята, когда начался обвал и стали рушиться стены, бросились одновременно в глубь шахты, быть может, чтобы спасти того, кто был дальше всех? Даже Каф, который оставался наверху, сразу кинулся в шахту... Это, конечно, только предположение Но мне кажется, что из десяти обыкновенных растерявшихся людей хотя бы один выскочил на поверхность.

— Не знаю. Но известно, что идентичные близнецы порой умирают одновременно, даже если они никогда друг друга не видели. Идентичность и смерть, какая странная связь...

Проходили дни, красное солнце кралось по темному небу, но Каф все так же не отвечал на вопросы, а Пью и Мартин все чаще сцеплялись между собой. Пью начал жаловаться на то, что Мартин храпит. Оскорбившись, Мартин перенес свою койку на другую сторону купола и перестал с ним разговаривать. Когда же Пью принялся насвистывать валлийские песенки, это надоело Мартину. Пью в свою очередь на него обиделся и какое-то время с ним не разговаривал.

За день до прилета корабля Мартин объявил, что собирается в горы Мерионета.

— А я полагал, что ты по крайней мере поможешь мне закончить анализ образцов на компьютере,— мрачно заметил Пью.

— Каф тебе поможет. Я хочу еще разок взглянуть на траншею. Желаю успеха,— добавил Мартин на диалекте и, посмеиваясь, ушел.

— Что это за язык? — спросил Каф.

— Аргентинский. Разве я тебе об этом не говорил?

— Не знаю.— Через некоторое время молодой человек добавил: — Боюсь, что я многое забыл.

— Ну и пусть,— мягко сказал Пью, внезапно осознав, как важен для него этот разговор.— Ты поможешь мне поработать на компьютере?

Каф кивнул.

У них было много недоделок, и работа отняла весь день. Каф оказался отличным работником, куда более быстрым и сообразительным, чем сам Пью. Правда, его бесцветный голос действовал на нервы, но это можно было пережить — через день прибудет корабль, а на нем старая команда, товарищи и друзья.

Днем они сделали перерыв, чтобы выпить чаю, и Каф спросил:

— Что случится, если корабль разобьется?

— Они все погибнут.

— Что случится с вами?

— С нами? Мы передадим по радио сигнал бедствия и будем жить на половинном рационе, пока не придет спасательный корабль с Третьей базы. На это уйдет четыре земных года. Мы наскребем припасов для троих на четыре-пять лет. Туго придется, но перебьемся

— И они пошлют спасательный корабль из-за трех человек?

— Конечно.

Каф больше ничего не сказал.

— Хватит рассуждать на веселые темы,— бодро сказал Пью, поднимаясь из-за стола, чтобы вернуться к приборам, но тут же покачнулся. Стул вырвался у него из руки, и Пью, не закончив пируэта, врезался в стену купола.

— Боже правый,— произнес он по-валлийски.— Что это было?

— Землетрясение,— ответил Каф.

Чашки плясали, звонко ударяясь о стол, ворох бумаг сполз с ящика, крыша купола то вздувалась, то оседала. Под ногами рождался утробный гул, наполовину звук, наполовину дрожь.

Каф сидел неподвижно. Землетрясением не испугаешь человека, погибшего при землетрясении.

Пью побелел, черные жесткие волосы разметались. Он был напуган. Он сказал:

— Мартин в траншее.

— В какой траншее?

— На линии большого сброса. В эпицентре местных землетрясений. Погляди на сейсмограф.

Пью сражался с заклиненной дверью дрожащего шкафа.

— Что вы делаете?

— Надо спешить ему на помощь.

— Мартин взял ракету. Летать на флаерах во время землетрясения опасно. Они выходят из-под контроля.

— Заткнись ты, ради бога!

Каф поднялся, и голос его был так же ровен и бесцветен, как и всегда.

— Нет никакой необходимости отправляться сейчас на поиски. Это ведет к неоправданному риску.

— Если услышишь, что он нажал на кнопку тревоги, немедленно сообщи мне по рации,— сказал Пью, защелкивая шлем и бросаясь к люку.

Когда он выбежал наружу, Либра уже подобрала свои драные юбки, и вся она, до самого красного горизонта, отплясывала танец живота.

Из-под купола Каф видел, как флаер набрал скорость, взвился вверх в красном туманном свете, подобно метеору, и исчез на северо-востоке. Вершина купола вздрогнула, земля кашлянула. К югу от купола взвился сифон, выплюнувший столб черного газа.

Пронзительно зазвенел звонок, и на центральном контрольном пункте вспыхнул красный свет. Под огоньком была надпись «Скафандр № 2» и от руки нацарапано «А. Г. М.». Каф не выключил сигнала. Он попытался связаться с Мартином, потом с Пью, но не получил ответа.

Когда толчки прекратились, Каф вернулся к работе и закончил то, что они делали с Пью. Это заняло часа два. Через каждые полчаса он пытался связаться со «Скафандром № 2» и не получал ответа, затем радировал «Скафандру № 1» и тоже не получал ответа. Примерно через час красный огонек потух.

Подошло время ужинать. Каф приготовил себе ужин и съел его. Потом лег на койку.

Толчки затихли, и лишь изредка по планете прокатывались отдаленный гул и дрожь. Солнце висело на западе, светло-красное, огромное, похожее на чечевицу, и все никак не садилось. Было тихо.

Каф поднялся и принялся расхаживать по заваленному вещами, неприбранному пустынному куполу. Здесь

царила тишина. Он подошел к магнитофону и поставил первую попавшуюся ленту. Это была электронная музыка, полностью лишенная гармонии и голосов. Музыка кончилась. Тишина осталась.

Над грудой образцов породы висел форменный комбинезон Пью с оторванной пуговицей. Каф посмотрел на него.

Тишина тянулась бесконечно.

Детский сон: на свете нет никого, кроме меня. Во всем мире ни одного живого существа.

Низко над долиной, к северу от купола, сверкнул метеорит.

Каф открыл рот, будто хотел что-то сказать, но изо рта не раздалось ни звука. Он быстро подошел к северной стене и вгляделся в желатиновый красный сумрак.

Звездочка подлетела и опустилась. Перед люком возникли две фигуры. Когда они вошли, Каф стоял у люка. Скафандр Мартина был покрыт пылью и оттого казался таким же старым и покоробленным, как поверхность Либры. Пью поддерживал его под руку.

— Он ранен?

Пью снял скафандр, помог Мартину раздеться.

— Перенервничал,— бросил он.

— Обломок скалы упал на ракету,— сказал Мартин, усаживаясь за стол и размахивая руками.— Правда, меня там не было. Я, понимаешь, приземлился и копался в угольной пыли, когда почувствовал, что все вокруг затряслось. Тогда я выбрался на участок вулканической породы, который присмотрел еще сверху. Так было надежнее и дальше от скал. И тут же увидел, как кусок планеты рухнул на мою ракету. Ну и зрелище! Вдруг мне пришло в голову, что запасные баллоны с кислородом остались в ракете, так что я нажал на кнопку тревоги. Но по радио связаться ни с кем не смог — во время землетрясений здесь всегда так бывает. Я так и не знал, получили ли вы мой сигнал. А вокруг все прыгало, и скалы разваливались на глазах. Летели камни, и пыль поднялась такая, что в метре ничего не видно. Я уже начал подумывать, чем буду дышать через пару часов, как увидел, что старик Оуэн кружит над траншеей в пыли и камнях, словно огромная уродливая летучая мышь...

— Есть будешь? — спросил Пью.

— Конечно, буду. А как ты здесь пережил землетрясение Каф? Все в порядке? Не такое уж и сильное было

землетрясение, правда? Что показывал сейсмограф? Мне не повезло, что я оказался в самом эпицентре. По-моему, там были все пятнадцать баллов по шкале Рихтера, вся планета раскалывалась...

— Садись,— сказал Пью.— И ешь.

После того как Мартин поел, поток его слов иссяк. Он доплелся до койки, все еще стоявшей в том дальнем углу, куда он поставил ее, когда Пью стал жаловаться на его храп.

— Спокойной ночи, дырявый валлиец,— крикнул он.

— Спокойной ночи.

Мартин замолчал. Пью затемнил купол, убавил свет в лампе, пока она не стала гореть желтым светом свечи. Затем, не говоря ни слова, сел и погрузился в свои мысли.

Какое-то время ничто не нарушало тишину. Ее прервал голос Кафа:

— Я кончил расчеты.

Пью благодарно кивнул.

— Я получил сигнал Мартина, но не смог связаться ни с ним, ни с вами.

Сделав над собой усилие, Пью сказал:

— Мне не следовало улетать. У него еще оставалось кислорода на два часа даже с одним баллоном. Когда я помчался туда, он мог направиться домой. Так бы мы друг друга потеряли. Но я перепугался.

Вновь наступила тишина, нарушаемая лишь негромким храпом Мартина.

— Вы любите Мартина?

Пью зло взглянул на Кафа:

— Мартин мой друг. Мы работали вместе, и он хороший человек.— Он помолчал. Потом добавил: — Да, я его люблю. Почему ты об этом спрашиваешь?

Каф ничего не ответил, только смотрел на Пью. Выражение его лица изменилось, словно он увидел что-то, чего раньше не замечал. И голос его изменился:

— Как вы можете... как вам...

Но Пью не сумел ему ответить.

— Не знаю,— сказал он.—В какой-то степени это дело привычки. Не знаю. Каждый из нас живет сам по себе. Что же делать, если не протянуть другому руку в темноте?

Странный, горячечный взгляд Кафа потух, словно сожженный собственной силой.

— Устал я,— сказал Пью.— Ну и жутко же было разыскивать его в черной пыли и грязи, когда в земле

раскрывались и захлопывались жадные пасти... Пойду-ка спать. Корабль начнет передачу часов в шесть.

Он встал и потянулся.

— Там клон,— сказал Каф.— Они везут сюда другую исследовательскую команду.

— Ну и что?

— Клон из двенадцати человек. Я их видел на «Пассерине».

Каф сидел в желтом тусклом свете лампы и, казалось, видел сквозь свет то, чего он так боялся: новый клон, множественное «я», к которому он не принадлежал. Потерянная фигурка из сломанного набора, фрагмент, не привыкший к одиночеству, не знающий даже, как можно отдавать свою любовь другому человеку. Теперь ему предстоит встретиться с абсолютом, с замкнутой системой клона из двенадцати близнецов. Слишком многое требовалось от бедолаги. Проходя мимо, Пью положил руку ему на плечо:

— Шеф не будет требовать, чтобы ты оставался здесь с клоном. Можешь вернуться домой. А может, раз уж ты космический разведчик, отправишься дальше с нами? Мы найдем тебе дело. Не спеши с ответом. Ты справишься.

Пью замолчал. Он стоял, расстегивая куртку, чуть сгорбившись от усталости. Каф посмотрел на него и увидел то, чего не видел раньше. Увидел его, Оуэна Пью, человека, протягивающего ему руку в темноте.

— Спокойной ночи,— пробормотал полусонный Пью, залезая в спальный мешок.

И он не услышал, как после паузы Каф ответил ему, протянув руку сквозь темноту.

Артур ПОРДЖЕС

ПОГОНЯ

Крейсер «Илькор» только-только вышел за орбиту Плутона и начал межзвездный рейс, когда встревоженный офицер доложил Командиру:

— К сожалению, по халатности одного из техников на третьей планете оставлен руум типа Х-9, а с ним и все, что он смог там собрать.

На какой-то миг треугольные глаза Командира скрылись под пластинчатыми веками, но, когда он заговорил, голос его звучал ровно.

— Какая программа?

— Радиус операций — до тридцати миль, вес объектов — сто шестьдесят плюс-минус пятнадцать фунтов.

Помедлив, Командир сказал:

— Вернуться сейчас мы не можем. Через несколько недель, на обратном пути, мы обязательно подберем его. У меня нет никакого желания выплачивать стоимость этой дорогой модели с энергетическим самообеспечением. Прошу вас проследить, чтобы виновный понес суровое наказание,— холодно приказал он.

Но в конце рейса, недалеко от звезды Ригель, крейсер повстречался с плоским кольцеобразным кораблем-перехватчиком. Последовала неизбежная схватка, а затем оба корабля, мертвые, наполовину расплавившиеся, радиоактивные, начали долгое, в миллиард лет, путешествие по орбите вокруг звезды.

На Земле была мезозойская эра...

Они сгрузили последний ящик, и теперь Джим Эрвин смотрел, как его напарник залезает в кабину маленького гидросамолета, на котором они сюда прибыли. Он помахал Уолту рукой:

— Не забудь отправить Сили мое письмо!

— Отправлю, как только приземлюсь! — отозвался Уолт Леонард, включая двигатель.— А ты постарайся найти для нас уран, слышишь? Только бы повезло — и у Сили с сынишкой будет целое состояние. А? — он ухмыльнулся, сверкнув белозубой улыбкой.— С гризли не цацкайся, как увидишь — стреляй!

Вспенивая воду, гидросамолет стал набирать скорость. Когда он оторвался от поверхности озера, Джим почувствовал внутри холодок. Целых три недели проведет он один-одинешенек в этой забытой богом долине канадских Скалистых гор. Если почему-либо самолет не опустится снова на холодное голубое озеро — Джиму конец. Даже если ему хватит еды. Ни один человек, сколько бы у него ни было пищи, не смог бы перевалить через обледенелые хребты, не смог бы одолеть сотни миль безлюдной каменистой земли. Но Уолт, конечно, вернется в назначенный срок, и теперь только от Джима зависит, окупятся ли деньги, вложенные в экспедицию. За двадцать один день он выяснит, есть ли в долине уран. А сейчас долой все страхи и предчувствия — надо приниматься за дело.

Работая не спеша, с ухваткой бывалого лесоруба, он поставил под нависшей скалой шалаш: на три летние недели ничего основательнее не понадобится. Обливаясь пóтом в жарких лучах утреннего солнца, он перетащил под выступ ящики со снаряжением и припасами. Там, за шалашом, покрытые водонепроницаемым брезентом и надежно защищенные от любопытства четвероногих, ящики были в безопасности. Сюда он перенес все, кроме динамита: динамит, тоже тщательно укрыв от дождя, он припрятал ярдах в двухстах от шалаша. Не такой он дурак, чтобы спать около ящика с взрывчаткой.

Первые две недели пролетели как сон, не принеся с собой никаких удач. Оставался еще один необследованный район, а времени было в обрез. И в одно прекрасное утро, к концу третьей недели, Джим Эрвин решил совершить последнюю вылазку; на этот раз — в северо-восточную часть долины, где он еще не успел побывать. Он взял счетчик Гейгера, надел наушники, повернув тот и другой обратной стороной к уху, чтобы фон обычных помех не притуплял его слух, и, вооружившись винтовкой, отправился в путь. Он знал, что тяжелая крупнокалиберная винтовка будет мешать ему, но он также знал, что с огромными канадскими гризли шутки плохи и справиться с ними очень

нелегко. За эти недели он уже уложил двоих, не испытав при этом никакой радости: огромных серых зверей и так становится все меньше и меньше. Но винтовка помогла ему сохранить присутствие духа и при других встречах с ними, когда обошлось без стрельбы. Пистолет в кожаной кобуре он решил оставить в шалаше.

Он шел насвистывая. Старательское невезенье не мешало Джиму наслаждаться чистым морозным воздухом, солнцем, отражающимся от бело-голубых ледников, и пьянящим запахом лета. За день он доберется до нового района, дня за полтора основательно его обследует и к полудню вернется встретить самолет. Он не взял с собой ни воды, ни пищи — только пакет НЗ. Когда захочется есть, он подстрелит зайца, а в ручьях видимо-невидимо радужной форели — такой, которой в Штатах и вкус позабыли.

Он шел все дальше и дальше, и когда счетчик в наушниках начинал потрескивать, в душе Джима снова загорался огонек надежды. Но каждый раз треск стихал: в долине, судя по всему, была только фоновая радиация. Да, неподходящее место они выбрали! Настроение Джима стало падать. Удача была нужна им как воздух, особенно Уолту, да и ему тоже — тем более сейчас, когда Сили ждет ребенка... Но еще остается надежда — последние тридцать шесть часов; если понадобится, он и ночью не приляжет.

Губы его скривились в улыбке, и он стал думать о том, что хорошо бы поесть: солнце, да и желудок подсказывали ему, что уже пора. Он только было решил достать леску и забросить ее в пенящийся ручей, как вдруг за зеленым пригорком увидел такое, что остановился как вкопанный, и у него отвисла челюсть.

В три длинных-предлинных ряда, тянувшихся чуть не до самого горизонта, лежали животные — и какие! Правда, ближе к Джиму были обыкновенные олени, медведи, пумы и горные бараны — по одной особи каждого вида, но дальше виднелись какие-то странные, неуклюжие и волосатые звери, а за ними, еще дальше,— жуткая шеренга ящеров! Одного из них, в самом конце ряда, он сразу узнал: такой же, только гораздо крупнее, воссозданный по неполному костяку, стоит в нью-йоркском музее. Нет, глаза его не обманывали — это действительно был стегозавр, только маленький, величиной с пони.

Как зачарованный, Джим пошел вдоль ряда, время от времени оборачиваясь, чтобы окинуть взглядом всю эту

удивительную зоологическую коллекцию. Присмотревшись хорошенько к какой-то грязно-желтой чешуйчатой ящерице, он увидел, что у нее дрожит веко, и понял: животные не мертвы, они только парализованы — и каким-то чудесным образом сохранены. Лоб Джима покрылся холодным потом: сколько времени прошло с тех пор, как по этой долине разгуливали живые стегозавры?..

И тут же он обратил внимание на другое любопытное обстоятельство: все животные были примерно одного размера. Не было видно ни одного по-настоящему крупного ящера, ни одного тираннозавра, ни одного мамонта. Ни один экспонат этого страшного музея не был больше крупной овцы. Джим стоял, размышляя над этим странным фактом, когда из подлеска до него донесся настораживающий шорох.

В свое время Джим работал со ртутью, и в первую секунду ему показалось, будто на полянку выкатился кожаный мешок, наполненный этим жидким металлом: именно так, как бы перетекая, двигался шаровидный предмет, который он видел. Но это был не кожаный мешок, а когда Джим пригляделся получше, он увидел: то, что сначала показалось ему отвратительными бородавками, походит скорее на рабочие части какого-то странного механизма.

Но особенно долго разглядывать Джиму не пришлось, так как, выдвинув, а потом снова спрятав в себя что-то вроде металлических стержней с линзоподобными утолщениями на концах, сфероид со скоростью не меньше пяти миль в час двинулся к нему. Деловитая целеустремленность, с которой катился сфероид, не оставляла никаких сомнений в том, что он твердо решил присоединить Джима к коллекции полумертвых представителей фауны.

Крикнув что-то нечленораздельное, Джим отбежал на несколько шагов, на ходу срывая с себя винтовку. Отставший руум был теперь ярдах в тридцати от Джима, но по-прежнему двигался к нему с неизменной скоростью, и эта неторопливая методичность была куда страшнее прыжка любого хищника.

Рука Джима взлетела к затвору и привычным движением загнала патрон в патронник. Он прижался щекой к видавшему виды прикладу и прицелился в переливающийся кожистый бугор — идеальную мишень в ярких лучах послеполуденного солнца. Нажимая на спуск, он саркастически улыбнулся. Кто-кто, а уж он-то знал, что может

натворить десятиграммовая разрывная пуля, когда она летит со скоростью две тысячи семьсот футов в секунду. На таком расстоянии — да она продырявит эту чертову перечницу насквозь и сделает из нее кашу!

Б-бах! Привычная отдача в плечо. И-и-и-и-и! Душераздирающий визг рикошета. У Джима перехватило дыхание: пуля из дальнобойной винтовки, пролетев каких-нибудь двадцать ярдов, отскочила от мишени!

Джим лихорадочно заработал затвором. Он выстрелил еще два раза, прежде чем осознал полную бесперспективность избранной им тактики. Когда руум был от него уже футах в шести, Джим увидел, как из похожих на бородавки шишек на его поверхности выдвинулись сверкающие крючья, а между ними — змеящаяся, похожая на жало игла, из которой капает зеленоватая жидкость. Джим бросился бежать.

Весил он ровно сто сорок девять фунтов.

Держать нужную дистанцию было совсем нетрудно: руум, судя по всему, был неспособен увеличить скорость. Но Джима это вовсе не успокаивало: ни один земной организм не выдержит гонки со скоростью пять миль в час дольше чем в течение нескольких часов. Через какое-то время жертва либо поворачивается и нападает на своего безжалостного преследователя, подумал Джим, либо (так происходит, должно быть, с более робкими животными) впадает в панику и начинает носиться по кругу, пока у нее хватает сил. Спастись могут только крылатые, а для всех остальных исход предопределен: стать новыми экспонатами в этой страшной коллекции (но для кого, интересно, ее собирают?).

Не останавливаясь, Джим начал сбрасывать с себя все лишнее. Скользнув взглядом по багровому солнцу, он с тревогой подумал о приближающейся ночи. Он не решился бросить винтовку; защитить от руума она его не могла, но за годы службы в армии ему крепко вбили в голову, что бросать оружие нельзя. Однако каждый лишний фунт уменьшал его шансы на спасение. Логика подсказывала, что к такой ситуации, как эта, военный кодекс чести неприменим: нет никакого позора в том, чтобы расстаться с оружием, когда оно совершенно бесполезно. И он решил: если нести винтовку станет уж совсем невмоготу, он ее отшвырнет,— но пока перекинул ее через плечо. Почти не замедляя шага, он осторожно положил на плоский камень счетчик Гейгера.

Ладно, подумал Джим, он побежит не как обезумевший от страха заяц, который, обессилев, в конце концов покоряется своей судьбе. Как бы не так! Это будет отступление с боем, и чтобы выжить, он пустит в ход все, чему научился за нелегкие, полные опасностей и лишений годы военной службы.

Глубоко и размеренно дыша, он бежал широким шагом и искал глазами все, что могло бы увеличить его шансы в этом состязании. К его счастью, леса в долине почти не было; деревья или кустарник свели бы на нет все преимущества Джима как тренированного бегуна.

И вдруг он увидел нечто, заставившее его замедлить шаг: над землей на его пути нависала огромная каменная глыба, и он подумал, что может здесь наверстать потерянное. Взбежав на пригорок, он окинул взглядом поросшую травой равнину. Предвечернее солнце отбрасывало длинные тени, но увидеть преследователя было вовсе нетрудно. С замиранием сердца Джим наблюдал за его продвижением. Так он и думал! Хотя в большинстве случаев путь, которым шел человек, был не единственно возможным и не самым коротким, руум точно, шаг за шагом, следовал за ним. Это было важно, но, чтобы осуществить свой замысел, у Джима оставалось не больше двенадцати минут.

Волоча ноги по земле, Джим постарался оставить под нависшей глыбой как можно более отчетливый след. Пройдя таким шагом ярдов десять, он точно так же вернулся назад, к месту, где начинался выступ, и одним прыжком поднялся на склон, откуда нависала глыба.

Выхватив из ножен большой охотничий нож, он начал старательно и в то же время торопливо копать почву у основания глыбы. Каждые несколько секунд, мокрый от натуги, он пробовал глыбу плечом, и в конце концов она слегка подалась. Он едва успел сунуть нож обратно в ножны и, тяжело дыша, присесть за камнем, когда из-за небольшого гребня показался руум.

Джим смотрел на приближающийся серый сфероид, и, как ни трудно это было, старался дышать тихо-тихо. Кто знает, чем еще может удивить это отродье дьявола, хотя, судя по всему, оно предпочитает просто идти по следу. В его распоряжении наверняка есть целый арсенал разных приспособлений. Джим притаился за камнем, нервы его были словно провода под высоким напряжением.

Но сфероид не переменил тактики. Похоже, что для

него существовал только след будущей добычи, и, переливаясь с места на место, он оказался наконец прямо под глыбой. Тогда Джим налег всем телом на качающуюся массу камня и с диким воплем свалил ее прямо на сфероид. Пятитонная глыба рухнула с высоты двенадцати футов.

Джим кое-как сполз вниз и встал. Он глядел на каменную махину и очумело тряс головой.

— Прикончил сукиного сына! — прохрипел он, потом стукнул по камню ногой.— Ха! А, пожалуй, за твой мясной ряд мы с Уолтом выручим пару-другую долларов. Может, и не зря мы затеяли эту экспедицию. А ты веселись теперь у себя в преисподней!

Он отскочил как ужаленный: громада камня зашевелилась! Пятитонная глыба медленно поползла в сторону, оставляя в почве глубокую борозду. Джим все смотрел на глыбу, а она качнулась, и из-под ближайшего к нему края показался серый отросток. Глухо вскрикнув, Джим побежал.

Он пробежал целую милю и только после этого остановился и поглядел назад. В наступающих сумерках он едва различил темную точку, все больше и больше удаляющуюся от каменной глыбы. Она двигалась так же медленно, деловито и неотвратимо, как и прежде,— по направлению к нему. Джим тяжело сел и опустил голову на грязные, расцарапанные руки.

Отчаяние владело им недолго. Как-никак, он выиграл двадцать минут передышки. Он лег, постарался расслабиться, насколько это было возможно, и достал из кармана куртки пакет НЗ. Джим быстро подкрепился вяленым мясом, бисквитами и шоколадом. Несколько глотков ледяной воды из ручья — и он был почти готов продолжать свою фантастическую борьбу с преследователем. Но прежде он проглотил одну из трех таблеток бензедрина, которые носил с собой на случай непредвиденных физических нагрузок. И рууму оставалось до него еще минут десять ходу, когда Джим Эрвин побежал. Он опять чувствовал в себе прежнюю упрямую силу, а усталость, пронизывавшая его до костей, словно растаяла — он снова был полон мужества и надежды.

Пробежав еще около четверти часа, он очутился у гладкой крутой скалы футов тридцать высотой. Обойти ее с той или другой стороны было, по-видимому, невозможно: и там, и тут были полные воды овраги, колючий кустарник и камни с острыми как нож краями. Сумей он забраться

на вершину скалы, рууму наверняка пришлось бы пойти в обход, и Джим выиграл бы время.

Джим посмотрел на солнце. Огромное, малиновое, оно уже почти касалось горизонта. Нужно торопиться! Большого опыта в скалолазании у него не было, но основные приемы восхождения были ему известны. Используя каждую щель и шероховатость, каждый, даже самый маленький выступ, Джим начал карабкаться вверх. Откуда-то (он даже не отдавал себе в этом отчета) в его движениях появились плавность и координация, свойственные настоящим альпинистам, и каждый новый упор, кратковременный и незаметный, служил для него лишь отправной точкой к ряду новых ритмичных движений, возносивших его все выше и выше.

Едва он достиг вершины, как к основанию скалы подкатился руум.

Джим прекрасно понимал, что лучше ему уйти сразу, пользуясь драгоценными последними минутами дня. Каждая выигранная секунда была бесценна, но... надежда и любопытство взяли верх.

Он сказал себе: как только эта штука поползет в обход, он тут же смоется. А может, ему надоест его преследовать, и тогда он преспокойно выспится здесь, прямо на скале.

Сон! О нем молила каждая клетка его тела.

Но руум не пошел в обход. Секунду он простоял, раздумывая, у подножия каменной стены, а потом из бородавкоподобных наростов снова выдвинулись металлические стержни. На конце одного из них были линзы. Джим подался назад, но было уже поздно: руум увидел, что человек выглядывает из-за скалы, и Джим мысленно обозвал себя идиотом. Все стержни моментально ушли в сфероид, и вместо них из другого нароста показался и начал подниматься прямо к нему тонкий прут, кроваво-красный в лучах заходящего солнца. Оцепенев, Джим увидел, как конец прута вцепился металлическими когтями в край скалы почти под самым его носом.

Джим вскочил на ноги. Сверкающий прут сокращался: оторвавшийся от земли кожистый шар, подтягиваясь на нем все выше, снова вбирал его в себя. Джим громко выругался и, не отрывая взгляда от цепкой металлической лапы, занес над ним ногу, обутую в тяжелый ботинок.

Но долгий опыт заставил его остановиться, и мощный удар ногой так и не состоялся. Слишком много довелось

Джиму видеть драк, проигранных из-за опрометчивого удара ногой. Ни одна часть его тела не должна войти в соприкосновение с этим черт-те чем оснащенным страшилищем. Он схватил с земли длинную сухую ветку и, подсунув ее конец под металлическую лапу, стал смотреть, что будет дальше. А дальше было белое кружево вспышки и шипящее пламя, и даже через сухое дерево он ощутил мощную волну энергии, расщепившей конец ветки. С приглушенным стоном он выронил тлеющую ветку и, разминая онемевшие пальцы, в бессильной ярости отступил на несколько шагов. Он остановился, готовый в любую секунду обратиться в бегство, и, испустив вопль, сорвал с плеча винтовку. Как хорошо все-таки, что он ее бросил — хоть она и отбивала всю дорогу барабанную дробь на его спине. Ну, чертова перечница, держись!

Став на колени, чтобы получше прицелиться в сгущающихся сумерках, Джим выстрелил в металлическую лапу и через секунду услышал глухой удар о землю: руум упал. Крупнокалиберная пуля сделала куда больше, чем он ожидал: она не только сшибла металлическую лапу с края обрыва, но и вырвала оттуда здоровый кусок скалы; интересно, за что теперь эта лапа будет здесь цепляться!

Он посмотрел вниз. Да, это исчадие ада там, на земле. Джим злорадно ухмыльнулся. Каждый раз, как только он зацепится за обрыв, Джим будет сбивать его лапу! Патронов у него в кармане больше чем достаточно, и, пока не взойдет луна и не станет светлее, он, если понадобится, будет стрелять с расстояния в несколько дюймов. Но сфероид, по-видимому, слишком умен для того, чтобы вести борьбу неэффективными средствами. Рано или поздно он пойдет в обход, и тогда, Джим надеялся, ночь поможет ему от него улизнуть.

И вдруг у него перехватило дыхание, на глаза навернулись слезы: внизу, в полутьме, из приземистого малоподвижного сфероида вылезли одновременно три веерообразно расположенных стержня с крюками на концах. Идеально скоординированным движением они вцепились в край скалы на расстоянии фута в четыре друг от друга.

Джим вскинул винтовку. Ну что ж, совсем как на соревнованиях в Беннинге — с той только разницей, что там, в Беннинге, стреляли не в темноте...

Он попал в цель с первого же выстрела: левый крюк сорвался, подняв облачко пыли. Второй выстрел был почти таким же удачным — пуля раздробила камень под сред-

ним крюком, и тот соскользнул. Но молниеностно повернувшись, чтобы прицелиться в третий раз, Джим увидел: все это впустую.

Первый крюк был снова на своем месте. И Джим понял: как бы хорошо он ни стрелял, по крайней мере один крюк всегда будет на месте, и эта дьявольщина будет подтягиваться вверх.

Он повесил бесполезную винтовку дулом вниз на кривое дерево и побежал в сгущающиеся сумерки. Годы ушли на то, чтобы сделать сильным его тело, и вот оно выручает его. Все это прекрасно — но куда ему теперь деваться и что делать? Да и можно ли вообще что-нибудь сделать?

И тут он вспомнил про динамит.

Постепенно меняя направление, усталый человек двинулся назад, к лагерю у озера. Путь указывали звезды над головой, разгоравшиеся все ярче. Джим утратил всякое ощущение времени. Должно быть, он машинально поел на ходу — во всяком случае, голода он не чувствовал. Может, он успеет подкрепиться в шалаше... Нет, времени не хватит... Надо принять таблетку бензедрина... Но бензедрина больше не было, и луна взошла, и он слышал, как приближается руум — вот он уже совсем близко...

Временами он видел в кустах фосфоресцирующие глаза, а однажды, уже на рассвете, на него фыркнул потревоженный гризли.

Иногда перед ним появлялась и протягивала к нему руки его жена, Сили. «Уходи! — беззвучно кричал он осипшим голосом.— Уходи! Тебе это удастся, за двумя сразу он не погонится!» — и она поворачивалась и легко бежала рядом с ним. Но когда Джим, задыхаясь, взбежал на пригорок, Сили растаяла в лунном свете, и он понял, что ее здесь никогда не было.

Джим достиг озера вскоре после восхода солнца. Позади слышался глухой шорох — это был руум. Джим зашатался, его веки сомкнулись. Он хлопнул себя ладонью по носу, глаза его снова широко открылись. Джим сорвал брезент и увидел взрывчатку; вид блестящих динамитных шашек окончательно разбудил его.

Усилием воли он вернул себе присутствие духа и начал обдумывать, что делать дальше. Поставить запал? Нельзя, поставив запал, рассчитать время детонации с той точностью, которая сейчас необходима... Джим обливался потом, его одежда насквозь промокла, и собраться с мыслями было очень трудно. Взрыв должен быть произведен

дистанционно, и лишь в тот самый миг, когда преследователь приблизится к динамиту вплотную. Бикфордов шнур — вещь ненадежная: скорость его сгорания непостоянна... ноги подкашивались, подбородок опустился на тяжело вздымающуюся грудь... Джим рывком поднял голову, отступил назад — и увидел в шалаше пистолет.

Его запавшие глаза загорелись огнем. Торопливыми движениями Джим рассыпал все оставшиеся взрывные капсулы по ящику среди шашек динамита и, собрав последние силы, перетащил эту дьявольскую смесь на то место, где он уже побывал — ярдах в двадцати от скалы. Это было очень рискованно, чертов коктейль мог взорваться от малейшего сотрясения, но теперь ему было все равно: пусть его разнесет в клочья, только бы не стать парализованной тушей среди других туш в этой адской мясной лавке.

Обессилевший Джим едва успел спрятаться за небольшой выступ скалы, когда на невысоком пригорке в пятистах ярдах от него показался неумолимый преследователь. Джим вжался поглубже — и увидел вертикальную щель, узкую трещину в стене камня. «Как раз то, что мне нужно»,— пронеслось у него в голове. Отсюда он мог видеть динамит и в то же время был защищен от взрыва. Защищен ли? Ведь это страшилище взорвется всего ярдах в двадцати от выступа...

Он лег на живот, ни на секунду не выпуская из поля зрения движущийся сфероид. Молот усталости не переставая бил по голове, которая стала большой, как воздушный шар. О боже, когда он спал в последний раз? Он прилег впервые за много часов. Часов? Какое там: дней! Мышцы его напряглись, превратились в горящие, трепещущие узлы. И тут он почувствовал спиной утреннее солнце, ласковое, теплое, убаюкивающее... Нет! Если он поддастся усталости, если уснет, ему тоже придется стать экспонатом в этой жуткой коллекции! Онемевшие пальцы крепче сжали рукоятку пистолета. Нет, он не заснет! Если он проиграет, если это дьявольское отродье уцелеет при взрыве, у него еще будет время пустить себе пулю в лоб.

Он посмотрел на гладкий пистолет в руке, потом, через щель,— на ящик, выглядевший так невинно. Если он выстрелит вовремя — а так и будет,— этой проклятущей штуке конец. Конец! Он немножно расслабился, разомлел — совсем чуть-чуть — под лучами ласкового, обво-

лакивающего солнца. Где-то высоко над ним негромко запела птица, рыба плеснула в озере.

Внезапно он ощутил сигнал тревоги. Проклятье! Надо же было гризли выбрать для визита такой момент! Весь лагерь Джима в его распоряжении — круши, разоряй сколько душе угодно, так нет же, болвана интересует динамит!

Мохнатый зверь неторопливо обнюхал ящик, обошел вокруг него, рассерженно заворчал, чуя враждебный человеческий дух. Джим затаил дыхание. От одного прикосновения может взорваться капсула. А от одной капсулы...

Медведь поднял голову и зарычал. Ящик был забыт, человеческий запах — тоже. Свирепые маленькие глазки видели только приближающийся сфероид, который был теперь в каких-нибудь ярдах сорока от ящика. Джиму стало смешно. До встречи с этим сфероидом он не боялся ничего на свете, кроме североамериканского медведя гризли. А теперь те, кого он больше всего боялся, встречаются нос к носу — и ему смешно. Он потряс головой и почувствовал страшную боль в боковых мышцах шеи. Он взглянул на пистолет, потом на динамит; все остальное стало теперь каким-то ненастоящим.

Футов за шесть от медведя сфероид остановился. По-прежнему испытывая какое-то почти идиотическое безразличие, Джим снова поймал себя на мысли: что же это такое, откуда оно взялось? Гризли — воплощенная свирепость — поднялся на задние лапы. Между красных губ сверкнули страшные белые клыки. Руум обогнул медведя и деловито покатился дальше. Гризли с ревом преградил ему путь и ударил по пыльной кожистой поверхности. Удар нанесла могучая лапа, вооруженная когтями острее и крепче наточенной косы. Одного такого удара хватило бы носорогу, и Джим скривился, будто ударили его. Руум был отброшен на несколько дюймов, секунду простоял неподвижно, а потом все с тем же леденящим душу упорством, не обращая на зверя никакого внимания, двинулся в обход медведя.

Но на ничью хозяин лесов согласен не был. Двигаясь с молниеносной быстротой, наводившей ужас на любого индейца, испанца, француза или англосакса с тех пор, как началось их знакомство с гризли, медведь стремительно повернулся, зашел сбоку и обхватил сфероид. Косматые могучие передние лапы напряглись, истекающая слюной

пасть, щелкая зубами, приникла к серой поверхности. Джим приподнялся.

— Так его! — прохрипел он, и тут же мелькнула мысль, что это бредовая картина — деревенский дурак, борющийся с ватерпольным мячом.

А потом на фоне серого меха гризли сверкнул серебристый металл — руум действовал быстро и смертоносно. Рычание лесного владыки в одно мгновение сменилось жалобным воем, потом — клокочущими горловыми звуками, а потом не осталось ничего, кроме тонны ужаса, быстро и неотвратимо засасываемой болотом смерти. Джим увидел, как окровавленное лезвие, перерезавшее медведю горло, возвращаясь в сфероид, оставило ярко-красный потек на пыльной серой поверхности.

И руум покатился дальше, неумолимый, забывший обо всем, кроме тропы, пути, следа человека. «Окей, детка,— истерически хихикнул Джим, мысленно обращаясь к мертвому гризли,— сейчас он получит и за тебя, и за Сили, и за все парализованное зверье, и за меня тоже... Очнись, идиот!» — обругал он себя и прицелился в динамит. И очень медленно, очень спокойно нажал на спуск.

Сначала был звук, потом — гигантские руки подняли его и, подержав в воздухе, дали упасть. Он сильно ударился о землю, попал лицом в крапиву, но ему было так плохо, что он этого даже не почувствовал. Позднее он вспоминал: птиц слышно не было. Потом что-то жидкое и тяжелое глухо ударилось о траву в нескольких ярдах от него, и наступила тишина.

Джим поднял голову. Все его тело разламывалось от боли. Он привстал — и увидел огромную дымящуюся воронку. И еще он увидел в десятке шагов от себя сфероид, серо-белый от осевшей на него каменной пыли.

Руум был сейчас под высокой красивой сосной, и он катился к Джиму, а тот смотрел на него и думал: прекратится ли когда-нибудь этот звон в ушах?

Рука Джима стала судорожно искать пистолет. Он исчез — видно, отлетел куда-то в сторону, и его было не найти. Джим хотел помолиться, но не смог, а только бессмысленно повторял про себя: «Моя сестра Этель не знает, как пишется слово Навуходоносор. Моя сестра Этель не знает, как...»

Руум был теперь в одном футе от него, и Джим закрыл глаза. Он почувствовал, как холодные металлические пальцы ощупывают его, сжимают, приподнимают... Они

подняли его несопротивляющееся тело на несколько дюймов вверх и как-то странно подбросили. Дрожа, он ждал укола страшной иглы с ее зеленой жидкостью — и видел перед собой желтое, сморщенное лицо ящерицы с дергающимся веком...

Бесстрастно, ни грубо, ни заботливо, руум снова опустил его на землю. Когда через несколько секунд Джим открыл глаза, он увидел, что сфероид удаляется. Провожая его глазами, он зарыдал без слез.

Ему показалось, что прошло всего лишь несколько секунд, прежде чем он услышал мотор гидросамолета и, открыв глаза, увидел склонившегося над ним Уолта.

Уже в самолете, на высоте пяти тысяч футов над долиной, Уолт вдруг ухмыльнулся, хлопнул его по плечу и воскликнул:

— Джим, а ведь я могу раздобыть стрекозу, и четырехместную! Прихвати мы несколько этих доисторических тварей, пока хранитель музея ищет новую добычу, так ученые — это ты точно сказал — отвалили бы нам за них кучу денег.

Запавшие глаза Джима ожили.

— А ведь пожалуй,— согласился он и с горечью добавил: — Так, значит, нечего было мне от него бегать! Видно, я ему, черт бы его побрал, вовсе и не нужен был. Может, он хотел только узнать, сколько я заплатил за эти штаны,— а я-то драпал!

— Да-а,— задумчиво протянул Уолт.— Чудно все это. После такого марафона — и на́ тебе! А ты молодчина.

Он покосился на измождѐнное лицо Джима:

— Ну и ночка у тебя была! Фунтов десять ты сбросил, а то и больше.

Роберт ХАЙНЛАЙН

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

«Экспедиция к Проксиме Центавра, организованная Фондом Джордана в 2119 году, была первой в истории попыткой достичь ближайших звезд нашей Галактики. О судьбе, постигшей экспедицию, можно только догадываться...»

Френк Бак. Романтики современной астрографии, изд-во «Люкс Лимитед».

Часть I. ВСЕЛЕННАЯ

— Осторожно! Мьют!

Кусок железа врезался в переборку прямо над головой Хью с такой силой, что, не промахнись пращник, пробил бы ее наверняка. Хью Хойланд резко пригнулся, оттолкнулся ногами от пола и, пролетев несколько метров по коридору, выхватил нож. Перевернувшись в воздухе у поворота, он встал на ноги. За поворотом коридор был пуст. Оба товарища догнали его.

— Ушел? — спросил Алан Махони.

— Ушел,— ответил Хойланд.— Я видел, как он нырнул в люк. Кажется, у него было четыре ноги.

— Четыре или две, нам все равно теперь не поймать мьюта,— сказал Морт Тайлер.

— Вот еще, ловить его! — воскликнул Махони.— На кой Хафф он нам сдался!

— А я был бы не прочь поймать его, чтобы потолковать кое о чем,— ответил Хойланд.— Клянусь Джорданом, возьми он на два дюйма ниже, быть бы мне в Конвертере.

— Перестаньте через каждые два слова богохульничать,— укоризненно сказал Тайлер.— Слышал бы вас Капитан! — И он благоговейно приложил ладонь ко лбу, как и подобает при упоминании Капитана.

— Джордана ради,— резко ответил Хойланд,— не ум ничай, Морт. Тебя еще не произвели в ученые, а я вряд ли менее благочестив, чем ты, но не вижу греха в том, чтобы иногда дать выход чувствам. Даже ученые так выражаются в сердцах, я сам слышал.

Тайлер открыл было рот, но промолчал.

— Слушай, Хью,— Махони дернул Хойланда за руку.— Давай уйдем отсюда. Мы так высоко никогда еще не забирались. Я хочу вернуться туда, где нормальная тяжесть.

Хойланд, сжимая рукоять ножа, жадно смотрел на люк, в котором скрылся противник.

— Ладно, малыш,— согласился он.— Впереди дорога долгая, пора возвращаться.

Он повернулся и пошел к люку, через который они выбрались на этот ярус. Вверх приходилось подниматься по крутым лестницам, но сейчас Хью просто оттолкнулся от крышки люка и начал плавно спускаться на палубу пятнадцатью футами ниже. Тайлер и Махони последовали за ним. Так они продвигались вниз — через десятки люков и зловещих, слабо освещенных палуб. С каждым разом прыжок чуть-чуть ускорялся, и приземлялись они чуть-чуть тяжелее. В конце концов Махони не выдержал:

— Хью, хватит прыгать. Я ногу зашиб. Давай пойдем лестницами.

— Ладно, но так будет дольше. Кстати, далеко нам еще?

— Отсюда до фермы палуб семьдесят,— ответил Тайлер.

— А ты почем знаешь? — подозрительно спросил Махони.

— Знаю, потому что считал, балда ты этакая.

— Ну да! Считать умеют только ученые. Ты думаешь, если тебя учат читать и писать, так ты уже все знаешь?

Хойланд вмешался, прежде чем спор перерос в ссору:

— Заткнись, Алан. Может, он действительно умеет считать. Морт на такие дела мастак. Да и, судя по тяжести, он прав.

— А лезвия в моем ноже он посчитать не хочет? — не унимался Алан.

— Заткнись, тебе говорят. Ты что, Закона не знаешь? За пределами деревни дуэли запрещены.

Они продолжали свой путь в тишине, легко бежали по лестницам, пока возросшая сила тяжести не заставила перейти на шаг. Вскоре показался ярко освещенный ярус, где расстояние между палубами было раза в два больше, чем наверху. Воздух здесь был влажный и теплый.

— Наконец-то...— сказал Хью.— Однако я не вижу нашей фермы. Мы, наверное, вышли с другой стороны.

— А вон и какой-то фермер,— сказал Тайлер. Сунув мизинцы в рот, он свистнул, а потом крикнул: — Эй, приятель! Куда это мы попали?

Крестьянин не спеша оглядел всех троих, потом объяснил, как найти Главную дорогу, ведущую к их деревне. Они прошли с полторы мили энергичным шагом по широкому, довольно оживленному тоннелю. Навстречу им попадались по большей части крестьяне, толкавшие перед собой груженые тележки. Потом они увидели, как в носилках, которые держали четверо здоровенных слуг, с достоинством покачивался ученый. Его оруженосец шествовал впереди, разгоняя с дороги простолюдинов... А вскоре вся тройка пришла в общинную своей деревни — просторное помещение в три палубы высотой. Здесь они разошлись. Хью направился в казармы кадетов — молодых холостяков, живущих отдельно от родителей. Он умылся, потом отправился к дяде, Эдуарду Хойланду, у которого работал за еду. Когда Хью вошел, тетя взглянула на него, но ничего не сказала: женщине подобало хранить молчание.

— Привет, Хью,— сказал дядя.— Опять бродил по окрестностям?

— Доброй еды, дядя... Конечно, бродил...

Эдуард Хойланд, солидный здравомыслящий человек, снисходительно усмехнулся:

— Где был и что видел?

Тетя бесшумно выскользнула за дверь и вернулась с ужином для Хью, поставила перед ним тарелку, но ему даже и в голову не пришло поблагодарить за заботу. Он проглотил кусок прежде, чем ответить.

— Был наверху. Добрались почти до невесомости. А потом мьют чуть не разнес мне череп.

Дядя хмыкнул:

— Свернешь себе шею в этих трущобах, парень. Ты бы лучше занимался хозяйством и ждал дня, когда я умру и оставлю его тебе.

На лице Хью появилось упрямое выражение.

— А вам разве не любопытно, дядя?

— Мне? Ну, когда я был молодым, тоже много шатался. Прошел всю Главную дорогу, потом вернулся обратно в деревню. И в Темном Секторе бывал, меня там мьюты разве что за пятки не хватали. Видишь, шрам?

Хью видел этот шрам не в первый раз, а дядин рассказ уже наскучил ему до тошноты. Подумаешь, прошел однаж-

ды Главную дорогу! Сам-то Хью хотел побывать везде, все увидеть и все узнать. Взять хотя бы верхние ярусы. Если человеку не дано так высоко забираться, то с чего Джордану было их создавать?

Но мысли эти он держал при себе и продолжал есть. Эдуард Хойланд сменил тему:

— Мне надо повидать Свидетеля. Джон Блэк заявил, что я ему должен трех свиней. Хочешь пойти со мной?

— Да нет, пожалуй. Хотя да, пойду.

— Поспешай тогда.

По дороге они зашли в казарму, и Хью отпросился идти с дядей по делу.

Свидетель жил в маленьком вонючем помещении на краю общинной, где был легкодоступен всем, нуждающимся в его услугах. Он сидел на пороге, ковыряя ногтем в зубах. Его ученик, прыщавый близорукий подросток, сидел на корточках за его спиной.

— Доброй еды,— сказал дядя.

— И тебе доброй еды, Эдуард Хойланд. Ты пришел по делу или просто составить старику компанию?

— И то и другое,— дипломатично ответил дядя, а затем изложил суть своего визита.

— Так в чем проблема? — сказал Свидетель.— В контракте ведь ясно сказано:

Джон Блэк дал Эдуарду овес,
Чтоб Эд свиней ему принес.
Как поросята подрастут,
Из них двух Джону отдадут.

Подросли поросята, Эдуард Хойланд?

— Подросли,— ответил дядя.— Но Блэк требует трех, а не двух.

— Порекомендуй ему холодную примочку на голову. Свидетель свое слово сказал,— и старик жиденько рассмеялся.

Они немного посплетничали. Эдуард Хойланд, как мог, удовлетворял ненасытную жажду старика ко всякого рода подробностям. Хью хранил благопристойное молчание во время беседы старших. Но когда дядя наконец поднялся, он сказал:

— Я задержусь ненадолго.

— Как хочешь. Доброй еды, Свидетель.

— Доброй еды, Эдуард Хойланд.

Когда дядя отошел достаточно далеко, Хью сказал:

— Я принес вам подарок, Свидетель.

— Покажи.

Хью вынул кисет с табаком, который захватил, когда заходил в казарму. Свидетель принял его, не сказав ни слова, и бросил ученику, чтобы тот спрятал.

— Заходи,— сказал Свидетель и повернулся к ученику: — А ты принеси-ка кадету стул.

Хью начал рассказ, и старик тщательно выпытывал все касающееся его последних вылазок, ругая при этом Хью за неумение запомнить события до мельчайших подробностей.

— Ничего вы, молодые, не умеете. Даже этот паршивец,— Свидетель ткнул пальцем в ученика.— Даже он ничего не умеет, хоть и способней тебя раз в десять. Поверишь ли, и тысячи строк в день запомнить не может, а ведь должен занять мое место, когда умру. Да когда я был учеником, мне тысячи строк едва хватало, чтобы заговорить себя и поскорее уснуть. Свистки вы все без горошины.

Хью не возражал, он ждал, пока старик выговорится.

— Ты хотел что-то спросить у меня, паренек?

— Вообще-то, да, Свидетель.

— Ну так выкладывай. Язык, что ли, проглотил?

— Вы когда-нибудь поднимались в невесомость?

— Кто, я? Конечно, нет. Я же учился на Свидетеля. Мне нужно было запомнить все, что написали Свидетели до меня, а на мальчишеские забавы у меня времени не было.

— Я думал, может, вы мне скажете, что там есть.

— А, ну это совсем другое дело. Нет, сам я туда никогда не забирался, но слышал рассказы многих людей, которые там побывали. Очень многих, тебе столько людей не увидеть и за всю жизнь. Я ведь старый. Я помню отца твоего отца и его отца тоже. Что же именно ты хочешь знать?

— Что именно? — Как задать вопрос? Как выразить словами смутную боль в груди? И все-таки: — Какое в этом во всем предназначение, Свидетель? Зачем все эти ярусы над нами?

— Что? Джордан с тобой, сынок, я же Свидетель, а не ученый.

— Я думал, что вы, может быть, знаете... Извините...

— Но я действительно знаю. Строки из Книги Начала — вот что тебе нужно.

— Их я уже не раз слышал.

— Так послушай еще раз. Ответы на все вопросы есть в этих строках, если только у человека хватает мудрости увидеть их. Внемли мне. Хотя нет, дадим возможность моему ученику показать себя. Эй ты! Прочти нам из «Начала», да с выражением.

Ученик облизал губы и начал:

Вначале был Джордан в раздумье глубоком,
Вначале был Джордан во тьме одинокой,
Из тьмы и безлюдства родилось желанье,
Желанье затем перешло в ожиданье.
Из ожиданья родился План —
Джордан решил, и час настал:
Из тьмы и мрака Он Корабль создал!
Миля за милей уютных жилищ
И для плодов золотых хранилищ.
Палубы, люки, свет и воздух —
Все для людей, еще не созданных.
Вот человека сотворил Он
И учредил для него Закон:
Создателя должен чтить человек,
Плану великому посвятить свой век.
Каждому Законом отведено место,
Каждому строго определен удел.
Человеку не дано знать цели,
Главное — чтобы он Создателю
Повиноваться умел.
Одним — говорить, другим — слушать.
Среди людей воцарился порядок.
Он создал Экипаж для черной работы
И ученых для соблюдения Плана.
Помазанник Джордана — Капитан —
Человеческим родом стал править сам
Непорочен лишь Джордан, а люди грешны.
Зависть, жадность и гордость загрязнили умы.
Первым Хафф согрешил, будь он проклят навек!
От него эту скверну вкусил человек.
Разразился мятеж, и погиб Капитан.
Кровью мучеников...

Мальчик запнулся, и старик наотмашь ударил его по лицу.

— Начинай снова!

— С самого начала?

— Нет, с той строки, с которой сбился.

Мальчик продолжал монотонно декламировать строфу за строфой, пространно рассказывая древнюю историю греха, мятежа и смутного времени. Как мудрость в конце концов взяла верх и как тела вождей мятежа скормили Конвертеру. Как некоторым мятежникам удалось избе-

жать Полета и положить начало племени мьютов. Как после молитв и жертвоприношений был избран новый Капитан.

Хью беспокойно заерзал, шаркая ногами по полу. Без сомнения, в Священных Строках были ответы на все его вопросы, на то они и священные, но у него, видно, ума не хватало найти их. Но почему? В чем же вообще смысл жизни? Неужели жить — значит всего лишь есть, спать и в конце концов отправиться в Дальний Полет? Разве Джордан не желал, чтобы его поняли? Откуда же тогда боль в груди? Этот голод, который нельзя утолить даже доброй едой?

Утром к дверям дядиного жилища подошел посыльный.

— Ученый хочет видеть Хью Хойланда,— отчеканил он.

Хью понял, что его вызывает Лейтенант Нельсон — ученый, отвечающий за духовное и физическое состояние сектора Корабля, в котором располагалась родная деревня Хью. Он быстро собрался и заторопился вслед за посыльным.

— Кадет Хойланд прибыл,— доложил он.

Ученый оторвался от завтрака и сказал:

— А, да. Входи, мой мальчик. Садись. Ты ел?

Хью утвердительно кивнул головой, не отрывая глаз от диковинных фруктов, лежащих на тарелке. Нельсон проследил его взгляд.

— Попробуй эти финики. Новая мутация. Я приказал доставить их с дальней стороны. Ешь, пожалуйста. В твоем возрасте всегда можно съесть еще немножко.

Хью с гордостью принял приглашение. Делить трапезу с Ученым ему еще не приходилось. Лейтенант откинулся в кресле, вытер пальцы о рубашку, оправил бороду и приступил к делу:

— Последнее время я совсем не видел тебя, сын мой. Расскажи мне, чем ты занимаешься.

Не успел Хью ответить, как Ученый заговорил снова:

— Хочешь, я сам тебе скажу. Ты изучаешь верхние ярусы, мало беспокоясь о том, что это запретная зона. Так или нет?

Хью пытался что-то промямлить, но ученый снова перебил:

— Ну ничего, ничего. Я вовсе не сержусь. Но просто все это заставило меня подумать, что тебе пора выбирать

свое место в жизни. Есть ли у тебя какие-либо планы на будущее?

— Сказать по правде, определенных планов нет, сэр.

— А что у тебя с этой девушкой, Идрис Бакстер? Собираешься жениться?

— Не знаю, сэр. Я бы не прочь, да и отец ее тоже, насколько мне известно. Вот только...

— Что «только»?

— Он хочет, чтобы я пошел к нему на ферму в ученики. Предложение, конечно, неплохое. Его ферма да дядин надел — это хорошее хозяйство.

— Но ты не уверен, что тебе именно этим хочется заниматься...

— Сказать по правде, не знаю.

— Правильно. Ты не для этого создан. У меня относительно тебя другие планы. Скажи, ты никогда не задумывался, почему я тебя научил читать и писать? Ага, задумывался? Но держал свои мысли при себе? Вот и молодец. А теперь слушай меня внимательно. Я наблюдал за тобой со дня твоего рождения. Воображение твое развито намного лучше, чем у других простолюдинов. В тебе больше, чем в них, любопытства, больше энергии. Ты прирожденный лидер и уже ребенком выделялся среди других детей. Когда ты родился, твоя слишком большая голова сразу вызвала пересуды. Некоторые даже предлагали закончить дело Конвертером. Но я не согласился. Мне было очень интересно, что из тебя получится. Жизнь крестьянина не для тебя. Твой удел быть ученым.

Лейтенант смолк и внимательно посмотрел на растерянного, потерявшего дар речи Хью. Потом заговорил снова:

— Именно так дела и обстоят. Человека твоего склада следует сделать либо одним из правителей, либо отправить в Конвертер.

— Если я правильно вас понял, сэр, то у меня и выбора нет?

— Откровенно — да. Оставлять мыслящих людей в рядах Экипажа — значит сеять ересь. Это недопустимо. Однажды так случилось, и род человеческий чуть было не погиб. Ты выделился из общей массы своими дарованиями. Теперь твое мышление следует направить на путь истинный, открыть секреты чудес, дабы ты стал охранителем устоев, а не источником смуты и беспокойства.

Вошел посыльный, нагруженный узлами, и сложил их в углу.

— Да это же мои пожитки! — воскликнул Хью.

— Совершенно верно,— подтвердил Нельсон.— Я за ними послал. Теперь ты будешь жить здесь, заниматься под моим наблюдением, если, конечно, у тебя на уме нет чего-либо другого.

— О нет, сэр, что вы! Должен сознаться, я просто немного растерян. Скажите, я теперь... Ну, то есть вы против моей женитьбы?

— А, вот ты о чем...— безразлично ответил Нельсон.— Если хочешь, просто возьми девку себе. Отец теперь возражать не посмеет. Но позволь предупредить, тебе будет не до нее.

Хью пожирал одну за другой древние книги, которые давал ему наставник, забыл даже о Идрис Бакстер и своих дальних экспедициях. Часто ему казалось, что он напал на след какой-то тайны, но каждый раз оказывался в тупике и чувствовал себя еще больше запутавшимся, чем раньше. Постичь премудрости науки и тайны ученых было более трудным делом, чем он предполагал.

Однажды, когда он ломал голову в размышлениях о непостижимо странных и непонятных характерах предков и пытался разобраться в их запутанной риторике и непривычной терминологии, в его комнатушку вошел Нельсон и отцовским жестом положил руку на плечо.

— Как идет учеба, мальчик?

— Да, пожалуй, нормально, сэр,— ответил Хью, отложив книгу в сторону.— Но кое-что я не совсем понимаю. А сказать по правде, не понимаю совсем.

— Чего и следует ожидать,— невозмутимо ответил Нельсон.— Я умышленно оставил тебя наедине с мудростью, чтобы ты увидел ловушки, расставленные для природного ума, не вооруженного знанием. Многое из того, что ты прочел, не понять без разъяснений и толкований. Чем ты сейчас занят? — Он взял книгу и посмотрел на обложку: — «Основы современной физики». Это одно из самых ценных древних писаний, но непосвященному не разобраться в нем без помощи. Прежде всего ты должен понять, мой мальчик, что наши предки при всем их духовном совершенстве придерживались иных взглядов на мир, чем мы. В отличие от нас, рационалистов до моз-

га костей, они были неисправимыми романтиками, и те незыблемые истины, которые оставлены нам в наследство, часто излагались у них аллегорическим языком. Возьми, например, Закон Всемирного Тяготения. Дошел ты уже до него?

— Да, я читал о нем.

— Понял ли ты его? Мне кажется, что нет.

— Я не увидел в нем никакого смысла,— робко сказал Хью.— Прошу прощения, сэр, но все это показалось мне какой-то белибердой.

— Вот блестящий пример того, о чем я тебе говорил. Ты воспринял этот Закон буквально. «Два тела притягивают друг друга пропорционально квадрату расстояния между ними». Казалось бы, эта формула звучит как правило, констатирующее элементарное состояние физических тел. Но нет! Ничего подобного! Перед нами не что иное, как древнее поэтическое изложение закона близости, лежащего в основе чувства любви. Тела, о которых идет речь,— это человеческие тела. Масса — это их способность к любви. У молодых потенциал любви намного выше, чем у стариков; если их свести вместе, они влюбятся друг в друга, но, если разлучить, чувство любви быстро проходит. Все очень просто. А ты пытался найти какой-то скрытый глубокий смысл там, где его нет.

Хью усмехнулся:

— Такая трактовка мне и в голову не приходила...

— Если тебе что-либо неясно, спрашивай.

— У меня много вопросов, так сразу я даже с ними и не соберусь. Но вот что я хотел бы знать, отец мой. Можно ли считать мьютов людьми?

— Так... Вижу, ты наслушался праздной болтовни... И да и нет. Верно то, что мьюты когда-то произошли от людей, но они ведь давно уже не относятся к Экипажу, ведь они согрешили и нарушили Закон Джордана. О, это очень сложный вопрос,— продолжал учитель, увлекшись.— Здесь можно спорить и спорить. Дискутируется даже этимология слова «мьют». Некоторые ученые считают, что было бы более правильным называть эти существа «мяты», поскольку — и это, безусловно, верно — начало их роду было положено избежавшими Конвертера мятежниками. Но верно также и то, что в их жилах течет кровь многочисленных мутантов, расплодившихся в Темные века. Отсюда и «мьют» — «мутант». В те давнишние времена, как ты сам понимаешь, не существовало еще на-

шего мудрого обычая — осматривать каждого новорожденного и отправлять в Конвертер тех, кто отмечен печатью греха, а значит, родился мутантом.

Хью обдумывал услышанное, потом спросил:

— А почему же среди нас, людей, все еще появляются мутанты?

— Это как раз легко понять. Семя греха все еще живет в нас и временами воплощается в людей. Уничтожая этих паршивых овец, мы оберегаем стадо и тем самым приближаемся к осуществлению великого Плана Джордана — завершению Полета в нашем доме небесном, Далеком Центавре.

Хойланд напряженно свел брови:

— Это мне тоже не совсем ясно. Многие из древних писаний говорят о Полете как о действительном процессе движения куда-то. Как если бы сам Корабль был бы какой-то тележкой, которая может двигаться из одной деревни в другую. Как это понять?

Нельсон хмыкнул:

— Как понять? Вот уж действительно вопрос. Как может двигаться то, внутри чего движется все остальное? Ответ ясен. Ты опять спутал древнюю аллегорию с реальностью. Само собой разумеется, что Корабль неподвижен. Корабль — это Вселенная. Но, конечно, она движется в духовном смысле слова. С каждым нашим праведным поступком мы продвигаемся все ближе и ближе к божественному предначертанию Плана Джордана.

— Я, кажется, понимаю,— кивнул Хью.

— Видишь ли, Джордан мог создать Вселенную и не в виде Корабля. Он мог придать ей любую форму. На заре человечества, когда наши предки были более поэтичными, чем мы, святые соперничали друг с другом, строя гипотезы о возможных мирах, которые мог бы создать Джордан, будь на то его воля. Существовала даже школа, разработавшая целую мифологию о перевернутом вверх дном мире, состоящем из бесчисленного множества пустых пространств, в которых только кое-где мерцали огоньки и жили бестелые мифологические чудовища. Они называли этот вымышленный мир «небом» или «небесным миром», видимо, по контрасту с реальной действительностью Корабля. Я думаю, что все это делалось к вящей славе Джордана. И кому дано судить, по нраву Ему были эти мечты или нет? Но в ваш просвещенный век на нас возложена более серьезная работа, чем на наших предков.

Астрономия Хью не интересовала. Даже его нетренированному уму было ясно, насколько она нереальна и не от мира сего. Он же был занят вопросами более практическими.

— Если мьюты — плод греха, то почему же мы не предпримем попыток уничтожить их? Разве такое деяние не ускорит выполнение Плана?

После короткой паузы ученый ответил:

— Ты задал прямой вопрос и заслуживаешь прямого ответа. Подумай сам: ведь в Корабле достаточно места только для определенного числа членов Экипажа. Если мы начнем размножаться безо всяких ограничений, то наступит время, когда доброй еды на всех не хватит. Так не будет ли лучше, если некоторые погибнут в стычках с мьютами, чем допустить ситуацию, при которой нас станет так много, что мы будем вынуждены убивать друг друга из-за еды? Видишь, в Плане Джордана даже мьютам отведено место.

Аргументация казалась убедительной, но все же не до конца. Во всяком случае для Хью.

Но когда его как младшего ученого допустили к практической деятельности по управлению жизнью Корабля, он обнаружил, что существуют и другие теории. Согласно установленному обычаю он некоторое время обслуживал Конвертер. Работа была необременительная. В основном приходилось принимать отходы, доставляемые носильщиками изо всех деревень, да вести учет поступлениям. Но, работая там, он познакомился с Биллом Эртцем, Заместителем Главного инженера, который был совсем ненамного его старше.

Хью обсуждал с ним теории, усвоенные из бесед с Нельсоном, но реакция Эртца просто потрясла его.

— Заруби себе на носу, малыш,— сказал ему Эртц,— что наша работа — это практическое дело для практически мыслящих людей. Забудь всю эту романтическую чепуховину. План Джордана, тоже мне! Все эти россказни только и годятся для того, чтобы держать крестьян в повиновении, но ты-то на это не клюй. Никакого Плана и в помине нет, кроме, конечно, наших собственных планов. Кораблю нужны свет, тепло и энергия, которыми ведаем мы, ученые. Экипажу без них не прожить. Что касается этой мягкотелой терпимости по отношению к мьютам, то, помяни мое слово, скоро кое-что изменится. Держи язык за зубами, а сам будь поближе к нам.

Из этого разговора Хью понял, что ему следует примкнуть к группировке молодых ученых. Молодые создали свою собственную, крепко спаянную организацию, состоящую из практически мыслящих, работящих людей, которые были намерены улучшить условия жизни во всем Корабле. Они были крепко спаяны потому, что каждый молодой кандидат в ученые, не оказавшийся способным воспринять их взгляды, либо вскоре оказывался снова среди крестьян, либо, что случалось еще чаще, был обвинен в серьезном служебном проступке и оказывался в Конвертере.

И Хойланд начал понимать, что молодые ученые были правы.

Они были реалистами. Корабль есть Корабль. Факт, не требующий толкования. А что касается Джордана, то кто Его видел? Кто с Ним хоть раз беседовал? И в чем это заключается Его малопонятный План? Смысл жизни в том, чтобы жить. Человек рождается, живет и уходит в Конвертер... Все очень просто, без всяких мистерий, божественных Полетов и Центавров. Все эти мифы и сказки не что иное, как пережитки детства рода человеческого, тех времен, когда человек еще не умел разобраться в реальности бытия и не обладал достаточной смелостью, чтобы смотреть правде в глаза и объективно ее воспринимать.

Хью перестал забивать себе голову астрономией, мистической физикой и прочей мифологией, которую ранее привык почитать. Священные строки из Книги Начала и все эти старые сказки о Земле — это еще что за хаффовщина, «Земля» какая-то? — теперь только забавляли его. Он знал, что верить в них могут лишь дети да тупицы.

Да и работы у него теперь было по горло. Молодые вынашивали свои проекты, среди которых первое место занимало планомерное истребление мутантов. Они и сами толком не представляли себе, чем займутся после этого, но рассчитывали полностью использовать все ресурсы Корабля, включая и верхние ярусы. Молодежи удавалось проводить свои планы в жизнь, не вступая в открытое противоборство со старшими, потому что старшее поколение ученых мало интересовалось вопросами повседневной жизни Корабля. Нынешний Капитан разжирел так, что редко покидал свою резиденцию, а всеми делами от имени Капитана вершил его Старпом, член группы молодых. Главного инженера Хью за все это время видел всего один

раз, да и то на религиозной церемонии сдачи вахты у Конвертера.

Проект истребления мьютов требовал систематических рекогносцировок верхних ярусов. В одной из таких вылазок Хью и попал в засаду.

Этот мьют стрелял из пращи лучше, чем первый. Спутники Хойланда сочли его мертвым и оставили на поле боя, отступив под давлением превосходящих сил противника.

Джо-Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Раньше он играл сам с собой в карты, но Джо — правая голова — заподозрил, что Джим — левая голова — передергивает. Они поссорились, но потом помирились, поскольку давно уже поняли, что двум головам на одной паре плеч просто необходимо уметь находить компромиссы.

Шашки были куда как лучше. Обе головы видели доску, и почвы для конфликта не возникало.

Игру прервал громкий стук в дверь. Джо-Джим обнажил метательный нож и согнул руку для броска.

— Входи! — рявкнул Джим.

Дверь открылась, и стучавший вошел спиной — все знали, что к Джо-Джиму входить можно было только так, чтобы сразу не угостили ножом.

Вошедший был приземист — не выше четырех футов — и коренаст. В нем чувствовалась гигантская физическая сила. На широких его плечах лежало обмякшее человеческое тело.

Джо-Джим убрал нож.

— Положи его на пол, Бобо,— приказал Джим.

— И закрой за собой дверь,— добавил Джо.

— Съедим, а? — На полуоткрытых губах Бобо выступила слюна.

— Может быть, и съедим,— неуверенно ответил Джим.— Это ты его подбил?

Бобо кивнул маленькой головой.

— Хорошо, Бобо,— одобрительно сказал Джо.— Куда попал?

— Бобо попал ему сюда,— карлик ткнул толстым пальцем чуть ниже грудной клетки пленника.

— Метко,— одобрил Джим.— Мы, пожалуй, и ножом бы лучше не попали.

— Бобо меткий,— охотно согласился карлик.— Показать? — И он достал пращу.

— Уймись,— беззлобно сказал Джо.— Нам показывать не надо. А вот его хорошо бы заставить говорить.

— Бобо сделает,— согласился коротышка и по простоте душевной попытался ткнуть лежащего без сознания человека ножом под ребра.

Джо-Джим отогнал его пинком и сам занялся телом, применяя методы хотя и болезненные, но значительно менее радикальные, чем методы Бобо. Юноша открыл глаза.

— Съедим, а? — стоял на своем Бобо.

— Нет,— ответил Джо.

— Ты когда ел в последний раз? — осведомился Джим.

Бобо потер живот и печально затряс головой, всем своим видом показывая, что это было, увы, давно. Джо-Джим открыл шкаф и вынул оттуда кусок мяса. Джим понюхал его, Джо брезгливо отвернулся. Джо-Джим бросил кусок Бобо, который, радостно подпрыгнув, поймал его на лету.

— А теперь убирайся,— приказал Джим.

Бобо засеменил к выходу и закрыл за собой дверь. Джо-Джим повернулся к пленнику и пнул его ногой.

— Говори,— сказал Джим,— кто ты, Хафф тебя дери?

Юноша вздрогнул, медленно провел рукой по голове, потом, увидев вдруг Джо-Джима, попытался рывком вскочить, но непривычно малая сила тяжести нарушала координацию движений. Поднявшись, однако, на ноги, он потянулся к ножнам. Ножа на поясе не было. Зато Джо-Джим обнажил свой.

— Веди себя хорошо, и тебя не обидят. Твое имя? — спросил Джо.

Юноша облизал запекшиеся губы и обвел глазами комнату.

— А что с ним возиться? — сказал Джим.— На мясо только и годится. Давай лучше позовем Бобо.

— С этим всегда успеется,— ответил Джо.— Я хочу с ним потолковать. Как тебя зовут?

Пленник снова посмотрел на нож и пробормотал:

— Хью Хойланд.

— Это нам ничего не говорит,— заметил Джим.— Чем ты занимаешься? Из какой ты деревни? И что делал в стране мьютов?

На эти вопросы Хойланд не отвечал, даже когда его кольнули ножом под ребро.

— Хафф с ним,— буркнул Джо.— Он, видно, всего лишь глупый крестьянин. Плюнь на него.

— Так что, прикончим?

— Не сейчас. Пока просто запрем.

Джо-Джим открыл дверь маленькой каморки, впихнул в нее Хью и, заперев, вернулся к игре.

Хью растянулся на полу и погрузился в невеселые и бесплодные раздумья, благо времени у него оказалось более чем достаточно. Сколько он пробыл взаперти, Хью уже не мог понять. Он много раз засыпал и просыпался, терзаемый голодом и жаждой.

Когда Джо-Джим снова почувствовал интерес к пленнику и открыл дверь, Хью валялся в углу в полуобмороке. Джо-Джим выволок его наружу.

Встряска немного оживила Хью. Он сел и огляделся по сторонам.

— Будешь говорить? — поинтересовался Джим.

Хойланд открыл рот, но не мог вымолвить ни звука.

— Он так обезвожен, что у него язык к гортани прилип,— сказал Джо своему близнецу. Потом он повернулся к Хью: — Если мы тебе дадим воды, будешь говорить?

Хойланд обалдело посмотрел на него и изо всех оставшихся сил закивал головой.

Джо-Джим протянул ему кружку с водой. Хью жадно припал к ней.

— Хватит с тебя,— вырвал наконец кружку из его рук Джо-Джим.— Говори!

Хью начал и выложил все до мельчайших подробностей.

Он ожидал, что его образование и ранг ученого произведут впечатление на Джо-Джима. Но ожидания эти не оправдались. Близнецы были прирожденными скептиками и спорщиками. Особенно Джим. Они быстро выкачали из Хью все, что могли, и махнули на него рукой. Хойланд чувствовал себя уязвленным. Разве он не ученый, в конце концов? Разве он не умеет читать и писать?

— Заткнись, ты! — сказал ему Джим.— Чтение — дело плевое. Я умел читать, когда твой отец еще не родился. Думаешь, ты у нас первый ученый пленник? Вот еще невидаль — ученые! Шайка невежд!

Пытаясь завоевать уважение к своему интеллектуальному «эго», Хью начал излагать теории молодых ученых,

отметающие все религиозные интерпретации и воспринимающие Корабль как он есть. Он ожидал, что Джо-Джиму такой подход будет по душе, но близнецы лишь еще больше стали издеваться над ним.

— Вот уж действительно,— фыркнул Джим, закашлявшись от смеха,— вы, молодые идиоты, еще хуже старых.

— Но ты же сам говорил,— обиженно ответил Хью,— что все наши религиозные догмы просто чепуха. Мои друзья именно из этого и исходят. Они хотят положить конец всей этой устаревшей ерунде.

Джо начал было отвечать, но Джим перебил его:

— Что ты с ним возишься, Джо? Он же безнадежен.

— Нет, он вовсе не безнадежен. Мне нравится с ним спорить. Впервые нам попался человек хоть с какими-то проблесками ума. Просто интересно посмотреть, голова у него на плечах или держалка для ушей.

— Ладно, спорь с ним,— согласился Джим.— Может, он и поймет, что к чему. Но только, пожалуйста, потише. Я пока сосну.

Левая голова закрыла глаза и захрапела. Джо и Хью продолжали вполголоса беседовать.

— Все вы дурни, и старые и молодые,— говорил Джо,— но каждый на свой лад. То, что молодые не могут понять, они просто отрицают. Не существует, мол, этого, и все дела. А старцы — те наоборот. Они не отрицают непонятное, они просто подгоняют его под свои догмы, а потом уверяют и себя и вас, что все правильно поняли и что именно так дела и обстоят. Но никто из вас никогда и не пытался просто поверить прочитанному и воспринять все как есть в действительности. Как же, вы ведь слишком умны, чтобы упрощать! Если вы чего не поняли, значит, следует искать совсем противоположный смысл!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хью подозрительно.

— Что я имею в виду? Возьми хотя бы этот пресловутый Полет. Как ты его себе представляешь?

— Никак. Полет, по-моему, вообще ничего не означает. Так, басня для крестьян.

— Хорошо, пусть будет басня. Но в чем она заключается?

— Полет — это место, куда человек попадет, когда умрет, или даже то, что он делает после смерти. Человек умирает и отправляется в Полет на Центавр.

— А что такое Центавр?

— Центавр — это... Но учти, что я тебе просто излагаю ортодоксальные доктрины. Сам-то я в них давно не верю. Так, значит, Центавр — это то место, куда человек попадает в конце Полета после смерти, место, где все всегда счастливы и где много доброй еды.

Джо фыркнул. Джим перестал храпеть, открыл один глаз, потом закрыл его и опять заснул.

— Именно это я и имел в виду,— продолжал шепотом Джо.— Не хочешь ты шевелить мозгами. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что Полет и есть именно полет, а не что-либо другое? И что старые книги следует понимать буквально: как в них и написано. Корабль вместе со своим Экипажем просто летит куда-то, передвигается в пространстве.

Хойланд обдумал слова Джо.

— Ты просто смеешься надо мной. То, что ты говоришь, никак невозможно физически. Как же Корабль может передвигаться в пространстве, когда он сам и есть пространство? Мы можем передвигаться внутри Корабля, но, говоря о Полете, мы, конечно же, вкладываем в это слово чисто духовное содержание.

Джо призвал на помощь имя Джордана.

— Послушай,— сказал он,— вбей наконец в свою тупую башку такую мысль. Представь себе пространство, намного большее, чем наш Корабль. И что Корабль движется в нем.

Хью честно попытался вообразить себе такую картину. Потом покачал головой.

— Бессмыслица,— сказал он.— Как же может существовать нечто большее Корабля? Корабль — это и есть Вселенная.

— Хафф тебя побери! Вне Корабля, поймешь ты наконец или нет? Вообрази себе пространство вне Корабля. Иди мысленно вниз до самого последнего яруса, а потом представь, что ты прошел сквозь него.

— Но ведь дальше нижнего яруса некуда идти. Поэтому он и есть нижний.

— Представь себе, что ты взял нож и начал сверлить дыру в полу нижнего яруса. Что получится?

— Что? Сломаю нож, вот и все. Пол же очень твердый.

— Вообрази, что пол мягкий. Вообрази, что ты проковырял дыру. Что ты обнаружишь? Подумай!

Хью закрыл глаза и попытался представить, как он

сверлит дыру в полу нижнего яруса. Смутно, очень смутно в сознании его забрезжила картина, переворачивающая всю душу, все привычные представления. Он вышел в сделанную им дыру и падает, падает, падает в нее, в бесконечную пустоту.

— Нет, нет, я не верю,— выдохнул он.— Это ужасно!

Джо-Джим встал.

— Я тебя заставлю поверить,— хмуро сказал он.— Заставлю, если даже придется свернуть тебе для этого шею.— Он подошел к двери и крикнул: — Бобо, эй, Бобо!

Джим дернулся и открыл глаза.

— Что происходит? Что случилось?

— Мы сейчас отведем Хью в невесомость.

— Это еще зачем?

— Вбить в его глупую голову немного ума.

— В следующий раз.

— Нет, сейчас.

— Хафф с тобой, ладно. Да не трясись ты, я уже все равно проснулся.

Умственные способности Джо-Джима Грегори были так же уникальны, как и его физический облик. Он был бы выдающейся личностью при других обстоятельствах, и неудивительно, что держал себя хозяином и заставлял мутантов служить себе. Испытывай он жажду власти, ему ничего не стоило бы сплотить мутантов и покорить Экипаж Корабля. Но властолюбием Джо-Джим не страдал. Он был прирожденным интеллектуалом, наблюдателем, стоящим в стороне. Его стремление к действию ограничивалось созданием уютной и удобной обстановки, способствующей размышлениям.

Родись он двумя обычными близнецами среди Экипажа, их наверняка ожидал бы сан ученых. Сейчас же Джо-Джим мучился отсутствием достойного партнера для интеллектуальных упражнений и утешался, как мог, чтением книг, наворованных его служками, три поколения которых он уже пережил.

Прочитанное всегда живо обсуждалось обеими половинами его двойной личности. В итоге Джо и Джим выработали весьма разумную и связную концепцию физической природы мира и его исторического развития. Понятие художественной литературы было, пожалуй, единственным, чего они не смогли усвоить, романы, которыми когда-то была снабжена библиотека экспедиции Фонда Джордана, они принимали за такую же достоверную информа-

цию, как справочную и научную литературу. На этой почве они серьезно расходились во взглядах. Джим считал величайшим в истории человеком Алана Квотермейна. Джо придерживался того же мнения о Джоне Генри.

Оба страстно любили поэзию, Киплинга они читали на память целыми страницами. Почти наравне с Киплингом оба чтили Райлинга, «слепого певца космических дорог».

Вошел Бобо. Джо-Джим показал на Хью.

— Он сейчас выйдет отсюда,— сказал Джо.

Бобо радостно захлопал себя по животу.

— Вот ведь обжора.— Джо двинул его кулаком в бок.— Нет, ты его не трогай. Ты и он — кровные братья. Понял?

— Нельзя есть?

— Нельзя. Ты будешь драться за него, он за тебя.

— Хорошо.— Карлик пожал плечами, покоряясь неизбежному.— Кровные братья. Бобо знает.

— Тогда пошли. Туда, где все летает. Ты иди вперед.

Они лезли вверх гуськом, один за другим. Карлик шел первым и внимательно осматривал дорогу. За ним следовал Хойланд. Джо-Джим замыкал шествие. Джо смотрел вперед, Джим через плечо назад.

С каждой пройденной палубой вес все уменьшался. И вот они достигли яруса, выше которого дороги не было — потолок был глухой, без люка. Силы тяжести здесь почти не чувствовалось. Хью особой радости от экспедиции не испытывал — с непривычки его начало мутить. Зато Бобо заметно наслаждался парением в невесомости. Он передвигался в воздухе подобно большой неуклюжей рыбе, хватаясь за вделанные в стены поручни.

Так же хватаясь за поручни, расположенные в определенном порядке, Джо-Джим продвигался вперед, как паук по паутине. Хью пытался подражать им. Постепенно он приноровился отталкиваться, пролетать значительное расстояние, отталкиваться снова. Остановились они, когда путь им преградила стена. Джо-Джим двинулся по стене направо, ощупывая ее рукой. Наконец он нашел то, что искал,— дверь высотой в человеческий рост, запертую так плотно, что и обнаружить ее можно было только по сложному геометрическому узору на поверхности. Джо-Джим посмотрел на дверь и почесал свою правую голову. Потом правая и левая головы тихонько о чем-то пошептались. Джо-Джим нерешительно поднял руку.

— Нет, нет,— сказал Джим.

Джо-Джим снова посмотрел на дверь.

— Как так? — спросил Джо.

Они снова начали шептаться. Наконец Джо кивнул, и Джо-Джим опять поднял руку. Он обводил пальцами контуры рисунка на двери, не прикасаясь, однако, к нему. Потом уперся ладонью в стену, оттолкнулся от двери и замер в ожидании. Через секунду раздался еле слышный свист проходящего через щель воздуха. Дверь вздрогнула, приоткрылась дюймов на шесть и остановилась. Джо-Джим был заметно обескуражен. Он осторожно всунул пальцы в образовавшуюся щель и потянул дверь за край. Дверь не двигалась с места.

— Бобо, открой ее! — крикнул Джо.

Сморщив лоб, Бобо оглядел щель. Потом уперся ногами в стену, вцепился в дверь руками, поднатужился и потянул. По лицу его катился пот, спина напряглась, на шее выступили жилы. Хью услышал, как у карлика затрещали суставы. Было похоже, что он сейчас лопнет от натуги, потому что отказаться от этой невозможной затеи у него не хватит ума.

Но дверь неожиданно скрипнула и подалась, вырвавшись из крепко сжатых пальцев Бобо. Ноги карлика, упертые в стену, пружиной швырнули его в сторону, и он растопырил руки, пытаясь схватиться за поручень в полете. Через секунду Бобо вернулся обратно, потирая сведенную от напряжения икру.

Джо-Джим первым вошел в проход. Хью за ним.

— Где мы находимся? — потребовал объяснений Хью, любопытство которого разгорелось настолько, что даже заставило забыть о подобающих слуге манерах.

— В Главной рубке,— ответил Джо.

Главная рубка! Священнейшее и запретнейшее помещение Корабля, само расположение которого забылось и стало тайной! Для старых Ученых она была либо слепым догматом веры, либо предметом мистических толкований, а молодые Ученые вообще перестали верить в ее существование.

Хотя Хью и считал себя человеком просвещенным, одни эти слова привели его в благоговейный трепет. Главная рубка! Да ведь здесь же, говорят, обитает дух самого Джордана!

— Что стоишь столбом? Пошли! — оглянулась голова Джо.

— Но ведь дух Джордана...

— Вот те на! — воскликнул Джо раздраженно.— Ты же говорил, что вы, молодые, в Джордана больше не верите.

— Конечно, но ведь...

— Прекрати. Иди вперед, а не то прикажу Бобо тащить тебя.

Хью неохотно последовал за Джо-Джимом.

Они прошли коридор, достаточно широкий, чтобы в нем могли разминуться два человека, и очутились в арке, ведущей непосредственно в Главную рубку. Любопытство перебороло страх, и Хью выглянул из-за плеч Джо-Джима. Глазам его открылось просторное, футов двести длиной, хорошо освещенное помещение сферической формы — внутреннее пространство огромного шара. Поверхность этого шара светилась тусклым матовым серебром. В геометрическом центре сферы Хью обнаружил скопление приборов футов пятнадцати в поперечнике. Увиденное ничего не говорило его неопытному глазу, он бы и описать его не смог. Просто приборы висели неподвижно без какой бы то ни было опоры.

От арки, в которой они стояли, шел только один путь — тоннель из металлической решетки.

Джо-Джим приказал Бобо оставаться на месте, а сам полез в тоннель. Он лез по решеткам, как по лестнице. Хью последовал за ним внутрь непонятного сооружения. Постепенно из общей массы оборудования пульта управления стали видны отдельные детали, но Хью они все равно ничего не говорили. Он отвернулся и принялся рассматривать поверхность шара, окружавшего их.

Это было ошибкой. Белая матовая поверхность не давала чувства перспективы. Может быть, она отстояла от него всего на сотню футов, а может быть, на всю сотню миль. Хью никогда не видел ни высоты, большей, чем расстояние между двумя палубами, ни открытого пространства, большего, чем общинная его деревни. Его охватил ужас, усугублявшийся тем, что причин этого чувства он не мог понять. Дух давно забытых лесных предков пробудился в нем, и первобытный страх свел судорогой живот. Хью вцепился в Джо-Джима.

Джо-Джим резко ударил его по лицу.

— Ты что это?! — рявкнул Джим.

— Я не знаю, что со мной,— выдавил наконец Хью.— Не знаю, но мне здесь не по себе. Давайте уйдем отсюда.

Джим посмотрел на Джо и сказал брезгливо:

— Можем и уйти. Попусту только время тратим на эту мокрицу, все равно он ничего не поймет.

— Прекрасно поймет,— ответил Джо.— Лезь в кресло, Хью, вот сюда.

Пока братья спорили, Хью внимательно осмотрел тоннель, которым они достигли пульта управления, проследив взглядом весь путь, проделанный ими от арки. Сфера неожиданно сфокусировалась в его глазах, и страх исчез. Все еще дрожа, он повиновался приказу Джо.

Кресла пульта были установлены так, чтобы все приборы и панели находились в пределах досягаемости космонавтов, но Хью, разумеется, не имел об этом ни малейшего представления. Он откинулся в кресле, радуясь, что устроился наконец прочно и надежно.

На панели перед креслом Джо-Джима происходило что-то таинственное. Внезапно зажглись красные буквы: «Второй навигатор пост принял».

Что такое «второй навигатор»?

Вдруг Хью увидел на панели перед его креслом те же слова и понял, что это человек, который должен сидеть здесь. Но что же означает «второй навигатор»?

Буквы на приборной доске перед Джо-Джимом погасли. В левом углу светилась лишь большая красная точка.

— Приготовься,— сказал Джо.— Сейчас погаснет свет.

— Нет, не надо, не выключай,— запротестовал Хью.

— А я и не собираюсь. Ты сам выключишь. Посмотри слева от себя. Видишь маленькие белые огоньки?

Хью повернулся и увидел на левом подлокотнике восемь маленьких огоньков, расположенных двумя группами по четыре одна над другой.

— Каждый контролирует освещение одного квадранта,— объяснил Джо.— Прикрой их рукой, и свет погаснет.

Неохотно, но уже не в силах подавить растущее любопытство, Хью повиновался. Матовые стены потемнели, а потом их свечение угасло совсем. В кромешной тьме мерцали лишь огоньки приборной доски.

Хью била нервная дрожь. Он убрал руку, восемь маленьких огоньков горели теперь голубым светом.

— Сейчас я покажу тебе звезды,— сказал Джо.

В темноте рука Джо-Джима легла на другой узор из восьми огоньков.

Мироздание.

Со стен стеллариума на Хью смотрели отражения звезд, со скрупулезной достоверностью воспроизведенные зеркалами телескопов; звезд, испускающих ровный безмятежный свет. Бриллианты, с небрежной щедростью рассыпанные по искусственному небу,— бесчисленные светила лежали перед ним, над ним, окружали его со всех сторон. Один посреди звездной вселенной!

— О-о-о! — невольно выдохнул Хью и вцепился в ручку кресла, чуть не обломав ногти, но даже не заметил боли. Страха он больше не испытывал. Только одно чувство владело им. Грубые будни Корабля не убили в нем стремления к прекрасному, и сейчас он впервые в жизни переживал невыносимо сладостную муку встречи с ним. Прекрасное ошеломило его и вызвало боль.

Только окончательно придя в себя, Хью заметил сардоническую усмешку Джима и услышал едкое покашливание Джо.

— Хватит или еще? — осведомился Джо. Не дожидаясь ответа, Джо-Джим включил освещение дублирующим устройством, расположенным в левом подлокотнике его кресла.

Хью вздохнул. У него болела грудь и бешено билось сердце. Он вдруг понял, что за все это время он не перевел дыхания.

— Ну, умник,— сказал Джим,— убедился?

Хью снова вздохнул, сам не зная почему. Когда зажегся свет, ему опять стало хорошо и уютно, но он никак не мог избавиться от ощущения невосполнимой потери. Сердцем он чувствовал, что, увидев однажды звезды, он никогда уже не будет счастлив, как прежде. Тупая боль в груди, смутная, неосознанная тоска по утраченному никогда уже не оставят его, хотя в невежестве своем Хью еще не мог осознать этого.

— Что это было? — тихо спросил он.

— Оно самое,— ответил Джо.— Мир. Вселенная. Именно то, о чем я тебе говорил.

Хью отчаянно пытался понять, что имел в виду Джо.

— Это и есть мир вне Корабля — красивые маленькие огоньки?

— Совершенно верно, только они не маленькие. Они просто очень далеко от нас, за десятки тысяч миль, а может быть, и больше.

— Что?!

— То, что ты слышал,— усмехнулся Джо.— Космос огромен. А некоторые из этих звезд размером с Корабль, если не больше.

— Больше Корабля? — выдохнул Хью.

— Без толку все это,— нетерпеливо сказал Джим.— Только время зря на него, остолопа, теряем.

— Полегче, братец, полегче,— возразил Джо.— Не надо заставлять малыша бегать, прежде чем он научится ползать. Мы ведь тоже не сразу все поняли. Насколько я помню, ты долго не хотел верить своим глазам.

— Ложь,— сердито буркнул Джим.— Это тебя пришлось долго убеждать.

— Ну ладно, дело прошлое,— согласился Джо.— Все же нам с тобой тоже понадобилось время разобраться, что к чему.

Хойланд слушал близнецов краем уха. Их споры были делом обычным. Хью же сейчас думал только о том, что произошло с ним.

— Джо,— спросил он,— что случилось с Кораблем, когда мы увидели звезды? Он стал прозрачным?

— Не совсем так,— ответил Джо.— Ты видел не сами звезды, а их изображение. Есть такие устройства с зеркалами. Я тебе дам потом прочесть книгу о них.

— Но можно посмотреть и на настоящие звезды,— вклинился в разговор Джим, уже остывший от минутной размолвки.— Здесь есть одно место...

— Точно,— подтвердил Джо.— Я совсем забыл о Капитанской рубке. Она сделана из стекла, и оттуда все хорошо видно.

— Капитанской?

— Разумеется, не нынешнего Капитана. Этот сюда ногой не ступал. Просто там на двери написано: «Капитанская рубка».

— Мы пойдем туда?

Джо было согласился, но Джим запротестовал:

— В следующий раз. Сейчас пора возвращаться. Я есть хочу.

Они спустились по тоннелю в арку, разбудили Бобо и отправились в долгий путь вниз.

Не скоро удалось Хью уговорить Джо-Джима на новую экспедицию, но он не расстраивался — время не пропало даром. Джо-Джим пустил его в свою библиотеку. Такого количества книг Хью за всю свою жизнь не видел. А немногие из них, которые он читал раньше, теперь наполнились живым смыслом и воспринимались совсем по-другому.

Хью не мог оторваться от библиотеки, он жадно впитывал новые мысли, переваривал их, пытался усвоить. Хью забывал про еду, от него бежал сон, и только раскалывающаяся от боли голова и резь в пустом желудке напоминали ему, что надо заботиться и о теле. Утолив голод, он снова брался за книги и читал, пока буквы не начинали расплываться перед глазами.

Служить Джо-Джиму было не так тяжело. Хотя Хью и полагалось находиться при хозяине все время, тот позволял ему читать сколько угодно, лишь бы пленник оказывался всегда под рукой. Хью вменялось в основную обязанность играть в шашки с одной из голов, когда другой голове игра надоедала. Но и это время никак нельзя было считать всецело потерянным, потому что, играя, Хью почти неизменно переводил разговор на обсуждение истории Корабля, его устройства и оборудования.

Беседовали они и о людях, построивших его и отправившихся на нем в путь, об их прошлом, о Земле — этом странном и непонятном для них мире, где жили снаружи, а не внутри.

Хью пытался понять, как люди удерживались на Земле. Он спросил об этом Джо и наконец получил представление о гравитации.

Душой он в нее так и не поверил — слишком уж она казалась невероятной, но впоследствии, когда перед ним забрезжили первые смутные проблески искусства космической навигации и управления Кораблем, принял ее рассудком.

Наконец он уговорил Джо-Джима сводить его еще раз в Главную рубку. Джо рассказал Хью то немногое, что знал сам о приборах управления.

Давно забытым инженерам-проектировщикам Фонда Джордана было дано задание построить корабль, который будет функционировать, даже если полет затянется на срок бóльший, чем предполагаемые шестьдесят лет. Ученые с блеском выполнили эту задачу. При создании главного двигателя, систем управления и механизмов, предназначенных для обеспечения нормальных жизненных

условий, был разработан принцип, в корне отличающийся от всех, существовавших когда-либо. Корабль — это творение человеческого гения — был построен навечно. Даже если бы погиб весь экипаж, он продолжал бы полет, по-прежнему освещенный, по-прежнему со свежим, хорошо очищенным воздухом, с двигателями, готовыми к пуску. И теперь, когда лифты, конвейеры и другие вспомогательные устройства были давно забыты и заброшены, вся основная оснастка Корабля обслуживала свой невежественный человеческий груз и ждала пробуждения ума достаточно острого, чтобы найти к ней ключ.

Вот почему, когда неопытная, но ищущая рука Хью легла на квадратик огоньков под подписью «Ускорение», ответ пришел немедленно. Вспыхнул красный свет над креслом Главного пилота, и на табло зажглась надпись: «Главный двигатель — вахта не на посту».

— Что это значит? — спросил Хью.

— Трудно сказать,— ответил Джо.— Мы однажды проделали то же самое в двигательном отсеке, и там зажглась надпись: «Главная рубка — вахта не на посту».

Хью задумался, потом спросил:

— Интересно, а что получится, если ты пойдешь в двигательный отсек, а я в это время буду в Главной рубке?

— Трудно сказать,— повторил Джо.

Хойланд молчал. В его мозгу зрело решение. Он тщательно обдумывал его.

Хью долго ждал подходящего момента — надо было застать близнецов в благодушном настроении. Однажды, когда они сидели в Капитанской рубке, он решил наконец рискнуть. Джо-Джим только что хорошо поел, удобно развалился в кресле и рассматривал в иллюминатор безмятежные звезды. Хью парил рядом.

— Послушай, Джо-Джим,— начал Хью.

— Что тебе, юнец? — ответил Джо.

— Красиво, правда?

— Что красиво?

— Звезды...— Хью махнул рукой в сторону иллюминатора и тут же схватился за спинку кресла, чтобы не отлететь в сторону.

— Конечно, красиво. На душе от них хорошо становится.

Как ни странно, это сказал Джим. Хью понял, что момент, которого он ждал, наступил. Собравшись с духом, он выпалил:

— Почему бы нам не довести дело до конца?

— Какое дело? — спросил Джо.

— Полет. Почему бы нам не запустить Главный двигатель и не взять на себя управление? Ведь где-то там,— Хью говорил быстро, чтобы его не успели перебить,— где-то там есть похожие на Землю планеты, во всяком случае, так считали наши предки. Мы должны найти их.

Джим расхохотался. Джо затряс головой.

— Мальчик,— сказал он,— ты в своем уме? Такого даже от Бобо не услышишь. Забудь об этом и думать.

— Но почему?

— Потому что нам это не по плечу. Для такого дела необходим грамотный экипаж, обученный управлению Кораблем.

— А много ли нам нужно людей? На Корабле ведь не больше десяти постов управления. Я думаю, что десять-двенадцать человек вполне могут управлять им. Если, конечно, они будут такими же знающими, как вы оба,— добавил он лукаво.

— Что, Джо, поймал он тебя? А ведь парень прав,— усмехнулся Джим.

Джо пропустил шпильку мимо ушей.

— Ты переоцениваешь наши знания и возможности, Хью,— сказал он.— Я допускаю, что можно научиться управлять Кораблем, но что потом? Нам неизвестно даже, где мы находимся. Корабль дрейфовал один Джордан знает сколько веков. Мы не имеем ни малейшего представления о его курсе и скорости.

— Но ты сам показывал мне навигационные приборы,— стоял на своем Хью.— Я уверен, что вам обоим ничего не стоило бы в них разобраться, Джо, если бы вы только захотели.

— Это уж точно,— согласился Джим.

— Не хвастай, братец,— одернул его Джо.

— А я и не хвастаюсь,— отрубил Джим.— Я в любом приборе разберусь, если он действует.

Джо только хмыкнул.

Первая маленькая победа. Они уже спорят друг с другом, а Хью только этого и надо. И хорошо, что наименее сговорчивый из них уже на его стороне. Теперь следует закрепить успех...

— Я знаю, где взять людей, если вы согласитесь их обучить.

— Где же? — недоверчиво спросил Джим.

— Помните, я рассказывал вам о молодых Ученых?

— А, эти кретины...

— Но они же не знают того, что знаете вы. И по-своему они люди здравомыслящие. Если бы я мог вернуться к ним и рассказать, о чем узнал, то я набрал бы вполне подходящую команду для обучения.

— Посмотри-ка на нас внимательней, Хью,— перебил его Джо.— И скажи, кого ты перед собой видишь?

— Джо-Джима, кого же еще?

— Ты видишь мутанта,— поправил его Джо голосом, полным сарказма.— Ты видишь мьюта, ясно тебе? Ученые не станут с нами сотрудничать.

— Неправда,— запротестовал Хью.— Я же не предлагаю обращаться к крестьянам. Они, конечно, ничего не поймут, но Ученые, о которых я говорю,— наиболее разумные изо всех там, внизу. Они поймут. От вас всего лишь потребуется обеспечить безопасный проход через страну мьютов. Ведь для вас это совсем не проблема,— добавил он, инстинктивно перенося суть спора на более твердую почву.

— Это для нас раз плюнуть,— согласился Джим.

— Прекрати,— сказал Джо.

— Конечно, конечно,— заспешил Хью, почувствовав, что его настойчивость всерьез рассердила Джо.— Но вообще было бы интересно попробовать...

С этими словами он отодвинулся подальше от братьев. Ему было слышно, как они оживленно шепчутся, но он сделал вид, что их разговор его не интересует. Двойственность всегда была главной проблемой Джо-Джима. Будучи скорее группой, чем индивидуумом, он с трудом переходил от слов к делу, так как каждый его поступок требовал принятия совместного решения.

Немного погодя Хью услышал, как Джо повысил голос:

— Ладно, пусть будет по-твоему! Хью, плыви-ка сюда!

Хью оттолкнулся от стены и одним прыжком очутился близ Джо-Джима, вцепившись обеими руками в спинку капитанского кресла, чтобы затормозить.

— Мы решили отпустить тебя вниз и дать тебе шанс попробовать,— сказал Джо.— Но все равно ты идиот,— добавил он хмуро.

Бобо проводил Хью через опасные ярусы страны мьютов и оставил его в необитаемой пограничной зоне.

— Спасибо, Бобо,— сказал ему Хью на прощанье.— Доброй тебе еды.

Карлик усмехнулся, кивнул и устремился вверх по лестнице, по которой они только что спустились. Хью рассчитывал найти Билла Эртца, Заместителя Главного инженера, вождя группы молодых Ученых. До беседы с ним Хью хотел по возможности избежать каких бы то ни было объяснений с другими.

Скоро Хойланд оказался в знакомом коридоре. Поворот налево, еще ярдов сто, и он очутился у двери, охраняемой часовым. Хью рванулся было вперед, но часовой преградил ему дорогу.

— Стой, ты куда?

— Мне нужен Билл Эртц.

— Главный инженер? Нет его здесь.

— Билл Эртц — Главный инженер? А что случилось с прежним? — Хью сразу смекнул, что выдал себя, но часовой был глуп и ленив.

— С прежним? Да он давно ушел в Полет,— зевнул страж.— А Главный инженер Эртц у себя в резиденции.

— Спасибо. Доброй еды.

— Доброй еды.

Хью пришлось подождать в приемной, прежде чем его впустили к Главному инженеру. Увидев Хью, Эртц привстал из-за стола.

— Вернулся, значит,— сказал он.— Вот так сюрприз. А мы-то думали, ты давно мертв, и списали как ушедшего в Полет.

— Это естественно.

— Садись, рассказывай. У меня сейчас есть немного времени. Здорово ты изменился, я бы тебя не узнал. Совсем седой стал. Видно, нелегко пришлось?

Седой? Хью и не подозревал этого. Но ведь и Эртц сильно изменился. Морщины, брюшко. Джордан, сколько же он был в плену?

Эртц побарабанил пальцами по столу, скорчил гримасу.

— Возникает проблема,— сказал он.— Боюсь, что на старый пост я назначить тебя не могу, его занимает Морт Тайлер. Но мы подыщем тебе место, подобающее твоему рангу.

У Хью не сохранилось никаких приятных воспоминаний

о Морте Тайлере. Лицемер. Только и заботится о том, чтобы соблюсти все приличия и угодить начальству. Так-так, значит, Тайлер выбился все-таки в Ученые и занял прежнюю должность Хью. Но сейчас это не имеет значения.

— Послушай, Билл,— начал он.— Я хотел бы с тобой переговорить о...

— Конечно, возникает и проблема старшинства,— продолжал свое Главный инженер.— Пожалуй, следует передать дело на рассмотрение Совета как вопрос, не имеющий прецедента. Мьюты и раньше, случалось, захватывали наших Ученых, но, насколько мне известно, ты первый, кому удалось вернуться от них живым.

— Есть более важная тема для разговора,— опять перебил его Хью.— Я увидел много удивительного, Билл. Удивительного и жизненно важного. Ты обязательно должен все это знать. Поэтому я прямо к тебе и пришел. Слушай, мне...

Эртц внезапно стал сосредоточенным:

— Конечно же! И как я сразу не сообразил? У тебя ведь была небывалая возможность досконально изучить страну мьютов. Выкладывай все, что знаешь!

— Я совсем не о том,— ответил Хью.— Все гораздо сложнее, чем просто информация о мьютах, хотя дело касается и их тоже. Я думаю, нам придется изменить теперь всю политику по отношению к ним.

— Говори, говори, я слушаю.

Хью начал рассказывать о великом открытии, об истинной природе Корабля, выбирая слова как можно тщательнее и стараясь говорить убедительно. Он лишь мельком коснулся трудностей, связанных с реорганизацией жизни Корабля, но зато не жалел красок, расписывая почет и уважение, которые достанутся тому, кто этот процесс возглавит

Говоря, Хью наблюдал за лицом Эртца. Когда он выложил главное — что Корабль всего лишь движущееся тело в безбрежном пространстве,— лицо Эртца выразило крайнюю растерянность. Однако потом на нем застыла маска бесстрастного спокойствия, по которой ничего нельзя было понять. Только в глазах вспыхивали искорки, когда Хью говорил, что Эртц как раз и есть тот человек, который мог бы возглавить новое движение, опираясь на свой авторитет заслуженного руководителя и признанного вождя прогрессивно мыслящих Ученых.

Кончив говорить, Хью напряженно ждал ответа. Эртц

молчал, продолжая назойливо барабанить пальцами по крышке стола. Наконец сказал:

— Это очень важные вопросы, чтобы судить о них второпях, Хойланд. Мне необходимо тщательно обдумать услышанное.

— Разумеется,— согласился Хью.— Только я хочу добавить, что о безопасном проходе наверх уже есть договоренность. Я могу отвести тебя туда, чтобы ты все увидел собственными глазами.

— Да, это было бы лучше всего,— ответил Эртц.— Ты голоден?

— Нет.

— Тогда нам обоим нужно отдохнуть. Давай поспим немного, а потом будем думать на свежую голову. Можешь расположиться здесь, в комнате за моим кабинетом. Но говорить ты ни с кем не должен, пока я не обдумаю все сам. Если твои новости разгласить без должной подготовки, может начаться смута.

— Ты прав,— снова согласился Хью.

Эртц провел Хью в комнату за своим рабочим кабинетом, в которой, по всей видимости, отдыхал иногда, и сказал:

— Выспись, а там поговорим.

— Спасибо,— ответил Хью.— Доброй еды.

— Доброй еды.

Только оставшись один, Хью почувствовал, как он устал. Нервное возбуждение в беседе с Эртцем сменилось депрессией. Он растянулся на кровати и сразу уснул.

Проснувшись, Хью обнаружил, что дверь комнаты заперта снаружи. Более того, исчез его нож.

Прошло очень много времени, прежде чем он услышал шаги у двери. Вошли два угрюмых стражника.

— Вставай, пойдешь с нами,— сказал один из них.

Хью смерил их взглядом и отметил, что оба безоружны. Так, значит, шанса сорвать нож с пояса одного из них нет. Но если у безоружных конвоиров нельзя добыть оружие, то можно попробовать вырваться и уйти от преследования. Однако в следующей комнате стояли еще двое, такие же массивные и угрюмые. Эти были вооружены. Один изготовил нож к броску, другой был готов в любой момент всадить свой под ребра Хью с близкого расстояния.

Теперь Хойланд понял, что деваться некуда. Все предусмотрено. Давно уже привыкнув не противиться неизбежному, он спокойно пошел вперед. Увидев Эртца и убе-

дившись, что именно тот и командует арестовавшими его людьми, Хью сказал:

— Привет, Билл. С чего вдруг такие предосторожности? Что случилось?

Эртц чуть-чуть замешкался с ответом:

— Ты сейчас предстанешь перед Капитаном.

— Хорошо, Билл, спасибо,— ответил Хью,— но разумно ли обращаться с таким делом к нему, не подготовив предварительно кое-кого?

Эртц даже не стал скрывать раздражения, вызванного столь очевидной тупостью:

— Если ты этого еще не понял, позволь объяснить, что ты предстанешь перед Капитаном для суда за ересь!

Хью реагировал так, как будто ничего подобного ему раньше и в голову не приходило.

— Тогда меня не по адресу ведут, Билл,— спокойно заметил он.— Обвинение в ереси и суд, может быть, и правильный подход к сложившейся ситуации, но я ведь не крестьянин какой-нибудь, чтобы волочить меня под конвоем к Капитану. Меня должен судить Совет, я Ученый.

— Ты в этом уверен? — усмехнулся Эртц.— Я уже консультировался по этому вопросу. Хью Хойланд давно исключен из списков. Кто ты и что ты, будет теперь решать Капитан-Помазанник.

Хью сохранял спокойствие. Ситуация складывалась не в его пользу, и не было смысла раздражать Эртца. Главный инженер подал знак, безоружные конвоиры схватили Хью за руки, и он, не сопротивляясь, пошел за ними.

Хью с интересом разглядывал Капитана. Старик мало изменился, разве еще больше растолстел.

Капитан удобно устроился в кресле и взял со стола рапорт.

— В чем дело? — спросил он брюзгливо.— Я ничего не понимаю.

Обвинителем против Хойланда выступал Морт Тайлер. Такого поворота событий Хью отнюдь не предвидел, и этот факт не мог не усугубить его опасений. Он даже покопался в памяти, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, способную пробудить сочувствие к нему со стороны Тайлера, но так ничего и не нашел. Морт прочистил горло и начал:

— Речь идет о некоем Хью Хойланде, Капитан, который был одним из ваших младших Ученых.

— Ученых? Почему же его делом не занимается Совет?

— Потому что он больше не Ученый, Капитан. Он перебежал к мьютам, а сейчас вернулся, чтобы сеять ересь и смуту и подрывать вашу власть.

Капитан окинул Хью откровенно враждебным взглядом человека, не терпевшего покушения на свои прерогативы.

— Это правда? — прорычал он.— Что ты сам скажешь, Хойланд?

— Это ложь, Капитан,— ответил Хью.— Все, что я говорил, лишь подтверждает истинность наших древних верований, по которым мы живем. Я никогда не пытался отрицать наше Учение, напротив, я сумел найти доказательства его правоты, еще более глубокие...

— Ничего не могу понять,— перебил его Капитан.— Его обвиняют в ереси, а он утверждает, что верит в Учение. Если ты не виновен, то как же здесь очутился?

— Я могу объяснить,— сказал Эртц.

— Надеюсь, что хоть ты это сможешь,— буркнул Капитан.— Давай выкладывай.

Эртц доложил о возвращении Хойланда и о его странных рассказах. Придерживаясь фактов, Главный инженер сумел все же придать им определенную окраску.

Хью немедленно заговорил:

— Суть моих утверждений, Капитан, состоит в том, что в верхних ярусах есть места, где воочию можно убедиться в основной истине нашей веры: в том, что Корабль действительно движется; где можно увидеть План Джордана в действии. Это не опровержение, это подтверждение веры. Я не прошу верить мне на слово, сам Джордан подтвердит мою правоту.

Почувствовав нерешительность Капитана, в разговор вклинился Морт Тайлер:

— Капитан, я считаю своим долгом проанализировать и изложить все возможные версии этого невероятного дела. Есть два наиболее разумных объяснения смехотворной истории, рассказанной Хойландом. Либо это простонапросто закоренелый еретик, либо тайный мьют и участник заговора, имеющего целью заманить нас в ловушку и предать в руки мьютов. Но есть и третье объяснение, более милосердное по отношению к обвиняемому, и в глубине души мне кажется, что справедливо именно оно. В досье Хойланда указано, что при его рождении Инспектор был серьезно обеспокоен размером головы ребенка и ставил вопрос об отправке его в Конвертер. Но поскольку отклонение от нормы было незначительным, Инспектор

все-таки пропустил Хойланда. Мне кажется, что ужасные мучения, которые Хойланд претерпел в плену у мьютов, окончательно повредили его и так неустойчивый от природы разум. Бедняга просто не ведает, что творит.

Хью посмотрел на Тайлера не без уважения. Очень тонко—и репутацию ему очистил полностью, и обвинение в ереси снял, и Полет на сто процентов обеспечил!

Капитан махнул рукой.

— Хватит отнимать у меня время.— Он обернулся к Эртцу: — Рекомендации по этому делу есть?

— Так точно, Капитан. Конвертер.

— Ну и хорошо. Но я не понимаю, Эртц, почему меня обязательно нужно беспокоить по всяким мелочам? Ты сам должен уметь поддерживать дисциплину в своем ведомстве.

— Слушаюсь, Капитан.

Капитан отвернулся от стола, готовясь встать.

— Рекомендация принята и утверждена. Все свободны.

Хью охватила ярость от такой глупой несправедливости. Они даже не захотели познакомиться с реальными доказательствами его правоты и невиновности. Он услышал, как кто-то крикнул: «Подождите!» — и понял, что кричал он сам. Капитан поглядел на него.

— Подождите,— продолжал Хью. Слова сыпались сами собой: — Подождите! Дела это не меняет, вы ведь так уверены в своей мудрости, что даже глаз не раскроете, когда вам всего лишь предлагают посмотреть! Но все-таки, все-таки он движется!

Времени на размышление у Хью было предостаточно. Он опять сидел под арестом и ждал, пока Конвертеру потребуется очередная порция массы для производства энергии, и частью этой порции должен быть как раз он сам. Хью снова и снова анализировал свои ошибки. То, что он сразу, без подготовки, выложил все Биллу Эртцу, оказалось самым главным просчетом. Не стоило полагаться на старую дружбу, которая, скажем прямо, никогда не была особенно близкой. Следовало прощупать его сначала, а не лезть сломя голову. Второй просчет — Морт Тайлер. Услышав имя Тайлера, Хью опять же следовало выяснить, насколько Эртц прислушивается к его мнению и каким влиянием пользуется Морт. Он же Тайлера знал дав-

но и должен был помнить, что его следует опасаться.

Вот Хью и сидит теперь здесь, заклейменный то ли как мутант, то ли как еретик. Ярлык, впрочем, дела не меняет — все едино, за что казнить. Хью подумал, что мог бы попробовать объяснить судьям, откуда взялись мутанты. Сам он узнал об этом, читая старые записи в тщательно наворованной библиотеке Джо-Джима. Нет, эту идею придется отвергнуть... Рождение мутантов было вызвано космической радиацией, но как рассказать людям о радиации извне, если они вообще не могут понять, что такое «извне»? Нет, он сам все испортил до того, как его поволокли к Капитану.

Скрип двери прервал мысленное самобичевание. Кормили Хью нечасто, и для очередной еды было еще рано. Неужели за ним уже пришли? Хью твердо решил, что в Конвертер отправится не один. Хоть кого-нибудь из них прихватит с собой.

Но он ошибся. Раздался голос, преисполненный мягкого достоинства:

— Сынок, сынок, как же это ты?

Его первый учитель Лейтенант Нельсон, изможденный и постаревший, склонился над ним.

Встреча очень расстроила обоих. Старик, у которого собственных детей не было, возлагал на своего ученика большие надежды, лелея даже мечту, что когда-нибудь Хью достигнет места Капитана. Самому Хью он об этом никогда не говорил, не хотел портить юношу зазнайством. Старик страшно горевал, когда его мальчик исчез. И вот вернулся мужчиной, но опозорен и приговорен к смерти.

Хью был огорчен не меньше старика. Он очень любил своего учителя, нуждался в его одобрении и хотел бы доставить ему радость, но, рассказывая свою историю, он с горечью убедился, что Нельсон просто не способен расценивать ее иначе как сумасшествие и скорее предпочтет, чтобы Хью принял быструю смерть в Конвертере, чем жил и высмеивал древнюю веру.

Встреча была такой мучительной для них обоих, что вскоре старик поднялся, чтобы уходить.

— Могу я чем-нибудь помочь, сынок? Кормят тебя хорошо?

— Вполне,— солгал Хью.

— Прислать что-нибудь?

— Нет, спасибо. Впрочем, не могли бы вы прислать мне немного табаку? Я уже давно не жевал.

— Хорошо. Хотел бы ты повидать кого-нибудь из близких?

— Разве можно? Я думал, здесь свидания запрещены.

— Вообще-то запрещены, но я могу добиться исключения. Только дай мне слово, что никому не расскажешь о своей ереси.

Хью схватился за новый шанс. Дядя? Нет, не годится. Они всегда ладили, но никогда друг друга не понимали. Друзья? Он плохо сходился с людьми и друзей заводил с трудом. Да и Эртца он ведь считал другом! Неожиданно Хью вспомнил приятеля своего деревенского детства, с которым частенько играл. Алан Махони. Он, правда, почти не виделся с Аланом с тех пор, как переселился к Нельсону, но все-таки...

— Алан Махони все еще живет в нашей деревне?

— Да.

— Если он согласится прийти, я был бы рад с ним повидаться.

Придя к Хью, Алан нервничал, чувствовал себя не в своей тарелке, но откровенно был рад видеть старого товарища и очень расстроился, узнав о приговоре. Хойланд хлопнул его по спине.

— Молодец! Я не сомневался, что ты придешь.

— Как только узнал. В деревне ведь никому ничего о тебе неизвестно, даже Свидетелю.

— Расскажи, как ты жил все это время. Женился?

— Да нет. Давай не будем тратить время на разговоры обо мне. Расскажи лучше, в чем тебя обвиняют.

— Не могу, Алан. Я дал слово Лейтенанту Нельсону.

— Чего стоят слова, когда надо выбраться из беды! Влип ты ведь крепко.

— А то я сам не знаю.

— Кто-нибудь имеет на тебя зуб, Хью?

— Видишь ли... Во всяком случае, скажем так: наш старый дружок Морт Тайлер и пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь.

Алан присвистнул и кивнул.

— Это проясняет дело.

— То есть? Тебе что-то известно?

— Как тебе сказать. Он женился на Идрис Бакстер после того, как ты исчез.

— Да, действительно проясняет.— Хью помолчал.

— Слушай, Хью,— сказал Алан.— Не сидеть же сложа руки и ждать, когда тебя поволокут в Конвертер. Тем более что здесь замешан Морт Тайлер. Надо вытащить тебя отсюда.

— Как?

— Не знаю еще. Налет устроить, что ли. Есть несколько хороших ребят, которые не прочь помахать ножами.

— Боюсь, что тогда вместе со мной в Конвертере окажешься и ты, и твои хорошие ребята. Нет, это не пойдет.

— Так что же, дать им бросить тебя в Конвертер?

Хью смотрел на Алана. Имеет ли он право обращаться к нему с подобной просьбой? И он решился:

— Слушай, готов ли ты на все, чтобы выручить меня?

— Ты же знаешь,— обиженно ответил тот.

— Тогда ты пойдешь наверх и найдешь карлика по имени Бобо...

Алан лез все выше и выше. Так далеко он не забирался даже в юношеские годы, когда Хью водил его в отчаянные, полные безрассудного риска эспедиции. Сейчас он был старше, менее подвижен и не испытывал никакого желания находиться здесь. К вполне естественному страху перед реальными опасностями примешивался и испуг, вызванный предрассудками и невежеством. Но все же он продолжал идти вперед.

Карлик увидел его первым. Снаряд пращи угодил Алану прямо в живот, он только успел крикнуть: «Бобо, Бобо!»—и потерял сознание.

Бобо спиной вошел в жилище Джо-Джима и сбросил свою ношу к ногам хозяина.

— Свежее мясо! — гордо объявил он.

— Ну и возьми его себе,— безразлично ответил Джим.

Карлик поковырял скрюченным пальцем в ухе.

— Смешно,— сказал он.—Знает Бобо.

— Подожди-ка,— оторвался от книги Джо.

Хью подготовил Алана к встрече с двухголовым мутантом, поэтому тот, придя в себя, рассказал обо всем, что случилось. Джо-Джим слушал молча и бесстрастно. Бобо тоже слушал внимательно, но ничего не понимал.

Когда Алан кончил, Джим заметил:

— Твоя была правда, Джо. Ничего у него не вышло.—

Повернувшись к Алану, он добавил: — Останешься вместо Хью. В шашки играть умеешь?

Алан переводил взгляд с одной головы на другую.

— Вы даже не попробуете помочь ему? — спросил он.

— А с какой стати? — удивился Джо.

— Но он же рассчитывает на вас. Ему больше неоткуда ждать помощи. Я поэтому и пришел, разве вы не понимаете?

— Даже если бы мы согласились,— рявкнул Джим,— что бы мы могли сделать, дурья твоя голова? Отвечай!

— Да нападем на них просто-напросто и отобьем Хью!

— А чего ради мы должны рисковать шкурой, спасая твоего друга?

— Что, драться будем? — навострил уши Бобо.

— Нет, Бобо, нет. Просто разговоры,— ответил Джо.

— А-а...— разочарованно протянул Бобо и снова смолк.

Алан посмотрел на него.

— Ну хоть Бобо отпустите со мной!

— Нет,— отрезал Джо.— Об этом и речи быть не может.

Алан сидел в углу, обхватив в слепом отчаянии колени. Как вырваться отсюда? Внизу он мог бы еще найти помощь. Карлик, казалось, спал, хотя наверняка этого сказать не мог никто. Хоть бы Джо-Джим уснул.

Но близнецы и не думали спать. Джо пытался сосредоточиться на книге, но Джим все время отрывал его от чтения. О чем они говорили, Алан не слышал.

Вдруг Джо громко сказал:

— Хорошенькое у тебя представление насчет «позабавиться»!

— Все одно веселей, чем шашки,— ответил Джим.

— Веселее, да? А если ты ножом в глаз получишь, что будет со мной?

— Стареешь ты, Джо. Кровь у тебя жидкая стала.

— Не старее тебя.

— У меня зато мысли молодые.

— Знаешь что, меня от тебя с души воротит. Ладно, будь по-твоему, но меня потом не вини. Бобо!

Карлик вскочил:

— Слушаю, хозяин!

— Приведи Кабана, Длиннорукого и Коротышку. Джо-Джим пошел к шкафу доставать ножи.

Под самой дверью тюрьмы возникла какая-то сумяти-

ца Хью встрепенулся. Уже пришли за ним, чтобы отвести в Конвертер? Вряд ли конвой будет так шуметь. А может быть, этот шум в коридоре вообще не имеет к нему отношения? А может быть...

Точно! Влетевший в распахнувшуюся дверь Алан сунул Хью в руку пояс с ножами, одновременно выталкивая пленника наружу.

Стоящий в коридоре Джо-Джим даже не заметил Хью сразу, потому что был сильно занят — методично и спокойно метал ножи, как будто упражнялся с мишенью у себя в комнате. Ухмылка Бобо казалась шире обычной из-за ножевой раны у самого рта, что, однако, никак не повлияло на меткость его пращи.

Хью узнал еще троих головорезов из обычного окружения Джо-Джима.

— Сматываемся, живо! — крикнул Алан.— Их сейчас набежит целая орава! — и устремился в правый коридор. Джо-Джим последовал за ним. Хью наудачу, не целясь, метнул нож в стражника, показавшегося из левого коридора, не успев даже посмотреть, попал или нет. Бобо, прикрывавший отступление с тыла и раздосадованный слишком быстрым завершением потехи, бежал вслед.

Алан снова свернул направо.

— Здесь лестница! — крикнул он.

Но ярдах в десяти от лестницы прямо перед ним захлопнулась герметическая дверь, о существовании которой Алан совсем забыл: этой лестницей почти никогда не пользовались. Бобо вцепился в дверь, но только обломал себе ногти.

— Попались,— мягко сказал Джо.— Надеюсь, Джим, что хоть это развлечение придется тебе наконец по вкусу.

Из-за поворота сзади высунулась голова одного из преследователей. Хью метнул нож, но расстояние было слишком велико: нож ударился о сталь стены. Голова исчезла. Длиннорукий, держа пращу наготове, не спускал с коридора глаз.

— Видишь светящуюся трубу на потолке? — Хью схватил Бобо за плечо.

Бобо кивнул. Хью показывал ему на трубку освещения, проходящую над разветвлением коридоров, которые они только что проскочили.

— Можешь попасть в место, где эта трубка соединяется с другой?

Бобо прикинул расстояние на глаз. Далековато. Он ничего не ответил. Хью услышал лишь свист пращи и треск. В коридоре стало темно.

— За мной! — крикнул Хью и побежал назад по коридору. Приблизившись к перекрестку, он закричал: — Не дышать! Осторожно! Газ!

Из разбитой трубы лениво вываливались зеленоватые клубы радиоактивного испарения.

Хью мог только благодарить судьбу за то, что когда-то работал инженером осветительных систем и хорошо знал их устройство. Направление он выбрал правильное — линия освещения этого коридора шла как раз от соединения, разбитого Бобо, и поэтому сейчас здесь было темно. Вокруг только слышался топот бегущих людей — друзей ли, врагов ли, он не знал.

Наконец они выскочили на освещенный участок, где не было никого, кроме насмерть перепуганного крестьянина, тут же пустившегося наутек. Все были на месте, но Бобо шатался и тяжело дышал.

Джо посмотрел на него.

— Газу нанюхался,— сказал он.— Кабан, стукни его по спине.

Кабан охотно повиновался.

— Отойдет,— сказал Джо.

Эта маленькая заминка позволила одному из преследователей догнать их. Он вылетел из темного коридора прямо на Кабана, то ли не сообразив, что один оказался против целого отряда, то ли не придав этому значения.

Кабан поднял было пращу, но Алан, узнавший Морта Тайлера, схватил Кабана за руку:

— Не тронь его! Он мой!

— Один на один? — предложил Алан Тайлеру, прижав пальцем лезвие ножа.

Тайлер двинулся вперед. Алан был тяжелее и явно сильнее. Однако Тайлер был гибче и подвижнее. Он пытался ударить Алана коленом в живот, но Алан увернулся и сбил Тайлера с ног, упав на пол вместе с ним. Мгновение спустя Алан встал и вытер нож о бедро.

— Пошли,— сказал он.

Они поднимались вверх. Кабан и Длиннорукий выходили на каждую новую палубу первыми, осматривались по сторонам и охраняли лестницу с флангов, пока не поднимутся все остальные. Коротышка прикрывал отход с тыла.

Хью уже думал, что они совсем оторвались от погони, но неожиданные крики и свист ножа, пролетевшего прямо над головой, когда он вылезал из люка на очередную палубу, убедили его в обратном. Тем более что этот нож хоть и не сильно, но задел его щеку.

Нож торчал из правого плеча Длиннорукого, но это его не беспокоило—он раскручивал пращу. У Кабана свои ножи кончились, он поднимал с пола клинки, брошенные в него, и метал их обратно. Следы его работы были налицо: три трупа в коридоре да футах в двадцати от них раненный в ногу человек опирался рукой о стену, тщетно шаря другой в пустой перевязи. Хью узнал Билла Эртца.

На свое несчастье, Эртц прошел по другой лестнице, чтобы перерезать путь беглецам и устроить засаду. Бобо поднял пращу, но Хью остановил его:

— Этот нам нужен. Подстрели его в живот, но чтоб жив остался,—приказал он.

Бобо удивился, но сделал, как было велено. Эртц перегнулся пополам и рухнул на пол.

— Метко,— сказал Джим.

— Бобо, тащи его с нами,— скомандовал Хью и окинул взглядом весь отряд.— Внимание! Все наверх и живо! По сторонам смотреть в оба!

Группа двинулась дальше, сохраняя прежний порядок. Джо выглядел раздраженным. Происходило что-то странное — Хью вдруг начал командовать его собственными людьми да и им самим тоже. «Впрочем, сейчас не до споров»,— подумал он.

Джиму же, казалось, все это было безразлично. Он развлекался.

Они прошли еще десять палуб, не встречая сопротивления. Хью приказал без нужды не трогать крестьян. Три головореза повиновались безропотно, а Бобо был слишком занят Эртцем, чтобы нарушать дисциплину. Только палуб через тридцать, когда они оказались в нейтральной зоне, Хью позволил остановиться и заняться ранами.

Серьезно пострадали только Длиннорукий и Бобо. Джо-Джим перевязал их заранее запасенными бинтами. Хью, раненный в щеку, от перевязки отказался

— Кровь уже остановилась,— сказал он,— и нечего тратить время на царапины. У меня дел по горло.

— Каких еще дел? Мы идем домой, и хватит ерундить,— сказал Джо.

— Ты как хочешь,— сказал Хью,— но Алан, я и Бобо идем на самый верх, в Капитанскую рубку.

— Это еще зачем? — спросил Джо.

— Иди с нами, тогда увидишь сам. Ребята, привал окончен. Вперед!

Джо хотел что-то сказать, но Джим безмолвствовал, поэтому промолчал и Джо. Близнецы последовали за Хью.

Они вплыли в дверь рубки.

— Вот,— сказал Хью Алану, показывая в иллюминатор,— вот то, о чем я тебе рассказывал.

Алан увидел звезды.

— Великий Джордан! — простонал он.— Мы же выпадем! — И закрыл глаза.

Хью встряхнул его.

— Не бойся, посмотри, как красиво.

Джо-Джим взял Хью за руку.

— Что ты задумал и зачем приволок сюда этого? — он показал на Эртца.

— Когда он очнется и увидит звезды, мы докажем ему, что Корабль движется в пространстве.

— Зачем?

— Когда он убедится сам, я пошлю его убеждать остальных.

— И с ним случится то же, что и с тобой?

— Тогда,— пожал плечами Хью,— тогда мы просто начнем все сначала. И так до тех пор, пока не убедим всех. Видишь ли, у нас просто нет другого выхода.

Часть II. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Джо, правая голова Джо-Джима, посмотрел на Хью Хойланда.

— Ну ладно, умник. Главного инженера ты убедил.— Двухголовый ткнул в сторону Билла Эртца ножом и вновь принялся ковырять им в зубах левой головы.— Ну и что? Какой тебе с того прок?

— Я уже тысячу раз объяснял,— раздраженно ответил Хью.— Будем продолжать, пока все Ученые, от самого зеленого стажера до Капитана, не убедятся в том, что Корабль движется и что его движением можно управлять. Тогда мы завершим Полет и исполним волю Джордана. Сколько у тебя наберется бойцов?

— Тебе, никак, взбрело в голову, что мы согласимся участвовать в твоих идиотских затеях?

— Естественно. Без вас ведь ничего не выйдет.

— В таком случае, можешь поставить на своих планах крест. Бобо, доставай шашки!

— Сейчас, хозяин.— Микроцефал поплелся за шашками.

— Погоди, Бобо,— сказал Джим, левая голова. Карлик застыл на месте, сморщив узкий лоб. Неспособность дать ему согласованный и непротиворечивый приказ, временами проявляемая его двухголовым хозяином, вносила единственную нотку неуверенности в безмятежное существование Бобо.

— Дай Хью сказать,— продолжал Джим,— похоже, есть шанс поразвлечься.

— Развлечься! Ничего себе развлеченьице — получить ножом под ребро! Позволь тебе заметить, Джим, что это и мои ребра тоже. Нет, я никак не согласен.

— Я еще не предлагал тебе соглашаться. Всего лишь просил выслушать. И, знаешь, не говоря уж о развлечениях, это, может быть, и есть наш единственный шанс избежать ножа под ребро.

— То есть?

— Ты же слышал, что сказал Эртц. Офицеры Корабля намерены очистить верхние ярусы. Интересно, как тебе понравится Конвертер, Джо? Боюсь только, что нам не сыграть уже в шашки, когда нас разложат на атомы.

— Не паникуй! Экипажу мьюты не по плечу. Сколько раз уже они пробовали с нами справиться!

— А ты что скажешь? — обернулся Джим к Эртцу.

Эртц отвечал осторожно, ни на секунду не забывая, что теперь он военнопленный, а не старший офицер Корабля. К тому же он был выбит из колеи — слишком много всего случилось и слишком быстро. Налет, схватка, плен — и звезды. Звезды!

В его практичной трезвомыслящей голове не только понятия о них — места такому понятию никогда не было! Более того, Эртц отлично понимал, что жизнь его висит на волоске. Стоит только Джо-Джиму сделать знак этому карлику...

— Я думаю, что на этот раз Экипаж своего добьется.— Эртц тщательно подбирал слова.— Мы... они хорошо подготовились. Если только вас не больше и если вы не организованы лучше, чем предполагалось, Экипаж по-

бедит. Видите ли... В общем, всю подготовку вел я.

— Ты?

— Да. Большинство в Совете выступило против политики, позволяющей мьютам жить вне нашего контроля. Она, может, и соответствует нашим религиозным доктринам, но мы время от времени теряем людей и животных.

— А чем, по-твоему, мьюты должны кормиться? — грозно рявкнул Джим.— Воздухом?

— Должен отметить, что новый политический курс вовсе не предусматривал поголовного уничтожения мьютов. Сдавшихся в плен предполагалось приобщить к цивилизации и раздать членам Экипажа в качестве рабов. Речь идет, конечно, о тех мьютах, кто...— Эртц запнулся, растерявшись, и опустил глаза.

— Ты хотел сказать: «О тех, кто не деформирован физическими мутациями», как я, например,— сказал Джо голосом, от которого мороз прошел по коже.— Так, что ли? Для таких, как я, одна дорога — в Конвертер.— Лезвием ножа Джо-Джим плашмя ударил себя по ладони.

Эртц инстинктивно дернулся вбок, его рука легла на пояс. Но ножа на поясе не было. Без оружия Эртц почувствовал себя беспомощным.

— Я всего лишь честно ответил на твой вопрос и объяснил истинное положение дел,— сказал он.

— Оставь его, Джо. Он правду говорит. И поэтому у нас нет выбора. Если мы не присоединимся к Хью, нас загонят в угол. Даже не думай его убивать, он нам еще здорово пригодится.

Говоря, Джим пытался вложить нож в ножны. Между братьями вспыхнула быстрая и молчаливая схватка за контроль над нервными центрами правой руки — схватка воли, незаметная для глаза. Джо сдался.

— Ладно,— хмуро сказал он,— но, когда меня потащат в Конвертер, я прихвачу его с собой.

— Уймись,— ответил Джим.— Я-то уж в любом случае тебе составлю компанию.

— С какой стати ты вообще ему веришь?

— Ему незачем врать. Он ничего этим не выиграет. Порасспроси Алана.

Алан Махони, закадычный дружок детских лет Хью Хойланда, слушал этот разговор, вытаращив глаза. Встреча со звездами потрясла его не меньше Эртца, но темный крестьянский ум не обладал гибкостью мышления Главного инженера. Эртц не мог не понять почти мгновен-

но, что само существование мира вне Корабля опровергает все, во что он когда-либо верил, и в корне меняет его жизнь и все планы. Алан же просто испытывал благоговейный восторг.

— Алан, что тебе известно о походе на мьютов?

— Что мне может быть известно? Я же не Ученый. Хотя постойте-ка. В нашу деревню прибыл новый офицер, чтобы помочь Лейтенанту Нельсону,— он запнулся и обескураженно обвел всех взглядом.

— Продолжай.

— Ну да, он начал проводить занятия с кадетами и женатыми молодыми крестьянами. Заставлял нас упражняться с ножами и пращами. Но зачем, не говорил.

— Убедились наконец? — всплеснул руками Эртц.

— Убедились,— хмуро кивнул Джо.

Хью Хойланд спросил его с надеждой:

— Теперь ты согласен быть со мной заодно?

— Придется,— ответил Джо.

— Согласен,— сказал Джим.

— А ты, Билл?

— Разве у меня есть выбор?

— Есть. Я всем сердцем хочу, чтобы ты был с нами. План у меня такой — Экипаж в счет не идет. Нам надо убедить офицеров. Те, у кого хватит ума поверить в очевидное, увидев звезды и Главную рубку, останутся с нами. Остальных,— он провел по горлу большим пальцем,— в Конвертер.

Бобо радостно усмехнулся и повторил его жест.

Эртц кивнул.

— А дальше?

— Под руководством нового Капитана мьюты и Экипаж вместе поведут Корабль к Далекому Центавру. Да свершится воля Джордана!

Эртц смотрел на Хью. То, что тот предлагал, было настолько грандиозно, что не сразу укладывалось в голове. Но мысли Хью приходились по душе Эртцу. Опершись о стол руками, он наклонился вперед.

— Я с тобой, Хью Хойланд.

Один из ножей Джо-Джима лег на стол между его ладонями. Джо встрепенулся, хотел что-то сказать брату, но передумал. Эртц взглядом поблагодарил близнецов.

Близнецы пошептались между собой, потом Джо громко сказал:

— Если идем, так до конца.

Зажав лезвие ножа между большим и указательным пальцами так, что наружу торчало лишь острие, Джо-Джим вонзил его в предплечье левой руки.

Глаза Эртца зажглись. Схватив только что обретенное оружие, он надрезал себе левую руку в том же месте. Хлынула кровь.

— Спиной к спине! — Отпихнув стол, Эртц прижался раной к ране Джо-Джима.

Выхватив ножи, Алан, Хью и Бобо совершили обряд кровной клятвы. Они стояли, прижавшись плечами друг к другу, и кровь их стекала на пол одной струей.

— Нож за нож!

— Спиной к спине!

— Кровь за кровь!

— Кровные братья до конца Полета!

Ученый-вероотступник, ученый-пленник, темный крестьянин, двухголовый монстр и безмозглый карлик — пять ножей, считая Джо-Джима за один, и пять голов, считая Джо-Джима за две и не считая Бобо,— пять голов и пять ножей против всего «цивилизованного мира».

— Не хочу я туда возвращаться, Хью,— понуро сказал Алан.— Почему мне нельзя остаться с тобой? Я хороший боец.

— Боец ты отличный, дружище, но сейчас от тебя будет больше пользы как от лазутчика.

— Для этого есть Билл Эртц.

— Без тебя ему не обойтись. Билл на виду: если он все время будет мотаться вверх-вниз, могут пойти пересуды. Вот тут-то ты и нужен: будешь у него связным.

— А как я, Хафф побери, объясню в деревне, где столько времени пропадал?

— Говори как можно меньше. Главное, держись подальше от Свидетеля.— Хью вдруг представил себе, как Алан пытается выкрутиться, а Свидетель, обуреваемый своей вечной жаждой подробностей, загоняет его в угол умелыми вопросами.— Держись от старика подальше,— повторил Хью.— Он тебя сразу расколет.

— Старик-то? Да ведь он давно уже помер. А новый Свидетель еще зелен и глуп.

— Вот и хорошо. Будь осторожен и ничего не бойся.— Хью повысил голос: — Билл! Ты готов?

— Готов.— Эртц поднялся и неохотно отложил книгу,

которую читал,— иллюстрированное издание «Трех мушкетеров».

— Книга просто чудесная,— сказал он.— Слушай, Хью, неужели на Земле действительно все так и есть?

— Конечно. Книги Джо-Джима не врут.

Задумавшись, Эртц закусил губу:

— Как по-твоему, что такое «площадь»?

— «Площадь»? Насколько я понял — огромная общинная, где может сразу собраться много людей.

— Сначала, читая, я тоже так думал, но... как же можно тогда ездить на ней верхом?

— Что-что?

— Да вот в книге они только и делают, что залезают на площадь и скачут куда-нибудь.

— Дай-ка мне книгу,— приказал Джо. Быстро перелистав ее, он рассмеялся.— Ну и идиот же ты. Ездят на лошадях, а не на площадях. Можно сесть на лошадь и проехаться по площади, но не наоборот, понял ты, дурень?

— А что такое «лошадь»?

— Животное, величиной с корову. Ты усаживаешься ему на спину и едешь, куда хочешь.

Эртц обдумал новую информацию:

— Непрактично как-то. Когда едешь в носилках, просто говоришь Главному носильщику, куда идти, и все. А как объяснить дорогу корове?

— Легче легкого. Твой носильщик ее поведет в нужном направлении.

Эртц поразмыслил и над этим:

— Все равно непрактично. Можно ведь упасть. Нет уж, лучше пешком.

— Дело наживное,— объяснил Джо.— Требует привычки.

— А ты умеешь ездить на лошади?

Джим фыркнул.

— Где ты видел лошадей в Корабле? — разозлился Джо.

— Ладно, не будем про лошадей. Но я хотел еще кое-что спросить. Эти парни, Атос, Портос и Арамис, дрались необычайно длинными...

— Об этом поговорим в следующий раз,— перебил его Хью.— Бобо уже вернулся, пора идти.

— Подожди, Хью. То, что я говорю, очень важно. Они дрались необычно длинными ножами.

— Ну и что с того?

— Но ведь их ножи гораздо лучше наших. Длиной с руку, а то и больше. Подумай только, какое преимущество дадут нам такие ножи, если придется драться с Экипажем.

Хью обнажил свой нож и задумчиво посмотрел на него:

— Может, ты и прав. Но зато длинный нож не метнешь.

— А кто мешает сохранить наши метательные ножи?

— Да никто, пожалуй.

Близнецы молчали, прислушивались к их разговору. Наконец Джо сказал:

— Билл прав. Подумай о ножах, Хью, а нам с Джимом надо кое-что почитать.

Обе головы лихорадочно вспоминали все прочитанные книги, подробно и со знанием дела перечисляющие разнообразные методы, используемые людьми для сокращения жизни своих недругов.

Джо-Джим и не заметил, как учредил Факультет исторических изысканий военного колледжа, тем более, что такое цветистое название ему и в голову бы никогда не пришло.

— Читай, конечно,— согласился Хью.— Но поговори сначала со своими людьми.

— Пошли.

Они вышли в коридор, где Бобо собрал десятка два головорезов, составляющих опору Джо-Джима в стране мутантов. Для всей этой шайки, кроме Длиннорукого, Кабана и Коротышки, Хью, Билл и Алан были чужаками, а чужакам встречаться с ними было опасно для жизни.

Джо-Джим приказал мьютам хорошенько запомнить троих людей с нижних палуб. Запомнить и знать, что их следовало пропускать везде и всюду беспрепятственно, оказывая помощь и содействие. Более того, в отсутствие Джо-Джима мьютам надлежит повиноваться им, как ему самому.

Среди мьютов начался гул. До сих пор они привыкли повиноваться только Джо-Джиму, и никому, кроме него.

Один из них, с огромным носом, поднялся и заговорил:

— Я — Джек Носатый. Мой нож остр и мой глаз меток. Джо-Джим-двухголовый мудр за десятерых, он мой хозяин, и я за него сражаюсь. Но хозяин он, а не эти трое с нижних палуб. Что вы скажете, молодцы?

Он выжидающе замолк. Мьюты нервно переминались с ноги на ногу, поглядывали на Джо-Джима. Джо уголком рта пробормотал что-то Бобо. Джек Носатый открыл

было рот, чтобы продолжать, но раздался лишь треск разбитых зубов и переломанной шеи — снаряд пращи Бобо заткнул ему глотку.

Бобо снова изготовил пращу. Джо-Джим оглядел притихших мьютов:

— Длиннорукий! Ты, Сороковой и Топор пойдете вниз с Бобо, Аланом и Биллом. Остальным разойтись.

Трое мьютов отделились от отряда и последовали за Бобо. Перед тем как прыгнуть в люк, Эртц обернулся.

— Да хранит вас Джордан, братья,— сказал он.

Джо-Джим помахал ему рукой.

— И тебя,— ответил Джо.

— Доброй еды,— добавил Джим.

Бобо вел их вниз. Через сорок с лишним палуб они оказались на ничьей земле между мьютами и Экипажем. Бобо обернулся к своим рубакам:

— Мудрые Головы приказали вам стоять здесь по очереди на посту. Ты первый,— показал он на Длиннорукого.

— Алан и я идем вниз,— добавил Билл.— А вы трое по очереди будете караулить здесь и передавать мои послания Джо-Джиму. Ясно?

— Ясно,— ответил Длиннорукий.

— Приказ Джо-Джима! — отметил Сороковой, пожимая плечами, как бы говоря: «Что ж тут рассуждать!»

Топор просто хмыкнул в знак согласия.

Бобо от души похлопал Билла и Алана по спинам.

— Доброй еды,— напутствовал он их.

Обшаривая столы исчезнувшего Главного инженера, Старший помощник Капитана-Помазанника Финеас Нарби обнаружил, к своему изумлению, что Билл Эртц тайком хранил парочку Ненужных книг. Были у него в столе, конечно, и обычные Священные книги, такие, как бесценные «Профилактика вспомогательного Конвертера» и «Справочник систем освещения и кондиционирования звездолета «Авангард» — самые священные из всех Священных книг: на них стояла печать самого Джордана, и они по праву могли принадлежать только Главному инженеру.

Нарби считал себя скептиком и рационалистом. Вера в Джордана — дело праведное и благое... для Экипажа. И все же слова «Фонд Джордана», оттиснутые штемпелем на титульном листе, будили в душе трепет, которого он не помнил с тех пор, как был удостоен сана Ученого.

Нарби восхищался прекрасным четким шрифтом старинных книг. Вот ведь были писцы у древних! Не то что современные неряхи, которым и двух букв одинаково ровно не написать.

Он решил обязательно изучить подробно эти ценнейшие справочники инженерного ведомства, прежде чем передать их преемнику Эртца. Было бы очень полезно, решил Нарби, избавиться от необходимости слепо полагаться на слова Главного инженера, не зависеть от него, когда он, Нарби, сам станет Капитаном. Нарби не очень почитал Инженеров в основном потому, что сам инженерными способностями не блистал. Когда он стал Ученым, одним из тех, кто охранял духовное и материальное благополучие Корабля, когда дал клятву служить верой и правдой делу Джордана, то быстро понял, что более склонен к руководству кадрами и разработке политической линии, чем к обслуживанию Конвертера. Он занимал посты клерка, администратора деревни, секретаря Совета, кадровика и, наконец, поднялся до должности Старшего помощника самого Капитана-Помазанника. Это место он получил сразу же после таинственного происшествия, значительно сократившего жизнь его предшественника.

Решение заняться инженерными делами до избрания нового Главного инженера напомнило ему о необходимости подобрать подходящую кандидатуру. В обычной ситуации на пост Главного инженера, ушедшего в Полет, назначался старший Вахтенный офицер, но Вахтенный Морт Тайлер сам ушел в Полет — его хладный труп нашли в коридоре, по которому отступали мьюты, освободившие еретика Хью Хойланда. Вопрос о кандидатуре оставался открытым, и Нарби еще не решил, кого рекомендовать Капитану.

Одно было ясно — новый Главный инженер не должен обладать таким чрезмерно развитым чувством инициативы, как Эртц. Нарби отдавал последнему должное и признавал его заслуги в отличной организации подготовки Экипажа к намеченному истреблению мьютов, но именно эти его качества хорошего организатора и руководителя беспокоили Нарби — они могли сделать Эртца слишком сильным кандидатом на пост Капитана в случае... Наедине с самим собой Нарби мог признаться, что жизнь нынешнего Капитана так неоправданно затянулась только потому, что он, Нарби, не был на все сто процентов уверен, кого Совет изберет следующим Капитаном — Эртца или

его. А сейчас старому Капитану было бы в самый раз отправиться к Джордану. Старый толстый дурак давно уже отжил свое, и толку от него... Нарби просто устал улещивать старика, чтобы тот отдавал нужные распоряжения. Да, если перед Советом встанет необходимость выбора нового Капитана именно в настоящий момент, то подходящая кандидатура будет только одна...

Нарби захлопнул книгу. Решение было принято. Замыслив убрать Капитана, Нарби отнюдь не испытывал ни стыда, ни угрызений совести, ни мыслей о грехе и предательстве. Капитана он презирал, но никаких злых чувств к нему никогда не испытывал, так что в его намерениях убить Капитана не было и следа личной ненависти или неприязни. Нарби строил свои планы, исходя из самых благородных побуждений государственного деятеля. Он искренне верил, что действует на благо всего Экипажа, что его цель — здравомыслящая администрация, порядок, дисциплина и добрая еда для каждого. Необходимость отправить кое-кого в Полет ради достижения великих целей и всеобщего блага не вызывала у него ни малейшего сожаления, и зла никакого к этим людям он не питал.

— Какого Хаффа ты роешься в моем столе?

Нарби обернулся и увидел покойного Билла Эртца, с недовольным видом склонившегося над ним. Сначала Нарби уставился на Билла, потом медленно закрыл рот. Нарби настолько был уверен в смерти Главного инженера после его исчезновения во время налета, что увидеть Эртца сейчас перед собой живым и сердитым было для него тяжелым ударом. Но он быстро взял себя в руки.

— Билл! Джордан с нами! Мы же думали, что ты ушел в Полет! Садись, садись, да расскажи поскорее, что с тобой приключилось.

— Сяду, конечно, если ты уберешься из моего кресла,— ядовито ответил Эртц.

— Извини.— Нарби быстро вылез из-за стола и пересел в кресло напротив.

— А теперь,— продолжал Эртц, занимая свое место,— будь любезен объяснить, почему ты копаешься в моих бумагах.

Нарби ухитрился изобразить обиду.

— Но разве это не ясно? Мы же считали тебя погибшим. Кто-то должен же руководить твоим ведомством до назначения нового Главного инженера. Я выполнял приказ Капитана.

Эртц смотрел ему прямо в глаза.

— Не заливай, Нарби. Мы-то с тобой знаем, кто думает за Капитана, сами частенько это делали. Даже если ты действительно считал меня мертвым, мог бы и подождать еще немножко, прежде чем лезть в мой стол.

— Но в самом деле, старина, ты уж слишком. Если человек исчезает после налета мьютов, то вполне логично предположить, что он ушел в Полет.

— Ладно, оставим это. Почему мое место не занял Морт Тайлер, как и должно быть во время моего отсутствия?

— Морт в Конвертере.

— Что, убит? Но кто приказал отправить его в Конвертер? Такая масса даст слишком сильную нагрузку.

— Приказал я. Масса его тела почти совпадала с массой тела Хойланда, а Хойланд в Конвертер так и не попал.

— «Почти» и «совсем» — не одно и то же, особенно когда имеешь дело с Конвертером. Придется мне проверить.— И Эртц поднялся с места.

— Не беспокойся,— сказал Нарби,— я ведь все-таки тоже не крестьянин и в инженерном деле немного соображаю. Я приказал подогнать массу Тайлера под график переработки, который ты составил для тела Хойланда.

— Хорошо. Потом проверю. Лишний вес терять впустую нам тоже нельзя.

— Кстати, насчет рационального использования веса,— невинно сказал Нарби,— я у тебя в столе нашел пару Ненужных книг.

— Ну и что с того?

— Тебе ведь известно, что они определены как масса, подлежащая конвертерной переработке для производства энергии.

— Известно. А тебе известно, кто отвечает за производство энергии?

— Ты. Но зачем эти книги находятся в твоем столе?

— Позволь заметить, дорогой любимчик Капитана, что только мне одному дано право судить, где хранить вещи, предназначенные для Конвертера.

— Конечно, конечно, ты прав. Послушай, если они не нужны для Конвертера прямо сейчас, можно я возьму их почитать?

— Бери, пожалуйста, но будь благоразумен. Я выдам их под расписку, а ты не распространяйся об этом.

— Спасибо. Живое было воображение у древних. Пол-

ный бред, конечно, но приятно на досуге позабавиться.

Эртц рассеянно приготовил расписку на две книги и протянул ее Нарби прочитать. Мысли Эртца были заняты совсем другим — как и когда начать обработку Нарби. Он хорошо понимал, что в деле, которое замыслили он и его кровные братья, без Финеаса не обойтись. Его позиция может иметь решающее значение. Перетянуть бы его на свою сторону...

— Фин,— сказал он наконец, когда Нарби положил на стол подписанную расписку,— я начал сомневаться в разумности нашего поведения в деле Хойланда.

Нарби удивленно взглянул на него.

— Да нет, я отнюдь не верю всем этим бредням, которые он наплел,— добавил Эртц торопливо.— Но сдается мне, что мы упустили шанс. Надо было поиграть с Хойландом и выйти через него на мьютов. Мы хотим присоединить их территорию, но все наши планы строятся на предположениях, а не на достоверной информации. Сколько их, каковы их силы, как они организованы — толком мы ничего не знаем. Более того, нам придется драться на чужой территории. Но верхние палубы для нас вообще «белое пятно». Надо бы притвориться, что мы верим Хойланду, и выкачать из него как можно больше сведений.

— На которые вряд ли можно было бы полагаться,— отметил Нарби.

— Полагаться только на его слова не было нужды. Он ведь предлагал нам безопасный проход через страну мьютов, можно было бы самим посмотреть, что к чему.

— Ты это всерьез? Любой член Экипажа, доверившийся мьюту, отправится не в Невесомость, а в Полет! — Нарби был ошеломлен.

— Не знаю, не знаю,— возразил Эртц.— У меня сложилось впечатление, что Хойланд сам верил в то, что говорил. Помимо того...

— Что «помимо того»? Весь этот бред о движении Корабля? Незыблемого Корабля? — Нарби ударил кулаком по стенке.— Да кто поверит в подобную чушь?

— Хойланд поверил. Ну, хорошо, он религиозный фанатик, я согласен. Но ведь его фанатизм на чем-то основан? Он увидел там, наверху, что-то невероятное и воспринял его по-своему, в виде той истории, которую нам рассказал. Мы должны были использовать его предложение пойти наверх и познакомиться с его открытием,

хотя бы для того, чтобы разведать по дороге страну мьютов.

— Полнейшее безрассудство!

— Вот и нет. Судя по всему, он пользуется огромным влиянием среди мьютов, а то с чего бы им заваривать эту кашу и спасать его? Если он говорит, что гарантирует безопасный проход через их страну, значит, знает, что говорит.

— С чего это ты изменил свое мнение?

— Мое мнение изменил налет. Я бы в жизни не поверил, что шайка мьютов рискнет шкурами, чтобы спасти одного человека. Но коль скоро это произошло, я вынужден пересмотреть свои взгляды. Абстрагируясь от рассказа Хью, могу сказать только одно: мьюты готовы за него драться и, по всей вероятности, готовы подчиняться ему. А если это так, на его религиозный фанатизм следовало смотреть сквозь пальцы и использовать Хью для установления контроля над мьютами, не прибегая к войне.

Нарби пожал плечами:

— Твои рассуждения не лишены логики. Но стоит ли тратить время на рассуждения о том, что могло бы произойти. Если шанс и был, то он уже упущен.

— Как знать. Хойланд ведь бежал к мьютам. Если бы я мог как-нибудь связаться с ним, может, и удалось бы еще начать все сначала.

— И как же ты предполагаешь сделать это?

— Сам пока не знаю. Можно, например, взять охрану, полезть наверх, поймать какого-нибудь мьюта и отправить его к Хойланду.

— Рискованная затея.

— Но я не прочь попробовать.

Нарби задумался. Весь план казался ему донельзя глупым и неоправданно рискованным. Но если Эртц не прочь рискнуть... Шансов, конечно, мало, но чем Хафф не шутит? Если Эртцу удастся осуществить свой план, то у него, у Нарби, будут развязаны руки для выполнения самых заветных планов. Уж кто-кто, а Нарби понимал, что покорение мьютов силой будет делом долгим и кровавым, да и вообще вряд ли осуществимым. А если у Эртца ничего не выйдет, то опять же Нарби ничего не теряет, кроме самого Эртца. А на нынешнем этапе игры о жизни Главного инженера вообще вряд ли стоит сокрушаться. Та-ак...

— Возьмись за это дело, Билл,— сказал он.— Человек ты смелый, а дело стоящее.

— Хорошо,— согласился Эртц.— Доброй еды.

Нарби понял намек.

— Доброй еды,— ответил он и, забрав книги, ушел. Только вернувшись к себе, он сообразил, что Эртц так и не дал никакого объяснения своему исчезновению и долгому отсутствию.

Эртц тоже понимал, что и Нарби не был с ним полностью откровенен. Но, зная Нарби, принимал это как должное. Основа для будущих действий была заложена.

Главный инженер провел текущую проверку Конвертера и назначил исполняющего обязанности Вахтенного. Убедившись, к своему удовлетворению, что его подчиненные справятся с работой и во время его дальнейших отлучек, он приказал вызвать к себе Алана Махони. Он хотел было выехать навстречу Алану в носилках, но решил не привлекать внимания к встрече.

...Алан бурно приветствовал его. Для все еще не женатого, работающего на более удачливых людей кадета, все сверстники которого давно уже обзавелись семьями и собственностью, кровное братство с одним из главных Ученых Корабля стало самым выдающимся событием в жизни. Оно затмевало даже все недавние приключения, полный смысл которых его невежественный ум все равно не мог постичь.

Эртц прервал его и быстро закрыл дверь.

— Стены имеют уши,— тихо сказал он,— а у клерков, помимо ушей, еще и языки. Ты что, хочешь, чтобы нас с тобой сунули в Конвертер?

— Прости, Билл, я не сообразил.

— Ладно, оставь. Встретимся на лестнице, по которой мы спускались от Джо-Джима, десятью палубами выше этой. Считать умеешь?

— Даже в два раза больше, чем до десяти. Один да один — два, еще один — получится три, еще один — четыре...

— Молодец. Хватит. Но я больше полагаюсь на твою верность и умение обращаться с ножом, чем на твои математические способности. Встретимся как можно быстрее, и постарайся, чтобы тебя никто не видел.

В месте встречи на посту стоял Сороковой. Эртц окликнул его по имени издалека, держась вне пределов досягаемости ножа и пращи — совсем не лишняя предо-

сторожность, когда имеешь дело с существом, дожившим до своих лет только благодаря умению обращаться с оружием.

Приказав мутанту найти и привести Хойланда, Эртц вместе с Аланом присел отдохнуть.

В жилище Джо-Джима не было ни хозяина, ни Хью. Сороковой застал там Бобо, но что с него толку? Бобо сказал, что Хью пошел на самый верх, туда, где все летают. Но на самый верх Сороковой забирался лишь раз в жизни и верхних палуб толком не знал. Где там найти Хью? Сороковой растерялся. Нарушать приказы Джо-Джима было небезопасно, а Сороковой раз и навсегда вбил в свою буйную голову, что приказ Эртца — то же самое, что приказ Джо-Джима. Он снова растолкал Бобо.

— Где Мудрые Головы?

— У оружейницы.— Бобо закрыл глаза и захрапел.

Это уже лучше. Где живет оружейница, знал каждый мьют. Все имели с ней дела. Оружейница была незаменимой мастерицей, торговкой и посредницей. Нет нужды говорить, что личность ее была неприкосновенной, а мастерская — нейтральной территорией, где все схватки были запрещены. Туда и направился Сороковой.

Дверь с табличкой «Термодинамическая лаборатория. Вход строго воспрещен» была распахнута настежь. Читать Сороковой не умел, а если бы и умел, все равно бы ничего не понял. Услышав голоса оружейницы и одного из близнецов, он вошел внутрь.

— Хозяин,— начал было он.

— Закройся,— ответил Джо. Джим даже не обернулся, занятый беседой с Матерью Клинков.

— Сделаешь, как тебе говорят,— прорычал он,— и хватит попусту болтать.

Оружейница уставилась на него, уперев все четыре мозолистые руки в широкие бедра. Глаза у нее были красные, ей все время приходилось следить за плавильной печью — по морщинистому лицу на седые редкие усы стекал пот и капал на обнаженную грудь.

— Я делаю ножи, да! — отрезала она.— Честные ножи, а не дрючки для свиней, которые ты от меня требуешь. Придумают тоже — нож длиной с руку, тьфу! — и она плюнула в раскаленную докрасна печь.

— Слушай ты, падаль,— ровным голосом ответил Джим,— или сделаешь, что говорят, или я тебе пятки поджарю в твоей же печке. Ясно?

У Сорокового отвисла челюсть. Да, могущественней его хозяина не было! Никто и никогда, кроме него, не посмел бы так разговаривать с Матерью Клинков!

Оружейница сразу сдалась.

— Но так ведь делать ножи не положено,— жалобно всхлипнула она.— Их же не метнешь. Да я вам сейчас покажу.— Она схватила со стола пояс с ножами и метнула ножи через всю комнату в крестообразную мишень — все четыре сразу. Лезвия вонзились в четыре конца крестовины.— Видел? А твой дрючок разве так метнешь?

— Хозяин,— снова начал Сороковой, но Джо-Джим, не оборачиваясь, заткнул ему рот кулаком.

— Ты права,— ответил Джим оружейнице,— но мы вовсе не собираемся метать длинные ножи. Мы ими собираемся колоть и резать на близком расстоянии. Принимайся за работу; пока не сделаешь для меня первый нож, есть не сядешь.

Старуха закусила губу.

— Плата обычная? — резко спросила она.

— Обычная. Десятину с каждого убитого твоим ножом, пока не будет выплачена их стоимость, и хорошая кормежка на все время работы.

Старуха пожала кривыми плечами.

— Ладно.— Она вытянула из-под стола длинный кусок стали и сунула его в печь.

Джо-Джим обернулся к Сороковому.

— В чем дело? — спросил Джо.

— Хозяин, Эртц велел мне найти Хью.

— Так что же ты его не ищешь?

— Бобо сказал, что Хью ушел в Невесомость.

— Ну и иди за ним туда. Хотя нет, заблудишься. Придется мне самому его найти. А ты возвращайся к Эртцу и скажи, чтобы ждал.

Сороковой заспешил вниз. Хозяин был у него что надо, но мешкать в его присутствии не стоило.

...Обнаружив Кабана и Коротышку, спавших у двери, ведущей в Главную рубку, Джо-Джим понял, что Хью там — он сам назначил их личными телохранителями Хью. Но и так было ясно, что если Хойланд пошел наверх, то наверняка в Главную рубку. Она волшебной силой притягивала его к себе. С того момента, как Джо-Джим в буквальном смысле слова втащил Хью за шиворот в

рубку и ткнул носом в действительность, в то, что Корабль — отнюдь не весь мир, а всего лишь песчинка, затерянная в гигантской Вселенной, судно, движением которого можно управлять, одна лишь мысль владела Хью Хойландом, тогда еще пленником-рабом Джо-Джима, одно лишь желание обуревало его — сесть за пульт управления и вести Корабль! Мечты Хью и в сравнение не шли с мечтами земных астронавтов. Стремление в космос, жажда полетов на космических кораблях, подражание романтическим героям-астронавтам были естественными для всех земных мальчишек еще с тех пор, как взлетела первая ракета. Но Хью-то мечтал вести в Полет не просто космический корабль, а весь свой мир! Замысли земляне оснастить свою планету двигателями и ринуться сквозь Галактику, и то их мечта уступала бы в дерзновенности намерениям Хью. Новый Архимед обрел рычаг. Теперь он искал точку опоры.

Джо-Джим остановился на пороге гигантского стелляриума Главной рубки и заглянул внутрь. Хью он не видел, но был уверен, что тот расположился в кресле Главного навигатора — огни были включены. На стенах ярко мерцало изображение звездного неба, воспроизведенного телескопами с пунктуальной точностью.

Хью, сидя в кресле, гасил сектор за сектором, оставляя лишь один на противоположной себе стороне, отличавшийся от других изображением большого сверкающего шара, затмевающего своей яркостью соседние звезды. Джо-Джим полез к креслу Хью.

— А, это ты,— обернулся тот.

— Вылезай, тебя ждет Эртц.

— Хорошо, но сначала посмотри.

— Да пошли ты его...— сказал брату Джо, но Джим ответил:

— Будет тебе, право, давай посмотрим. Дело ведь недолгое.

Джо-Джим вскарабкался на соседнее с Хью кресло.

— Что еще там? — буркнул Джо.

— Посмотри на эту звезду,— показал Хью на яркий шар.— Она намного больше, чем была в прошлый раз.

— Да она давно уже растет,— ответил Джим.— Когда мы сюда пришли в первый раз, ее почти совсем не было заметно.

— Значит, мы приближаемся к ней.

— Разумеется,— согласился Джо.— Факт давно из-

вестный. Еще одно доказательство, что Корабль движется.

— А почему ты мне раньше не говорил?

— О чем?

— О звезде. О том, что она растет.

— Что нам проку с того, что она растет?

— «Что нам проку»! Да в этом же все дело! Это же конец Полета, место, указанное Джорданом!

Слова Хью привели обе головы Джо-Джима в замешательство. Мысли близнецов не шли дальше обеспечения собственной безопасности и привычных удобств, им трудно было понять, что Хью, да и Билл Эртц руководствовались совсем другими соображениями — желанием возродить утраченные достижения далеких предков и довести до конца их дело — давно забытый, превратившийся в мистику Полет на Далекий Центавр.

Первым пришел в себя Джим:

— Почему ты думаешь, что именно эта звезда и есть Далекий Центавр?

— Плевать мне, Центавр она или не Центавр. Но мы к ней ближе, чем к остальным, и продолжаем приближаться. Одна звезда ничем не хуже другой, когда все равно не знаешь, где которая из них. Слушай, Джо-Джим, а ведь древние умели различать звезды.

— Умели,— ответил Джо.— Но нам-то что с этого? Выбрал ты себе звезду, ну и добро пожаловать. А я пошел вниз.

— Хорошо, я тоже спускаюсь,— неохотно поднялся с кресла Хью.

Эртц изложил Джо-Джиму и Хью содержание своей беседы с Нарби.

— Вот что я предлагаю,— продолжал он.— Я пошлю Алана обратно к Нарби и велю ему передать, что мне удалось вступить с тобой в контакт, Хью, и что я прошу его подняться сюда на ничейную палубу, где покажу ему кое-что очень важное.

— Почему бы тебе самому за ним не пойти и не привести его сюда? — спросил Хью.

— Потому, что так пытался сделать ты, когда пришел ко мне и хотел все объяснить.— Эртц смутился.— Ты вернулся от мьютов с невероятными рассказами, и я тебе не поверил, отдав под суд по обвинению в ереси. Если бы не Джо-Джим, быть бы тебе сейчас в Конвертере. И если

бы ты не взял меня в плен и не затащил бы в Рубку, где я все увидел собственными глазами, я бы так тебе и не поверил. Пойми, что Нарби — орешек не менее твердый, чем был я. Мы должны заманить его сюда, а потом показать ему звезды и заставить его их увидеть. Добром, если получится, силой, если потребуется.

— Не понимаю,— сказал Джим,— чего с ним цацкаться. Куда проще перерезать ему глотку.

— Перерезать ему глотку было бы славно, но вряд ли практично. Ты даже не представляешь, Джим, насколько Нарби может быть нам полезен. В Совете нет офицера авторитетнее Нарби. Более того, он давно уже вершит делами от имени Капитана. Перетянув его на свою сторону, мы вообще сможем избежать войны, в исходе которой я, честно сказать, не совсем уверен.

— Сомневаюсь, что Нарби придет. У него нюх на ловушки,— сказал Хью.

— Тем более должен идти Алан, а не я. Меня Нарби сразу начнет «копать», а с Алана взятки гладки. Он ничего не скажет Нарби, кроме того, о чем мы договоримся.

— Точно. Знать ничего не знаю, видеть ничего не видел,— сказал Алан и добавил честно и откровенно: — Я вообще никогда особенно много не знал.

— Джо-Джима ты не видел, о звездах слыхом не слышал. Ты просто мой телохранитель и ординарец. Нарби передашь следующее.— Эртц подробно объяснил Алану, как и что следует говорить. Удостоверившись в том, что тот все понял, он пожелал ему доброй еды.

— Доброй еды,— ответил Алан, стиснув рукоять ножа, и отправился в путь.

Послание Эртца Алан изложил Нарби шепотом, чтобы не подслушал слуга, стоявший за дверью.

— Эртц хочет, чтобы я шел с тобой в страну мьютов? — Ошеломленно уставился на него Нарби.

— Не совсем туда, сэр. На ничейную палубу, где можно будет встретиться с Хью Хойландом.

— Что за абсурд! Да я просто пошлю стражу арестовать его и доставить сюда! — взорвался Нарби.

Алан понял, что наступил решающий момент. Он нарочно повысил голос, чтобы слуга за дверью, а может быть, и клерки, услышали его:

— Эртц велел передать, что если вы испугаетесь идти,

то можете оставить эту затею. Он сам подымет вопрос на заседании Совета.

Своим дальнейшим существованием Алан был обязан только тому, что Нарби был человеком интеллекта, а не грубой силы. Посматривая на нож на поясе Нарби, Алан с тоской вспоминал свое оружие, которое сдал начальнику охраны, входя в покои Старпома.

Нарби сдержал гнев. Он был слишком умен, чтобы отнести оскорбление на счет стоящего перед ним придурка, хотя и пообещал себе уделить этой деревенщине немного особого внимания в более подходящее время. Сейчас же на принятом им решении сказались в равной мере и задетое самолюбие, и любопытство, и потенциальная угроза потери лица.

— Ты отведешь меня к Эртцу,— сказал он сурово,— и я проверю, правильно ли ты передал его слова.

Нарби хотел было взять с собой конвой, но передумал. Не стоило обнародовать дело, не разобравшись во всех его политических аспектах, да и взять охрану в данном случае все равно что не пойти совсем. Но он нервно спросил Алана, когда тот получал обратно свое оружие:

— Ты хорошо владеешь ножом?

— Даже очень,— бодро ответил Алан.

Нарби от души понадеялся, что Алан не хвастун. Последнее время он часто жалел, что раньше пренебрегал военной подготовкой. Следуя за Аланом, он постепенно успокоился. Во-первых, ничего особенного не случилось, во-вторых, Алан производил впечатление опытного и надежного разведчика. Двигался он бесшумно, никогда не забывая тщательно обшарить палубу взглядом, прежде чем вылезти на нее из люка. Нарби вряд ли бы сохранял свое с трудом обретенное спокойствие, услышь он то, что слышал из тускло освещенных проходов Алан,— шорохи, из которых было ясно, что за их продвижением следят с флангов. Алана эти шорохи настораживали, хотя он их и ожидал, понимая, что Хью и Джо-Джим слишком опытны, чтобы оставить проходы без прикрытия. Но, будучи настороже, он все же не испытывал беспокойства — это пришлось бы делать, не сумей он прикрытия обнаружить. Дойдя до условленного места, Алан остановился и свистнул.

Раздался ответный свист.

— Это я, Алан,— крикнул он.

— Выйди на открытое место и покажись!

Алан вышел вперед, не теряя, однако, бдительности. Убедившись, что его встречают друзья — Эртц, Хью, Джо-Джим и Бобо, он сделал Нарби знак следовать за ним.

При виде Джо-Джима и Бобо восстановившееся было самообладание Нарби лопнуло. Он понял, что попал в ловушку. Выхватив нож, Старпом метнулся назад, однако Бобо крутнул свою пращу еще быстрее. На мгновение все застыли, но Джо-Джим резко выбил из его рук оружие.

Нарби удирал что было сил. Хью и Эртц тщетно звали его назад.

— Бобо, возьми его! Живьем,— скомандовал Джим.

Бобо рванулся вперед.

Вскоре он вернулся и, уложив Нарби на пол, заметил:

— Быстро бегает.

Нарби лежал, почти не двигаясь, стараясь восстановить дыхание. Бобо вытащил из-за своего пояса отнятый у Старпома нож и попробовал его на жестких волосах своей левой руки.

— Хороший клинок,— одобрительно хмыкнул он.

— Верни ему нож,— приказал Джо. Бобо удивился, но выполнил приказ, забрав у Джо-Джима свою пращу.

Нарби был удивлен не меньше Бобо тем, что получил свое оружие обратно. Но чувства свои он умел скрывать намного лучше карлика. Он даже сумел изобразить достоинство, принимая нож обратно.

— Послушай,— обеспокоенным голосом начал Эртц,— мне очень жаль, что так вышло. Но другого пути удержать тебя не было.

Усилием воли Нарби восстановил холодное самообладание, с которым обычно воспринимал жизнь со всеми ее поворотами. «Проклятье,— подумал он,— ситуация просто идиотская. Ну, ладно».

— Забудем об этом,— сказал он вслух.— Просто я шел на встречу с тобой, а увидел вооруженных мьютов. В странные ты игры играешь, Эртц.

— Приношу свои извинения. Следовало, конечно, предупредить тебя,— Эртц позволил себе маленькую дипломатическую ложь.— Но позволь представить тебе Джо-Джима. Он у мьютов все равно что у Экипажа офицер. А с Бобо ты уже познакомился.

— Доброй еды,— вежливо сказал Джо.

— Доброй еды,— машинально ответил Нарби.

Наступило неловкое молчание. Нарби первым нарушил его.

— Я полагаю, Эртц, что у тебя были серьезные причины послать за мной.

— Серьезные,— согласился Эртц.— Настолько, что даже не знаю, с чего начать. Слушай, Нарби, ты мне не поверишь, но я видел собственными глазами: все, что нам сообщил Хью, было абсолютной правдой. Я был в Главной рубке. Я видел звезды.

Нарби уставился на него.

— Эртц,— сказал он размеренно,— ты сошел с ума.

— Ты говоришь так, потому что не видел,— взволнованно выпалил Хью,— но Корабль движется, Корабль...

— Погоди, Хью, дай я сам,— остановил его Эртц.— Слушай меня внимательно. Нарби, сам решай, что к чему, сам делай выводы, но сейчас я хочу рассказать тебе то, что видел и понял я. Меня отвели в Капитанскую рубку — помещение со стеклянной стеной. И за стеной — необъятное пустое черное пространство, такое большое, что ничего большего быть не может, больше Корабля! И в нем горят звезды! Звезды, о которых мы читали в древних мифах!

— Ты ведь считаешься Ученым.— На лице Нарби изумление смешивалось с отвращением.— Где же твоя логика? «Больше Корабля»! Абсурд! Одно понятие противоречит другому: Корабль есть Корабль. Весь остальной мир — лишь его часть. Ты увидел или убедил себя, что увидел что-то из ряда вон выходящее, но чем бы ни было явление, увиденное тобой, оно не может быть больше того объема, в котором содержится. Таковы элементарные законы физической природы мира.

— Словами этого не объяснишь...— снова начал Эртц.

— Конечно, не объяснишь, и я про то же.

Близнецы перешептывались друг с другом с видом полнейшего омерзения. Наконец Джо громко сказал:

— Хватит болтать! Пошли!

— Верно,— охотно согласился Эртц,— давай отложим спор до тех пор, пока ты не удостоверишься собственными глазами. Фин, пора в путь, идти нам далеко.

— Идти? Куда еще идти?

— Наверх, в Главную рубку.

— Не смеши меня. Я иду вниз.

— Нет, Нарби. Вниз ты сейчас не пойдешь. Я и вызвал тебя сюда только для того, чтобы отвести в Рубку.

— Не валяй дурака. Мне туда идти незачем, у меня и так хватает здравого смысла во всем разобраться. Тем не менее ты заслуживаешь поощрения за установление

дружественных контактов с мьютами. Полагаю, мы можем выработать определенные принципы сотрудничества с ними...

Джо-Джим шагнул вперед.

— Попусту тратишь время,— ровным голосом сказал Джим.— Мы идем наверх, и ты идешь с нами.

— Об этом не может быть и речи,— покачал головой Нарби.— Но не исключено, что я соглашусь позже, когда мы выработаем принципы сотрудничества.

С противоположной стороны к нему придвинулся Хью Хойланд.

— Если ты не понял, что к чему, то позволь тебе объяснить: ты идешь с нами наверх. Сейчас.

Нарби взглянул на Эртца. Эртц кивнул:

— Именно так дела и обстоят, Нарби.

Нарби злобно выругался про себя. Великий Джордан! Ну и влип. Где только была его голова, когда он согласился идти на встречу с Эртцем? Идиотская ситуация, просто идиотская. А этот двухголовый только и ждет, чтобы он, Нарби, полез в драку. Он опять выругался про себя и сдался, сохраняя, насколько было возможно, хорошую мину при плохой игре.

— Хорошо, я пойду, чтобы не затевать бессмысленных споров. Показывайте дорогу.

— Держись за мной,— ответил Эртц.

Джо-Джим подал условный сигнал пронзительным свистом, и к отряду мгновенно присоединились с полдюжины мутантов, то ли выросшие из-под палубы, то ли горохом скатившиеся с потолка. Нарби даже стало плохо от страха, внезапно охватившего его с новой силой: он только сейчас понял до конца, как далеко завела его неосторожность.

Шли они долго — Нарби с непривычки еле тащился за остальными. По мере подъема равномерное ослабление силы тяжести помогало ему, но оно же и вызывало приступы тошноты. Конечно, как и все, рожденные на борту Корабля, он в какой-то мере адаптировался к ослабленной силе тяжести, но на верхние палубы не забирался со времен бесшабашной юности, и сейчас ему приходилось нелегко. Незадолго до конца пути он совсем выбился из сил. Джо-Джим отослал охрану вниз и приказал было Бобо нести его, но Нарби отмахнулся. Согласно плану

Хью они пошли прямо в Капитанскую рубку. В какой-то мере Нарби уже был подготовлен к тому, что его ожидает, как сбивчивыми объяснениями Эртца, так и оживленными рассказами Хью, который держался подле него большую часть пути. Хью даже проникся симпатией к Нарби — наконец-то нашелся свежий слушатель!

Хью вплыл в дверь первым, сделал аккуратное сальто в воздухе и уцепился рукой за кресло. Другой рукой он широким жестом обвел гигантское окно.

— Смотри, вот они! Разве это не прекрасно?

Лицо Нарби сохраняло прежнюю невозмутимость, но он долго и пристально смотрел на звезды.

— Занятно, весьма занятно,— заметил он наконец.— Никогда не доводилось мне видеть ничего подобного.

— «Занятно»! — воскликнул Хью.— Это не то слово. Чудесно, великолепно!

— Пусть будет чудесно,— согласился Нарби.— Эти маленькие огоньки и есть те самые звезды, о которых говорится в мифах?

— Да,— ответил Хью, испытывая какое-то смутное беспокойство,— но они вовсе не маленькие. Они огромны, как Корабль. Они кажутся маленькими из-за гигантского расстояния. Видишь ту, которая поярче? Она больше, чем другие, потому что ближе. Я думаю, это и есть Проксима Центавра, хотя точно не уверен,— сознался он в приливе откровенности.

Нарби быстро глянул на него, потом снова на большую звезду.

— Как далеко до нее?

— Не знаю. Но буду знать. В Главной рубке есть специальные приборы для измерения расстояния, только я пока еще в них не разобрался. Дело не в этом. Главное — мы прилетим туда, Нарби!

— Вот как?

— Вот именно! И завершим Полет!

Нарби хранил непроницаемое молчание. Старпом обладал хорошо дисциплинированным умом и в высшей степени логичным мышлением. Способный администратор, он умел при необходимости принимать мгновенные решения, но по характеру был склонен по мере возможности воздерживаться от выводов и суждений, пока как следует не переварит и не усвоит полученную информацию. Сейчас, в Капитанской рубке, Нарби был еще более неразговорчив, чем обычно. Он внимательно смотрел и слушал, но почти

ни о чем не спрашивал. Хью не обращал внимания на это. Рубка была его гордостью, его любимой игрушкой. Он был счастлив одним тем, что мог показать ее новому зрителю и без умолку рассказывать о ней.

На обратном пути по предложению Эртца все остановились у Джо-Джима. Кровным братьям было просто необходимо вовлечь в свое дело Нарби, в противном случае вся операция теряла смысл. Старпом против задержки возражать не стал, придя к выводу, что его безопасности во время этой беспрецедентной вылазки в страну мутантов действительно ничто не угрожает.

Он выслушал Эртца, изложившего их намерения. Но хранил молчание до тех пор, пока у того не лопнуло терпение.

— Мы ждем ответа!

— Ждете моего ответа?

— Разумеется. От тебя многое зависит.

Это Нарби знал. Знал он и то, какой ответ от него ожидается, но по привычке тянул время.

— Что же,— Нарби важно выпятил губу и сплел пальцы.— Мне кажется, что проблему следует разделить на два пункта. Если я правильно понял, Хью Хойланд не может выполнить задуманное и исполнить древний План Джордана, пока весь Корабль не будет объединен под единой властью, пока на всем пространстве от страны Экипажа до Главной рубки не воцарятся единый порядок и дисциплина. Так?

— Именно. Мы должны подобрать вахту для Главного двигателя и...

— Извини, я не кончил. Да и, говоря откровенно, пробелы образования не позволяют мне понять техническую сторону вашего плана. Поэтому здесь я целиком полагаюсь на мнение Главного инженера. Техническое исполнение Плана Джордана — это как раз второй пункт общей проблемы. Естественно предположить, что ради его осуществления ты неизбежно заинтересован в первом.

— Безусловно.

— В таком случае давай ограничимся сейчас первым этапом. Здесь перед нами стоят вопросы чисто политического и административного характера, в которых я разбираюсь лучше, нежели в инженерных. Итак, Джо-Джим ищет возможности добиться мира между мьютами и Экипажем. Мира и доброй еды для всех, не так ли?

— Верно,— согласился Джим.

— Отлично. Я и ряд других офицеров давно уже стремимся к тому же. Но должен признать, что мне и в голову никогда не приходили иные пути достижения этой цели, кроме применения силы. Мы готовились к долгой, тяжелой и кровавой войне. Ведь в самых древних наших летописях, которые Свидетели передают друг другу по наследству еще с незапамятных времен Мятежа, не найти и упоминания ни о каких других отношениях между нами и мьютами, кроме войны. Но я рад от всей души, что открываются возможности более разумных отношений.

— Так, значит, ты с нами! — воскликнул Эртц.

— Спокойно, спокойно, не все сразу. Здесь многое необходимо обдумать. И ты, Эртц, и я, и Хойланд отлично понимаем, что отнюдь не все офицеры Корабля пойдут за нами. Как быть с ними?

— Проще простого,— вставил Хью.— Будем их приводить по одному в рубку, показывать звезды и объяснять, что к чему.

— У тебя носилки несут носильщиков,— отрицательно покачал головой Нарби.— Я ведь сказал уже, что во всем этом деле вижу два этапа. Нет нужды убеждать человека в том, во что он никак не поверит, когда тебе требуется прежде всего его согласие на более практичные, вполне доступные его пониманию действия. Вот когда мы действительно объединим Корабль под одним руководством, тогда — и только тогда — мы сумеем без затруднений открыть офицерам тайну Рубки и звезд.

— Но...

— Он прав,— остановил Хойланда Эртц.— Не стоит ввязываться в бесконечные религиозные дебаты, когда на первом плане стоит проблема чисто практическая. Очень многие офицеры станут на нашу сторону, если мы выдвинем программу умиротворения и объединения Корабля, но они же, безусловно, выступят против нас, если мы начнем с посягательств на основные каноны религии и заявим, что Корабль движется.

— Но...

— Никаких «но». Нарби прав. Его точка зрения продиктована здравым смыслом. Теперь я изложу Нарби наши соображения по поводу тех офицеров, которых мы не сумеем убедить. Ну, во-первых, конечно, наш с тобой долг провести разъяснительную работу среди них, завербовать как можно больше сторонников. Что до остальных, то Конвертер нуждается в сырье постоянно.

Нарби кивнул. Мысль об убийствах и расправах как о методах проведения политического курса нисколько не смущала его.

— Это, конечно, подход самый надежный и деловой, но будут трудности в его осуществлении.

— Вот тут-то и пригодится Джо-Джим. За ним будут стоять лучшие бойцы Корабля.

— Ясно. Стало быть, Джо-Джим властен над всеми мьютами?

— С чего ты это взял? — прорычал Джо, неизвестно почему задетый за живое.

— У меня сложилось такое впечатление.

Нарби замолчал. Ему ведь действительно никто не говорил, что Джо-Джим — владыка всех верхних палуб, просто он так уверенно держался... Нарби стало не по себе. Неужели все эти переговоры были напрасны? На кой Хафф ему сдался пакт с двухголовым монстром, если он не представлял всех мьютов?

— Я должен был объяснить сразу,— торопливо вставил Эртц.— Сейчас Джо-Джим самый сильный вождь среди мьютов. Он поможет нам захватить власть, а там при нашей поддержке станет владыкой всех верхних палуб.

Нарби быстро проанализировал ситуацию, исходя из новых данных. Мьюты против мьютов при незначительном участии бойцов Экипажа — это, пожалуй, наилучший способ ведения войны. К тому же такой вариант более приемлем, чем немедленное перемирие, хотя бы потому, что к концу войны мьютов в любом случае станет меньше, чем сейчас. И их будет легче взять под контроль, что значительно сократит опасности любых потенциальных мятежей.

— Ваша идея мне ясна,— заявил он.— А как вы себе представляете последующее развитие событий?

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Хойланд.

Эртц отлично понимал, куда гнет Нарби, Хойланд же только начал смутно догадываться.

— Кто будет новым Капитаном? — Нарби смотрел Эртцу прямо в глаза.

Заранее Эртц этого вопроса не обдумал и лишь сейчас понял его важность. Только решив вопрос о Капитанстве, можно предотвратить кровавую борьбу за власть после переворота. Эртц и сам питал иногда надежды на пост

Капитана, но он хорошо знал, что Нарби метит на него давно. Теперь же Эртц так же глубоко, как и Хойланд, был захвачен романтикой плана возобновления управляемого полета Корабля. Осознав, что былое честолюбие может помешать осуществлению новой мечты, он отказался от него почти без малейшего сожаления.

— Капитаном будешь ты, Фин. Ты согласен?

Финеас Нарби принял предложение с великодушием.

— Пожалуй, да, коль скоро таковы ваши мнения. Ты и сам был бы отличным Капитаном, Эртц.

Эртц покачал головой, отлично понимая, что с этого мгновения Нарби с ними целиком и полностью.

— Я останусь на посту Главного инженера: хочу заняться двигателями во время Полета.

— Экие вы быстрые,— перебил их диалог Джо.— Я, между прочим, не согласен. С какой это стати Капитаном будет Нарби?

Финеас смерил его взглядом:

— Ты претендуешь на этот пост?

Он произнес свои слова осторожно, избегая малейшего намека на сарказм. Подумать только, мьют лезет в Капитаны!

— Нет, Хафф побери! Но при чем здесь ты? Почему не Эртц или не Хью?

— Я не могу,— заявил Хью.— Мне придется заниматься навигацией, и на административные вопросы у меня времени не останется.

— Пойми, Джо-Джим, Нарби единственный из нас, кто способен склонить на нашу сторону других офицеров,— сказал Эртц.

— Не перейдут к нам, так перережем им глотки, и дело с концом!

— Если Нарби будет Капитаном, обойдемся без кровопролития.

— Не нравится мне это, и все тут,— прорычал Джо, но его брат возразил:

— С чего ты заводишься? Видит Джордан, нам-то такая ответственность не нужна.

— Я вполне понимаю ваши опасения,— вкрадчиво начал Нарби,— но думаю, что они беспочвенны. Без вашей помощи мьютами я управлять все равно не смогу. Я оставлю за собой управление нижними палубами, это для меня дело привычное, а вы, если согласитесь, будете Вице-Капитаном страны мьютов. Глупо с моей стороны браться

за управление страной, которую я не знаю, и народом, обычаи которого мне неизвестны. Нет, я не приму пост Капитана, если вы не согласитесь помочь мне. Итак, ваше решение?

— Нет,— отрезал Джо.

— Очень жаль. В таком случае я вынужден отказаться от Капитанства. Без вашей помощи оно мне не по плечу.

— Перестань, Джо,— стоял на своем Джим,— давай согласимся, хотя бы временно. Не можем же мы бросить все на полпути.

— Ладно, пусть будет так,— сдался Джо,— но не нравится мне все это.

Нет нужды пересказывать утомительные подробности дальнейших переговоров. Было решено, что Эртц, Алан и Нарби вернутся вниз к своим обычным обязанностям и займутся тайной подготовкой переворота.

Хью выделил им охрану до нижних палуб.

— Значит, пошлешь к нам Алана, когда все будет готово? — спросил он Нарби.

— Да, но не жди его скоро. Нам с Эртцем потребуется время, чтобы навербовать сторонников. Да и убедить старого Капитана созвать общее собрание всех офицеров Корабля будет непросто.

— Что ж, это твое дело. Доброй еды.

— Доброй еды.

В тех редких случаях, когда объявлялся общий сбор всех Ученых-жрецов и офицеров Корабля, заседание проводилось в большом зале, расположенном на самой верхней палубе цивилизованного мира. В стародавние забытые времена, еще задолго до Мятежа, возглавленного младшим механиком Роем Хаффом, здесь размещался гимнастический зал, место развлечения и спорта, о чем нынешние его хозяева и понятия не имели.

Нарби, прячущий тревогу за бесстрастным выражением лица, наблюдал за дежурным клерком, регистрирующим прибывающих. Как только придут несколько опоздавших, он вынужден будет доложить Капитану, что все в сборе, и не сможет больше оттягивать начало собрания, а сигнала от Хью и Джо-Джима все нет и нет. Неужели этот дурень Алан дал себя убить, когда шел наверх с посланием? Упал ли он с трапа и свернул свою никчемную шею? Или нож мьюта проткнул ему живот?

Вошел Эртц. Прежде чем занять свое место среди высших чинов, он подошел к Нарби, сидящему перед креслом Капитана.

— Ну как? — тихо спросил он.

— Все готово,— ответил Нарби,— но ответа пока нет.

Эртц и Нарби оглядели зал, подсчитывая своих сторонников. Не большинство, конечно, но все же... Однако в данном случае дело решится не голосованием, так что...

Дежурный клерк тронул Нарби за рукав:

— Все на месте, сэр. Нет только больных и офицера дежурной вахты Конвертера.

Нарби приказал об этом уведомить Капитана; самого его охватило предчувствие беды — что-то пошло не так.

Капитан, как обычно, не считаясь ни с кем, не торопился на собрание. Нарби был рад отсрочке, но переживал ее мучительно. Наконец старик вплыл в зал, развалясь в окруженных стражей носилках. Как всегда, с первой минуты совещания он нетерпеливо ждал конца, поэтому, знаком приказав всем сесть, он сразу же обратился к Нарби:

— Изложите повестку дня, Нарби. Надеюсь, вы ее подготовили?

— Так точно, Капитан.

— Так огласите же ее, огласите! Чего вы ждете?

— Есть, сэр.— Нарби обернулся к клерку-чтецу и вручил ему пачку исписанных листков. Клерк просмотрел их, на лице его промелькнуло удивление, но, не получив от Нарби никаких других указаний, он приступил к чтению.

— Петиция Совету и Капитану. Лейтенант Браун, администратор деревни сектора № 9, просит уволить его в отставку по причине преклонного возраста и плохого состояния здоровья...

Клерк подробно перечитал рекомендации соответствующих офицеров и ведомств.

Капитан раздраженно ерзал в кресле и наконец, не вытерпев, перебил чтеца:

— В чем дело, Нарби? Вы что, не можете разобраться с текущими делами сами?

— У меня сложилось впечатление, что Капитан был недоволен решением, принятым мною в прошлый раз по аналогичному вопросу. Я не имею намерения посягать на прерогативы Капитана.

— Что за бред! Вы еще, может быть, Уставу меня учить вздумаете? По этому вопросу должен принять

решение Совет и представить его на мое утверждение.

— Так точно, сэр.

Нарби забрал у клерка листки и дал ему другие, содержащие не менее пустячное дело. Деревня сектора № 3, ссылаясь на неожиданную болезнь, поразившую растения их гидропонных ферм, просила оказания помощи и временной отмены налогов. Капитан взорвался при первых же словах клерка. И если бы в этот момент Нарби не получил известия, которого так ждал, ему пришлось бы туго. Человек из его охраны пересек зал и вложил ему в руку клочок бумаги с одним только словом: «Начинай». Нарби мельком глянул на нее, сделал знак Эртцу и обратился к Капитану:

— Сэр, поскольку вы не намерены выслушивать петиции своего Экипажа, я сразу же перейду к основному вопросу повестки дня.— Еле прикрытая наглость этих слов заставила Капитана впиться взглядом в его лицо, но Нарби продолжал как ни в чем не бывало: — Уже давно, в течение жизни многих поколений, Экипаж страдает из-за враждебности мьютов. Наш скот, наши дети, наконец, мы сами находимся в постоянной опасности. На верхних палубах не чтут Устава Джордана. Даже сам Капитан-Помазанник не имеет туда свободного доступа. Из поколения в поколение мы слышим, что такова была воля Джордана — дети должны расплачиваться за грехи отцов. Однако я никогда не мог принять постулат веры, согласно которому Экипаж должен жить в вечных муках.

Нарби сделал паузу.

Старый Капитан ушам своим не верил. Подняв руку и с трудом обретя голос, он выкрикнул:

— Ты оспариваешь Учение?

— Нисколько. Я лишь считаю, что действие Устава должно быть распространено и на мьютов.

— Вы, вы... Вы освобождены от своих обязанностей, сэр!

— Ну нет,— ответил Нарби, на этот раз и не думая скрывать издевку.— Нет. Сначала я выскажусь до конца.

— Взять его!

Но охранники Капитана не сдвинулись с места, хотя и чувствовали себя неловко. Охрану Капитана Нарби всегда подбирал сам. Повернувшись к ошеломленному Совету и поймав взгляд Эртца, Нарби сказал:

— Приступайте.

Эртц ринулся к двери. Нарби продолжал:

— Многие из присутствующих здесь разделяют мои взгляды, но мы всегда исходили из того, что за их утверждение придется воевать. По воле Джордана мне удалось наладить контакты с мьютами и заключить мир. Их вожди прибыли для переговоров с нами. Прошу.— И он указал на дверь.

Эртц вернулся в зал, за ним шли Хью Хойланд, Джо-Джим и Бобо. Хойланд свернул направо. Следовавшие за ним гуськом отборные головорезы Джо-Джима взяли зал в полукольцо. По левой стороне зала такая же цепочка выстроилась вслед за Джо-Джимом и Бобо. Зал был окружен.

Джо-Джим, Хью и по полдюжины бойцов в обеих колоннах были одеты в грубо сработанные железные доспехи, спускающиеся ниже пояса. Головы их прикрывали неуклюжие шлемы, сделанные из стальных решеток, чтобы не затруднять обзора. Одетые в доспехи бойцы, как и многие другие, были вооружены невиданными ножами в руку длиной.

Офицеры без труда остановили бы вторжение в узких дверях зала, но, застигнутые врасплох, обескураженные и растерянные, они были беспомощны, тем более что нежданных гостей привели их собственные наиболее авторитетные вожди. Беспокойно шевелясь в креслах, хватаясь за ножи, офицеры искали во взглядах друг друга совета. Но ни у кого не хватило решимости сделать шаг, который послужил бы сигналом к началу битвы.

— Так что же, согласны вы принять мирную делегацию мьютов? — повернулся к Капитану Нарби.

Казалось бы, что возраст и привычка к безбедной жизни удержат Капитана от ответа, вообще удержат его от каких бы то ни было ответов на будущее, но он прохрипел:

— Убрать их! Убрать! А ты, ты отправишься за это в Полет!

Обернувшись к Джо-Джиму, Нарби поднял вверх большой палец. Джо-Джим шепнул что-то Бобо — и нож по самую рукоять вошел в жирное брюхо Капитана. Тот даже не вскрикнул, только жалобно всхлипнул, и лицо его приняло выражение крайнего удивления и растерянности. Неловко нащупав рукоять ножа, как бы желая убедиться, что в животе у него действительно сидит клинок, Капитан прохрипел: «Мятеж, мя...»— и тяжело рухнул лицом на стол.

Нарби ногой спихнул труп на пол и приказал двум охранникам убрать его. Те беспрекословно повиновались, обрадованные, что нашелся наконец хозяин, который будет ими командовать. Нарби обратился к застывшему в молчании залу:

— Кто еще возражает против мира с мьютами?

Престарелый офицер, в спокойствии и уюте проживший жизнь в отдаленной деревне, встал и выпятил костлявый палец в сторону Нарби. Седая борода его тряслась от возмущения.

— Джордан накажет тебя за это! Грех и мятеж! Ты продал душу Хаффу!

Нарби сделал знак, и слова старика застряли в горле. Острие ножа, пронзив шею, вышло у уха. Бобо был доволен собой.

— Хватит, поговорили,— объявил Нарби.— Лучше обойтись малой кровью сейчас, чем большой кровью потом. Те, кто согласен со мной, встаньте и выйдите вперед.

Эртц показал пример, шагнув первым и увлекая за собой самых верных своих сторонников. Он поднял нож острием вверх.

— Салют Финеасу Нарби, Капитану-Помазаннику!

Его сторонникам ничего не оставалось, кроме как провозгласить здравицу новому Капитану.

Нарби хором салютовали и молодчики из его клики — костяк блока рационалистов Ученых-жрецов. Увидев, куда склоняется чаша весов, к ним начали присоединяться и остальные. Лишь незначительная кучка офицеров, в основном стариков и религиозных фанатиков, осталась на местах.

Увидев, что Нарби приказал собрать их всех вместе и сделал знак головорезам Джо-Джима, Эртц взял его за руку.

— Их мало, и опасности они не представляют,— сказал он.— Давай просто разоружим их и уволим в отставку.

Нарби неприязненно посмотрел на него.

— Оставить их в живых — значит посеять семена раздора и мятежа. Я вполне способен принимать решения самостоятельно, Эртц.

— Хорошо, Капитан,— закусил губу Эртц.

— Так-то оно лучше,— Нарби подал знак Джо-Джиму.

Длинные ножи работали быстро.

Хью держался подальше от места расправы. Его старый учитель Лейтенант Нельсон, администратор их деревни, заметивший когда-то способности Хью и отобравший его для учебы, был в числе убитых. Такого поворота событий Хью не предвидел.

За покорением мира следует его объединение. Верой или мечом. Бойцы Джо-Джима, усиленные людьми Капитана Нарби, прочесывали средние и верхние палубы. Мьютам, закоренелым индивидуалистам, по самому образу жизни не способным подчиняться никому, кроме вождя собственной маленькой шайки, было не по плечу противостоять планомерному наступлению Джо-Джима, да и оружие их не шло ни в какое сравнение с длинными ножами, разящими насмерть, когда обороняющийся только готовился еще парировать удар.

По стране мьютов поползла молва, что лучше всего без боя покориться армии Двух Мудрых Голов — сдавшимся будет обеспечена добрая еда. Иначе — верная смерть.

Но дело шло медленно — столько было палуб, столько миль мрачных коридоров, бесчисленных жилищ, в которых могли укрыться непокоренные мьюты. Операция замедлялась и по мере продвижения вперед, поскольку Джо-Джим ввел патрулирование и внутреннюю охрану в каждом завоеванном секторе, на каждой палубе и у каждого люка.

К глубокому огорчению Нарби, Двухголовый из этих боев выходил живым и невредимым. Джо-Джим уяснил из своих книг, что генералу нет нужды принимать непосредственное участие в схватках.

Хью не покидал Рубки. И не только потому, что был поглощен головоломными приборами, в которых пытался разобраться. Смерть Лейтенанта Нельсона вызвала у него отвращение к кровавой чистке. К насилию он привык давно, оно и на нижних палубах было в порядке вещей, но сейчас что-то смутно мучило его, хотя осознанно он себя в гибели старика не винил. Просто он бы предпочел, чтобы обошлось без этого.

Но приборы, приборы! Да, вот чему стоило отдать свое сердце! Он ведь взялся за дело, перед которым спасовал бы любой грамотный землянин, заведомо зная,

что управление звездолетом требует глубокой подготовки и богатого опыта полетов на более простых кораблях.

Но Хью Хойланд этого не знал. Поэтому он смело взялся за дело и добился своего.

На каждом шагу ему помогал гений создателей этого корабля. Управление большинством механизмов всегда основано на простейших движениях: вперед-назад, направо-налево, вверх-вниз и бесчисленном множестве их комбинаций. Настоящие трудности в работе с механизмами и машинами лежат в их эксплуатации, ремонте, профилактике и обслуживании.

Однако приборы и двигатели звездолета «Авангард» не нуждались в ремонте или замене износившихся частей. Их изощренность превышала обычный уровень, движущиеся детали в них вообще не использовались, и трение не играло роли; они не нуждались в настройке. Хью никогда бы не смог разобраться в этом оборудовании, никогда не научился бы ремонтировать его. Но этого и не требовалось.

«Авангард» в ремонтниках не нуждался. За исключением разве что вспомогательного оборудования — подъемников, конвейеров, линий доставки еды, автомассажеров и так далее. Все это оборудование, в котором применение движущихся частей было неизбежным, износилось и пришло в негодность еще задолго до появления первого Свидетеля. Детали и целые механизмы, потерявшие значение и смысл, либо были отправлены в Конвертер как бесполезный хлам, либо были приспособлены для практических нужд. Хью и знать не знал, что это когда-то существовало; остатки каких-то разобранных приспособлений в различных помещениях Корабля были в его глазах естественным природным явлением.

Проектировщики «Авангарда» исходили из того, что он достигнет цели не ранее чем через два поколения. Они ставили своей задачей по мере возможности облегчить судьбу будущих, еще не рожденных пилотов, которые доведут «Авангард» до Проксимы Центавра. Хотя такого упадка технической культуры, какой имел место в действительности, проектировщики не предвидели, они все же старались, как умели, максимально упростить управление Кораблем, сделать его наглядным, легкодоступным.

Земной подросток, в меру смышленый, выросший в развитой стране и с детства знакомый с самой идеей космических полетов, разобрался бы в пульте управления

«Авангарда» за несколько часов. Хью, выросший в невежестве, в вере, что Корабль — это и есть весь мир, долгие годы не умевший выйти в своем воображении за пределы палуб и коридоров, был вынужден потратить на это много времени. Основным камнем преткновения были две абсолютно чуждые его восприятию концепции — глубокое пространство и метрическое время. Он научился обращаться с дистанциометром — прибором, специально разработанным для «Авангарда»,— и снял с него данные о расстоянии до нескольких ближайших звезд, но это все равно ничего не говорило ему. Они измерялись в парсеках и в его глазах были бессмысленны. Попытавшись с помощью Священных книг перевести их в линейные единицы, он получил цифры, которые ему казались смехотворными и заведомо неверными. Проверка за проверкой чередовались долгими раздумьями, прежде чем перед ним забрезжило хоть какое-то туманное представление об астрономических величинах.

Эти величины ошеломили и напугали его. Им овладело чувство отчаяния и безнадежности. Он покинул Рубку и занялся выбором жен. Впервые с тех давних пор, как он попал в плен к Джо-Джиму, он почувствовал интерес к женщинам и получил возможность его удовлетворить. Выбор был большой. Подросло новое поколение деревенских девушек, да и к тому же военные операции Джо-Джима сделали многих женщин вдовами. Хью воспользовался своим высоким положением в новой иерархии Корабля и выбрал себе двух жен: молодую вдову, сильную и умелую самку, привыкшую создавать домашний уют мужчине. Он поселил ее в своем новом жилище, предоставил свободу действий в доме и позволил ей сохранить свое прежнее имя — Хлоя. Вторая была девушкой необузданной и дикой, как мьют. Хью и сам не знал, почему он выбрал именно ее. Уметь она ничего не умела, но чем-то привлекала его. Имени ей он так и не придумал.

Метрическое время заставило его поломать голову не меньше, чем астрономические величины, но эмоциональных потрясений не вызвало. В мире Корабля и понятия такого не было. Экипаж имел представление об обиходных основных понятиях: «сейчас», «прежде», «было», «будет», даже такие, как «медленно» и «быстро», но идея измеряемого времени была утрачена. На Земле даже первобытные племена имели понятие измеряемого времени, хотя бы только дней и времен года, но ведь все земные концепции

измеряемого времени строятся на астрономических явлениях, а Экипаж был от них изолирован давным-давно.

На пульте управления Хью нашел единственные сохранившиеся в Корабле часы, но ему долго пришлось ломать голову, прежде чем он понял их назначение и связь с другими приборами. Пока он не разобрался в этом, управление Кораблем было ему недоступно. Скорость и ее производное — ускорение — основываются на понятии измеряемого времени.

Но, как следует разжевав и усвоив две новые концепции и перечитав заново в их свете древние книги, он стал, хотя и в очень ограниченном смысле слова, астронавтом.

Хью искал Джо-Джима, чтобы спросить совета. Головы Джо-Джима всегда поразительно быстро соображали, особенно если ему была охота их напрячь. Но поскольку это случалось с ним нечасто, он так и оставался во всем дилетантом.

У Джо-Джима Хью застал Нарби, уже собравшегося уходить. Для успешного проведения кампании по умиротворению мьютов Нарби и Джо-Джиму часто приходилось совещаться. К их взаимному удивлению, они хорошо ладили. Нарби был умелым администратором. Доверяя кому-то определенную ответственность, он не стоял над душой и не требовал отчета по каждой мелочи. Джо-Джим, в свою очередь, удивлял и радовал Нарби, он был намного способнее всех его офицеров. Симпатии они друг к другу отнюдь не испытывали, но чувствовали взаимное уважение к уму партнера и понимали, что их личные интересы совпадают.

— Доброй еды, Капитан,— по-уставному приветствовал Хью Нарби.

— А, привет, Хью,— ответил Нарби и снова повернулся к Джо-Джиму.— Так я буду ждать доклада.

— Да, мы его подготовим,— ответил Джо.— Вряд ли их там осталось больше дюжины. Мы их или выбьем оттуда, либо заморим голодом.

— Я не мешаю? — спросил Хью.

— Нет, я уже ухожу. Как идут твои грандиозные дела, дружище? — Он улыбнулся, и эта улыбка разозлила Хью.

— Дела идут хорошо, но медленно. Представить доклад?

— Не к спеху. Да, кстати, я наложил табу на обе рубки и на двигатель, в общем, на весь ярус невесомости. И для Экипажа и для мьютов.

— Пожалуй, это правильно. Никому, кроме офицеров, не следует там пока шататься.

— Ты меня не понял. Я имею в виду всех, и офицеров тоже. Исключая нас, разумеется.

— Нет, так не пойдет. Единственная реальная возможность убедить офицеров в нашей правоте — это показать им звезды!

— Именно поэтому я и наложил табу. Сейчас, когда я занят консолидацией власти, я не могу позволить смущать умы моих офицеров столь радикальными идеями. Разгорятся религиозные страсти, а это подорвет дисциплину.

Хью был настолько ошеломлен и расстроен, что даже не сразу нашелся с ответом.

— Но ведь это наша цель,— сказал он наконец.— Именно для этого тебя и сделали Капитаном.

— И как Капитану мне придется принимать окончательные решения по политическим вопросам. Данный вопрос исчерпан. Тебе не разрешается водить людей в невесомость до тех пор, пока я не сочту это возможным. Придется потерпеть.

— Он прав, Хью,— заметил Джим.— Не стоит создавать почву для разногласий, пока мы не закончим войну.

— Дайте-ка мне разобраться до конца,— стоял на своем Хью.— Эти меры носят временный характер?

— Можешь считать так.

— Что ж, ладно. Но постой-ка, ведь Эртцу и мне необходимо немедленно начать обучение помощников.

— Хорошо, представь мне список кандидатов на утверждение. Кого именно ты имеешь в виду?

Хью задумался. Ему-то помощник не особенно был нужен. Хотя в рубке шесть кресел, один человек в кресле навигатора вполне мог управиться с пилотированием Корабля. То же касалось и Эртца...

— Эртцу потребуются носильщики, чтобы доставлять массу к Главному двигателю.

— Пусть составит список. Я подпишу. Проследи за тем, чтобы все носильщики были подобраны из мьютов, уже бывавших в запретной зоне ранее.

Нарби повернулся и вышел с видом правителя, завершившего аудиенцию.

Хью посмотрел ему вслед.

— Не нравится мне это все,— сказал он Джо-Джиму.— Ну да ладно. Я ведь пришел поговорить совсем о другом.

— Что у тебя на уме, приятель?

— Слушай, как мы... Ну, понимаешь, завершим мы Полет. Мы сведем Корабль с планетой, как...— соединил сжатые кулаки.

— Верно, продолжай.

— Так вот, когда мы сделаем это, что будет потом? Как мы выйдем из Корабля?

Этот вопрос застал близнецов врасплох и вызвал спор между ними. Наконец Джо перебил брата.

— Погоди-ка, Джим. Давай рассуждать логично. Если Корабль был построен для Полета, то ведь должна быть дверь, не так ли?

— Верно.

— Но на верхних палубах дверей нет. Следовательно, они должны быть внизу.

— Но там их тоже нет,— возразил Хью,— мы там все исследовали. Двери где-нибудь у вас, в стране мьютов.

— В таком случае,— продолжал Джо,— их следует искать либо в передней, либо в задней части Корабля. Но за помещением Главного двигателя нет ничего, кроме переборок. Следовательно, искать надо в передней части.

— Глупо,— заметил Джим.— Там Главная и Капитанская рубки, и больше ничего...

— Ничего? А о запертых жилищах ты забыл?

— Там-то уж точно дверей наружу нет.

— Непосредственно наружу нет, но, может быть, через эти жилища к ним можно выйти, балда ты.

— От балды и слышу. Даже если ты прав, как ты их откроешь, умник?

— Что такое «запертые жилища»? — спросил Хью.

— Ты не знаешь? В переборке, за которой расположена дверь, ведущая в Главный двигатель, есть еще семь дверей. Открыть их нам так и не удалось.

— Пойдем посмотрим. Может быть, это и есть то, что мы ищем.

— Время только терять,— буркнул Джим.

Но они пошли, прихватив с собой Бобо. Его сила могла пригодиться. Но даже вздувшиеся мышцы Бобо не справились с рычагами, которые, по-видимому, приводили двери в движение.

— Убедился? — иронически сказал брату Джим.

Джо пожал плечами:

— Ты был прав. Пошли отсюда.

— Подождите немножко,— взмолился Хью.— Кажется, на второй двери ручка чуть-чуть повернулась. Давай попробуем еще раз.

— Без толку это все,— ответил Джим.

— Раз уж пришли, давай попробуем еще,— возразил Джо.

Бобо приналег, вжавшись плечом под рычаг и упершись в пол ногами. Неожиданно рычаг подался, но дверь не открылась.

— Сломал,— сказал Джо.

— Похоже, что так,— согласился Хью и оперся на дверь рукой. Дверь распахнулась.

К счастью для всех троих, она не вела в Космос. В их жизненном опыте неоткуда было взяться представлению об открытом вакууме и его опасностях.

Короткий узкий коридор привел к еще одной, на этот раз полуоткрытой двери. Силач Бобо распахнул ее без труда.

Еще шесть футов коридора, и они уперлись в очередную дверь.

— Не понимаю,— пожаловался Джим, пока Бобо занимался ею,— к чему эти бесконечные двери?

— Подожди, может, поймешь,— посоветовал ему брат.

За третьей дверью открылось помещение, состоящее из нескольких странных, маленьких, непривычной конфигурации жилищ.

Бобо двинулся вперед на разведку с ножом в зубах. Хью и Джо-Джим шли медленно, это странное место заворожило их.

Бобо вернулся, погасил скорость полета, опершись о переборку, вынул нож изо рта и доложил:

— Нет двери. Больше нет. Бобо смотрел.

— Должна быть,— настаивал Хью, раздраженный тем, что карлик разбил его надежды.

— Бобо хорошо смотрел,— пожал плечами мутант.

— Проверим сами.

Хью и Джо-Джим разошлись в противоположные стороны, внимательно осматривая и изучая помещение.

То, что Хью нашел вместо двери, заинтересовало его больше. Находка просто была невозможной. Он хотел

было позвать Джо-Джима, но Джим как раз в этот момент крикнул:

— Хью, иди сюда!

Хойланд неохотно оторвался от своей находки и пошел к близнецам.

— Слушайте, я там такое нашел...

— Плюнь на то, что ты нашел,— перебил его Джо.– Смотри сюда.

Хью посмотрел. Перед ним был конвертер. Маленький, но, несомненно, конвертер.

— Бессмыслица какая-то,— сказал Джим.— Зачем нужен конвертер в таком маленьком жилище? Ведь эта штуковина может обеспечить энергией и светом добрых полкорабля. Что ты об этом думаешь, Хью?

— Не знаю даже, что и думать, но если ваша находка кажется вам странной, то взглянем на мою.

— А ты что нашел?

— Пойдем покажу.

Хойланд привел Джо-Джима в маленькую комнату, одна стена которой была сделана из стекла. Стекло было темным, как будто извне что-то загораживало вид. Напротив стены стояли два кресла, в подлокотниках которых и на приборных досках перед ними светились такие же квадратики маленьких огоньков, как в Главной рубке.

Джо-Джим попытался найти прибор, который воспроизвел бы панораму звездного неба на стеклянной стене перед ними. Попытки не увенчались успехом. Не мог же он знать, что это стекло не экран, а иллюминатор, заслоненный корпусом самого Корабля. Манипулируя наугад пальцами, Джо-Джим включил приборы, над которыми зажглась надпись «Пуск». Слово это ничего не говорило ему, и он не обратил на него внимания. Тем более что ничего существенного не произошло, разве что замигал красный огонек и вспыхнула еще одна надпись: «Открыт герметический шлюз».

Джо-Джиму, Хью и Бобо очень повезло, что шлюз был открыт. Затвори они за собой двери и оставь их далекие предки в Конвертере хоть несколько граммов массы, пригодной для превращения в энергию, все трое весьма неожиданно для себя очутились бы в корабельной шлюпке, запущенной в космос без какой бы то ни было подготовки к полету: в маленьком космическом суденышке,

систему управления которым они лишь смутно начали постигать по аналогии со схемой приборов Главной рубки.

Им вряд ли удалось бы ввести шлюпку обратно в док, вероятнее всего они разбились бы о Корабль.

И никто из них не подозревал, что найденное ими «жилище» само по себе было маленькой космической ракетой. Им и в голову никогда не приходило, что Корабль может быть оснащен шлюпками.

— Выключи свет,— попросил Хью.

Джо-Джим выполнил его просьбу.

— Итак?..— продолжал Хью.— Что вы думаете по поводу этой находки?

— Дело ясное,— ответил Джим.— Это вторая рубка. Раньше мы не знали о ней, потому что не могли открыть дверь.

— Нелогично,— возразил Джо.— Зачем Кораблю две рубки?

— А зачем человеку две головы? — ответил вопросом на вопрос его брат.— С моей точки зрения, твоя — явное излишество.

— Не сравнивай, мы с тобой такими родились. Но Корабль-то строили по проекту.

— Ну и что? Мы же носим два ножа, разве нет? Мы что, так и родились с ними? Запас карман не тянет.

— Но как отсюда управлять Кораблем? — запротестовал Джо.— Ничего же не видно. Уж если дублировать управление, то в Капитанской рубке, откуда видны звезды.

— А это что? — спросил Джим, показывая на стеклянную стену.

— Пошевели мозгами,— ответствовал Джо.— Эта стена выходит внутрь Корабля, а не наружу. Здесь нет приборов для воспроизведения звездного неба.

— Может, мы их просто не нашли.

— Хорошо, но тогда зачем здесь Конвертер? Уверяю тебя, его установили не случайно.

— Ну и что?

— Наверняка он как-то связан со всеми этими приборами.

— Почему ты так думаешь?

— А потому! С чего бы устанавливать в одном отсеке и приборы и Конвертер, если они друг к другу никакого отношения не имеют?

Хью, все время обескураженно молчащий, поднял голову. В аргументах братьев даже противоречия казались

обоснованными и логичными. Запутанная ситуация. Но Конвертер, Конвертер...

— Послушайте! — вдруг выпалил Хью.

— Чего ты там еще надумал?

— А что, если... а что, если эта часть Корабля движется?

— Естественно. Весь Корабль движется.

— Да нет же,— сказал Хью нетерпеливо.— Я совсем о другом. Что, если эта часть Корабля может двигаться самостоятельно? Пульт управления и Конвертер! Вот в чем секрет — эта секция может отделиться от Корабля и лететь сама по себе!

— Сомнительно.

— Возможно. Но если я все же прав, то мы нашли искомое. Это и есть выход наружу.

— Как так? — спросил Джо.— Что за чушь! Здесь же нет двери.

— Но если эту штуку отвести от Корабля, то наружу можно выйти через дверь, в которую мы вошли!

Две головы одновременно повернулись к нему, потом посмотрели друг на друга. Джо-Джим повторил свой эксперимент с приборной доской.

— Видишь? — сказал Джим.— «Пуск». Пуск это значит — привести корабль в движение.

— Почему же ничего не происходит?

— «Открыт герметический шлюз». Имеется в виду дверь, все двери, через которые мы прошли.

— Попробуем закрыть?

— Надо сначала включить Конвертер.

— Давай.

— Не спеши, не спеши. Кто знает, что получится? Вылетим еще, чего доброго, а обратно вернуться не сможем. Помрем тогда с голода.

— Х-мм-м, верно. Надо осмотреться, продумать все хорошенько.

Прислушиваясь к спору близнецов, Хью внимательно исследовал приборную доску, пытаясь разобраться, что к чему. Увидев ящичек на панели перед креслом, он сунул в него руку.

— Смотрите, что я нашел!

— Книга? — сказал Джо.— Да их у Конвертера целая куча.

— Покажи,— сказал Джим.

Хью открыл найденную книгу.

— «Бортовой журнал звездолета «Авангард»,— прочитал он.— «2 июня 2172 года. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

— Что?! — завопил Джо.— Дай посмотреть!

— «3 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

«4 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости. В 13.00 капитан объявил список поощрений и дисциплинарных взысканий. См. Административный журнал».

«5 июня. Полет продолжается с прежней крейсерской скоростью».

— Дай сюда!

— Подожди,— ответил Хью.— «6 июня. В 04.31 вспыхнул мятеж. Младший механик Хафф захватил несколько ярусов и, объявив себя Капитаном, предложил вахте сдаться. Вахтенный офицер объявил его арестованным и вызвал каюту Капитана. Ответа не было».

«04.35. Связь прервана. Вахтенный офицер отправил трех рассыльных известить Капитана, а также найти коменданта гауптвахты и содействовать аресту Хаффа».

«04.41. Конвертер отключен, перешли в свободный полет».

«05.02. Рассыльный Лэси, один из троих, посланных ранее вниз, вернулся в рубку. Доложил на словах, что остальные двое — Малькольм Янг и Артур Сирс — убиты, а его отпустили только для того, чтобы предложить вахте сдаться. Мятежники дают нам срок на размышления до 05.15».

Следующая запись в бортжурнале была сделана другим почерком.

«05.45. Я сделал все возможное, чтобы связаться с другими постами и офицерами Корабля, но мои попытки не увенчались успехом. Исходя из сложившихся обстоятельств, считаю своим долгом покинуть рубку управления, не дожидаясь смены, и попытаться восстановить порядок в нижних ярусах. Поскольку мы не вооружены, мое решение может быть ошибкой, но ничего другого мне не остается. Джин Болдуин, пилот третьего класса, вахтенный офицер».

— Это все? — спросил Джо.

— Нет,— ответил Хью.

«1 октября (приблизительно) 2172 года. Я, Теодор Маусон, бывший рядовой интендантской службы, был

сегодня избран Капитаном «Авангарда». Со времени занесения в этот журнал последней записи многое изменилось. Мятеж был подавлен или, вернее, угас сам собой, но последствия его трагичны. Погиб весь командный состав, перебиты все пилоты и инженеры. Поэтому меня и выбрали Капитаном — не нашлось никого, более подходящего.

Мы потеряли около 90 процентов экипажа. Со дня мятежа не производились новые посевы, гидропонные фермы запущены, запасы продовольствия приближаются к концу. Среди не сдавшихся еще мятежников уже были отмечены случаи людоедства.

Моя первостепенная задача — установить хоть какое-то подобие порядка и дисциплины среди экипажа. Следует возобновить посевы и установить постоянную вахту у Вспомогательного конвертера, который теперь стал нашим единственным источником света, тепла и энергии».

Дата следующей записи не была указана.

«Последнее время мне было не до аккуратного ведения журнала. Сказать по правде, я даже приблизительно не представляю, какое сегодня число. Корабельные часы давно остановились. То ли из-за неполадок в Вспомогательном конвертере, то ли из-за внешней радиации. Поскольку Главный конвертер не функционирует, мы утратили поле радиационной защиты вокруг Корабля. Мой Главный инженер уверяет, что Главный конвертер можно пустить, но у нас нет навигаторов. Я пытался обучиться навигации по сохранившимся книгам, но математика слишком сложна для меня.

Из-за радиации примерно каждый двадцатый ребенок рождается уродом. Я ввел спартанский кодекс — эти дети не должны жить. Суровая необходимость.

Я становлюсь стар и дряхл, пора подыскивать себе преемника. Я — последний на борту, кто родился на Земле, но и я мало что о ней помню — мне было пять лет, когда мои родители отправились в полет. Я не знаю, сколько мне лет сейчас, но ясно понимаю одно — до Конвертера мне осталось совсем немного.

В психологии моих людей происходит любопытный сдвиг. Они никогда не жили на планете, поэтому с течением времени им все труднее становится воспринимать какие-либо концепции, не связанные непосредственно с Кораблем, или представлять себе природные явления, не связанные с жизнью в нем. Я оставил всякие попытки пробудить их воображение и мысль; они вряд ли пойдут

на пользу, если у меня все равно нет надежды хоть когда-нибудь вывести мой экипаж из мрака. Жизнь у моих людей тяжелая, они выращивают урожай только для того, чтобы потом драться за него, отбивая налеты отщепенцев, все еще прячущихся в верхних палубах. Так зачем же растравлять их души рассказами о лучшем бытии?

Я принял решение не передавать этот бортжурнал моему преемнику. Лучше я спрячу его в единственной сохранившейся после бегства мятежников шлюпке. Там он будет в безопасности, здесь же какой-нибудь идиот, не задумываясь, пустит его на топливо для Конвертера. Недавно я застал вахтенного в тот момент, когда он закладывал в Конвертер последний экземпляр бесценной «Всеземной энциклопедии». Проклятый дурень неграмотен, не умеет ни читать, ни писать. Надо издать закон об охране книг».

«Это моя последняя запись. Я долго откладывал приход сюда, чтобы спрятать журнал в безопасном месте,— подниматься на верхние палубы очень опасно. Но жизнь моя значения больше не имеет, а я хочу умереть уверенным в том, что сохранится правдивая летопись событий.

Теодор Маусон, Капитан».

Когда Хью кончил читать, близнецы против обыкновения долго молчали. Наконец Джо глубоко вздохнул и сказал:

— Вот, значит, как оно все было.

— Жаль его, беднягу,— тихо вымолвил Хью.

— Кого? Капитана Маусона? Почему?

— Нет, не его. Я имел в виду пилота Болдуина. Представляешь, каково ему было выходить за дверь, где его поджидал Хафф,— Хью передернуло. Человек он был просвещенный, но при всей широте своих взглядов подсознательно представлял себе Хаффа — «первым Хафф согрешил, будь он проклят вовек!» — существом ростом с двух Джо-Джимов, силой с двух Бобо и с клыками вместо зубов.

Хью заимствовал у Эртца несколько носильщиков, которые стаскивали трупы жертв военных действий к Главному конвертеру на топливо, и приказал им доставить в шлюпку запасы воды, продовольствия и массу для Конвертера. Нарби он об этом не сообщил и вообще

утаил от него найденную шлюпку. Почему — сам не знал, просто Нарби раздражал его.

Между тем звезда на экране Главной рубки росла и росла, пока не превратилась в яркий сверкающий диск. Такой яркий, что на него больно было смотреть. Изменилось и ее положение — она переместилась почти в центр. Если Корабль продолжит свой неуправляемый дрейф, то опишет вокруг звезды гиперболу и снова исчезнет в глубинах космоса.

Хью долго, очень долго вычислял траекторию полета. Сохранись на Корабле земное исчисление времени, он увидел бы, что у него ушло на это несколько недель. Еще дольше Эртц и Джо-Джим проверяли его расчеты и с трудом заставили себя поверить в правильность полученных ими цифр — до того они казались нелепыми. И еще больше времени ушло на то, чтобы убедить Эртца, что для сближения двух тел в пространстве необходимо прилагать силу, направленную в сторону, противоположную желаемой, то есть упереться пятками, изо всех сил затормозить и погасить силу инерции. Пришлось провести целый ряд экспериментов в свободном полете в невесомости, прежде чем Эртц поверил в это. Сам-то он просто собирался разогнать Корабль и на полном ходу направить его на звезду.

Хью и Джо-Джим рассчитали силу торможения, необходимую для погашения скорости «Авангарда» и вывода его на орбиту вокруг звезды, чтобы затем начать поиск планет. Эртц с трудом усвоил разницу между звездой и планетой. Алан вообще ничего не понял.

— Если мои расчеты верны,— сказал Эртцу Хью,— пора разгонять Корабль.

— Главный двигатель готов,— ответил Эртц.— У нас уже достаточно массы.

— Нужно идти к Нарби за разрешением.

— Это еще зачем?

— Он же Капитан,— пожал плечами Хью.

— Хорошо. Зови Джо-Джима и пойдем.

В помещении Джо-Джима они нашли Алана.

— Коротышка сказал, что Двухголовый ушел к Капитану,— сообщил им Алан.

— Прекрасно. Мы как раз хотели позвать его туда. Алан, старик, мы начинаем!

— Уже? Вот здорово! — выпучил глаза Алан.

— Идем с нами к Капитану.

— Подождите, я только предупрежу свою бабу.— И он побежал в свое жилище, находившееся рядом.

— Балует он ее,— заметил Эртц.

— Иногда это от нас не зависит,— ответил Хью с отсутствующим взглядом.

Алан быстро вернулся, успев, однако, переодеться.

— Пошли! — крикнул он возбужденно.

Алан гордо вышагивал к кабинету Капитана. Он теперь стал значительным лицом — идет себе рядом с влиятельными друзьями, а охрана знай честь отдает. Давно прошли времена, когда его держали на побегушках.

Но часовой у двери не отступил, как обычно, в сторону, хотя и отдал честь.

— Дорогу! — резко сказал Эртц.

— Слушаюсь, сэр,— ответил часовой, не двигаясь с места.— Ваше оружие, пожалуйста.

— Ты что, идиот, не узнаешь Главного инженера?

— Так точно, сэр, узнаю. Прошу сдать оружие. Таков приказ.

Эртц пихнул его в плечо. Часовой уперся ногами в пол.

— Прошу извинить, сэр. Капитан строго-настрого приказал всем входящим к нему оставлять оружие у входа. Всем без исключения.

— Проклятье!

— Он хорошо помнит, что случилось с прежним Капитаном,— тихо вставил Хью.— Умный он парень, наш Нарби.— С этими словами он отстегнул нож и отдал его часовому. Эртц пожал плечами и сделал то же самое. Обескураженный Алан последовал их примеру, смерив стража испепеляющим взглядом.

Когда они вошли в кабинет, Нарби беседовал с Джо-Джимом. На лицах близнецов застыло угрюмое выражение. Бобо казался голым без привычных пращи и ножей.

— Вопрос закрыт, Джо-Джим,— продолжал Нарби.— Таково мое решение. Я оказал вам любезность, изложив причины, побудившие меня к нему, но ваше согласие или несогласие не имеет значения.

— В чем дело? — поинтересовался Хью.

Нарби поднял взгляд.

— Хорошо, что ты пришел, Хью, а то твой друг мьют начинает забывать, кто здесь Капитан.

— В чем дело? — повторил Хью.— Что здесь происходит?

— Он,— прорычал Джим, тыча пальцем в Нарби,— думает разоружить всех мьютов.

— Но ведь война окончена, не так ли?

— Не было такого уговора. Мьюты должны были влиться в Экипаж. Разоружи сейчас мьютов, и Экипаж их всех перережет. У него-то ножи останутся.

— Придет время, у всех отберем,— заверил Нарби,— но я сделаю это тогда, когда сочту нужным. Что у тебя, Эртц?

— Спроси Хью.

Нарби обернулся к Хойланду.

— Я пришел уведомить вас, Капитан,— по-уставному отчеканил Хью,— что мы намерены запустить Главный двигатель и перейти к управляемому Полету.

Если слова Хью и удивили Нарби, то никак уж не привели в растерянность.

— Боюсь, что вам придется обождать. Я все еще не считаю возможным допускать офицеров в невесомость.

— В этом нет необходимости,— сказал Хью.— Поначалу Эртц и я вполне справимся сами. Ждать больше нельзя. Если мы не начнем сейчас, то при жизни нашего поколения Полет завершен не будет.

— Не будет так не будет.

— Что?! — выкрикнул Хью.— Нарби, ты что, не хочешь завершить Полет?

— Я не намерен проявлять поспешность.

— Что за ерунда, Фин? — спросил Эртц.— Что это на тебя нашло? Нам действительно пора начинать.

Нарби молча барабанил пальцами по столу. Потом сказал:

— Поскольку здесь высказываются некоторые сомнения относительно того, кому принадлежит власть, придется мне вам разъяснить, что к чему. Хойланд, в той мере, в какой твои забавы не мешали мне управлять жизнью Корабля, я был готов смотреть на них сквозь пальцы и позволять тебе развлекаться, ибо по-своему ты был весьма полезен. Но поскольку твои бредовые идеи становятся источником разложения Экипажа, угрозой моральному здоровью, спокойствию и безопасности народа Корабля, я вынужден положить им конец.

От изумления Хью лишился дара речи. Наконец он выдавил:

— Бредовые? Ты сказал, «бредовые»?

— Вот именно. Только псих или невежественный религиозный фанатик может уверовать, будто Корабль движется. Но поскольку и ты и Эртц имели честь удостоиться научного образования и невеждами вас считать нельзя, вы оба, безусловно, свихнулись.

— Во имя Джордана! — воскликнул Хью.— Ты сам, собственными глазами видел бессмертные звезды, и ты же называешь нас безумцами!

— Что все это значит, Нарби? — холодно спросил Эртц.— Ты что финтишь? И не вкручивай нам мозги, мы-то знаем, что ты был наверху и удостоверился в том, что Корабль движется.

— Я с интересом наблюдал за тобой, Эртц,— сказал Нарби.— Но никак не мог понять: то ли ты решил использовать психоз Хойланда в своих интересах, то ли сам сошел с ума, как и он. Только теперь мне стало ясно, что ты тоже свихнулся.

Эртц сдержал гнев.

— Будь любезен объясниться. Ты же был в Рубке, и как ты можешь утверждать, что Корабль не движется?

— Я был о тебе лучшего мнения как об инженере,— усмехнулся Нарби.— Рубка не что иное, как ловкая мистификация. Фокус! Ты сам видел, что огни в ней включаются и выключаются — очень остроумное приспособление с инженерной точки зрения, надо сказать. Судя по всему, оно служило для культовых обрядов, чтобы возбуждать в верующих благоговение перед древними мифами. Но нам оно ни к чему. Вера Экипажа и так крепка. Сейчас Рубка может лишь возбудить нездоровые страсти, поэтому я ее уничтожу, а двери, ведущие в нее, опечатаю.

Не удержи его Эртц, Хью вцепился бы в Нарби.

— Спокойно, Хью,— сказал Эртц и продолжал: — Допустим даже, что Главный двигатель просто муляж, но что ты скажешь о Капитанской рубке? Ты ведь видел там настоящие звезды, а не их изображение.

— Эртц, да ты еще глупее, чем я думал! — Нарби расхохотался.— Должен сознаться, однако, что сначала Капитанская рубка и меня заинтриговала, хотя во все эти звезды я никогда не верил! Но Главная рубка помогла мне во всем разобраться. Капитанская рубка такой же фокус, как и она. Очень остроумное инженерное решение,

безусловно. За ее иллюминатором находится еще одно помещение примерно такого же размера, но неосвещенное. На фоне этой тьмы маленькие огоньки действительно создают эффект бездонного пространства. Принцип тот же, что и в Главной рубке. Я просто поражен тем, что вы сами этого не поняли. Если очевидные факты противоречат логике и здравому смыслу, это означает, что вы неправильно истолковали их, и они лишь кажутся вам очевидными. Единственный, по-настоящему очевидный, основной факт природы — реальность Корабля, прочного, незыблемого, неподвижного мира. Все, что противоречит этой объективной реальности, не более чем иллюзия, самообман. Вооруженный этим Учением, я начал искать секрет показанного мне фокуса и нашел его!

— Ты хочешь сказать,— спросил Эртц,— что действительно нашел путь по ту сторону стеклянной стены и собственными глазами видел механизмы, создающие иллюзию звезд?

— Нет,— ответил Нарби,— в этом нет необходимости. Не обязательно порезаться, чтобы убедиться в остроте ножа.

— Та-а-к,— протянул Эртц. И сказал после короткой паузы: — Предлагаю тебе компромисс. Если Хью и я действительно сошли с ума, то вреда от нас все равно не будет, поскольку мы держим язык за зубами. Но мы попробуем запустить двигатели и доказать, что Корабль движется. Если ничего не выйдет, ты был прав, а мы ошибались.

— Капитан не торгуется,— заявил Нарби.— Однако я обдумаю твое предложение. Вы свободны.

Эртц повернулся уходить, сдержав негодование, но взгляд его упал на каменные лица Джо-Джима.

— А как же с мьютами? — спросил Главный инженер.— Почему ты позволяешь себе так обращаться с Джо-Джимом? Не забывай, что ты стал Капитаном благодаря его ребятам.

На мгновение Нарби утратил выдержку, и маска собственного превосходства исчезла с его лица.

— Не вмешивайся не в свое дело, Эртц. Я не позволю держать здесь банды вооруженных дикарей. Таково мое окончательное решение.

— С пленными можешь поступать как хочешь,— сказал Джим,— но наш отряд оружие не сдаст. Таково мое окончательное решение. Им всем была обещана добрая

еда до конца жизни, если они будут драться за тебя. Разоружаться мы не будем.

Нарби смерил его взглядом.

— Джо-Джим,— сказал он.— Я всегда считал, что хороший мьют — это мертвый мьют. Ты делаешь сейчас все, чтобы укрепить меня в этом мнении. Думаю, тебе небезынтересно будет знать, что к настоящему времени твою банду уже разоружили и перерезали.

Ворвалась ли стража по сигналу или по заранее отданному приказу, понять было трудно. В спины захваченных врасплох безоружных кровных братьев уперлись клинки ножей.

— Арестовать их,— приказал Нарби.

Бобо взвизгнул и взглядом спросил Джо-Джима, что делать.

— Давай, Бобо! — крикнул Джо.

Лягнув держащего его стражника, карлик прыгнул на человека, приставившего нож к спине Джо-Джима. Растерявшись, тот потерял драгоценные полсекунды. Сбив его на пол ударом в живот, Джо-Джим вырвал у него из рук нож.

Хью катался по полу в обнимку со своим противником, сжав его кисть, державшую оружие. Джо-Джим нанес стражнику удар, и Хью вскочил на ноги с ножом в руках. Двухголовый огляделся и увидел кучу из четырех человек — Эртца, Алана и еще двоих. Удары он наносил осторожно, чтобы не перепутать, какой голове принадлежит чье тело.

— Возьмите их ножи,— приказал он своим друзьям, поднявшимся на ноги. Его слова потонули в диком вопле. Бобо, так и не успевший отобрать оружие у врага, прибегнул к своему природному оружию. Раскромсанное его зубами лицо охранника залилось кровью.

— Где его нож? — спросил Джо.

— Не могу дотянуться,— виновато ответил Бобо.

Причина была очевидна — нож торчал из-под правой лопатки карлика. Джо-Джим легонько потянул за рукоять. Лезвие было всажено глубоко и не выходило.

— Идти сможешь?

— Конечно,— прохрипел Бобо.

— Пусть пока останется в ране. Алан! За мной! Хью и Билл — прикрывайте с тыла. Бобо — центр.

— Где Нарби? — спросил Эртц, прижав рукой рассеченную щеку.

Но Нарби исчез — выскользнул в дверь позади своего стола. И эта дверь была заперта снаружи.

Клерки бросились врассыпную, когда кровные братья вырвались в приемную. Джо-Джим всадил нож в часового у двери, прежде чем тот успел поднять тревогу. Быстро разобрав свое оружие, они устремились на верхние ярусы.

Двумя палубами выше нежилых территорий Бобо зашатался и упал. Джо-Джим поднял его.

— Выдержишь?

Карлик молча кивнул, на губах его выступила кровь.

Еще палуб через двадцать стало ясно, что Бобо дальше идти не сможет, хотя его и поддерживали по очереди. Сила тяжести уже заметно уменьшилась. Алан поднатужился и поднял силача как ребенка. Они продолжали лезть вверх.

Алана сменил Джо-Джим. Они продолжали лезть вверх. Джо-Джима сменил Эртц. Затем Эртца сменил Хью.

Наконец они дошли до яруса, на который переселились после переворота. Хью, положив Бобо на пол, направился было в сторону жилищ, но Джо-Джим остановил его.

— Ты куда?

— Домой, куда же еще?

— Ну и дурак. Именно туда за нами и придут.

— Куда же идти?

— В Корабле нам больше нет места. Пора отсюда сматываться. Идем в шлюпку.

— Верно,— согласился Эртц.— Теперь на нас ополчится весь Корабль.

— Шанс на спасение сомнительный, но другого все равно нет,— сдался Хью. И опять повернул к жилищам.

— Нам же в другую сторону! — крикнул Джим.

— Надо забрать наших женщин.

— К Хаффу женщин! Тебя схватят. Нельзя терять ни мгновения.

Но Эртц и Алан побежали за Хью.

— Ладно,— фыркнул им вслед Джим,— идите за вашими бабами. Но поторапливайтесь.

Джо-Джим сел, положив голову карлика на колени, и тщательно осмотрел его. Лицо Бобо посерело, на правой лопатке огромным красным пятном расплывалась кровь. Он вздохнул и потерся головой о бедро Джо-Джима.

— Бобо устал, хозяин.

Джо-Джим гладил его по голове.

— Терпи,— сказал Джо,— сейчас будет больно.

Приподняв раненого, Джо-Джим выдернул нож. Струей хлынула кровь.

Джо-Джим посмотрел на смертельно длинное лезвие и прикинул глубину раны.

— Ему не выжить,— шепнул Джо. Джим поймал его взгляд.

— Значит?

— Да,— кивнул Джо.

Джо-Джим ткнул извлеченным из раны ножом в свое бедро, но остался недоволен и выбрал один из собственных, острых как бритва ножей. Левой рукой он поднял подбородок Бобо и приказал:

— Смотри на меня, Бобо.

Бобо поднял на него глаза, пытаясь что-то сказать. Джо не сводил с него взгляда.

— Бобо молодец, Бобо сильный.

Карлик слабо ухмыльнулся. Нож вонзился в яремную вену, не задев горла.

— Бобо молодец,— повторил Джо.

Бобо снова раздвинул губы в усмешке.

Когда глаза карлика остекленели и он перестал дышать, Джо-Джим поднялся и пошел в ту сторону, откуда должны были вернуться остальные. На ходу он проверил все свое оружие, подгоняя его так, чтобы было сподручнее.

Хью выбежал ему навстречу, запыхавшись.

— Заминка вышла,— переведя дыхание, пояснил он.— Коротышка мертв. И никого из твоих бойцов нет. Видно, Нарби не соврал, их и вправду перерезали. Держи.— И он протянул Джо-Джиму длинный нож и специально изготовленные доспехи с большим решетчатым шлемом, способным прикрыть обе головы сразу.

И Эртц, и Алан, и Хью тоже надели доспехи. Джо-Джим заметил свежий кровоподтек на губе младшей жены Хью. Держалась она смирно, а в глазах ее бушевала буря. Старшая жена, Хлоя, воспринимала все спокойно. Жена Эртца тихонько всхлипывала, жена Алана была так же обескуражена, как и ее хозяин.

— Как Бобо? — спросил Хью, помогая Джо-Джиму застегнуть доспехи.

— Бобо больше нет.

— Ясно. Ну что ж, пойдем.

Идти им было трудно, женщины не привыкли к невесомости. У переборки, отделяющей шлюз шлюпки от Кораб-

ля, засады не было, хотя Джо и показалось, что он увидел человека, нырнувшего в люк. Но никому, кроме брата, он об этом не сказал.

Дверь опять заело, а Бобо теперь с ними не было. Мужчины налегли на нее. Наконец она поддалась.

— Заталкивай женщин внутрь,— скомандовал Джим.

— Да поживей,— добавил Джо.— Гости пожаловали.

Он был на страже, пока его брат занимался дверью. Крики из глубины коридора подтвердили его слова.

Джо-Джим прикрывал тыл, пока остальные вталкивали в шлюпку женщин. Младшая жена Хью, как всегда в самый неподходящий момент, забилась в истерике и попыталась рвануться назад, но в невесомости это трудно было сделать. Хью от всего сердца пнул ее ногой и загнал в шлюпку.

Джо-Джим метнул нож, чтобы сдержать наступающих врагов. С полдюжины атакующих отпрянули назад. Потом, видно по команде, шесть ножей одновременно прорезали воздух.

Джим почувствовал удар, но боли не было. Он решил, что нож угодил в броню.

— Кажется, пронесло, Джо! — крикнул он, но ответа не услышал. Джим повернул голову к брату. В нескольких дюймах от его глаз из прутьев решетки шлема торчал нож. Его лезвие ушло глубоко в лицо Джо. Джо был мертв.

Хью высунулся в дверь.

— Скорее, Джо-Джим!

— Закрой дверь! — рявкнул Джим.

— Но...

— Закрой дверь, тебе говорят! — С этими словами Джим отпихнул его и закрыл дверь. Хью лишь мельком увидел нож, воткнутый в лицо. Потом он услышал, как повернулся рычаг.

Джим встретил атакующих лицом к лицу. Оттолкнувшись от переборки непривычно отяжелевшими ногами, он ринулся на врагов, сжав обеими руками свой страшный, в руку длиной клинок. Ножи противника сыпались на него, отскакивая от стальных доспехов. Он крутанул клинком и рассек одного стражника почти надвое.

— За Джо!

Удар отбросил его в сторону. Он перевернулся в воздухе, выпрямился и размахнулся снова.

— За Бобо!

Враги нависли над ним со всех сторон. Окруженный, он бил наугад, лишь бы попасть.

— А этот, на закуску, за меня!

Нож вонзился ему в бедро, но он даже не заметил этого.

— Один за всех!

Кто-то прыгнул ему на спину. Неважно, вот перед ним еще один, сталь возьмет его не хуже любого другого.

— Все за од...— он не договорил.

Хью пытался открыть дверь, запертую снаружи, но у него ничего не получалось. Если здесь и был управляющий дверью механизм, то где его искать? Он приложил ухо к стальной плите, но герметичная дверь звуков не пропускала.

Эртц дернул его за руку.

— Где Джо-Джим?

— Остался там.

— Что?! Открывай дверь, живо, втащим его сюда.

— Не могу, она не поддается. Он хотел там остаться, он сам захлопнул дверь.

— Но мы должны спасти его, мы же кровные братья!

Внезапно Хью осенило.

— Вот поэтому он и остался,— тихо сказал Хью и рассказал Эртцу то, что успел увидеть.— Для него Полет закончился. Займись Конвертером, Билл. Нам нужна энергия.

Они вышли из шлюза и задраили за собой последнюю дверь.

— Алан,— крикнул Хью,— загони баб в угол, чтоб под ногами не путались!

Усевшись в кресло пилота, он выключил огни. Зажглась надпись: «Двигатель готов». Эртц делал свое дело.

— Пошел! — сказал сам себе Хью и включил пуск.

Толчок, прилив тошноты — и он с ужасом почувствовал, что все начало вращаться. Откуда ему было знать, что это разворачивалась пусковая шахта?

Иллюминатор перед ними наполнялся звездами. Они летели! Но часть экрана закрывала огромная бесформенная масса, которую Хью никогда не видел, разглядывая звезды в иллюминатор Капитанской рубки. Сначала он не мог понять, что это такое, но, когда наконец сообразил, преисполнился благоговейным восторгом — это был Корабль, и он смотрел на него снаружи! Хотя разум его давно уже воспринял истинную природу Корабля, мысль о том,

что он увидит Корабль извне, никогда не приходила ему в голову. Звезды — да, поверхность планеты — да, к этому он был уже готов, но наружная поверхность Корабля...

Хью с трудом оправился от шока.

— Что это? — спросил Алан.

Хойланд пытался объяснить. Алан лишь покачал головой.

— Не понять мне этого.

— Ничего. Позови Эртца. И женщин тоже, покажем им.

— Ладно. Но только,— в Алане вдруг заговорил здравый смысл,— бабам показывать не стоит. Напугаются, дуры, они ведь никогда не видели звезд.

Удача, инженерный гений предков и крохи знания. Повезло, что Корабль оказался у звезды с планетной системой, повезло, что они смогли спустить шлюпку, повезло, что Хью сумел разобраться в пульте управления, прежде чем они затерялись в глубоком космосе и умерли от голода.

Гений предков снабдил их суденышко огромным запасом энергии и большой скоростью. Его создатели предвидели, что звездоплавателям все это понадобится для исследовательских экспедиций в солнечной системе, к которой направлялся «Авангард». Они строили шлюпку с максимальным запасом прочности, и Хью использовал его до предела.

Повезло им и в том, что они очутились в сфере планетарного притяжения, и в том, что орбита, по которой Хью направил шлюпку, совпадала с орбитами планет. Описывая эллипс, он вышел к гигантской планете. Хью долго маневрировал, забыв о сне и еде, чтобы выйти на орбиту вокруг нее, но вышел в конце концов так близко, что увидел ее спутники.

Удача сопутствовала ему до конца. Он намеревался было в своем невежестве совершить посадку на гигантскую планету. Удайся ему это, им всем осталось бы жить ровно столько, сколько требуется времени, чтобы открыть люк. Но отчаянное маневрирование, выход на орбиту вокруг планеты съели почти все топливо Конвертера.

Обложившись древними книгами, Хью без отдыха решал и решал уравнения, составленные предками для определения законов движения тел, считал и пересчитывал, выведя из терпения даже всегда спокойную Хлою.

Вторая жена, безымянная, держалась от него подальше.

Но все полученные им ответы гласили, что ему придется пустить на топливо часть его бесценных книг, чтобы выйти к большой планете, даже если они сунут в Конвертер всю свою одежду и оружие.

Он скорее сунул бы в Конвертер своих жен.

В конце концов Хью решил совершить посадку на один из спутников планеты.

И опять везение. Совпадение настолько невероятное, что трудно в него поверить. Спутник гигантской планеты был пригоден для жизни. Но подумайте сами — ведь для возникновения планеты такого типа, как наша Земля, тоже требуется комбинация обстоятельств, столь же невероятных. Наш собственный мир под нашими ногами тоже относится к разряду «Такого не бывает!». Вероятность его существования просто смехотворно мала.

Так вот, именно такое везение и сопутствовало Хью Хойланду — везение невероятное.

Гений земных предков завершил дело. Хотя Хойланд и освоил маневрирование в космосе, при посадке он наверняка разбил бы любой корабль, построенный до «Авангарда». Однако проектировщики «Авангарда» знали, что шлюпками корабля будут управлять в лучшем случае пилоты второго поколения, и строили их, исходя из этого.

Хью ввел шлюпку в атмосферу и с видом победителя лег на курс, который доставил бы их всех прямиком в могилу, не возьми управление на себя включившийся автопилот.

Хью метался в кресле и ругался так, что даже заставил Алана оторваться от иллюминатора и перенести свое удивленное восхищение с планеты на друга. Но вернуть управление шлюпкой он был бессилен. Что бы он ни пытался делать, шлюпка шла сама по себе и на высоте тысячи футов легла на параллельный поверхности курс.

— Хью, звезды исчезли.

— Сам вижу.

— Джордан, что же это? Куда они делись, Хью?

Хью рявкнул на Алана:

— Не знаю и знать не хочу! Катись на корму к бабам и не приставай с идиотскими вопросами.

Алан неохотно ушел, посматривая в иллюминатор на ясное небо и на поверхность планеты. Ему было интересно, но не более, он давно уже потерял способность восторгаться.

Только через некоторое время Хью сообразил, что группа приборов, которыми он раньше и не пытался манипулировать, не понимая их назначения, как раз и отдает автопилоту приказ о посадке. Поскольку выяснилось это методом проб и ошибок, место для посадки Хью выбрал почти наугад. Но немигающие стереоглаза автопилота беспрерывно подавали информацию в селекторное устройство, которое исследовало ее и приняло решение. Корабль мягко приземлился в прерии неподалеку от опушки леса.

Эртц кинулся к Хойланду.

— Что произошло, Хью?

Хью устало махнул рукой в сторону иллюминатора.

— Приехали.

Он был слишком измотан и духовно и физически, чтобы обставить посадку какой-нибудь торжественной церемонией. Годы борьбы, суть которой он сам понимал более чем смутно, голода и жажды, годы пожирающих его душу стремлений почти не оставили ему способности испытывать радость, когда наконец он добился своего и достиг цели. Но они приземлились, они завершили Полет, начатый Джорданом! Он чувствовал себя не то чтобы счастливым, но умиротворенным и усталым бесконечно.

— Выйдем? — спросил Эртц.

— Давай.

Алан подошел, когда они отдраивали люк, за его спиной толпились женщины.

— Прилетели, Капитан?

— Заткнись,— ответил Хью.

Женщины глядели в иллюминатор, Алан гордо и неправильно объяснял им, что к чему. Эртц открыл наружную дверь. Они вдохнули свежий воздух.

— Холодно,— заметил Эртц.

На самом деле температура была в лучшем случае градусов на пять ниже никогда не меняющейся температуры на борту «Авангарда». Но откуда было знать Эртцу, что такое погода?

— Чепуха,— буркнул Хью, неосознанно раздосадованный малейшей критикой в адрес «его» планеты.— Это тебе кажется.

— Возможно,— не стал спорить Эртц. Наступила неловкая пауза.— Пойдем,— сказал он наконец.

— Пойдем.

Превозмогая нерешительность, Хью оттолкнул его и спрыгнул вниз. До земли было всего футов пять.

— Прыгайте, здесь здорово!

Эртц присоединился к нему. Оба невольно жались к Кораблю.

— Мир огромен,— прошептал Эртц.

— Мы же знали, что он именно такой и есть,— отрезал Хью, обеспокоенный охватившим его чувством потерянности.

— Эй! — Алан осторожно выглянул наружу.— Можно спускаться?

— Прыгай!

Алан одним прыжком присоединился к ним.

— Вот это да! — присвистнул он.

Их первая вылазка закончилась футах в пятидесяти от Корабля. Они шли, держась кучкой, смотря под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть на этой странной неровной палубе. Все было нормально, но Алан поднял голову и вдруг впервые в жизни не увидел потолка над собой. Головокружение и острый приступ агорафобии. Он застонал, закрыл глаза и упал.

— Что случилось? — спросил Эртц и тоже посмотрел вверх. Приступ свалил и его.

Хью боролся с головокружением. Страх и боль бросили его на колени, но, упершись рукой в землю, он пытался подняться. Ему было легче — он так долго смотрел на бескрайние просторы планеты в иллюминатор.

— Алан! — завизжала его жена, высунувшись из люка.— Алан! Вернись!

Алан открыл один глаз, посмотрел на Корабль и пополз к нему на брюхе.

— Алан! — скомандовал Хью.— Прекрати! Сядь!

Алан повиновался с видом человека, от которого требуют слишком многого.

— Открой глаза!

Алан осторожно открыл глаза, но поспешно зажмурился снова.

— Сиди спокойно — и придешь в себя,— добавил Хью — Я уже в порядке.

Чтобы доказать это, он выпрямился в полный рост. Голова у него еще кружилась, но он стоял. Эртц, лежавший до этого ничком, приподнялся и сел.

Солнце перевалило зенит. Прошло достаточно времени, чтобы сытый проголодался, а они отнюдь сытыми не были. Крайне простым способом уговорили выйти наружу женщин — вытолкав их пинками. Отходить от Корабля те боя-

лись и сгрудились в кучу. Но мужчины уже освоились и расхаживали даже в одиночку. На виду у женщин Алану было нипочем отойти от Корабля на целых пятьдесят ярдов.

Во время одной из этих демонстраций он заметил маленького зверька, позволившего своему любопытству взять верх над осторожностью. Нож Алана сбил его, и зверек закувыркался в траве. Схватив жирную тушку за лапы, Алан гордо подбежал к Кораблю.

— Смотри, Хью, смотри! Добрая еда!

Хью одобрительно взглянул на него. Первый испуг давно прошел, и сейчас его охватило теплое чувство, как будто он наконец вернулся в свой далекий дом.

— Верно,— согласился он.— Добрая еда. Теперь, Алан, у нас всегда будет много доброй еды.

Джордано ПИТТ

ВОЗВРАЩЕНИЕ РЕДА СПИДА

Донегол Бэй, обширная бухта в Ирландии, названа так по имени городка Донегол, неселение которого едва достигает двух тысяч. В большинстве своем это рыбаки. Однако бухта Донегол, да и весь округ славятся не столько редкими рыболовными талантами его обитателей, сколько преданиями и легендами. Здесь, на крутых, скалистых берегах, с незапамятных времен ведьмы устраивали свои шабаши, сирены заманивали доверчивых моряков, а начинающие маги, феи и волшебники пытались утвердиться в мире чудесного.

И все-таки трудно понять, каким образом в двадцать втором веке, а точнее, двадцать девятого августа две тысячи сто двадцать седьмого года, вновь появилась на свет история о чертях в Донегол Бэй. Над этим вопросом ломали себе голову многие ученые Королевского научного совета.

Что же произошло в Донегол Бэй?

Собственно, сведения о происшедшем довольно противоречивы. Ведь единственным очевидцем этого удивительного события был Кон О'Хара. О'Хара, днем человек спокойный и уравновешенный, к заходу солнца имел обыкновение усердно наполнять свой живот пивом, отчего его рассказ не внушает особого доверия.

В тот вечер трактирчик матушки Шелин по обыкновению был полон и по обыкновению Кон О'Хара достиг такой степени насыщения алкоголем, что хозяйка заведения вытолкала его за двери со словами:

— Хватит тебе поносить королеву, не то вызову полицию.

И Кон О'Хара удалился, проклиная всех на свете, а в первую очередь английскую августейшую семью.

Шатаясь, плелся он по дороге на Киллибергс и орал,

что не потерпит такого наглого обращения со стороны этой старой чертовки Шелин. И в тот самый момент, когда он дошел до скалы Сток и принялся ругаться пуще прежнего, стремясь заглушить шум волн, глазам его предстало невероятное зрелище: он увидел падающую с неба комету с шафрановым хвостом. Комета с адским свистом пронеслась над скалой и рухнула в море, как показалось Кону, возле островка Инишмор.

В первое мгновение Кон остолбенел от ужаса. Но потом, будучи в сильном подпитии и повинуясь врожденному инстинкту легковерного ирландца, сказал себе: «Похоже, дьявол нырнул в бухту повидаться с ведьмами. Неплохой гость к ним пожаловал. Пойду-ка и расскажу обо всем матушке Шелин и всей честной компании».

С трудом передвигая негнущиеся ноги, он побрел к трактиру и вдруг увидел, что навстречу ему с воплями бегут все его собутыльники во главе с хозяйкой заведения. Он остановил их королевским жестом:

— Молчать, ведь вы ничего не видели!

— Как не видели! — возмутилась матушка Шелин.— Ни с того ни с сего полнеба осветилось. А потом...

— Ну, что же было потом?

Матушка Шелин в замешательстве умолкла.

— Эх вы, невежды! А вот я видел, как он хлопнулся, и могу вам сказать, кто это был.

— Кто? — хором вскричали все, охваченные величайшим любопытством.

— Дьявол! Он утонул возле острова Инишмор.

Рыбаки с изумлением уставились на Кона О'Хара, который своими глазами видел дьявола. Потом кто-то пробормотал:

— Ну нет, это похоже на сказку. Дьявол давным-давно покинул землю. Ученые столько всякой дьявольщины напридумали, что ему тут делать нечего.

— Правильно, Перри, молодец, все точно сказал! — закричали остальные.

Но Кон О'Хара остановил их взмахом руки.

— Олухи донегольские! — завопил он.— Потому-то дьявол и нырнул в бухту. Он утопился с горя и стыда. Ведь ученые у него, можно сказать, хлеб отняли. Ей-ей, дьявол помер. А раз так, выпьем за упокой его чертовой души. Матушка Шелин, открывай-ка новую бочку.

И они дружно направились в трактир, чтобы выпить

за упокой души бедного дьявола. Могли ли они знать, что в тот день произошла одна из величайших трагедий космоса.

Напротив городка Донегол расположен городок Бандоран. Представьте себе бухту в форме подковы. Так вот, на северной ее оконечности находится Донегол, на южной — Бандоран. С недавних пор там разместился крупнейший в Европе научный центр.

Его строительство обошлось английской короне ни много ни мало в шестьдесят миллиардов фунтов стерлингов. Это обстоятельство заставило министра финансов воскликнуть:

— Ваше величество, вы не чувствуете, как покачнулся королевский трон?

На что королева ответила:

— Да, сэр, чувствую. И ничуть не удивляюсь — это сумасшедшее лето было таким жарким, что даже золото стало плавиться.

О размерах Центра можно судить хотя бы по тому, что наблюдательная башня из стекла и никель-хрома достигает здесь шестисот метров. Установленный на ее вершине радиометр способен улавливать изменения частоты излучения атмосферы Плутона, а мощная система лазерных телескопов ловит световые импульсы самых отдаленных галактик.

И все же падение таинственной кометы, зарегистрированное приборами, визуально не было зафиксировано. Как же могло произойти такое в столь совершенном научном центре? Всему виной праздник в честь святого Колума, покровителя городка. По случаю праздника было выпито столько спиртного, что директор Центра, генерал Джерард О'Синнах, воскликнул:

— Счастье еще, что я умею плавать!

Дежурство на контрольной башне было возложено на сержанта Пата О'Брайена, молчаливого, тихого ученого, недавно потерявшего мать. На столе дежурного, рядом с бумагами, стояла бутылка вина. Примерно через час после того, как он заступил на пост, Пат откупорил бутылку и предался грустным воспоминаниям об умершей матери. Сознание его затуманилось. Вот почему в тот миг, когда упала комета — а может, метеорит,— бесстрастные приборы зарегистрировали ее падение. Пат же,

увидев за окнами зловещий, слепящий свет, крикнул: «Мама, я не виноват!» — и потерял сознание.

Вытянувшись по стойке смирно, Пат О'Брайен слушал гневную речь генерала. Впрочем, генерал отчитывал сержанта скорее по обязанности. Строжайшая военная дисциплина прежних времен стала анахронизмом. Сейчас между начальством и подчиненными установились скорее дружеские, чем официальные, отношения. Но время от времени Святая Дисциплина спускалась с Олимпа в ореоле непререкаемой строгости, и горе было тому, кто попадался ей на глаза.

На этот раз жертвой стал сержант О'Брайен. Генерал, стараясь не оскорбить достоинства подчиненного, распекал его:

— Сержант, я хотел бы услышать от вас кое-какие подробности. Произошло нечто удивительное, а вы, дежурный контрольной башни, не в состоянии сколько-нибудь вразумительно рассказать, в чем дело. Если бы не орда журналистов, которые до сих пор мучают беднягу Кона О'Хара, рыбака, якобы видевшего дьявола, я бы предал этот печальный факт забвению. Но О'Хара утверждает, будто видел огненного дьявола, и журналисты не отступятся до тех пор, пока мы со всей убедительностью не опровергнем бредней старого пропойцы. Надеюсь, вы меня поняли, сержант?

— Так точно, господин генерал.

— Отлично. Поскольку мы, ученые, разумеется, отвергаем версию о появлении дьявола, что, по-вашему, можно предложить общественному мнению?

— Я склонен думать, что это был метеорит.

— Побойтесь бога, О'Брайен, не заставляйте меня прибегать к методам, дорогим сердцу нашего национального героя.

— Кого вы имеете в виду, господин генерал?

— Как — кого?

— Простите, господин генерал, но национальных героев в стране полным-полно. О ком вы говорите?

— Разумеется, о Черчилле.

— А!

— Вы сомневаетесь, что он национальный герой?

— Нет, нет. Но я что-то не припомню, какие именно методы применялись в те времена.

— Сержант О'Брайен, в двадцатом веке офицеры английской армии охотно прибегали к физическим методам воздействия.

— Но это же оскорбительно для достоинства человека!

— Я склонен думать, что в отдельных случаях без подобных методов просто не обойтись.

— Да, но в ту эпоху солдатам, очевидно, не позволяли пить вино по случаю праздника.

— Разумеется! И потому они не спали на посту. Так вот, если вы не сумеете найти объяснение явлению, имевшему место вечером двадцать девятого августа в девять часов тридцать три минуты, я вынужден буду прибегнуть к давно забытым методам воспитания.

Пат вздрогнул. Он и сам не раз пытался осмыслить происшедшее, но не решался сформулировать свои смутные предположения. Следует сказать, что Пат О'Брайен был молчаливым, скромным юношей, целиком поглощенным наукой. Он рано потерял отца, и до самого поступления в университет мать смотрела на него как на маленького ребенка. В двадцать лет, получив диплом инженера, Пат был принят на работу в Бандоранский научный центр. До злополучного дня, о котором идет речь, начальство отзывалось о нем с большой похвалой.

И сейчас на него подействовала не столько угроза генерала О'Синнаха, просто были задеты его самолюбие и профессиональная гордость. Немного подумав, он сказал:

— Господин генерал, изучение регистро- и спектрограмм показало, что скорость неизвестного объекта — скорее всего метеорита — достигала одиннадцати тысяч километров в минуту. Поэтому при падении в воду он, очевидно, попросту испарился.

Генерал внимательно посмотрел на молодого ученого:

— Предположим. Что же из этого следует?

— Ровным счетом ничего... То есть, разумеется, если полагать, что это был метеорит. Но если...

— Смелее О'Брайен, смелее!

— Нет, это маловероятно.

— Сержант, не уподобляйтесь древним пророчицам. И не испытывайте моего терпения. Так что же вам пришло на ум?

— Господин генерал, вы, конечно, помните знаменитую межпланетную экспедицию «Операция Венера»?

— Разумеется. Старт был дан двадцать четвертого апреля две тысячи сто четырнадцатого года.

— Совершенно точно. Должен признаться, что в свободное время я изучал материалы этой экспедиции и наткнулся на некоторые любопытные факты.

— Какие именно?

— Конечно, рискованно выдвигать какие бы то ни было предположения... Но мне кажется... Нет, не могу...

— Рискните же, наконец, черт побери! Иначе вы окончательно добьете меня вашими «если» и «кажется». Итак, что же представляют собой, по-вашему, эти любопытные факты?

— В своей последней радиограмме командир корабля капитан Ред Спид сообщил: «Корабль вошел в плотные слои атмосферы, окружающие планету. Наклонение ее оси превышает имеющиеся астрофизические данные (3°24′), и это вызывает аномальную рефракцию солнечных лучей, что не позволяет определить состав поверхностных слоев планеты. Совершить посадку не представляется возможным. Меренга...» На этом слове радиограмма оборвалась, и больше никаких сообщений от капитана Спида не было.

— Меренга? А что это, черт возьми, такое?

— В этом-то и проблема. Меренгой у нас называют пирожное из взбитых яичных белков и сахара. Очевидно, словом «меренга» Спид хотел сказать, что химический состав планеты непрочен, «воздушен», как это пирожное, и поэтому посадка на Венере невозможна. Но...

— Но?..— эхом отозвался генерал.

— Но, господин генерал, непрочность основных элементов, из которых состоит поверхность Венеры (а ее масса составляет 92 % массы Земли), должна была вызвать резкое уменьшение силы тяжести. И поэтому (повторяю, это всего лишь моя гипотеза) корабль пронесся по касательной к северной части поверхности Венеры. Сила притяжения оказалась слишком незначительной, и корабль временно потерял возможность не только совершить посадку на Венере, но и вернуться на Землю.

Генерал на миг застыл с раскрытым ртом, но тут же опомнился:

— Так вы думаете, что...

— После тринадцатилетнего пребывания в космосе корабль Реда Спида благодаря коррекции орбиты сумел... вернуться на Землю.

— Да, но чем питались космонавты все это время? И потом, у них давным-давно должно было иссякнуть атомное горючее. Нет, О'Брайен, такие выдумки годятся лишь для комиксов. Я не могу официально подтвердить подобную чепуху.

— Простите, господин генерал, но ведь таинственный предмет погрузился в море и исчез навсегда. К тому же с научной точки зрения версия о возвращении корабля капитана Реда Спида представляется мне более привлекательной, чем версия о гибели дьявола.

Генерал покраснел, как перезревший помидор.

— Так, значит, я потерял добрых полчаса, чтобы выслушать историю, достойную волшебника Мерлина! И от кого — от вас, О'Брайен, одного из самых талантливых молодых ученых Центра! Право же, прежние методы не устарели!

Однако известно, что человека на каждом шагу подстерегают неожиданности. Не успел О'Синнах кончить свою обличительную тираду, как вспыхнул экран телевизора и на нем появилось взволнованное лицо лейтенанта Эта Карлоу.

— Простите, господин генерал...

— В чем дело?

— Несколько минут назад к берегу бухты у базы 14/*с* течением прибило таинственный предмет, похожий на огромное металлическое яйцо.— Голос лейтенанта прерывался от волнения.

— Вы извлекли его из воды?

— Так точно, господин генерал! Мы доставили его в зал проверки. Там яйцо неожиданно раскрылось, и из него вышло существо, отдаленно напоминающее человека. Оно прохрипело, что его зовут Ред Спид. Как прикажете поступить?

Генерал взглянул на Пата О'Брайена и крикнул:

— Не предпринимайте никаких действий до моего прихода!

— Слушаюсь.

В наступившей тишине генерал уставился горящими глазами на бледного как смерть Пата.

— Сержант О'Брайен! — рявкнул он.— Если этот человек действительно капитан Ред Спид, я назначу вас начальником отдела космических исследований Бандорана. Но если вы подговорили одного из своих друзей,

чтобы разыграть меня и весь научный мир, то берегитесь! Я сотру вас обоих в порошок!

С этими словами он покинул комнату, по-петушиному выпятив грудь. А Пат, не выдержав треволнений, без чувств рухнул на пол. Только поэтому он с некоторым опозданием узнал, что его догадка подтвердилась. Таинственный незнакомец действительно оказался Редом Спидом. По расчетам ученых его экспедиция должна была длиться год. И вот теперь, тринадцать лет спустя, его корабль упал в бухту Донегол в нескольких километрах от стартовой площадки, сооруженной в свое время для экспедиции «Операция Венера».

Как утверждают, призраки бывают подлинными — таких обычно видят по ночам, когда они покидают свое пристанище,— и мнимыми. Нередко призраками нам кажутся тяжело больные люди — зелено-бледные, почти прозрачные, с трясущимися руками и глубоко запавшими глазами. Но капитана Реда Спида нельзя было причислить ни к тем, ни к другим, ибо он почти утратил человеческий облик.

Сейчас он неподвижно лежал на диване, а вокруг в молчаливом ожидании сгрудились генерал О'Синнах, офицеры и сержант Пат О'Брайен. Весть о гипотезе Пата молниеносно облетела весь Бандоран, и хотя никто более не сомневался, что этот странный призрак и есть «тот самый» капитан Ред Спид, все терялись в догадках, как он остался в живых. Все, включая профессора Кларка, главного биолога Центра. Кларк смотрел на чешуйчатую кожу лица, шарлаховые глаза, искривленные ногти и невольно содрогался от отвращения. Конечно, не к самому капитану, а к его внешнему виду. Если бы не несколько слов, с трудом произнесенных космонавтом на берегу, никому бы не пришла в голову мысль, что эта бесформенная масса была когда-то человеком. Но если у этого чудища был мозг и если он еще функционировал, Ред Спид должен был заговорить. К тому же некое подобие скафандра, чудом сохранившегося на несчастном существе, неопровержимо доказывало, что перед учеными человек.

В комнате царила гробовая тишина. Но вот собравшиеся увидели, как, подчиняясь таинственным импульсам, у лежавшего зашевелилась правая рука, открылся

провал рта и оттуда вырвался хриплый стон и нечленораздельные звуки:

— В-в-в... о-о-о... а-а-а...

Первым догадался профессор Кларк.

— Вода, он просит воды!

Все мгновенно пришло в движение, раздались крики:

— Воды, воды!

Одни устремились к дверям, другие в комнату. Началась давка. Кто-то истошным голосом закричал:

— Пожар!

С трудом удалось успокоить взволнованных людей. Когда принесли графины с водой и стаканы, генерал О'Синнах властно произнес:

— Сержант О'Брайен, подайте воды вашему другу.

— Я? — удивился Пат.

— Кто же, как не вы!

Пат, бледный как полотно, взял стакан, подошел к лежащему на диване, опустился перед ним на колени и пробормотал.

— Капитан Ред, хотите пить?

Губы Реда Спида мучительно искривились, рот слегка приоткрылся.

— Ему надо помочь, сержант. Поддержите ему голову!

Пат, подавив невольное отвращение, приподнял правой рукой голову Реда Спида и поднес стакан к рту-расщелине. Губы космонавта судорожно задвигались, из груди снова вырвался хриплый стон, и вдруг все услышали глухое:

— Спасибо!

Он слышал, понимал речь других, говорил сам! Трудно описать энтузиазм собравшихся в зале. Отстранив окружающих, генерал вытянулся по стойке смирно.

— Центр приветствует отважного Реда Спида! — вскричал он.

Послышались радостные восклицания, крики «ура». Лишь Пат О'Брайен стоял молча и, содрогаясь всем телом, не отрывал взгляда от своей правой руки.

— Что с вами, сержант? — изумился генерал О'Синнах.

Пат вскрикнул и потерял сознание.

Профессор Кларк, склонившись над распростертым телом, тоже вскрикнул:

— Боже, что это?

Правая рука Пата покрылась зеленоватой чешуей, на ладони образовалась огромная язва и оттуда, точно лава из кратера вулкана, вырывалась черная кипящая жидкость.

И тогда все услышали донесшийся с дивана хриплый голос:

— Это материя межпланетного пространства. Там, в космосе, зеленые облака этого вещества. О боже, все начинается сызнова! Помогите...

На глазах застывших от изумления людей существо, некогда бывшее Редом Спидом, начало расти, разбухать, а правая рука Пата стала похожей на кипящий в доменной печи металл.

В кабинете директора Центра генерала О'Синнаха совещание. Кроме самого генерала, присутствуют профессор Кларк и начальник отдела информации подполковник Филипп Руттендорф. Положение настолько серьезное, что никто из собравшихся не выбирает выражений — сейчас важно найти какой-то выход, иначе может случиться непоправимое. Ниже приводится запись их разговора, которая журналистам была передана в более благопристойном виде.

О'Синнах: Я понимаю ваши опасения, профессор, но не согласен скрывать от других истину. По двум причинам: во-первых, на меня, как на директора Центра, возложены определенные обязательства, во-вторых, в конференц-зале нас ждут журналисты.

Кларк: Некий политик двадцатого века сказал: «Человечество страдает от двух неизлечимых болезней — гриппа и журналистов».

О'Синнах: Так и сказал?

Кларк: Именно так.

О'Синнах: Он оказался плохим пророком, ведь науке удалось одолеть грипп, а журналистам не удалось одолеть науку. Итак, повторяю, я не намерен скрывать правду. Вам ясно?

Кларк: Генерал, в известных случаях правду необходимо скрыть, если не от тех, кто сумеет разобраться в случившемся, то по крайней мере от масс. Иначе они могут вообразить себе невесть что. А в случае с Редом Спидом правда предстанет в слишком непрезентабельном виде.

О'Синнах: Но я не собираюсь показывать публике этого беднягу. Да, вид его ужасен, и, кроме повальных инфарктов, нас в этом случае ждет запрос в Палате лордов. Нет, я хочу лишь рассказать журналистам о том, что все мы видели своими глазами. Только так можно успокоить общественное мнение и положить конец нелепым домыслам.

Кларк: Oui, mon general, mais la question*...

О'Синнах: С чего вдруг вы перешли на французский? Положение слишком серьезно, чтобы можно было кокетничать знанием языков.

Кларк: Простите, сказалась привычка, приобретенная в Сорбонне. Я хотел лишь заметить, что проблема заключается в том, что вы упорно отказываетесь утаить правду.

О'Синнах: А будь вы на моем месте, что бы вы сказали журналистам?

Кларк: Все,что угодно, кроме правды. Можно, к примеру, сказать, что в море упал метеорит.

О'Синнах: Вероятно, так и следовало поступить с самого начала. Но кто, черт возьми, мог предвидеть дальнейший ход событий! В принципе я противник всякой лжи. Однако на сей раз правда столь ужасна, что я не знаю, как ее преподнести. Версия с метеоритом отпадает — слишком поздно.

Кларк: Почему?

О'Синнах: Да потому, что свыше семи тысяч работников Центра знают правду. А уж среди них непременно отыщется хоть один болван, не способный держать язык за зубами.

Руттендорф: Позвольте мне сказать два слова.

О'Синнах: Удивляюсь, что вы до сих пор молчали, милейший. Я уж решил, что вы онемели.

Руттендорф: Мне хотелось выслушать все ваши доводы. Господин генерал, я согласен с профессором Кларком.

О'Синнах: Вы что, сговорились?

Руттендорф: Нет, просто независимо друг от друга пришли к одинаковым выводам. Генерал, все мы в Центре, военные и штатские, прошли специальную подготовку. Возможно, среди нас и есть болваны, как вы справедливо отметили, но людей безответственных в Центре нет. Со-

---

* Да, мой генерал, но проблема в том... (фр.)

берите весь личный состав и откровенно изложите, к каким тяжким последствиям приведет правдивая информация. Не лучше ли, чтобы информация была пусть не совсем правдивой, но во всяком случае достоверной? Версия о падении метеорита представляется мне вполне вероятной, следовательно, и достоверной. К тому же она поможет успокоить общественность.

О'Синнах: Ловко закручено, черт побери! *(Короткая пауза.)* Да, но в каком состоянии капитан Спид и сержант О'Брайен?

Кларк: Капитан Спид, погруженный в состояние анабиоза, находится в холодильной камере. Только таким образом можно остановить метастазный распад.

О'Синнах: Метастазный?!

Кларк: Да. Метастазы, как вам известно...

О'Синнах: Мне это, к счастью, неизвестно!

Кларк: Простите. Так вот, как известно, это процесс беспорядочного воспроизводства клеток, аномальная их пролиферация, которую редко удается остановить.

О'Синнах: А в случае со Спидом?

Кларк: По-видимому, Спид во время полета попал в чрезвычайно неблагоприятные для организма условия. Он говорил о каких-то зеленых облаках, таинственных островах плазмы, которые, судя по всему, разрушили клетки его организма и вызвали сильнейшую их пролиферацию, отчего тело бедняги начало пухнуть.

О'Синнах: Черт побери! Неужели он не мог разбухнуть и лопнуть в пространстве, избавив нас от неприятностей!

Руттендорф: Что вы говорите, господин генерал!

О'Синнах: Э, друг мой, я вас понимаю. Но войдите в мое положение. Вот когда вас назначат директором Центра, вы сами узнаете, что тут не до любви к ближнему. Кстати, ума не приложу, почему это вначале Спид был нормальных размеров, а потом стал расти?

Кларк: Совершенно очевидно, что, пока человек находится в космосе либо при температуре намного ниже нуля, злокачественный процесс не развивается. Это так называемая латентная форма. Но стоит человеку попасть в привычную земную атмосферу, как клетки, можно сказать, «сходят с ума», начинают беспорядочно множиться, ибо находят благоприятные условия и питательную среду для своего роста. Зеленые облака, о которых говорил Спид, вероятно, являются скоплениями протоплазмы.

А наша с вами Земля, господин генерал, наиболее благоприятная среда для развития известных нам форм жизни. Поэтому те клетки, которые капитан Спид «захватил» на Землю, стали здесь неудержимо множиться.

О'Синнах: Неудержимо! *(Вздрогнув.)* Но в таком случае Спид может заполнить собой все вокруг!

Кларк: Безусловно. Потому-то мы и поместили его в холодильную камеру, где температура достигает двухсот градусов ниже нуля. Спид находится в состоянии анабиоза.

О'Синнах: Ну, а О'Брайен? Где он?

Кларк: В другой холодильной камере.

О'Синнах: Веселенькая ситуация, черт бы всех побрал!

Руттендорф: Господин генерал, вы не ответили на мое предложение.

О'Синнах: Что тут отвечать! Нам ничего другого не остается. Соберите всех сотрудников в нижнем зале. А я попытаюсь утихомирить журналистов. Будем надеяться, что мне это удастся. Честно говоря, я полон скверных предчувствий.

Он встал, давая этим понять, что совещание окончено.

Было одиннадцать часов сорок семь минут утра. Над бухтой Донегол голубело безоблачное небо.

Сотрудники Центра выслушали краткую речь директора в абсолютном молчании. Когда он кончил, все семь тысяч сто сорок один человек, вытянувшись по стойке смирно, торжественно поклялись не разглашать тайны и подтверждать все, что О'Синнах сочтет нужным сказать журналистам.

Отпустив персонал, генерал О'Синнах в сопровождении профессора Кларка с решительным видом направился навстречу представителям прессы.

В офицерской столовой, удобно устроившись в креслах, их ждали сотни четыре журналистов. В первом ряду сидел Джон Декстер, обозреватель «Таймса». Появление генерала было встречено шумными возгласами, но О'Синнах повелительным жестом восстановил тишину.

— Перейдем к делу. Я к вашим услугам, господа.

Первым взял слово Джон Декстер.

— От своего имени и от имени моих коллег я позволю себе выразить надежду, что мы получим исчерпывающие сведения.

— Разумеется. Итак, я приступаю к изложению фактов.

Журналисты приготовились записывать.

Генерал глубоко вздохнул, как бы готовясь к прыжку, и начал:

— Господа, вчера в двадцать один час сорок минут над бухтой Донегол произошло выпадение метеоритного дождя. Скорость падения самого крупного метеорита, упавшего в море, составляла примерно одиннадцать тысяч километров в минуту. В момент своего падения в воду он образовал столь глубокую воронку, что огромная приливная волна «захлебнулась» и не дошла до берега. Метеорит ушел на глубину не менее двухсот метров, где и остался лежать. Извлечь его оттуда представляется делом весьма сложным. Падение метеорита было зарегистрировано приборами Центра Бандоран, которые, как вам известно, являются самыми точными и совершенными. Я кончил. Есть вопросы?

Ответом ему было гробовое молчание. Генерал внимательно посмотрел на журналистов, те в свою очередь не сводили с него глаз. Они не скрывали своего глубокого разочарования. Наконец с места вновь поднялся Джон Декстер:

— Ваша версия, генерал, весьма правдоподобна, но, простите, ходят довольно странные слухи...

— Какие именно?

— Говорят, что упавший предмет был окружен языками пламени и совсем не походил на метеорит.

— Кто это утверждает?

— Некий Кон О'Хара, очевидец.

— Мистер Декстер, уж не хотите ли вы сказать, что верите утверждениям рыбака, известного своим пристрастием к спиртному?

— Мы, журналисты, собираем сведения из любого источника.

— Отлично. Так вот, одному из моих сотрудников показалось, будто сквозь пламя он увидел лицо своей умершей матушки. Человеческая фантазия безгранична. Но есть граница достоверности, и ее определяет наука. Лично я досужим домыслам предпочитаю показания приборов. Ну, а слухи и разные там выдумки — это ваш хлеб, и я не собираюсь у вас его отбирать.

Журналисты недовольно загудели.

— Допустим, мы действительно питаемся слухами,—

Декстер не отступал.— Не разрешите ли вы нам в таком случае встретиться с дежурным по контрольной башне? Тогда мы узнаем обо всем происшедшем из уст очевидца и для фантазий не останется места.

Генерал побледнел. Он мысленно вернулся к дню праздника, представил себе банкет в нижнем зале и сержанта Пата О'Брайена, который в пьяной эйфории принял корабль капитана Спида за душу покойной матери.

Декстер продолжал:

— Так как же, генерал? Или это запрещено правилами Центра?

О'Синнах мгновенно ухватился за спасательный круг.

— Совершенно верно. Вы же знаете, что многие наши работы засекречены. Но я хочу, чтобы меня правильно поняли и потом не обвиняли в грубости.

На помощь шефу пришел профессор Кларк. Сияя ослепительной улыбкой, он бодро начал:

— По счастливой случайности в момент падения метеорита я находился в контрольной башне. Один из дежурных наблюдателей, сержант О'Брайен, поранил руку и меня срочно вызвали для консультации. Уже известное вам явление произошло в тот самый миг, когда я поднялся наверх. Падение метеорита было зарегистрировано электронно-счетными устройствами. Как ученый, должен сказать, что эти приборы абсолютно не нуждаются в помощи человека. И это навело меня на мысль о грустной судьбе, которая ждет человечество на его неудержимом пути к полной автоматизации. Может статься, в один прекрасный день отпадет всякая нужда и в журналистах. Приборы самостоятельно зафиксируют и передадут любую информацию без излишних и никому не нужных комментариев.

Удар попал в самую точку. Репортеры негодующе загудели. Генерал О'Синнах, бросив на Кларка сердитый взгляд, вскричал:

— Господа, господа, последние слова профессора ни в коей мере не влияют на достоверность его заявления!

Декстер, пронзив профессора указательным пальцем, саркастически заметил:

— Я не разделяю пессимистического взгляда профессора Кларка на судьбу журналистов. Согласен, что человеческие органы чувств уступают приборам. Однако надеюсь, что профессору присуще не только острословие, но и острота зрения.

Его слова были встречены возгласами одобрения.

Настала пора генералу О'Синнаху выступить с заключительным словом. Он величественно поднялся.

— Господа, благодарю вас за внимание. Мы и в дальнейшем намерены сотрудничать с уважаемыми представителями печати. Сожалею, что не смог предложить вам пикантного блюда, но, коль скоро в бухту Донегол по воле случая упал именно метеорит, а не дьявол-самоубийца, останется лишь примириться с этим непреложным фактом.

Внезапно в офицерскую столовую ворвался Филипп Руттендорф. Он подбежал к генералу и что-то прошептал ему на ухо. Лицо генерала мгновенно позеленело, он судорожно схватился за стол и отчаянно закашлялся.

— Господин генерал,— участливо закричал профессор Кларк,—что с вами? Вам плохо?

О'Синнах отчаянно затряс головой и, тыча рукой в журналистов, прохрипел:

— Уберите, уберите их!

Силы оставили его, и он рухнул на стул. Сквозь закрытые окна в зал донеслись крики, топот, выстрелы. Репортеры бросились к окнам. Их глазам предстала картина, достойная кисти Брейгеля или Иеронима Босха. По каменным плитам, опираясь на щупальца, двигалось металлическое чудовище не меньше десяти метров. В мгновение ока двор опустел, и чудовище медленно продолжало путь, с каждым шагом становясь все больше и больше.

Журналисты, прильнувшие к окнам, онемели от ужаса, но потом с воплями бросились к дверям.

«Сегодня, тридцатого августа две тысячи сто двадцать седьмого года, в одиннадцать часов сорок минут, осмотрев холодильные камеры № 181 и 182, в которых находились известные лица, я направился в офицерскую столовую, где генерал О'Синнах проводил пресс-конференцию. Навстречу мне выбежал лейтенант Луи Скраннер и, с криком «Чудовище! Чудовище!» проскочив мимо меня, скрылся в библиотеке. В первый момент я подумал, что из указанных холодильных камер совершен побег, но тут же отбросил эту версию и направился в помещение, где хранился металлический предмет яйцевидной формы, который волны прибили к берегу в день падения... метеорита. То, что я увидел, было слишком даже для меня, а я считаю себя смелым человеком. Металлический овоид,

волоча ноги-щупальца, двигался к выходу. Не теряя времени, я захлопнул бронированную дверь, но в ту же секунду дверь разлетелась в щепки и чудовище выбралось наружу. Мне не оставалось ничего иного, как в панике броситься за помощью».

(Из отчета подполковника Филиппа Руттендорфа)

Члены Генерального штаба Центра, собравшиеся в столовой, не сводили глаз с берега бухты, где, с каждым мгновением множась и разбухая, извивались чудовища с зелеными щупальцами. Журналистов, которые разбежались кто куда, сумели собрать и заперли в конференц-зале.

Всем было ясно, что малейшее промедление грозит непоправимой бедой. Профессор Кларк что-то прошептал генералу, и тот молча кивнул головой. Встав, он прерывающимся от волнения голосом объявил:

— Господа, я принял решение. Так как против этой угрозы бесконечной пролиферации бессильны огнеметы, лазеры и другое имеющееся в нашем распоряжении оружие, остается последовать совету профессора Кларка и прибегнуть к помощи абсолютного холода. Приказываю ввести в действие воздушные охладители. Каждому надлежит немедленно отправиться на свой служебный пост

— Господин генерал! — прервал его профессор Кларк.— Мне кажется, что перед началом операции необходимо избавиться от журналистов. Ведь при наличии свидетелей мы не можем гарантировать соблюдение военной тайны.

— Совершенно с вами согласен. Подполковник, потрудитесь вывезти журналистов из Центра. Фотоаппараты уничтожить. Приступайте. Время не ждет.

Не прошло и пятнадцати минут, как представители прессы (предварительно обысканные) были препровождены к автомашинам, стоящим у северного выхода. Протесты и угрозы обратиться в парламент не помогли. Солдаты погрузили репортеров в машины и захлопнули массивные ворота.

Операция под кодовым названием «Абсолютный холод» осуществлялась в два этапа. Прежде всего из укры-

тий были извлечены длинные антенны, которые затем водрузили на стометровую высоту. Каждая антенна была снабжена специальным преобразователем, позволяющим в короткий срок довести температуру окружающей среды почти до абсолютного нуля. Откровенно говоря, это изобретение Центр предназначал на случай возможного вторжения инопланетян, если они попытаются захватить Землю. К счастью для человечества, его еще не применяли. Но кто может поручиться, что в руках военных оно в один прекрасный момент не станет оружием в борьбе против самого человечества?! Однако вернемся к операции «Абсолютный холод». В антенны ввели разреженный газ особого состава, действие которого было почти мгновенным. Небо потемнело, покрылось тучами, начал падать снег. Снежинки на лету застывали, превращались в кристаллики льда. За какую-нибудь минуту Бандоран из жаркого августа перенесся в суровый январь, и вскоре температура упала до двухсот пятидесяти градусов ниже нуля.

Генерал и его подчиненные, стоя у окон, увидели, как огромные щупальца опали, словно воздушные шары, из которых выпустили воздух. Чудовища сжимались, их светящаяся пена высыхала. Не прошло и получаса, как все было кончено. Спасительные антенны были убраны в подземные хранилища, и над Бандораном вновь засияло солнце.

Газетные статьи, появившиеся на следующий день после описанных событий, вызвали ожесточенную полемику сатирического, юмористического, политического и даже шовинистического характера. А поскольку телепередачи непосредственно из Центра в Бандоране были строжайше запрещены, каждый волен был говорить и думать все, что ему взбредет в голову. В целом же все вертелось вокруг пяти главных пунктов:

1. В Бандоране произошли таинственные события, которые военные тщательно скрывают от общественности.

2. Отсутствие достоверных сведений привело к распространению самых нелепых слухов. Своим необъяснимым молчанием военные лишь усугубляют вред всех этих слухов и домыслов.

3. Когда военные сочтут возможным отменить цензуру и кто дал им право вводить таковую?

4. Не означает ли это, что вернулись печальной памяти времена, когда слово военных было законом?

5. Военная каста еще раз доказала свое полное нежелание считаться с общественным мнением, тупость и самодурство. Куда смотрит правительство?

(Нужно ли говорить, что последний вопрос был сугубо риторическим, ибо правительство действовало в унисон с военными.)

Однако, несмотря на принятые меры, кое-что журналистам все-таки удалось разузнать, и стало ясно, что без дополнительных объяснений не обойтись.

Генерал О'Синнах понимал это лучше других. Собрав офицеров Центра, он сказал:

— Господа, на карту поставлены не только наше служебное положение, но и репутация. Необходимы срочные контрмеры.

Собравшиеся ответили на его призыв таким криком, что с ним не могли бы сравниться даже крики гусей, которые некогда спасли Рим.

И тогда встал профессор Кларк.

— Уважаемые коллеги,— начал он в наступившей тишине.— Ситуация не так трагична, как вам кажется. Теперь, когда с чудовищами внеземного происхождения покончено, когда в Бандоране восстановлен порядок, кто мешает нам устроить международную пресс-конференцию и заявить, что все описания ужасов, появившиеся в газетах,— плод галлюцинации журналистов, потрясенных необычным зрелищем?

Даже видавшие виды военные растерялись. Предложение ученого, известного своей серьезностью, граничило с беспардонным надувательством! Кларк понял сомнения присутствующих.

— Сознаюсь, мое предложение в какой-то степени расходится с нравственными нормами высокочтимого научного Центра, каким является Бандоран. Но, как говорили древние, *Oderim dum metuant*, что в переводе с латинского означает: «Меня будут слушать, пока будут бояться». Наша цель — убедить общественное мнение в правдивости изложенной нами версии. А потому пусть приходят журналисты и выслушивают нас, терзаясь страхом, что их вопросы останутся без ответа. Ведь тот, кому вверена военная тайна, волен отвечать лишь на удобные для него вопросы!

Слова профессора потонули в дружных аплодисмен-

тах. Когда вопрос стоит о спасении репутации, проблемы морали исчезают, подобно чудовищам под натиском абсолютного холода. Генерал О'Синнах с чувством пожал Кларку руку.

— Счастлив, что латынь и в наши дни не утратила своей притягательной силы. Благодарю вас, профессор.

На пороге появился дежурный офицер и вручил генералу запечатанный конверт. Быстро пробежав глазами послание, генерал обратился к сотрудникам:

— Приятные вести, господа! Письмо от Уильяма Бейли.

«Бандоран, его превосходительству генералу Джерарду О'Синнаху. Сегодня, тридцатого августа две тысячи сто двадцать седьмого года в восемнадцать часов тридцать минут, согласно приказу, произвел осмотр холодильных камер № 181 и 182. В камере № 181 находится капитан Ред Спид. Под действием абсолютного холода он вернулся в первоначальное, уже известное вам состояние. У пациента холодильной камеры № 182, сержанта О'Брайена, рана на правой руке полностью зарубцевалась, лишь на ладони имеется небольшое пятно зеленого цвета.

Оба пациента отлично переносят состояние анабиоза. Наблюдения продолжаются».

Лейтенант медицинской службы
Уильям Бейли

Пресс-конференция состоялась в конференц-зале, рассчитанном на тысячу мест. В Бандоран прибыли корреспонденты и представители крупнейших газет всех стран мира. В первом ряду, отведенном для особо почетных гостей, восседал президент «Таймса» сэр Дэниел Болдуин. Директор Центра и его приближенные сидели на возвышении. Перед ними на столе были установлены бесчисленные микрофоны. Лучи прожекторов освещали импозантную фигуру генерала, который улыбался широкой улыбкой доброго отца семейства.

Когда наступила тишина, генерал поднялся и обратился к присутствующим с краткой речью.

— Прежде всего разрешите приветствовать вас в Бандоране, господа. По положению мы не имеем права проводить конференции, которые в той или иной мере

были бы связаны с опытами, имеющими военное значение. Но, к сожалению, люди, недостаточно сведущие в науке, опубликовали статьи, выставляющие наш Центр в кривом зеркале. Мы отнюдь не обвиняем журналистов в клевете, виною всему неверное толкование некоторых явлений, вызвавших панику. По нашему глубокому убеждению, лучше всего о природе этих сложных явлений сможет рассказать профессор Кларк, знаменитый биолог и свидетель вышеупомянутого события. Предоставляю ему слово.

— Господа,— начал профессор Кларк.— Передо мной сидит представитель самой уважаемой нами газеты, лондонской «Таймс». Надеюсь, представители других газет не будут задеты моим заявлением. Я глубоко ценю профессию журналиста, без которого не обходится ни одно событие в общественной и политической жизни мира. Почему же, спросите вы, именно «Таймс» пользуется всеобщим уважением? Да потому, что эта газета в любых обстоятельствах остается верна истине. («Чего нельзя сказать про господина профессора»,— буркнул обозреватель «Таймса» Джон Декстер.) И мы, ученые, работающие в Бандоране, так же как и репортеры «Таймса», убеждены, что истина превыше всего. Таков основной принцип нашей работы.

— Непостоянный,— достаточно громко произнес представитель «Дейли телеграф». Но профессор Кларк сделал вид, будто не расслышал оскорбительной реплики.

— Иначе и быть не может,— невозмутимо продолжал он,— ибо наука и ложь несовместимы, в любом научном исследовании истина — постоянная величина. Недавно кое-кто из господ журналистов, сидящих в зале, был свидетелем необычного явления, которое они впоследствии охарактеризовали как «ужасное и сверхъестественное». На самом деле ничего противоестественного, «демонического» в происшедшем событии не было. Писали о какой-то неудержимой пролиферации чудовищ, у которых вместо конечностей щупальца и отростки, и о прочих ужасах. Я понимаю, журналисты питают пристрастие к ярким мазкам. Однако наука предпочитает всем прочим жанрам четкий графический рисунок. Конечно, и мы могли бы нарисовать вам красочную картину, отдав дань фантазии. Но (напряжение в зале достигло предела, и профессор Кларк счел за благо несколько разрядить обстановку) мы не хотим отставать от

«Таймса». (Его реверанс в сторону газеты был встречен весьма холодно.)

Кларк приблизился к микрофонам:

— Факты таковы. Вечером двадцать девятого августа в двадцать один час сорок минут в бухту Донегол упал и погрузился в воду неизвестный предмет, что было зарегистрировано приборами нашего Центра. На основании полученных данных мы предположили, что произошло падение метеорита. Однако на утро к берегу волны прибили металлический предмет яйцевидной формы. В этом металлическом «яйце» находился... (тут профессор сделал паузу, а сидящие в зале затаили дыхание) человек, о котором тринадцать лет писали газеты всего мира, глава межпланетной экспедиции, капитан Ред Спид.

Корреспонденты вскочили со своих мест, с разных концов зала донеслись возгласы: «Чепуха!», «Очередная фальшивка!», «Хватит водить нас за нос!». Переждав, пока они успокоятся, Кларк продолжал:

— Я знаю, что мои слова могут показаться невероятными, но это чистая правда! Все, что произошло затем в Бандоране, как раз и объясняется последствиями неожиданного возвращения Реда Спида. Никто не надеялся увидеть отважного космонавта в живых, но иной раз жизнь опровергает все логические посылки и выводы. После тринадцатилетнего пребывания в межпланетном пространстве Спид вернулся на Землю. Физическое его состояние не позволяет нам пока с достаточной полнотой выяснить, каким образом ему удалось продержаться в космосе столь длительное время. Мы ведем упорную борьбу за жизнь этого человека, увы, почти утратившего человеческий облик, но, к счастью, сохранившего способность мыслить. Сейчас главное — спасти от разрушения его мозг. С этой целью космонавта поместили в холодильную камеру. Мы ждем и надеемся. И если судьбе будет угодно, через некоторое время капитан Ред Спид сам сумеет рассказать вам о своем удивительном и трагическом путешествии. Когда это произойдет, мы немедленно созовем новую пресс-конференцию. А пока всем нам остается набраться терпения.

Но именно терпения у журналистов уже не было. Уважаемые представители уважаемых газет, сбивая друг друга с ног, бросились к телефонным кабинам и на трибуну. Они смели генерала О'Синнаха и профессора

Кларка с возвышения. Трибуна рухнула, микрофоны полетели на пол.

Несколько минут спустя конференц-зал опустел. Изуродованные кресла, сломанные двери, порванные ковры и дорожки — вот что осталось от комфортабельного помещения.

Несколькими днями позже в газете «Таймс» появилась заметка Дональда Саммера, выдержанная в весьма ироническом тоне.

«Гора родила... нет, не мышь, а химеру. Где же произошло это выдающееся событие? На берегу бухты Донегол, где некогда веселились черти и ведьмы, а теперь высятся здания научного Центра. Ученые развлекаются тем, что посягают на права писателей-фантастов, хотя далеко не всегда удачно. Не случайно журнал «Бритиш мэгэзин оф сайнс» командировал в Центр профессора Персиваля Миллендера, дабы проверить правдивость утверждений ученых Бандорана. На Миллендера сотрудники Центра произвели впечатление людей экзальтированных, верящих в собственные абсурдные, бездоказательные гипотезы. Чем закончится таинственная история? Как утверждают, главные персонажи этого поистине средневекового действа находятся в состоянии анабиоза. Возможно. Но пока мы не увидим их собственными глазами, у нас имеются все основания утверждать, что корабль Бандорана сбился с курса и рискует сесть на мель упущенных возможностей. А в данном случае такой возможностью было бы скромное молчание. Право же, некоторые неудачные опыты лучше не разглашать, тем более, что легко сослаться на военную тайну».

Артур Конноли, специальный корреспондент «Пресс энтерпрайз оф Америка», после поездки в Бандоран разразился пространным отчетом, который дает достаточно ясное представление о дальнейших событиях.

«До Бандорана я добрался на военном вертолете, экипаж которого согласился взять меня по просьбе моего старого друга, генерала Гулдинга. Сверху городок показался мне растревоженным муравейником. Вертолет с трудом приземлился на примитивной посадочной пло-

щадке, охраняемой войсками. В Бандоране собрались виднейшие ученые, журналисты, военные. Распространился слух, будто таинственный капитан Ред Спид собирается выступить перед журналистами. В Бандоран хлынули толпы любопытных. Трава на знаменитых лугах Донегола и Бандорана вытоптана так, что после сегодняшней пресс-конференции здешние места невозможно будет отличить от пустыни Гоби.

Чтобы проникнуть в подземное убежище, мне пришлось потрудиться не меньше, чем в свое время Геркулесу. Официально объявили, что выступление Спида назначено на девятнадцать часов. Наконец-то человечество узнает правду о загадочной экспедиции.

В помещении так тесно, что я не представляю себе, как смогу записать рассказ капитана. Яблоку негде упасть. Все же постараюсь ничего не упустить.

В восемнадцать часов пятьдесят шесть минут, словно по чьему-то таинственному внушению, в зале воцарилась тревожная тишина. На трибуне появился генерал Джерард О'Синнах.

— Господа, сейчас перед вами выступит капитан Ред Спид! — торжественно возгласил он.

Поддерживаемый двумя солдатами, на сцену вышел человек. На нем белый скафандр с гермошлемом. Огромные темно-голубые очки не позволяют разглядеть лицо. На руках вошедшего черные перчатки. Кажется, будто внутри скафандра пустота. Но вот солдаты подвели космонавта к столу и спустились вниз. Генерал О'Синнах также спустился в зал. Спид — Спид ли? — остался один.

В зале такая тишина, что слышно, как тяжело дышит человек в скафандре. Вот он наклонился, чуть не упал, но в последний миг успел ухватиться обеими руками за стол. Напряжение присутствующих достигло апогея. Еще минута ожидания, и не миновать бы нервного взрыва. Призрак в белом скафандре поднял правую руку, из шлема вырвался хрип, похожий на рыдание. Все замерли. Наконец послышались членораздельные звуки. Спид заговорил.

— Я капитан Ред Спид, вылетевший вечером двадцать первого мая две тысячи сто четырнадцатого года с космодрома на берегу озера Мелвин. На борту корабля «Айрленд», кроме меня, находилось еще три человека: лейтенант Джон Фостер, майор Алекс Каллаген и ученый-

астрофизик Адам Девенпорт. По плану мы должны были достигнуть поверхности Венеры и совершить на планете посадку. Корабль достиг Венеры, но осуществить посадку нам не удалось. Мы пронеслись над северной частью планеты и под действием неизученных сил притяжения устремились дальше в космос. Приборы корабля вышли из строя. Вылетев за пределы Солнечной системы, мы потеряли всякую ориентировку.

Не спрашивайте у меня, как я уцелел после того, как истощились все запасы продовольствия. Я помню лишь первые месяцы блужданий в космосе. А дальше — пустота, провал памяти. У меня на глазах в ужасных муках умерли мои товарищи. Я же, прикованный к креслу, впал в состояние прострации. Сколько времени длился полет? Если верить бортовому журналу и придерживаться относительных значений пространства — времени, всего один год. Но в Бандоране мне сказали, что сейчас две тысячи сто двадцать седьмой год. Значит, по земному времени полет длился тринадцать лет.

Как мне удалось преодолеть временной фактор и выжить, вопреки физиологическим законам? Когда я наконец пришел в себя, то вдруг почувствовал, что корабль дрожит и приборы вновь работают. Зажглись сигнальные лампочки на панели управления, в навигационном зале снова стало светло. Я очнулся, по телу у меня разливалось живительное тепло. Взглянув в иллюминатор, я увидел во тьме космоса огромные зеленые облака. Облака окутали корабль, пронизали его, а затем «выбросили» прочь. И едва корабль освободился из облачного плена, как я почувствовал себя словно бы заново родившимся, мой организм вновь обрел жизнеспособность. Но в кабину проникла зеленая плазма и под влиянием чуждой для себя атмосферы начала безудержно разрастаться. Весь во власти одной только мысли — вернуться на Землю — я не сумел осознать, что на Земле, в идеальных условиях для воспроизводства, плазма будет расти с ужасающей быстротой.

Я не испытывал ни холода, ни жажды, чувствовал себя бодрым, полным сил... Приборы показывали, что корабль находится на расстоянии нескольких световых лет от Земли и со скоростью, близкой к скорости света, несется к созвездию Ориона. Мне предстояло изменить направление полета. Я включил двигатели. Когда после бесконечного полета до Земли оставалось не так уж много,

корабль окутало голубое пламя. Так, объятый пламенем, я понесся вниз и упал в бухту.

Он умолк, но в зале по-прежнему царила напряженная тишина. Никто не осмеливался даже пошевелиться.

— Я, капитан Ред Спид, возглавлял экспедицию на Венеру, и только мне из всего экипажа суждено было уцелеть,— снова заговорил Спид.— Я побывал в гибельных глубинах космоса и утверждаю, что наши познания о живой материи пока безмерно малы. Космос еще враждебен человеку. Кто знает, быть может, человек придумал ад, глядя по ночам на черное, безбрежное небо...

Космонавт не закончил фразы, согнулся и всем телом навалился на стол. Собравшиеся, точно загипнотизированные, не сводили с него глаз. Когда напряжение, казалось, достигло высшей точки, со своего места поднялся Дональд Саммер из газеты «Таймс» и срывающимся от волнения голосом произнес:

— Кто может поручиться, что вы действительно капитан Спид? Если вы тот, за кого себя выдаете, мы преклоняемся перед вашим мужеством и самообладанием. Но если вы шарлатан, в корыстных целях проинструктированный Центром, то мы в лучшем случае можем только рукоплескать вашему актерскому мастерству.

Человек в скафандре тяжело поднялся и прохрипел:

— Да, я капитан Ред Спид. Но кто в состоянии это подтвердить? Прошло слишком много лет и...

Неожиданно для всех из середины зала поднялась небольшая седовласая женщина. Подбежав к возвышению, она вскинула руки и крикнула:

— Я, сын мой!

Космонавт вздрогнул, подался вперед.

— Мама!

Кто мог оставаться равнодушным при виде этой сцены? Женщина громко сказала:

— Сними шлем, Ред, дай мне взглянуть на твое лицо.

— Мама, я не такой, как прежде... Я похож на страшное чудовище.

— Я узнаю тебя в любом обличье. Сердце матери не может ошибиться.

— Смотри же!

Ред Спид нажал кнопку, снял шлем и бросил его на пол.

И сидящие в зале содрогнулись от ужаса: они увидели зеленое, вспухшее, покрытое чешуей лицо, на котором

лишь воспаленные глаза не утратили своего прежнего цвета. Но в них светилась мука, они до сих пор хранили память пережитого.

А мать с нежной улыбкой смотрела на Спида.

— Ред, сын мой,— тихо сказала она.— Наконец-то я снова вижу тебя. Иди же ко мне, дай тебя обнять.

Ред спустился с трибуны и обнял мать. А кругом слышались восторженные восклицания, аплодисменты. Какой триумф для науки и человечества, какой триумф для Центра, профессора Кларка и генерала О'Синнаха.

Но почему же в зале вновь воцарилась испуганная тишина?

Да потому, что на глазах у потрясенных журналистов Ред Спид стал превращаться в прежнее чудовище. Не защищенная шлемом голова начала вздуваться, на щеках проступили темные пятна.

— Немедленно подготовить холодильную камеру! — вполголоса приказал генерал О'Синнах.

Зал мгновенно опустел.

Но ни космонавт, ни его мать ничего не замечали.

Седая маленькая женщина нежно гладила Реда по волосам и, всхлипывая, тихо приговаривала:

— Ред, сыночек, дорогой мой сынок.

Мишель ДЕМЮТ

ОСЕДЛАВШИЕ СВЕТ

Исходный Комплекс был первой и единственной формой жизни на этой планете. Он зародился на самой границе минерального царства, в гигантских вулканических потрясениях, при колоссальных температурах. В течение целой вечности, которая его сознанию представлялась совсем не долгой, он продвигал свои чувствительные выбросы к далекой коре планеты. Словно ветки дерева, эти выбросы поднимались вверх, к поверхности, к свету, все более удаляясь от существа, покоившегося в центре мира. Они буравили твердые скальные породы, прошивали очаги магмы и металлоносные слои.

Каждый выброс управлялся своим вторичным центром, способным к логическому мышлению. Эти центры были постоянно связаны с Исходным Комплексом и передавали ему подробные сообщения и результаты анализов.

Выбросы медленно пробирались между скалистыми массами. Каждый центр умел выбрать путь наименьшего сопротивления, следуя трещинам и разломам, прорезая самые мягкие породы и нередко на столетия уклоняясь от прямого пути к поверхности.

Для Исходного Комплекса не существовало проблемы энергии, так как любая частица в его непосредственном окружении была для него готовой пищей. Ему не ведомы были также ни опасность, ни враждебность, ибо в центральной полости планеты не существовало ничего, кроме него самого.

Долгие века своего существования он посвятил размышлениям и детальному изучению сведений, которые поступали к нему от вторичных центров.

Он знал теперь, что некоторые выбросы, чей путь оказался самым легким, находятся относительно недалеко от новой среды, свойства которой он представлял себе

все яснее. Но это не заставляло его торопиться: нетерпение было ему незнакомо, и исследования, которые он вел, были просто его естественной функцией.

Исходный Комплекс рос...

— Ну-ка, закрути их! — сказал Гарно.

Он сел на ковер и щелкнул пальцами. Мальчик засмеялся. Поза отца рассмешила его гораздо больше, чем два шара, которые вертелись внутри пузыря, где была создана невесомость. Взрослый протянул руку к пузырю, но тут неожиданно вспыхнул квадрат коммутаторного вызова.

— Погоди, Буне. По-моему, это капитан.

Гарно встал, подошел к стене и нагнулся к квадрату, на котором сразу же возникло изображение.

Вид у Арнгейма был напряженный. Его лицо, еще более бледное, чем обычно, казалось призрачным.

— Гарно, поднимитесь в зал управления. Я должен вам кое-что сказать.

Экран снова стал непрозрачным.

Секунду Гарно стоял неподвижно и невидящим взглядом смотрел на сына — мальчик вертел пузырь, и шары в нем бешено метались.

Гарно вышел в общую комнату. В дверях он столкнулся с Элизабет. Она держала в руках свежие фрукты.

— А, это ты,— она положила персики и сливы на столик и улыбнулась мужу.— Ты уходишь? Знаешь, оранжереи никогда еще ни приносили столько плодов. Как раз когда наше путешествие близится к концу...

Она с комичной гримаской пожала плечами.

— Даже если мы высадимся в настоящем раю, оранжереи нам еще понадобятся,— заметил Гарно. Он взял персик.— Меня вызвали в зал управления. Я скоро вернусь. Присмотри за Бернаром. Малыш повадился ходить в гипнорий.

Он вышел и повернул к ближайшему трапу, ведущему наверх. Сейчас он думал не об Арнгейме, а о сыне. Бернару уже дважды удалось забраться в гипнорий. В первый раз он удовлетворился тем, что разрегулировал дозатор анальгетиков и сывороток. Но во второй улегся в «колыбель» и включил автомат... Гарно был вынужден вызвать бригаду реанимации.

На Земле можно было бы просто запереть дверь. Но

каждый уголок, каждый шкаф на корабле, за исключением двигателей, должен быть доступен для всех. Этого требовали правила безопасности. А открывать магнитные замки дети обучались очень быстро.

«В этой среде они развиваются слишком стремительно,— подумал Гарно.— Результаты их тестов меня иногда просто пугают...»

Его мысли приняли более общий характер — он стал думать о том воздействии, которое могли оказать периоды искусственного сна на психику обитателей. Не так уж трудно пересечь межзвездные бездны на ленте света, но время оставалось грозным препятствием. Можно ли считать искусственный сон победой над ним?

Бернар был вполне нормален во всех отношениях, только коэффициент его интеллекта оказался гораздо выше, чем у детей, родившихся на Земле. Впрочем, этот коэффициент был очень высок у всех детей, которые родились на корабле. Элизабет это не тревожило. Она неколебимо верила в техников и в аппараты, из которых слагался мир фотолета.

«Моя космическая жена»,— говорил Гарно с восхищением и легкой досадой. Хотя Гарно любил свою работу социопсихолога, в глубине души он жаждал конца путешествия — этого двадцатилетнего перелета, который привел корабль от Земли к границам новой планетной системы, чье солнце сияло теперь вдали, словно голубоватый маяк.

Он вошел в широкий коридор, который вел в зал управления, к «северному полюсу» корабля. Стена справа представляла собой один огромный экран, на котором развертывалась панорама звезд. Тут он на секунду остановился.

Картина бесконечного пространства всегда потрясала его, пробуждала в нем самые различные чувства — восхищение и тревогу, восторг и грусть. Восхищение и восторг — потому, что вместе с другими людьми он находился более чем в восемнадцати световых годах от Солнца. Тревогу — из-за того, что могло ждать их в самом конце пути. А грусть...

Грусть из-за того, что есть столько солнц,— говорил он себе иногда, анализируя свои чувства, так как оставался прежде всего социопсихологом.

Его рука легла на холодное стекло экрана, на котором виднелись темные пятна и облака пустоты, зеленое пла-

мя газовой туманности, созвездия, которые человек еще никак не назвал и, быть может, никогда не назовет — теперь, когда картина небес все время меняется.

Потом он пошел дальше.

В зале управления Арнгейм был не один. Как раз в этот момент освещение выключили, и силуэты людей казались фантастическими в свете многоцветных огоньков контрольных панелей.

— Гарно?

— Да, это я, капитан.

Свет усилился, и теперь можно было различить лица. В зале были навигаторы Вебер и Сиретти, Кустов — главный инженер фотонных двигателей, Барреж, носивший напыщенный титул ответственного за сообщество, хмурый Шнейдер, представитель Объединенных Социалистических Правительств Европы, и пятеро менее значительных лиц. Гарно, глава психологической службы корабля, был в таком собрании явно лишним и собрался сказать об этом Арнгейму, но растерянно умолк, заметив, как бледен капитан.

— Мы рассматривали нашу чудесную цель,— сказал капитан с горькой усмешкой.

Гарно инстинктивно поднял голову. Он хорошо знал, где искать голубоватый огонек Винчи,— между цепями красноватых звезд, гораздо более далеких, неимоверно более далеких.

— Мы пересекли орбиту внешней планеты,— продолжал Арнгейм.— И по-прежнему летим к Цирцее. Только...

— Только?

— Есть опасность, что мы ее никогда не достигнем.

— Не понимаю.

Арнгейм устало махнул рукой, и заговорил Кустов, главный инженер фотонных двигателей. Говорил он, как всегда, серьезно и спокойно, но то, что он сказал, было ужасно.

Наступило долгое молчание.

— Мы все всегда знали, что на корабле могут возникнуть неполадки,— сказал Арнгейм.— Но теперь полностью отказывает система выключения фотонных двигателей. Можно не говорить вам, что она довольно сложна,—

ведь необходимо задуть самую большую свечу, какая когда-либо существовала. Все пробы, которые мы делали в пути, были вполне успешными, но на этот раз...

Он замолчал и сжал кулаки.

— А если мы не выключим вовремя фотонные двигатели,— медленно проговорил Гарно,— то не сможем изменить курс... и нам не удастся сесть на Цирцее.

— Мы пересечем систему не останавливаясь,— сказал Кустов.— Есть, конечно, и другие планетные системы, дальше. Но шансы обнаружить другую планету земного типа ничтожны.

Начальник отдела космографии кивнул.

— О том, чтобы лететь дальше системы Винчи, не может быть и речи,— сказал Аргейм.— Здесь находится единственная подходящая для нас планета. Мы можем достигнуть ее за три недели, если не меньше. Но... для этого надо найти средство выключить фотонные двигатели.

— У меня четыре инженера и все техники работают в световых батареях,— сказал Кустов.— Они не выходят оттуда с тех пор, как была обнаружена неисправность.— Он тряхнул головой.— Вы сами понимаете, какому огромному риску они подвергаются. Но пока они не применяли решительных мер. Если к ним придется прибегнуть... Это действительно последнее средство.

Аргейм поднял голову и посмотрел на Гарно.

— На борту две тысячи человек...

— ...И из них триста восемьдесят детей,— закончил Гарно.— Если станет известно, что происходит, психическая травма может оказаться роковой. Я должен вас пре...

— Вы скажете им,— перебил Аргейм.— Это ваша обязанность.

— Вы действительно думаете, что это необходимо? Разве вы всегда сообщали им о всех трудностях, возникавших во время полета?

— Им предстоит колонизовать новую планету,— глухо сказал капитан.— Они приняли весь сопряженный с этим риск. Они преодолели миллиарды километров, Гарно. Они провели в этом корабле двадцать лет, то во сне, то бодрствуя. У них есть дети. У вас у самого есть ребенок... Они должны решать сами. И подать свой голос, рискнуть ли катастрофой или продолжать полет без гарантии, что он когда-либо кончится.

— С самого начала у них не было никаких гарантий,— сказал Гарно.— Одни только обещания, вероятности, вычисленные космографами. И работа двигателей тоже никем не гарантировалась.

Он отвернулся. Он думал об Элизабет. Совершенно без всякого отношения к делу он задал себе вопрос, не забрался ли опять Бернар в гипнорий.

— Конечно, это нелегко,— сказал Аргейм.— Но ведь только вы по-настоящему их знаете. Вы их всех изучали, давали им тесты. Вы сможете объяснить нам их реакцию.

— Предсказать ее я не могу,— Гарно отошел на несколько шагов и остановился у светящегося полумесяца какого-то компьютера.— Но я знаю, каков будет результат голосования.

Снова наступило молчание. Темные аппараты и светящиеся консоли гудели и пощелкивали. Бесшумно вращались бобины считывающего навигационного устройства. На экране зонда сталкивались бегущие зеленые линии полей тяготения.

— И я,— выговорил наконец Аргейм,— я тоже знаю, что они выберут.

Позже Гарно опустился в самый низ корабля, к закрытым отсекам двигателей. В этой миниатюрной копии ада работали люди Кустова. Они выслушивали огромную машину, выбрасывающую свет, который в течение двадцати лет, десяти периодов искусственного сна, гнал корабль вперед.

Придет момент, когда они попытаются вломиться в нее, чтобы прекратить выработку световой ленты, которая отказывается гаснуть. И тогда малый ад может превратиться в гигантский и в долю секунды уничтожить всю колонию.

«Вот о чем я должен объявить,— думал он.— Еще до наступления вечера. Мне остается не больше трех часов. Как объяснить им? Перед ними два ада, и они должны выбрать один из двух...»

Он повернул к одному из больших трапов, ведущих в общий отсек корабля — визорий.

Зал освещался только гигантским изображением планеты на выпуклом экране. Гарно сел в заднем ряду. В окружающей мгле он угадывал вокруг внимательные лица. Дети перешептывались. Справа какая-то девочка

придушенно фыркнула, и внезапно его охватил страх.

На экране поблескивала под солнцем Цирцея, единственный спутник седьмой планеты Винчи. Контуры ее материков заволакивались архипелагами белых и серых облаков. Но на юге переливался зеленью и сапфиром великий океан Аргейма. Гарно представил себе светлые пляжи на опушке неведомых лесов.

«Невозможно,— подумал он.— Никто не захочет улететь от этого. Никто».

Он вспомнил двухдневное празднество после открытия Цирцеи. Бригада реанимации разбудила всех, кто был погружен в искусственный сон. Аргейм и Греше организовали великолепный фестиваль.

Он поднялся и вышел из визория, не глядя на экран.

Когда он вошел в их крохотную квартирку, Элизабет спала. Он заметил, что она оставила включенным телевизор. Он уже поднял руку, чтобы выключить его, как вдруг на экране появился диск Цирцеи, четко разделенный на дневную и ночную половины. Еле слышный голос Греше рассказывал о распределении лесов на поверхности экваториального материка.

— Господи! — воскликнул Гарно.— Он не имеет права!

— Поль?

Он вздрогнул. Элизабет с удивлением и беспокойством смотрела на него.

— Ты не спала?

Снова он почувствовал, как по его спине пробежал холод. Он наклонился к ней.

— Я проснулась, когда ты вошел,— сказала Элизабет. Она посмотрела на экран.— Почему ты сердишься? Обычно объяснения Греше тебе нравятся.

Объяснения, подумал он. Конечно же, это всего лишь объяснения, записанные на магнитофон уже много часов назад. Обычная деятельность продолжается. Сотрудники отдела телевидения, естественно, еще не предупреждены.

— Что тебе сказал Аргейм?

Он встряхнул головой и перевел взгляд на маленькие настенные часы возле Элизабет, показывавшие местное время. До «вечера» оставалось всего полтора часа. Такова была отсрочка, милосердно дарованная ему Аргеймом.

— Элизабет... Я должен тебе кое-что сказать.

— Да?

Он бессильно откинулся на постель и закрыл глаза.

Потом он заговорил.

— Ты чувствуешь себя одиноким? — спросила она, когда он кончил. Он кивнул.— Напрасно...— Ее рука ерошила его волосы.— Нас на корабле две тысячи, Поль. Две тысячи интеллигентных взрослых людей, которые отправились в это путешествие, несмотря на все опасности, несмотря на его продолжительность, даже без уверенности, что они когда-нибудь найдут пригодную для обитания планету. Почему ты должен бояться нашей реакции? Ты, Аргейм и остальные руководители вовсе не составляете какую-то высшую, более разумную касту, противостоящую блеющей массе человеческого груза... Такое представление умерло с рождением первого фотолета.

— Но ведь речь идет о смертельном риске! Мы можем в любую секунду исчезнуть. Ты думаешь, легко сообщить об этом людям, которые ждут конца двадцатилетнего путешествия? Я не могу спокойно сказать им: «Между прочим, фотонные двигатели вышли из повиновения, и вы все сидите на колоссальной бомбе».

— Даже если ты изложишь все таким образом, они не разрыдаются, как ты, кажется, предполагаешь. И не взбунтуются. Они будут голосовать. И результат окажется именно таким, какого ты ждешь, Поль. Потому что они — настоящие люди, потому что у них есть дети, и они хотят видеть, как их дети будут играть на солнышке вместо того, чтобы ходить без конца из оранжерей в визорий.

— Я знаю, и вот это-то меня и пугает. Мы все должны сделать выбор, раз и навсегда. И если корабль взорвется... Сколько лет пройдет, прежде чем человечество вновь доберется до этих мест? Имеет ли право колония рискнуть всем из страха перед новыми годами полета и искусственного сна? Я считал,— и ораторы говорили это перед отлетом,— что мы должны защищать «достояние человечества».

Элизабет, не отвечая, наклонила голову.

Он открыл дверь и шагнул в коридор.

— Видишь ли,— промолвила наконец Элизабет,— у нас есть еще немало шансов. Я хочу сказать: не обязательно же двигатели должны взорваться.

Когда Гарно вошел в радиорубку, он чувствовал себя спокойным, почти равнодушным.

Там было только двое техников, и по их лицам он

понял, что Аргейм совсем недавно все им объяснил.

— Дайте объявление о чрезвычайном сообщении,— распорядился он и сел.

Долгое время буры и лезвия, расположенные на конце выброса, работали в мощной толще металла. Энергию, добываемую из этой среды, выброс часто использовал для серий взрывов, могучих сотрясений, которые создавали трещины во много километров длиной. По ним выброс продвигался быстрее, поднимаясь к поверхности и не переставая сообщать Исходному Комплексу результаты непрерывных анализов.

Пришло время, когда он оказался самым дальним из всех выбросов, которые расходились от гигантского Комплекса, словно живые лучи заключенного в темницу солнца.

Случилось так, что на пути оказалось меньше твердых слоев, больше рыхлых карманов и подпочвенных вод. Выброс прошел металлоносную зону, преодолел последний слой скальных пород и вдруг обнаружил новую, удивительно податливую среду, в которую погрузился почти без всякого усилия. Последующие анализы показали, что эта новая среда состоит из бесчисленных обломков сложного строения и неясного происхождения, смешанных с кристаллами. Все вместе составляло весьма мягкую среду, легко уступившую воздействию различных кислот. И тогда он понял, что скоро попадет в то Иное Окружение, которое Комплекс предчувствовал с самого начала своего роста.

С глубины в несколько километров от дна океана, который покрывал поверхность планеты, он послал Исходному Комплексу весть о давно ожидавшейся победе.

Когда Гарно вошел в комнату Аргейма, капитан сидел перед иллюминатором.

— Все? — спросил Аргейм.

— Все.

— Было трудно?

— Меньше, чем я опасался. Но я же их еще не видел. Я пока не знаю, как они к этому отнеслись. А вот завтра...

Аргейм словно очнулся. Он повернулся вместе с креслом и посмотрел на Гарно.

— Неважно, что решат колонисты. Нужно было, чтобы они знали, вот и все.

— Вы знаете, как называли кандидатов в звездные колонии? — сказал Гарно.

– Оседлавшие свет. Я знаю, Поль. Взято из фильма, который не без успеха шел, кажется, в девяностых годах.

— А они предвидели в этом фильме несчастные случаи? Кораблекрушения?

— Конечно, Поль. По-моему, в фильме их было много.

— Я буду вам нужен во время голосования?

— Да, несомненно. Настоящая работа начинается завтра.

– А Кустов? Когда он вплотную займется двигателями?

— Когда колония проголосует. Это вопрос нескольких часов. Если мы не выйдем вовремя на посадочную траекторию...

Выброс вышел в океан в нескольких километрах от континентального шельфа и немедленно сообщил эту новость Исходному Комплексу. В ответ он получил приказ разделиться и протянуть экстратонкие разветвления горизонтально во все стороны. Он повиновался и обнаружил новый феномен, вызвавший в его психологических центрах неведомое прежде ощущение — беспокойство.

До сих пор он все время продвигался вверх, черпая энергию из плотной и богатой среды, которая была его средой с момента зарождения Комплекса. Он обращал в энергию минералы и металлы, он переваривал препятствия. А теперь он обнаружил, что новая среда чрезвычайно бедна ресурсами. Над осадочными породами лежала только толща воды, в ней его новые ответвления продвигались очень быстро. Одно из них вынырнуло на поверхность, и выброс осознал, что положение еще хуже, чем он предполагал. Над океаном начиналось смертоносное пространство, пустыня, в которой — как это ни невероятно,— возможно, вообще не было энергии. Прежде чем поставить в известность Комплекс, выброс занялся более детальными анализами, подняв большинство своих ответвлений к поверхности воды. Он вынес один из них в новую среду и обнаружил следующее:

а) Новая среда пронизана излучениями самых различных типов. Некоторые были ему знакомы: они суще-

ствовали в том, что он теперь осознавал как богатую среду. Другие же, наоборот, были неизвестны, непонятны и чрезвычайно интенсивны. Все, однако, могли усваиваться и служить источниками энергии.

б) Плотность вещества быстро падала с удалением от богатой среды, в то время как плотность излучения увеличивалась.

в) Один источник тепла и излучения отчетливо выделялся среди других. Он занимал ограниченную часть пространства, которое находилось перед выбросом, и, по-видимому, медленно и правильно перемещался.

Выброс, открывший атмосферу, космическое пространство и солнце, передал всю эту информацию и свои заключения Исходному Комплексу.

Впервые за время своего существования Комплекс столкнулся с действительно трудной проблемой. Одновременно он уловил опасность, и она породила нечто вроде смутного отзвука того беспокойства, которое ощутил выброс во многих километрах от него.

Комплекс не принял никакого немедленного решения. Он знал, что отныне его будущее находится под угрозой. Его рост продолжался. Другие выбросы, рождающиеся в его огромном прожорливом теле, в свою очередь поднимались к Новой Среде. И придет день, когда он исчерпает энергию скалистых пород, металлических руд и кристаллических жил. Придет день, когда его собственное тело поднимется на пустынную поверхность, где нет никакой пищи.

Комплекс знал теперь строение мира, и это строение обрекало его на смерть. Если только... Он принял решение и послал ушедшему дальше всех выбросу приказ: продолжать!

И одновременно он провел еще небывалую операцию: он выделил часть энергии, столь необходимой ему самому, и передал ее передовому выбросу, которому уже трудно было добывать ее.

Колония проголосовала.

Сидя возле шкафа, где были сложены сотни копий кинофильмов, Гарно смотрел на сына. Бернар снова играл с «безумным пузырем». Шары крутились, и когда мальчик нажимал на черную кнопку, раздавались резкие звуки — результат их случайных столкновений.

В комнату улыбаясь вошла Элизабет.

— Аргейм тебя вызывал,— сказала она.— Только что.

Он пожал плечами.

— По-моему, я сделал, что мог. Теперь очередь Кустова.

— Но ты все-таки должен пойти в командный отсек.

— Да, конечно.

Он опустился на колени, щелчком опрокинул «безумный пузырь» и взъерошил волосы сына.

— Да ну тебя! — сердито сказал Бернар и в отместку швырнул пузырь в дальний конец комнаты.

— Ты же знаешь, что он этого не терпит,— заметила Элизабет.— Он у нас модник.

Гарно медленно встал и рассеянно одернул пиджак.

— Я забыл тебя спросить... Он вчера ходил в гипнорий?

Она посмотрела на него с улыбкой.

— Какое это теперь имеет значение, Поль? Собственно, я даже предпочла бы, чтобы он спал в момент...

— Никакого особого момента не будет,— сказал Гарно.— Результат голосования ясен, и люди Кустова уже занялись двигателями. Ты это знаешь.

Она не ответила, и он начал разбирать досье, которые принес из отдела психологии несколько дней назад. Теперь они ему понадобятся.

Элизабет неподвижно стояла посреди комнаты. У ее ног со странно серьезным лицом сидел мальчик. Гарно целую минуту молчал, не зная, что сказать. Наконец, перед тем как уйти, он подобрал «безумный пузырь».

— Возьми, малыш! Разве он тебе больше не нравится?

Он положил игрушку на ковер рядом с сыном и быстро вышел.

Секция психологии располагалась около главного лазарета, неподалеку от «южного полюса» корабля. Чтобы добраться до нее, надо было спуститься по одному трапу, потом по другому и пройти по галерее, которую все называли «кладбищенской аллеей». Гарно не любил этого места и обычно шел тут быстро. Но на сей раз он остановился и повернулся к левой стенке. На гладком металле тянулся ряд черных клавиш. Лишь через несколько секунд Гарно заставил себя поднять руку и нажать одну из них. Когда за стенкой загорелся свет, сердце его

забилось сильнее. Свет был странно потусторонним и желтоватым. Гарно заглянул в кладбище корабля.

Собственно, по-настоящему это место называлось «большим зоогипнорием». Зал был огромен. Это был самый большой зал корабля, если не считать тех оранжерей, в которых росли деревья. Сводчатый потолок напоминал свод колоссального белого склепа. Но тут не было никаких трупов. Только неподвижные тела. Тела спящих животных.

Взгляд Гарно переходил от застывшей лошади к замороженной корове, от кучки покрытых снежными хлопьями собак к серой кошке, которая, казалось, мурлыкала в уголке около контрольного прибора. По стеклянной бандерилье живительная сыворотка тихо текла в шею могучего черного быка. В отдельной клетке, словно сухие ветки, лежали змеи.

Животные этого космического ковчега с самого отлета были погружены в искусственный сон — он делал незаметным для них течение времени, спасал их от страха и облегчал проблему их размещения.

Скот, предназначенный для гипотетических пастбищ, собаки, которых ждала необычная дичь, кошки, которым, может быть, придется плавать в воде, козы, чья судьба, возможно,— стать, как и в давнем прошлом, вьючными животными.

Свет потихоньку тускнел. Он погас окончательно как раз в то мгновение, когда Гарно вышел из гипнория.

Он подошел к психологической секции. «Собственно говоря,— подумал он,— сейчас только все и начинается. Они предпочли риск, предпочли закончить путешествие, чего бы это ни стоило. Почти все. Но только почти. Мне придется иметь дело с другими, с теми, кто боится».

Дверь скользнула вбок. Он хотел было войти в свой крошечный кабинет, как вдруг стальные стойки бешено завибрировали. Гарно потерял равновесие, попытался ухватиться за дверь, промахнулся на какие-то миллиметры и упал.

И когда в его голове вспыхнула боль, он услышал далекий рокот.

Энергия протекала через многие километры выброса, чтобы питать новые ветки, которые поднимались в атмосферу, изучали поверхность океана и пробирались на пустынные материки, передавая Исходному Комплексу

неисчислимые сведения. И эти сведения все больше укрепляли в нем ощущение, что надо торопиться.

Остающееся ему время, судя по объему планеты, было примерно равно тому сроку, который он уже прожил. Для Комплекса, который всегда воспринимал свое будущее как вечность, это было равносильно смертному приговору. Совершенно необходимо было найти новые источники энергии, новые области плотного вещества.

Разветвления микроскопических клеток быстро распространились по всей поверхности планеты, заткали дно безжизненного океана, глубокие долины и острые пики гор.

Передовой выброс поднимался вверх, в атмосферу, неуверенно протягивая тонкие нити во все более и более бедную среду, пока не достиг полной пустоты, где лишь изредка встречались отдельные молекулы.

Необходимо было проникнуть дальше, туда, где терялись последние следы атмосферы. Так же, как раньше он предчувствовал существование поверхности планеты, Комплекс угадывал теперь где-то далеко впереди плотные тела, богатые источники, излучающие энергию, ничтожные количества которой улавливали его выброшенные вперед нити.

Вместе со светом вернулась боль. Гарно обнаружил, что он лежит на кушетке в своем кабинете, приподнялся и ощутил сильное головокружение.

— Лежите спокойно,— услышал он голос доктора Мартинеса.— Ваши услуги сейчас никому не требуются.

— Что взорвалось?

— Один из генераторов. Это еще далеко не катастрофа, но со многими случилось то же, что и с вами... Лазарет переполнен.

Гарно потрогал голову и ощутил под пальцами небольшую повязку. Чтобы сесть, ему пришлось ухватиться за кушетку.

— По-моему, я вам сказал, что у вас сейчас нет пациентов,— повторил Мартинес, хмурясь.— Большинство из них набило себе шишки и переселилось в лазарет. Это, несомненно, успокоит их нервы.

— Вы сообщили моей жене?

Мартинес кивнул.

— Вы легко отделались и, пожалуй, можете вернуться к себе.

— Мне надо увидеть Аргейма,— сказал Гарно.

В зале управления вместе с Аргеймом были Вебер и Сиретти. Все трое склонились над экраном сканирующего устройства, и Сиретти что-то вполголоса объяснял, размахивая руками.

Только через несколько секунд Гарно заметил Шнейдера. Политический представитель сидел перед двойным обзорным экраном. Подойдя, Гарно увидел на экране шар цвета охры, испещренный черными пятнами и окруженный желтоватой атмосферой. Фотолет проходил менее чем в двух миллионах километров от восьмой планеты Винчи — внешней планеты системы.

— Неприятное зрелище,— сказал Шнейдер.— И неприятное место, господин Гарно.

— И все-таки нам придется когда-нибудь ею заняться,— ответил тот.— Как и всеми остальными планетами системы.

— Эта работа достанется на долю наших потомков,— сказал Шнейдер.— Если мы выживем.

— О чем вы говорите? Колония проголосовала и сделала выбор. Мы остановим двигатели, и путешествие закончится.

В проницательных глазах политического представителя мелькнули иронические огоньки.

— А вы уверены, что будет именно так? Я хочу сказать — вам не страшно?

Гарно пожал плечами.

— Да, я боюсь, как и все,— сказал он.— Но я тоже голосовал за остановку двигателей, чего бы это ни стоило.

— А я нет,— мягко сказал Шнейдер.— Видите ли, такая экспедиция воплощает баснословные расходы, очень много времени и очень много надежд... И я слишком боюсь смерти, чтобы помогать ей каким бы то ни было образом. Но, может быть, я просто вошел во вкус этого долгого ожидания и в конце концов полюбил его ради него самого, уже не желая, чтобы оно кончилось. И в любом случае события, кажется, подтверждают мою правоту.

— У нас нет никаких шансов, Поль,— сказал капитан.— Кустов делает все возможное, но он опасается, что не пройдет и часа, как взорвется второй генератор.

Это значит, у нас начнутся трудности с очисткой воздуха. Необходимо будет расположить в разных местах корабля спасательные группы и принять меры, чтобы собрать всех колонистов вместе. Мы сможем тогда отключить некоторые отсеки и сэкономить таким образом воздух и электроэнергию. Вы займетесь этим, Поль?

— Какие у меня полномочия?

— Если понадобится, заставьте их пойти в гипнорий. Мы можем создать полицию, но все должно быть спокойно.

Гарно почудилось, будто у него в желудке лежит что-то твердое и холодное.

— Что говорит Кустов?

— Я его не расспрашивал. Он с самого начала сидит на дне своего ада и делает чудовищную работу.

— Каковы будут наши шансы, если взорвется второй генератор? — спросил Гарно. Но подумал, что уже знает ответ. И во взгляде Аргейма прочел подтверждение.

Он ушел из зала управления и по трапам и коридорам вернулся в свою квартирку.

Элизабет сидела в спальне на краю кровати и плакала.

— Лучше бы ты перестала,— сказал он.— Бернар испугается...

Она покачала головой и указала на дверь гипнория.

— А ты? — спросил он, не оборачиваясь.— Может быть, ты хочешь тоже?..

— Я ведь достаточно взрослая, чтобы бодрствовать с тобой. Просто я немножко поплакала... Но я уверена, что все будет хорошо. Все будет хорошо, Поль, правда?

Растущий Комплекс познал тревогу. И эта тревога ускоряла рост и умножала число выбросов, которые уходили в космическое пространство. Целый лес нитей тянулся к далекому голубому солнцу, которого они могли достигнуть лишь очень не скоро. Плотные сети нитей покидали родную планету, Богатую Среду, и протягивались к соседним планетам. Другие нити, еще редкие и немногочисленные, выбрасывались к далеким звездам.

Один из этих выбросов и обнаружил новый источник энергии, относительно близкий, перемещающийся в пустом пространстве. Источник этот был не очень богат, однако близость делала его использование не только желательным, но и обязательным. Поэтому Комплекс передал

выбросу дополнительную энергию и приказал ему быстро выдвинуться в направлении движущегося источника.

— Как только я узнал,— говорил Гарно в темной и тихой спальне,— я испугался за себя. Я боялся, потому что мне впервые надо было по-настоящему выполнять свои профессиональные обязанности. Мысль, что придется вселять уверенность в тех, кто боится так же, как я сам, была для меня невыносима...

— Но ведь ты же не трус,— сказала Элизабет.— Подобный страх мог испытать кто угодно. Такие опасности возникают нечасто, и нельзя требовать от людей сверхчеловеческих качеств.

Они помолчали. Оба вслушивались в искусственную ночь корабля, словно могли уловить в этом огромном стальном шаре шум фотонных двигателей, а может быть, и лязг инструментов, которыми техники ломают, пробиваются... приближаются к взрыву.

Наконец Гарно встал, и Элизабет последовала за ним, потому что знала, куда он идет. Они приоткрыли дверь гипнория и долго смотрели с порога на сына, спящего в слабом ледяном сиянии.

Он покоился в коконе из хрома и стекла. Его обвивали трубки, переливающиеся колдовскими красками.

— Ему что-то снится, я уверена,— сказала Элизабет.

Гарно шагнул назад.

— Не думаю, чтобы я сейчас мог уснуть.

— Ты хочешь пойти туда?

Оба знали, о чем она говорит.

— Тебе необходима какая-нибудь роль,— сказала она, закрывая дверь гипнория.— Мученичество в роли социопсихолога у тебя не получилось, и тебе обязательно надо найти другую. В этом все дело, правда?

Он устало улыбнулся.

— Я боюсь стать таким же бесполезным, как Шнейдер.— Он одевался — неторопливыми точными движениями.— Понадобятся столетия, чтобы люди поняли, какие таланты требуются для звезд.

И он вышел. Через голубоватые галереи и поблескивающие колодцы трапов снова добрался до низа корабля, до его «южного полюса», где фотонные двигатели упрямо продолжали выбрасывать ливень света.

Он сообщил о своем приходе по малому контрольному

телевизору, миновал узкий тамбур и оказался в круглом помещении, где на стенах висели защитные костюмы.

— Приветствую вас в нашем пекле,— произнес голос Кустова.— Натяните на себя одно из этих чучел и присоединяйтесь к нам. Вы считаете, что нужно подправить нашу хрупкую психику?

— Вы в этом не нуждаетесь, Кустов,— сказал он, снимая со стены белый костюм.— Просто я хочу быть в первых рядах партера.

Гарно шагнул в мир хрома и пламени, где люди, несмотря на сияющие костюмы, казались совсем неуместными. Хром сверкал на машинах, а огонь — в треугольных смотровых окнах, сквозь которые было видно самое сердце двигателей. Гарно взглянул на ослепительные кабели, связывающие батареи с главным генератором. Он слышал под ногами рев извергаемой энергии и не мог прямо посмотреть на чудовищное пламя потоков света.

Он узнал высокую фигуру Кустова и помахал рукой. На лице инженера за прозрачной маской блуждала напряженная улыбка. Кустов взял Гарно за руку и потянул его влево, к мостику, который, казалось, вел внутрь двигателей. Они поднялись по ступенькам и очутились перед трехметровым квадратным экраном. Поверхность стекла была темно-серой.

— Взгляните,— сказал Кустов.

Он нажал на клавишу в правом нижнем углу, и Гарно на секунду зажмурился. Справа и слева от пылающей кильватерной струи корабля тянулось черное и темно-фиолетовое пространство пустоты. В миллиардах километров позади светлая полоса терялась в изумрудном тумане среди бесчисленных звезд.

— Оседлавшие свет,— сказал Кустов.— Это мы.

В его голосе слышалась ирония и грусть. И Гарно внезапно осознал, что положение действительно очень серьезно. Еще более серьезно, чем думали Арнгейм и навигаторы.

— Вы не справитесь?

— Как повезет. Заметьте, компьютер папочки Арнгейма даже рассчитал наши шансы. Но я опасаюсь, что мы ничего не сможем, Гарно.— Он поднял левую руку и посмотрел на хронометр, который оставшаяся на Земле жена подарила ему двадцать лет назад.— Примерно через два часа, если мы не найдем гениального решения, произойдет гигантский взрыв.

— Но Арнгейм говорил только о втором генераторе. Он поручил мне разработать план эвакуации, чтобы...

— Боюсь, я не полностью его информировал,— спокойно сказал Кустов.— Видите ли, я не думаю, что всю колонию следует известить о близком конце. Вы знаете взгляды Арнгейма...

— А вы? Знаете ли вы мои взгляды?

— Увы, очень приблизительно.— Во взгляде Кустова появилось глубокое утомление.— Но я ничем не рискую, даже если ошибусь.

— То есть?

— Мне очень жаль, Гарно, но вы останетесь с нами.

Он спустился в аппаратный зал. Гарно побежал за ним и схватил его за плечо.

— Черт возьми, Кустов, вы что, с ума сошли? Вы могли бы просто ничего мне не говорить.

— У вас есть глаза и эта ваша интуиция. Десять минут здесь и три слова с персоналом, и вы все поняли бы.

— А Арнгейм? А другие?

— Они сюда не попали бы, даже если бы захотели. Да и в любом случае...— Он указал на хронометр.— У нас остается очень мало времени.

Гарно умолк, хотя в голове у него пронеслась добрая сотня фраз. Он одновременно и бесился, и восхищался Кустовым.

Элизабет... Сын... Даже если бы Кустов не задержал его здесь, у него все равно не хватило бы мужества, чтобы вернуться и лгать им...

Выброс прошел через омываемую потоками энергии пустыню, в которой перекрещивались разнообразные силы тяготения. Теперь он приближался к цели, указанной Исходным Комплексом. По его приказу выброс разветвился и немного изменил свою структуру, чтобы сразу передать ему поглощенную энергию.

Источник ее был теперь в нескольких мгновениях роста. Выброс сравнил свою скорость со скоростью источника и передал Комплексу удивительный результат. По-видимому, источник был самым быстродвижущимся объектом в этой части пространства.

«Скорее!» — скомандовал Комплекс.

Разветвления бесчисленными нитями пронизали пространство. Выброс дотянулся до источника, передал ин-

формацию об этом и стал ждать ответного приказа. Приказ пришел почти сразу: «Анализ, врастание».

Выброс продвинулся к могучему источнику чистой энергии, сводя все разветвления в одну точку.

«Поглощение!» — приказал Комплекс.

— Чуть больше полутора часов,— сказал Кустов.

Четыре человека продолжали возиться у панелей управления. Трое других находились дальше, внутри нервной системы двигателей, и пытались приостановить реакцию, начавшуюся несколько часов назад.

— Там происходит черт знает что,— сказал Кустов.— А мы не можем передать никаких сведений для будущих экспедиций. Это дефект конструкции, Гарно. Катастрофа назревала постепенно, но ее можно было предупредить. И то же самое может произойти десятки раз, прежде чем...

Он вдруг замолчал. Один из техников бежал к ним, размахивая руками.

В ту же секунду Гарно увидел, что многие сигнальные лампочки погасли. Он решил, что это взрыв, и его мышцы напряглись. Он ни о чем не мог думать и секунду чувствовал себя словно на грани сна и смерти. Потом все опять стало обычным. Под ногами по-прежнему чувствовалось биение могучих двигателей, но... было ли оно таким же, как раньше?

Кустов уже стоял перед контрольной панелью. Он по очереди нагнулся к нескольким сигнальным лампам, хлопнул по плечу техника, который его позвал, и вернулся бегом.

— Черт возьми, лекарь! Энергию как языком слизнуло!

Гарно сдвинул брови.

— Так значит, им удалось? Двигатели...

Буря мыслей и чувств смела последние следы страха. Кустов встряхнул его, словно хотел поднять в воздух.

— Да нет! Энергия исчезает, вот и все! Эти проклятые двигатели останавливаются, но мы тут ни при чем! Совершенно!

Он потянул психолога к циферблатам и показал на бегущие по ним цифры, на стрелки, медленно ползущие к зеленому сектору.

— Смотрите! Тут, тут и вот тут... Все падает! Вы что-нибудь понимаете? Совершенно сумасшедшая история!

— Почему? — Гарно встряхнул головой.— Разве вы

ничего для этого не сделали? Да и, в конце концов, реакция могла прерваться сама.

— Ну нет! Все идет так, словно пространство высасывает нашу энергию. Всю сразу. Вы понимаете? Всю сразу!!

С внезапной тревогой они снова посмотрели на циферблаты. Техники столпились вокруг них — безмолвные, с блестящими каплями пота на лицах.

Потом Гарно нахмурился.

— Прислушайтесь! Что-то не так...

Только через несколько секунд они поняли, что урчание двигателей смолкло.

Массированное поглощение энергии чуть было не привело к распаду сложной структуры выброса, но быстрая перестройка его спасла. Ему удалось усвоить необходимое количество энергии и даже некоторый излишек, посланный Исходному Комплексу.

Исходный Комплекс познал чувство удовлетворения, и ему вдруг почудилось, что он, конечно же, сможет расти и расти, пока не достигнет других питающих планет. Пустое пространство — всего лишь трудный участок пути к иным питательным средам.

Выброс продолжил анализы и обнаружил, что Движущийся Источник составлен из тесно связанных и очень чистых металлов. Однако объем Движущегося Источника был очень невелик, и его поглощение принесло бы гораздо меньше пользы, чем изучение.

Выдвинув экстра-тонкое ответвление, выброс ввел его внутрь корабля.

Ответвление прошло по трубам между стальными стенками, проникло в вентиляционный канал, добралось до гидропонических ванн и мимоходом исследовало растения.

Его кончик оказался в трубке, по которой текла жидкость чрезвычайно сложного молекулярного состава, и двинулся вдоль нее. Этим путем он проник в тело ребенка, спящего в гипнории.

До сих пор Комплекс ни разу не встречал структуры, сопоставимой с его собственной. Он всегда считал себя Первичной и Единственной Жизнью.

Через посредство своего выброса он впервые обнаружил совокупность органов с различными функциями, обнаружил другое живое существо.

Первое соприкосновение с мозговой системой этого су-

щества пробудило в нем новую эмоцию. Это было восхищение, страх... или любопытство?

— Все сигналы прекратились,— сказал Кустов.— Светобатареи мертвы. Все выглядит так, словно у нас никогда и не было фотонных двигателей. Теперь мы можем подготовить торможение с помощью вспомогательных двигателей.

— И у нас нет никакого объяснения,— задумчиво сказал Аргейм. Он, не отрываясь, смотрел на экран, на котором поблескивала серебряная капелька — далекая луна Винчи-7. Самой планеты, газового гиганта типа Юпитера, на экране не было видно.

— Некий Ванберг много лег назад говорил о полях поглощения,— сказал Кустов и пожал плечами.— Тогда я не обратил на это никакого внимания. Но теперь...

— С инструментами ничего не произошло,— сказал Аргейм.— Они просто зарегистрировали остановку двигателей. Если бы такое поле существовало, мы должны были бы обнаружить хоть какие-то его следы, ведь так?

— Я уже сказал, что у меня нет никакого объяснения. Теория Ванберга — единственное, на что можно было бы опереться. Батареи мертвы. Как это объяснить? Все это сбивает меня с толку, Аргейм.

— И все это нас спасло.— Капитан встряхнул головой. Потом на его тонких губах появилась улыбка, и он посмотрел на Гарно.— Вот теперь у вас все-таки появилась работка, Поль.— Гарно поднял брови, и он объяснил: — Верующие среди колонистов! Вы представляете, что они могут вообразить?

— Я их заранее извиняю,— негромко сказал Гарно.— Я так же сбит с толку, как и Кустов, как и вы.— Он добавил, глядя на Кустова: — Действительно, сколького мы еще не знаем.

Он вошел в свою квартирку, томимый чем-то вроде тревожного предчувствия. Элизабет смотрела на экран. Аргейм объяснял колонии, что угроза миновала и что путешествие близится к концу.

Когда жена посмотрела на него, он понял, о чем она хочет его спросить, и улыбнулся.

— Чудо далеких небес,— сказал он.— Вот и еще одно название фильма. Вроде «Оседлавших свет».— Он погла-

дил ее по подбородку.— Сказка для внуков цирцейских поселенцев.

— Кустову удалось?..

— В том-то и дело, что нет. Никто ничего не понимает И я тоже все думаю, как и они, хотя это не мое дело Вот послушай...

Он попытался описать ей, что произошло, прекрасно понимая, что главное от них ускользнуло, что они могут только строить гипотезы.

— Ну, теперь ты и в самом деле можешь сыграть свою великую роль,— сказала она с насмешливой улыбкой.

— Ты говоришь совсем как Аргейм.

— Может быть, но когда все станет известно, очень многие решат, что это чудо.

— Аргейм не собирается сообщать...

— Ну и что? Ты, кажется, забыл, что мы живем в яйце, населенном болтливыми насекомыми.

— Может быть, успокоившись, они станут менее любопытными.

— Вовсе нет. Послушай. Как истинная женщина я ищу какую-нибудь слабинку в вашем сказочном происшествии. Ведь всего несколько часов назад двигатели отказывались останавливаться. И вы ничего не могли поделать. Так почему вас так беспокоит, что все переменилось?

— Потому что этому нет никакого разумного объяснения!!

— Ну, не будем ссориться из-за того, что мы спаслись,— сказала она мягко.

В сонных грезах ребенка возник вопрос. Его можно было сформулировать как «что?» или «кто?». Но он охватывал огромный комплекс понятий, которые были труднодоступны для сонного сознания.

Наконец пришел неуверенный ответ. Что-то вроде «малыш», а потом — «Бернар». И какие-то представления, в которых главную роль играли чувства, воспоминания о чувствах: «Голод... сон... боль... игра...»

Последнее понятие Исходный Комплекс не сумел расшифровать. Собственно, почти все принятые им понятия требовали и дополнительных исследований. Но Комплекс прекрасно понимал всю важность сделанного открытия. Он встретил клеточный конгломерат, более или менее сходный с ним самим, хотя и гораздо меньший по объему.

Но возможности этого мозга были, наоборот, обширны и разнообразны. Поэтому следовало действовать с величайшей осторожностью. Пока сам выброс обосновался в мозгу спящего ребенка, разветвления изучали его непосредственное окружение. Исходный Комплекс скоро получил подтверждение своих предварительных предположений: Движущийся Источник действительно перемещался в пустом пространстве по определенной траектории. В ближайшем будущем он достигнет других питательных планет. Собственно, Движущийся Источник, где находилось клеточное существо, направлялся прямо к одной из тех планет, о существовании которых Комплекс догадывался. Таким образом, Комплекс должен был просто ждать конца этого путешествия. Поскольку выброс обосновался внутри Движущегося Источника, Комплекс мог позволить себе сэкономить некоторое количество энергии и уделить несколько больше внимания ответам Нового Существа.

Комплекс снова послал вопрос: «Что?» Но на этот раз он сопроводил его образами, которые были понятны ему самому: «Черное — твердое — металл — голод — скала... ночь — день — голод». Время, протекшее между заданным вопросом и ответами существа, показалось ему очень долгим. Однако он понял, что сознание его собеседника обладает различными уровнями, которые, по-видимому, лишь с трудом сообщаются между собой. Как оказалось, один из них, в самой глубине, был особенно важен, особенно богат образами — воспоминаниями и понятиями. Другой передавал чрезвычайно интенсивные эмоции-воспоминания, которые Комплексу приходилось ослаблять, прежде чем начать исследование.

«Что?» — повторил он.

У него еще не сложилось общее представление о Существе. Он предчувствовал наличие множества ответвлений, в которые ему не удалось проникнуть. Были, кроме того, цвета и ощущения, в которых ему не удавалось разобраться. Но из всех полученных сведений как будто следовало, что Новое Существо растет очень медленно — с такой медлительностью, какую Комплекс едва мог вообразить. Оно обитало в Движущемся Источнике, и Источник отделял его от пустынной среды, которая означала для Существа «конец жизни». Комплекс долго трудился над этой последней идеей. В конце концов ему удалось ассоциировать ее с его собственным понятием «конец энергии». Если Новое Существо покинет Движущийся

Источник, оно не сможет больше ни расти, ни думать. Его функции поглощения и мышления прекратятся. То же случилось бы и с Комплексом, если бы он не нашел питательных планет, сложенных из плотных скальных пород и металлов. Но теперь ему представлялось, что конец его существования наступит лишь где-то в отдаленном будущем, сопоставимом с вечностью. А потому он отнес идею «конец жизни-роста» к тому разряду абстрактных проблем, о которых размышлял иногда, раз или два в столетие.

Он возобновил медленный разговор с Новым Существом. Но теперь Комплекс знал, что это Существо для него — не препятствие. Оно, собственно, представляет собой конгломерат, столь же поддающийся поглощению, как и скалы. Он сможет подавить это Существо и питаться им, когда сочтет нужным.

— Расстояние девять миллионов километров,— сказал Вебер, выпрямляясь.— Собственно говоря, мы почти прибыли.

— Осталось несколько часов,— сказал Арнгейм.— Поэтому я вас и созвал.

И действительно, зал управления был полон. Гарно слушал капитана довольно рассеянно. Невольно он всматривался в мириады звезд, плывущих за куполом. Невольно он искал среди них «нечто», которое было способно поглотить энергию световых батарей. «Нечто», спасшее корабль, уже, казалось, целую вечность несущийся среди неисчислимых звезд.

Он обрадовался, когда Арнгейм объявил о начале процесса посадки, и умолк. Теперь все пойдет логичным и заранее предвиденным порядком. Для этого они и прожили тут двадцать лет. Вся операция репетировалась уже столько раз, что Гарно воспринимал ее, как старый фильм... «Оседлавшие свет».

— Вот открытие, которое вас заинтересует.

Он, вздрогнув, обнаружил, что перед ним стоит Кустов. Главный инженер двигателей держал в правой руке смятый листок. Он протянул его Гарно, но психолог увидел только какие-то цифры и указание времени.

— Ну и что?

— Я вам сейчас переведу. Примерно полчаса назад

меня позвал один из моих техников. Он обнаружил обрыв провода во вторичной цепи...

— В световых батареях?

— Нет. В системе управления главным посадочным шасси. Но важно не это, а характер повреждения.— Он протянул руку и взял у Гарно листок.— Я разобрался в его утверждениях и провел небольшое исследование. И обнаружил кое-что любопытное. Провод был перерезан у самой обшивки, а рядом я нашел что-то вроде... вроде студня.

— Вы взяли образец?

— Я позвонил в химическую лабораторию и попросил прислать Рицци со всем необходимым. Но когда я вернулся к обрыву, там больше ничего не было.

— Обрыв не восстановился?

— Нет. Но больше не было никаких следов этого студня.

Они медленно шли к выходу из зала управления. Позади них, собравшись вокруг Аргейма, шумно спорили техники.

— Что-то уж очень много тайн,— сказал Гарно.— У вас есть какая-нибудь гипотеза?

— И даже много. Но я боюсь, как бы меня не увлекло мое воображение. Все-таки славянская кровь.

Элизабет вошла в комнату с ворохом цветов. Гарно не сразу понял, что это маргаритки.

— Господи! — выдохнул он.— Ты получила права на цирцейские шахты, раз можешь себе это позволить?

Она засмеялась и начала лепить из пластика вазу. Ее ловкие пальцы бегали по прозрачному материалу, и ваза уже появлялась, простая и красивая. Окончив работу, она опустила вазу в фиксирующую жидкость.

— Просто я встретила Люсиль, жену ботаника Принже.

Он кивнул, думая о следах студня, который где-то в корабле перерезал кабель.

— Теперь,— сказала Элизабет, поправляя цветы в вазе,— может выйти малыш.

Только тут он заметил, что дверь гипнория открыта. Свет внутри был ярким и голубым. Он шагнул к двери.

Реанимация завершалась. Лицо ребенка уже не было таким бледным. Губы стали ярко-красными и раздвинулись в сонной улыбке, открывая зубы.

Гарно подошел к ребенку, наклонился и коснулся пальцами гладкого лба, отодвигая прядь волос.

— Все будет хорошо,— сказал он.— Теперь все будет хорошо.

Но в глубине души он в это еще не верил.

Тысячи тончайших волокон пронизали тело Нового Существа, и выброс знал теперь всю схему функционирования его органов. Он понял также почти все его психические возможности и заключил сообщение, посланное Исходному Комплексу, соображением о бесполезности дальнейших исследований. Согласно его анализам, Новое Существо было вполне отъединено от Движущегося Источника. А полезным мог быть только источник. Без особой затраты энергии он донесет выброс до новой питательной планеты.

Исходный Комплекс взвесил все в последний раз. Действительно, это медлительное, почти неподвижное живое существо, чьи физические аспекты во многом сбивали его с толку, могло послужить лишь источником весьма маловажной информации. Комплекс предпочел бы сохранить все свои способности для питательной планеты, в которой направлялся Движущийся Источник, для веков поглощения и выработки новых бесчисленных выбросов, уходящих в пространство.

«Уход!» — скомандовал он выбросу, внедрившемуся в Новое Существо.

Выброс повиновался. Слишком быстро.

У Исходного Комплекса был один недостаток — отсутствие любопытства. И этот недостаток исказил его выводы.

Все анализы, все вопросы не помогли ему понять, что существует особое состояние — сон. И он не мог знать, что Новое Существо выходит теперь из этого состояния и переходит в фазу полной жизни.

Выброс покидал тело, и как ни был он тонок, это движение породило множество нервных сигналов.

Гипноз кончился, кончилось и действие анестезаторов, и открывший глаза малыш ощутил короткую, но жгучую боль. Он вскрикнул: «Ай!», потому что был всего только маленьким ребенком, и протянул руки к склонившемуся над ним отцу. И потому что он был всего только маленьким ребенком, в его голове вспыхнули обида и ненависть к тому, что причинило ему боль. Сильнейшая обида и сильнейшая ненависть.

Никогда еще выброс не получал такого мощного пси-

хического шока. Выброс тут же распался, но шок успел промчаться по нитям и достигнуть Исходного Комплекса.

Обида ребенка подействовала на психические центры Комплекса, как настоящая бомба. Она выплеснула огонь, который стер запоздавшую мысленную защиту и разлился по всем жизненным разветвлениям.

Исходный Комплекс умер, не успев даже узнать, что такое удивление.

На поверхности восьмой планеты Винчи и далеко в пространстве начали распадаться выбросы.

Бернар совсем проснулся. Секунду Гарно стоял неподвижно. Он держал сына за руку, недоумевая, что вызвало этот крик боли.

— Что с тобой?

Подошла встревоженная Элизабет. Он пожал плечами и выпустил руку мальчика.

— Дурной сон,— сказал он.— Просто дурной сон.

И в это мгновение он ощутил глухую вибрацию заработавших атомных двигателей, которые начали тормозить гигантский корабль, переводя его на посадочную траекторию. Элизабет схватила сына за руку и с притворной строгостью сказала:

— Ну, вставай, цирцеец! Не теряй ни минуты! Пора начинать приносить пользу!

Гарно улыбнулся, но думал он совсем о другом.

Эндри НОРТОН

...ВСЕ КОШКИ СЕРЫ

Стина из Службы Космических Сообщений — звучит как титул героини из этих всем осточертевших звездных видеосерий. А уж я-то в этом толк понимаю — сам приложил руку к написанию сценариев для некоторых из них. Только в отличие от персонажей звездных сериалов Стина отнюдь не была грациозным, чарующим созданием. Она была бесцветна, как лунная пыль, вечно нечесанные волосы цветом напоминали сероватый гипс, и всю жизнь она носила какой-то мешковатый комбинезон. Я ни разу не видел, чтобы она надела иное.

Жизнь отвела Стине роль второстепенного персонажа, и она никогда не пыталась изображать что-либо другое. Свои свободные часы она проводила в прокуренных портовых кабаках, часто посещаемых межпланетчиками. Если вам она действительно была нужна, то вы могли ее увидеть — сидящую в самом неприметном углу и слушающую разговоры. Сама она рот открывала крайне редко. Но уж если начинала говорить, то окружающие замолкали и слушали со вниманием. Прожженные космические волки имели случаи убедиться, что она слов на ветер не бросает. И те немногие, которым посчастливилось слышать ее скупые слова, будьте уверены, их не забудут, равно как и самое Стину.

Она кочевала из одного порта в другой. Она была первоклассным специалистом — оператором на больших компьютерах и легко находила работу в любом месте, где ей взбредала в голову идея на какое-то время задержаться. И со временем она стала напоминать машины, с которыми работала — была такая же серая, обтекаемая и лишенная какой-либо своей индивидуальности.

Но именно Стина рассказала Бабу Нельсону про ритуалы аборигенов Джованской Луны, и шестью меся-

цами позже это предупреждение спасло ему жизнь. Именно Стина опознала кусочек камня, который как-то вечером Кини Кларк небрежно швырнул на стол. Она определила его как необработанный слайтит. Это заявление вызвало лихорадку, и за одну ночь было сколочено около десятка состояний, причем сумели поправить свои дела и такие, кто спустил уже все до последней дюзы и более никаких надежд не питал. И наконец, именно она раскусила загадку «Императрицы Марса».

Все ребята, которым повезло в жизни благодаря ее запасу знаний и фотографической памяти, время от времени пытались хоть как-то ее отблагодарить. Но она отказывалась принять от них что-нибудь более ценное, чем стакан минеральной воды из канала, и спокойно отвергала все другие подношения, которые ей пытались всучить, в том числе и тугие пачки кредиток. Баб Нельсон был единственным, кто избежал отказа. Именно он принес и подарил ей Бэта.

Примерно через год после авантюры на Джоване одним прекрасным вечером он ввалился в «Свободное падение» и плюхнул Бэта на ее столик. Бэт посмотрел на Стину, выгнул спину и заурчал. Она спокойно посмотрела на него и слегка кивнула. С тех пор они путешествовали вместе — худая серая женщина и здоровенный серый кот. За их совместную жизнь Бэт ознакомился с интерьерами гораздо большего количества портовых кабаков, чем иной межзвездник посещает за все время своей космической службы. Бэт пристрастился к верналъскому соку и научился пить его быстро и аккуратно прямо из стакана. И он всегда чувствовал себя как дома на любом столе, на котором его устраивала Стина.

А теперь слушайте правдивую историю про Стину, Бэта, Клиффа Морана и «Императрицу Марса». История эта чертовски хороша. Уж я-то знаю — сам оформлял ее первую версию.

Ибо я как раз находился там, в «Королевском Ригеле», где это все начиналось, когда время близилось к полуночи и в кабак ввалился Клифф Моран, и был он измучен неурядицами, и настроение у него было прескверное, а вид такой, что краше в гроб кладут. В последнее время неприятности так и сыпались на него, и половины их хватило бы, чтобы согнуть в дугу полдюжины менее крепких парней. Все мы знали, что на его корабль вот-вот должны были наложить арест за неуплату долгов. Клифф

пробивал свою жизненную дорогу с самого дна венапортских трущоб. Потеря корабля означала для него возврат к исходным рубежам, к нищенскому существованию без надежды и исхода, и к перспективе смерти под забором какой-нибудь ночлежки.

Он пришел утопить свои горести в спиртном и, когда заказывал столик на одного, был уже в таком состоянии, когда человек на легкое прикосновение к плечу отвечает оскалом зубов и рычанием.

Но как только на столе появилась первая бутылка, за столом объявился первый гость. Стина выползла из своего угла, на плечах у нее наподобие воротника разлегся Бэт — это был его излюбленный способ передвижения. Она пересекла зал и присела к столу безо всякого приглашения со стороны Клиффа. Это его так потрясло, что он на секунду забыл о своих бедах, ибо Стина никогда не набивалась в компанию, когда могла оставаться в одиночестве. Если бы в бар приковылял один из этих ганимедских камнелюдей и заказал выпивку, то, ей-богу, это привлекло бы гораздо меньше внимания с нашей стороны. (Разумеется, пялились мы все только краем глаза.)

Она протянула худую руку с длинными пальцами, отодвинула в сторону заказанную им бутылку и произнесла одну только фразу:

— «Императрица Марса» возвращается.

Клифф нахмурился и закусил губу. Упорства ему было не занимать. Нужно быть сделанным из гранита как внутри, так и снаружи, чтобы выбраться из венапортских трущоб в командирское сиденье космического корабля. Но мы могли только гадать, что за мысли проносились в его мозгу. «Императрица Марса» представляла собой величайший куш, о каком только мог мечтать межпланетчик. И за пятьдесят лет ее блужданий по заброшенной орбите многие пытались этот куш сорвать. Пытались-то многие, да только что-то не слышно было, чтобы кому-нибудь это удалось.

«Императрица Марса», межзвездная прогулочная яхта, битком набитая неисчислимыми богатствами, была загадочным образом оставлена в открытом космосе пассажирами и экипажем, и никого из этих людей больше нигде и никогда не видели. Позже ее временами отыскивали, вычисляли ее орбиту и даже высаживались на ней. Тот, кто входил внутрь ее, либо исчезал, либо очень быстро возвращался, желая только одного — как можно

скорее убраться от «Императрицы» на как можно большее расстояние. Никакого внятного описания того, что он видел на борту, от такого человека не поступало. Да, тот, кто смог бы привести «Императрицу» на базу или хотя бы почистить ее трюмы и каюты, нажил бы солидное состояние.

— Отлично! — Клифф ударил кулаком по столу.— Я готов даже на это!

Стина посмотрела на него взглядом, похожим на тот, которым она смотрела на Бэта, когда Баб Нельсон впервые притащил его к ней, и слегка кивнула. Это все, что я видел своими глазами. Оставшаяся часть истории пришла ко мне по кускам месяцы спустя, когда я находился в другом порту, на другом конце системы.

Клифф стартовал той же ночью. Он спешил, поскольку боялся получить бумагу, согласно которой лишился бы корабля. Он был настолько занят и озабочен, что лишь в открытом пространстве обнаружил у себя на борту пассажиров — то были Стина и Бэт. Истории неизвестно, что за сцена при этом произошла, но могу поклясться, что Стина не дала Клиффу никаких разъяснений — это было не в ее правилах.

Впервые в жизни она решила ввязаться в игру сама, и вот она была здесь. И все дела. Может, Клифф решил, что у нее есть свои права, а может быть, просто ему было все до фонаря. Но как бы то ни было, все трое были вместе, когда они впервые увидели «Императрицу» — призрачный корабль в черном пространстве, сияющий мертвым светом бортовых маяков.

Должно быть, «Императрица» выглядела весьма зловеще, ибо все остальные ее огни тоже были включены, так же как и красный предупредительный сигнал в носовой части. Корабль казался населенным призраками — этакий «Летучий Голландец». Клифф мастерски подвел корабль к «Императрице Марса». Пристыковаться к ее шлюзам с помощью магнитных присосок не составило никакого труда. Спустя несколько минут вся троица была уже на борту заброшенной ракеты. В ее кабинах и коридорах все еще был воздух, в котором чувствовался слабый-слабый запах какой-то гнили. Этот запах заставил Бэта усиленно принюхиваться и был заметен даже и для менее чувствительных человеческих ноздрей.

Клифф направился прямо в пилотский отсек, а Стина и Бэт пошли бродить по кораблю. Закрытые двери каза-

лись им вызовом, и Стина открывала каждую дверь на своем пути и быстро осматривала, что находится внутри. За пятой дверью скрывалась каюта, мимо которой не смогла бы пройти никакая женщина, не исследовав ее поподробнее.

Не знаю, кто в ней обитал, когда «Императрица» стартовала в свой последний, самый долгий круиз. Если уж вам очень это интересно, можете запросить в архивах фоторегистрационные карточки. Но в этой каюте были целые груды шелков, вываленных на пол из двух дорожных саквояжей; был туалетный столик, на котором теснились кристаллические коробочки, коробочки из ценных пород дерева, коробочки, украшенные драгоценными камнями...— одни эти коробочки как магнит притягивали Стину. А ведь там были еще и другие приманки, изобретенные на погибель женским душам. Она стояла перед туалетным столиком, когда совершенно случайно поглядела в зеркало — глянула и застыла.

Глядя поверх правого плеча, она могла видеть постель, накрытую покрывалом из шелка, тонкого, как паутинка. Прямо в центре постели лежала кучка драгоценных камней — как будто кто-то, играя, вывалил на покрывало содержимое коробки с ювелирными изделиями. Бэт прыгнул к ножкам постели, выгнул спину и задрал хвост, как обычно это делают кошки, и следил за камнями. За камнями и чем-то еще!

Стина не глядя протянула руку и схватила первый попавшийся флакон с духами. Она откупорила его и, делая вид, что оценивает запах, продолжала следить за отражением постели. Из кучи драгоценностей поднялся украшенный камнями браслет — поднялся в воздух и тихонько названивал смертельно опасную, но чарующую песнь сирен. Как будто невидимая рука поигрывала им с ленивой грацией... Бэт почти неслышно шипел. Но он не отступал. Он еще не принял определенного решения.

Стина поставила флакон на столик. А затем она поступила так, как, пожалуй, смог бы поступить не каждый из тех хвастунов, чьи сногсшибательные истории она в течение долгих лет слушала в различных портовых кабаках. Не выказывая ни единого признака спешки или беспокойства, она двинулась в обход комнаты. И хотя она приблизилась к постели, драгоценностей она не тронула.

Она не смогла заставить себя сделать это. В течение пяти минут она разыгрывала беспечную дурочку. Дальнейшее решил Бэт.

Он отпрыгнул от постели и двинулся к двери, явно сопровождая нечто и держась от этого нечто на разумном удалении. Затем он дважды громко промяукал. Стина последовала за ним и распахнула дверь пошире.

Бэт пошел прямо по коридору, целеустремленно, как гончая по горячему следу. Стина брела сзади, сдерживая шаг, имитируя неспешную походку исследователя. То, что двигалось перед ними, было невидимо, но Бэта это не смущало.

Они должны были войти в пилотскую рубку почти наступая на пятки невидимке — если, конечно, у невидимок есть пятки, в чем можно было усомниться,— но Бэт застыл, изогнувшись, на пороге и не двигался дальше. Стина бросила взгляд на приборные панели и пилотские кресла, где работал Клифф Моран. Ее башмаки ступали бесшумно по толстому ковру, так что он ничего не услышал и не обернулся, а продолжал сидеть, что-то напевая сквозь зубы и проверяя цепи управления. Механизмы, которыми не пользовались многие годы, реагировали на команды неохотно и с задержкой.

На взгляд человека, никого постороннего в кабине не было. Но Бэт все еще преследовал нечто движущееся, нечто, чему он явно не доверял и что ему очень не нравилось. Ибо сейчас он шагнул вперед на шаг или два, и его отвращение явственно проглядывало в изогнутом позвоночнике и в каждом стоящем дыбом волоске. И в этот самый миг Стина увидела, как что-то мелькнуло туманным силуэтом на фоне согнутой спины Клиффа, как будто невидимка пересек пространство между ними.

Но почему оно стало заметным только на фоне Клиффа, а не на фоне сидений, или панелей, или стен коридора, или покрывала на постели, где оно лежало или сидело развалясь и поигрывая своей добычей? И что видел Бэт?

В обширном хранилище ее памяти, служившем ей верой и правдой в течение многих лет, со щелчком приоткрылась полузабытая дверка. Одним быстрым движением она сорвала с себя комбинезон и набросила мешковатую одежку на спинку ближайшего кресла.

Бэт теперь уже урчал и хрипел, испуская усиливавшиеся горловые звуки, которые были его боевой песней. Но он пятился назад и назад, к ногам Стины, отступая

от чего-то, с чем он не мог сразиться, но на что он смотрел с вызовом. Если бы кот смог заманить *это* за собой, чтобы *оно* очутилось на фоне свисающего с кресла комбинезона... Он должен это сделать — это их единственный шанс!

— Что за...— Клифф встал из своего кресла и удивленно пялился на них.

То, что он видел, должно быть, представляло впечатляющее зрелище. Стина стояла с обнаженными руками и плечами; ее обычно завязанные в тугой узел волосы свободно болтались вдоль спины. Сжав губы и сузив глаза, она прикидывала и вычисляла их единственный шанс на спасение. Бэт, извиваясь на брюхе, отступал перед пустым воздухом и завывал как демон.

— Кинь мне бластер,— спокойно приказала Стина, как если бы они все еще сидели в «Королевском Ригеле».

И так же спокойно Клифф выполнил просьбу. Она поймала оружие на лету и прицелилась. Рука ее была тверда.

— Стой, где стоишь, и не двигайся! — предупредила она.— Назад, Бэт, замани его назад.

Испустив последний горловой вопль, полный гнева и ненависти, Бэт нырнул в убежище между ее башмаками. Она сдавила бластер большим и указательным пальцами и выпалила в комбинезон. Материал превратился в клочья пепла — за исключением нескольких кусков, все еще трепетавших над обожженным креслом. Они были невредимы, как будто нечто заслонило их от опалившего воздух разряда. Бэт подпрыгнул вверх с визгом, заставившим их поморщиться.

— Что за...— начал было снова Клифф.

Стина сделала предупредительное движение ладонью левой руки.

— Погоди!

Она напряженно следила за Бэтом. Кот как безумный дважды обежал рубку. Вокруг его глаз выступили белые ободки, морда была испачкана пеной. Затем он внезапно остановился в дверях, оглянулся назад и выдержал долгую, томительную паузу. Затем он чихнул.

Стина и Клифф тоже почуяли запах, густой, маслянистый, который не был обычным запахом, остающимся в воздухе после выстрела из бластера.

Бэт вернулся в рубку, пересекая ковер изящной по-

ступью почти на кончиках когтей. Проходя мимо Стины, он гордо поднял голову. Затем он еще несколько раз чихнул и дважды фыркнул в сторону несгоревших остатков комбинезона. Отдав таким образом дань поверженному врагу, он с наслаждением стал облизываться, мыть лапками морду, приводить в порядок мех. Стина облегченно вздохнула и плюхнулась в навигаторское кресло.

— Может быть, мне хоть теперь объяснят, что здесь, к черту, происходит? — взорвался Клифф, когда она вернула ему бластер.

— Серое,— сказала она изумленно,— оно было серого цвета, иначе я не смогла бы его увидеть. Видишь ли, я не различаю цветов. Я могу только различать оттенки серого. Весь мой мир серый. Как и у Бэта — его мир тоже серый серый. Все серое. Но у него есть компенсация. Он может видеть и ниже и выше нашей полосы восприятия. И, очевидно, я тоже это могу.

Ее голос дрожал, но она подняла подбородок, и на лице у нее было выражение, которого Клифф за ней раньше никогда не замечал — нечто вроде горделивого осознания своей ценности. Она отбросила назад свои удивительные волосы, но не спешила спрятать их под густой сеткой.

— Именно потому я и увидела эту тварь, когда она прошла между нами. На фоне твоего комбинезона оно дало иной оттенок серого — образовался силуэт. Тогда я сбросила свой комбинезон на кресло и стала ждать, когда оно появится на его фоне — это был наш единственный шанс, Клифф.

— Оно поначалу заинтересовалось нами, я думаю, и оно знало, что мы его не видим — поэтому оно не спешило нападать. Но когда действия Бэта выдали его присутствие, оно зашевелилось. Тогда я подождала, когда оно мелькнуло на фоне моего комбинезона, и выстрелила. Все очень просто...

Клифф засмеялся несколько неуверенно.

— Но что это могло быть? Я что-то не понимаю.

— Я думаю, это из-за него «Императрица» оказалась заброшенной. Что-то из космоса, может быть, или откуда-нибудь из другого мира,— она пожала плечами.— Оно невидимо, потому что его цвет не воспринимается нашими глазами. Оно, должно быть, обитало здесь все эти годы и убивало, когда удовлетворяло свое любопытство.

Она кратко описала сцену, происшедшую в каюте,

когда странное поведение ювелирных изделий выдало ей присутствие чего-то неопознанного.

Клифф не спешил возвращать бластер в кобуру.

— Думаешь, на борту могут быть еще и другие? — его не радовала такая перспектива.

Стина обернулась к Бэту. Тот тщательно вылизывал шерсть на груди, совершая ритуал полного омовения.

— Не думаю. Да и Бэт нам об этом доложит. Кажется, он их ясно видит.

Но других на борту не оказалось, и спустя две недели Клифф, Стина и Бэт привели «Императрицу» в лунные карантинные доки. И таким образом кончается история Стины, ибо, как говорится, счастливые супружества в летописцах не нуждаются. Стина нашла человека, который, узнав про ее серый мир, нашел не слишком обременительным для себя разделить этот серый мир с ней и Бэтом. Кажется, это был настоящий союз по любви.

Последний раз, когда я видел ее, она была одета в огненно-красный плащ ригельской выделки и носила на своих запястьях целое состояние в виде сияющих джованских рубинов. Клифф оплачивал официанту счет с трехзначной цифрой, а перед Бэтом стоял ряд стаканов с вернальским соком. Этакое счастливое семейство на отдыхе...

Эндри НОРТОН

МЫШЕЛОВКА

Помните старый анекдот про типа, который смастерил самую лучшую мышеловку, а потом едва справился с дельцами, проложившими государственное шоссе прямо к дверям его дома? Я однажды наблюдал нечто подобное в жизни — на Марсе.

Сэма Леваттса гиды туристских групп деликатно — ради местного колорита — именовали «пауком пустыни». «Спившийся забулдыга» было бы более подходящим определением. Он занимался горными изысканиями и излазил вдоль и поперек все сухие земли за пределами Террапорта. Из этих своих вылазок он приносил Звездные камни, Гормельскую руду и прочие безделушки, позволявшие ему сводить концы с концами и пить не просыхая. Надравшись, он грезил наяву и созерцал видения. По крайней мере, когда он, пьяный в стельку, заплетающимся языком пытался описать некую «прекрасную леди», то это было признано его очередной галлюцинацией, ибо леди в Террапорте не водятся, а в тех клоаках, кои любил удостаивать своими визитами Сэм, встречающиеся там особы женского пола под это определение никак не подходили.

Сэм продолжал такое вот мирное существование созерцателя грез до тех пор, пока его не повстречал Лен Коллинз и не началась операция «Мышеловка».

Любой самый темный турист, садящийся в Террапорте в пестро раскрашенный пескоход, немало наслышан о «песчаных монстрах». Те из них, которые еще до сих пор уцелели, являются собственностью туристских бюро. И, братцы, охраняются они так, как если бы составляли часть тайника с сокровищами Марсианской короны. (На этот тайник лет этак двадцать назад наткнулся Черный Скрэгг.) А охраняют их так потому, что эти монстры,

которые спокойно переносят песчаные бури и огромные перепады температур, рассыпаются в прах, стоит только коснуться их пальцем.

Нынче вы можете полюбоваться, скажем, «Человеком-пауком» или «Бронированной Жабой» с расстояния двадцати футов. И это все. Попробуйте приблизиться еще — схлопочете электрошок, так что тут же окажетесь на спине, копытами к планете Земля.

И с тех самых пор, как под чьими-то руками рассыпался в прах самый первый монстр, все музеи родной планеты установили совместную премию, которую они все время повышали в надежде, что объявится такой парень, который сможет придумать, как сцементировать песчаных чудовищ, чтобы можно было их транспортировать. Ко времени встречи Лена Коллинза и Сэма эта премия исчислялась уже астрономической цифрой.

Разумеется, все светлые головы, занятые в сфере производства клеев, аэрозолей и пластиков, многие годы пытались расколоть этот орешек. Беда в том, что, когда они выходили здесь из ракет и возвещали всему миру о потрясающих клейких свойствах очередного своего детища, их ожидало разочарование. Ибо оказывалось, что детище не на чем испытывать. Все известные монстры были наперечет — переписаны, застрахованы и персонально охраняемы под бдительной опекой Космического Десанта.

Но Лен Коллинз и в голове не держал надежды дорваться до этих сокровищ. Вместо этого он разыскал любимый притон Сэма Леваттса и его самого в нем и принялся раз за разом ставить тому выпивку. Через полчаса Сэм решил, что нашел себе друга по гроб жизни. После пятой дозы он излил новому приятелю свою сокровенную историю о Прекрасной Леди, которая обитает в тени двух красных скал — там, далеко отсюда,— последовало мановение ослабшей руки, указующей общее направление.

Лен тут же ощутил позыв к прекрасному и возжаждал приобщиться к возвышенному идеалу. Этим вечером он привязался к Сэму прочнее, чем обитатель Луны привязывается к своим кислородным баллонам. На следующее утро они покинули Террапорт на частном пескоходе, зафрахтованном Леном.

Спустя две недели Коллинз тихонечко прокрался назад в город и заказал беспересадочный билет до Нью-

Йорка. Он забурился в отель и сидел там, не высовывая носа, до самого последнего момента, когда надо было уже занимать место в ракете.

Сэм объявился в «Пламенной Птице» четырьмя ночами позже. На подбородке у него был устрашающий солнечный ожог, и он еле передвигал ноги от бессонницы. Кроме всего прочего, он был — впервые в истории Марса — холодно злобен и абсолютно трезв. И он сидел весь вечер и ничего крепче минеральной воды-из-канала не пил. И этим напугал до умопомрачения парочку-другую родственных душ.

Какой же телевизионщик не углядит в такой разительной перемене возможности сделать сюжет? Я всегда раз в неделю обходил вечером все притоны в поисках местного колорита для наших шестичасовых передач. И самое многообещающее и распаляющее любопытство из всего, что я обнаружил,— это внезапная смена пристрастия к напиткам у Сэма. Строго конфиденциально — наша передача идет для семейной и туристической публики — я начал прощупывать Сэма. Он на все мои намеки отвечал рычанием.

Тогда я прибегнул к удару ниже пояса, ненароком упомянув, что люди из Бюро Путешествий Трех Планет обнаружили еще одного цементных дел мастера в шоковом состоянии у всеми любимого монстра «Муравьиный Король». Сэм отхлебнул глоток минералки, погонял его языком в полости рта, проглотил, состроив гримасу, способную распугать всех монстров, и сам задал мне вопрос:

— Что думают ученые парни насчет того, откуда берутся все эти монстры?

Я пожал плечами.

— Все объяснения выеденного яйца не стоят. Они не могут вплотную изучить чудище, без того, чтобы его не разрушить. Это одна из причин, что назначена такая огромная премия тому, кто сможет как-то склеить этих тварей, чтобы их можно было потрогать руками.

Сэм извлек что-то из-под клапана кармана своего комбинезона. Это была фотография, снятая при не слишком хорошем освещении, но достаточно ясная.

Две огромных скалы изогнулись по направлению друг к другу, образуя почти завершенную арку, а под их защитой стояла женщина. По крайней мере ее стройное тело обладало отчетливыми изящными линиями, которые мы привыкли наблюдать у лучшей половины человечества.

Но, кроме того, у нее были крылья, распростертые в величественном взмахе, как будто она уже стояла на кончиках пальцев, готовая взлететь. Черты лица не были различимы ясно — только намеки, и это сразу же раскрывало тайну, кем она была на самом деле, ибо у всех песчаных монстров тонкие черты не различимы.

— Где?..— начал я.

Сэм сплюнул.

— Теперь уже нигде.

Он был угрюм, и лицо его заострилось. Он выглядел лет на десять моложе и гораздо крепче, чем обычно.

— Я нашел ее два года назад. И все время возвращался, чтобы просто поглядеть на нее. Она не была чудищем, как все остальные. Она была совершенна. А потом этот...— Сэм разразился потоком самой великолепной космической словесности, какую только доводилось слышать,—...этот Коллинз напоил меня настолько, что я показал ему, где она обитала. Он вырубил меня, опрыскал ее этим своим дерьмом и попытался погрузить в кузов пескохода. У него ничего не получилось. Она продержалась пять минут, а потом...

Он сцепил пальцы рук.

— ...пыль, все, что осталось, так же как и от всех остальных.

Я обнаружил, что не отрываясь разглядываю фотографию. И я начал осознавать, как во мне пробуждается желание оказаться с этим Коллинзом наедине, минуты этак на три или вроде этого. Большинство из тех песчаных скульптур, что я видел, были кошмарными тварями, без которых я запросто мог в своей жизни обойтись. Но эта, как верно заметил Сэм, чудищем не была. И статуя была единственной в своем роде. По крайней мере я ни о чем таком не слышал и ничего подобного не видел. Возможно, где-нибудь есть и еще такие — сухие земли пустыни не исследованы и на четверть.

Сэм кивнул, как будто мои мысли плавали вокруг нас в дымном воздухе.

— По крайней мере, можно попытаться поискать. Вреда от этого не будет. Я заметил кое-что общее у всех этих монстров — они всегда встречаются только вблизи скал. Красных скал, вроде этих,— он ткнул пальцем в карточку,— поросших чем-то вроде голубовато-зеленого мха.

Он вперил взгляд в стену кабака, но я понял, что его

взор уходит далеко за пределы всех стен и песчаных валов Террапорта, туда, на волю, в просторы сухих земель. И я мог только догадываться, что он говорит не обо всем, что знает или предполагает.

Фотокарточка не выходила у меня из головы. На следующий вечер я опять зашел в «Пламенную Птицу». Но Сэм не показывался. Зато среди завсегдатаев кружил слух, что он погрузил двухмесячный запас провизии и отбыл в пустыню. И это было последнее, что я о нем слышал на протяжении следующих недель. Только эта его крылатая женщина прокралась в мои сны, и я ненавидел Коллинза. Даже и изображение производило неизгладимое впечатление, но я бы отдал месячный заработок, чтобы увидеть оригинал.

В течение следующего года Сэм совершил три долгих путешествия, но о своих открытиях, если таковые были, помалкивал. Он бросил пить и поправил свои финансовые дела. Он привез из пустыни два зеленых Звездных камня, и их стоимость покрыла все его экспедиционные расходы. И он продолжал интересоваться монстрами и вечной проблемой вяжущего материала. Два ракетных пилота рассказывали мне, что он регулярно запрашивает с Земли все статьи по этому вопросу.

В сплетнях его уже именовали не иначе как «песчаным психом». Я сам почти поверил, что он свихнулся на этой почве, после того, как одним прекрасным утром, на рассвете, увидел его, выезжающего из города. Он ехал в своем исследовательском краулере, и на виду у всех, принайтовленная к водяным бакам, стояла самая нелепая штуковина, какую я только когда-либо видел,— огромная проволочная клетка!

Я пытался допереть хотя бы до какого-нибудь смысла, когда он замедлил ход, чтобы попрощаться со мной. Он увидел мои вытаращенные глаза, и на лице его прорисовалась ухмылка, и было в ней что-то порочное.

— Хочу заловить песчаную мышку, паря. Толковый мужик может многому научиться, просто наблюдая за песчаными мышами, будь спок — очень многому!

Марсианские песчаные мыши могут жить в песке. Считается также, что они могут есть и пить это распространенное в здешних краях вещество. Так что с земными своими тезками эти твари не схожи ни в одном своем проявлении. И никто в здравом уме не связывается с песчаными мышами. Я почти совсем тогда поверил, что

Сэм безнадежен, и гадал только, в какую форму в конце концов выльется его помешательство. Но когда через пару недель Сэм вернулся в город — с тем же оборудованием, минус клетка,— он продолжал ухмыляться. Если бы у Сэма был на меня зуб, то мне было бы плевать на эту ухмылку, а так я терялся в догадках.

А затем вернулся Лен Коллинз. И сразу же принялся за свои старые трюки — шатался по дешевым кабакам и прислушивался к разговорам изыскателей. Сэм в это время был в городе, и вскоре я наткнулся на них обоих в «Пламенной Птице». Они сидели за одним столом, как два вора перед дельцем. Сэм хлестал импортированное с Земли виски, как будто это была газированная вода-из-канала, а Лен окружал его заботой и вниманием, какие оказывает кот вылезающей из своей норки мыши.

К моему удивлению, Сэм окликнул меня и притянул к своему столику третий стул, настаивая, чтобы я к ним присоединился — к вящему неудовольствию Коллинза. Последнее обстоятельство меня не тронуло — я становлюсь толстокожим, если нападаю на след хорошей истории, и я подсел к ним. Подсел для того, чтобы услышать, как Сэм выбалтывает свои великие тайны. Он открыл нового монстра, перед которым бледнеет даже крылатая женщина,— нечто совсем уже потрясающее. А Коллинз слушал и облизывался и слюной истекал. Я попытался заставить Сэма заткнуться — с таким же успехом я мог бы попытаться прекратить песчаную бурю. А под конец он настоял, чтобы я присоединился к их экспедиции, дабы самолично узреть это великое чудо. Ну, я и присоединился.

Вместо пескохода мы взяли ветроплан. Бабки у Коллинза, видимо, водились, и на расходы он не скупился — так ему не терпелось поскорее все провернуть. За пилота был Сэм. Не знаю, заметил ли это Коллинз, но он был пьян в гораздо меньшей степени, чем тогда, когда трепался в «Пламенной Птице». И, отметив это, я слегка расслабился, чувствуя несколько большую уверенность в благополучном исходе всей авантюры.

Красные скалы, которые мы искали, торчали как клыки — целый ряд этих скал — довольно мрачное зрелище. С воздуха не было видно никаких скульптур, но они обычно находятся в тени таких вот утесов и сверху их трудно обнаружить. Сэм посадил ветроплан, и дальше мы двинулись пешком, утопая по щиколотку в песке.

Сэм мычал себе под нос какой-то мотивчик и шатался, пожалуй, более чем следовало бы — временами его заносило. Один раз он даже запел — у него был настоящий, довольно приятный баритон. Однако вперед мы продвигались без затруднений.

Коллинз нес небольшой бак, снабженный шлангом. И он так горел желанием его испытать, что буквально наступал Сэму на пятки. Когда Сэм наконец остановился, он врезался прямо в его спину. Но Сэм, кажется, этого даже не заметил. Он показывал пальцем перед собой и по-дурацки ухмылялся.

Я посмотрел в указанном им направлении, сгорая от нетерпения увидеть еще одну крылатую женщину или что-нибудь даже более удивительное. Но здесь не было ничего даже отдаленно напоминающего монстра, если не считать клубов чего-то зеленеющего, что выступало из песка на фут или около того.

— Ну и где же оно? — Коллинз, когда врезался в Сэма, споткнулся и упал на одно колено. Подымаясь, он обронил свое аэрозольное ружье.

— Прямо перед тобой,— Сэм продолжал показывать на зеленоватое образование.

Загорелое лицо Коллинза из помидорно-красного стало темно-пурпурным, когда он поглядел на этот отталкивающий нарост.

— Ты идиот! — только он не успел до конца прорычать «идиот». Он подскочил к зеленой кочке и пнул ее крепко и от всей души.

В это самое время Сэм плашмя рухнул в песок, не забыв и меня потянуть за собой. Его огромная лапища давила мне на загривок, прижимая к земле. Я порядочно глотнул песка и гравия и отчаянно пытался вырваться. Но Сэмова ручища крепко придавила меня к почве — я мог только дергаться, как наколотый на булавку жук.

До меня доносился какой-то приглушенный крик и странный чмокающий звук, идущий со стороны скал. Но Сэм продолжал прижимать меня к земле, так что я ничего не видел. Когда наконец он отпустил меня, я был вне себя и вскочил на ноги, сжимая кулаки. Но Сэм уже стоял поодаль, у скал. Он стоял подбоченившись и обозревая что-то с явным и нескрываемым удовлетворением.

Ибо теперь там действительно *был* монстр — антропоидная фигура из красного материала и с размытыми

чертами. Не из тех чудищ, что я в свое время видывал, но тоже достаточно странное создание.

— Ну-ка, посмотрим, может, это его гениальное изобретение на этот раз сработает!

Сэм проворно поднял бак, направил конец шланга на монстра и, выпустив тонкую струю бледно-голубого аэрозоля, стал обрабатывать ею полусогнутую фигуру.

— Но...— я все еще отплевывал песок и только начал соображать, что же здесь произошло.— Неужели эта... эта *штука*...

— Коллинз? Точно. Ему не следовало бы таким вот образом демонстрировать свой крутой норов. Слишком любил пинаться. Он и *ее* пнул, когда она начала рассыпаться, так что я рассчитывал, что он и сейчас это проделает. А эти зеленые сферы, они такие — только задень их да позволь той твари, что скрыта у них внутри, добраться до тебя, и — бац! — готов монстр! Я это обнаружил пару месяцев назад, когда за мной гналась песчаная мышь. Тварь приблизилась слишком близко к одной из этих штук. Надо полагать, думала больше об обеде, чем об опасности, и вдруг — бабах — готово! Гналась за мной еще одна мышь, и снова на дороге такая же пушистая сфера. Я через нее перепрыгнул, а мышь с ходу врезалась — та же история. Ну, думаю, тут все ясно. Глянь, Джим, на этот раз, кажется, у него получилось!

Он ткнул пальцем в протянутую руку монстра, и ничего не произошло. Статуя выглядела прочной.

— Так значит, все эти твари были когда-то живыми! — я слегка вздрогнул, вспомнив облик некоторых из них.

Сэм кивнул.

— Возможно, не все они обитали на Марсе — слишком много разных видов обнаружено. Земляне наверняка не первые, кто высаживался здесь на своих ракетах. Наверняка человек-муравей и эта гигантская жаба никогда не жили вместе. Когда-нибудь я прикуплю межзвездный корабль и отправлюсь на поиски мира, откуда прилетела сюда моя крылатая леди. Бедняга! Здешняя атмосфера слишком разрежена, чтобы она могла летать на своих крыльях.

— Ну а теперь, Джим, если ты мне поможешь, то мы доставим это произведение искусства в Террапорт. Сколько миллионов кредитов обещали ученые парни тому, кто доставит хоть одну такую штуку в целости и сохранности?

Он был настроен так по-деловому, что я, ни слова не говоря, просто подчинился ему. И он таки сорвал с ученых приличный куш — настолько приличный, что смог купить себе межзвездный корабль. И теперь он странствует где-то там, исследуя Млечный Путь, разыскивая свою крылатую леди. А уникальный монстр находится сейчас в Межпланетном Музее. Толпы туристов приходят, чтобы поглазеть на него. Что касается меня — я избегаю красных скал, зеленых пушистых сфер и никогда, никогда не пинаю предметы, вызвавшие почему либо мое неудовольствие — себе дороже.

Лестер дель РЕЙ
Урсула Ле ГУИН
Роберт ШЕКЛИ
Эрик Фрэнк РАССЕЛ
Рэй БРЭДБЕРИ
Джеймс ПОЛЛАРД

Координаты чудес

Лестер дель РЕЙ

КРЫЛЬЯ НОЧИ

— Черт подери всех марсияшек! — тонкие губы Толстяка Уэлша выплюнули эти слова со всей злобой, на какую способен оскорбленный представитель высшей расы.— Взяли такой отличный груз, лучшего иридия ни на одном астероиде не сыщешь, только-только дотянули до Луны — и, не угодно ли, опять инжектор барахлит. Ну, попадись мне еще разок этот марсияшка...

— Ага.— Тощий Лейн нашарил позади себя гаечный ключ с изогнутой рукояткой и, кряхтя и сгибаясь в три погибели, снова полез копаться в нутре машинного отделения.— Ага. Знаю. Сделаешь из него котлету. А может, ты сам виноват? Может, марсиане все-таки тоже люди? Лиро Бмакис тебе ясно сказал, чтоб полностью разобрать и проверить инжектор, нужно два дня. А ты что? Заехал ему в морду, облаял его дедов и прадедов и дал ровным счетом восемь часов на всю починку. А теперь хочешь, чтоб он при такой спешке представил тебе все в ажуре... Ладно, хватит, дай-ка лучше отвертку.

К чему бросать слова на ветер? Сто раз он спорил с Уэлшем — и все без толку. Толстяк — отличный космонавт, но начисто лишен воображения, никак не позабудет бредятину, которой пичкает своих граждан Возрожденная империя: о высоком предназначении человека, о божественном промысле — люди, мол, для того и созданы, чтоб помыкать всеми иными племенами. А впрочем, если бы Толстяк его и понял, так ничего бы не выиграл. Лейн и высоким идеалам цену знает, что от них толку.

Он-то к окончанию университета получил лошадиную дозу этих самых идеалов да еще солидное наследство — хватило бы на троих — и вдохновенно ринулся в бой. Писал и печатал книги, произносил речи, беседовал с официальными лицами, вел переговоры в кулуарах, вступал

в разные общества и сам их создавал и выслушал по своему адресу немало брани. А теперь он, ради хлеба насущного, перевозит грузы по трассе Земля — Марс на старой, изношенной ракете; на четверть ракета — его собственность. А тремя четвертями владеет Толстяк Уэлш, который возвысился до этого без помощи каких-либо идеалов, хотя начинал уборщиком в метро.

— Ну? — спросил Толстяк, когда Лейн вылез наружу.

— Ничего. Не могу я это исправить, слабовато разбираюсь в электронике. Что-то разладилось в реле прерывателя, но по индикаторам не поймешь, где непорядок, а наобум искать опасно.

— Может, до Земли дотянем?

Тощий покачал головой.

— Навряд ли. Лучше сядем где-нибудь на Луне, если ты сумеешь дотащить нашу посудину. Тогда, может, и найдем поломку, прежде чем кончится воздух.

Толстяку тоже это приходило в голову. Пытаясь как-то уравновесить перебои в подаче горючего и кляня лунное притяжение — хоть и слабое, оно порядком мешало,— он повел ракету к намеченному месту: посреди небольшой равнины он высмотрел на редкость чистую и гладкую площадку, без каменных обломков и выбоин.

— Пора бы тут устроить аварийную станцию,— пробурчал он.

— Когда-то станция была,— сказал Лейн.— Но ведь на Луну никто не летает, и пассажирским кораблям тут садиться незачем, проще выпустить закрылки и сесть в земной атмосфере, чем тратить здесь горючее. А грузовики вроде нас не в счет. Странно, какая ровная и чистая эта площадка, мы в миле, не выше, и ни одной метеоритной царапинки не видно.

— Стало быть, нам повезло. Не хотел бы я шлепнуться в какой-нибудь кратеришко и сбить дюзу или пропороть обшивку.— Толстяк взглянул на высотометр и на указатель скорости спуска.— Мы здорово грохнемся. Если... эй, что за черт?

Тощий Лейн вскинул глаза на экран: в тот миг, как они готовы были удариться о поверхность, ровная площадка раскололась надвое, половинки плавно скользнули в стороны — и ракета стала медлительно опускаться в какой-то кратер; он быстро расширялся, дна не было видно; рев двигателей вдруг стал громче. А экраны верхнего обзора показали, что над головой опять сошлись

две прозрачные пластины. Веря и не веря собственным глазам, Лейн уставился на указатель высоты.

— Опустились на сто шестьдесят миль и попались в ловушку! Судя по шуму, тут есть воздух. Что за капкан, откуда он взялся? Бред какой-то!

— Сейчас не до того. Обратно не проскочить, пойдем вниз, а там разберемся. Черт, неизвестно еще, какая внизу площадка.

В таких вот случаях очень кстати, что Толстяк не страдает избытком воображения. Делает свое дело — опускается в исполинском кратере, будто на космодроме в Йорке, и занят только неравномерностью вспышек из-за барахлящего инжектора, а что ждет на дне, ему плевать. Тощий удивленно посмотрел на Толстяка, потом вновь уставился на экраны — может, удастся понять, кто и зачем построил этот капкан.

Лъин лениво поворошил кучку песка и истлевшего сланца, выудил крохотный красноватый камешек, с первого раза не замеченный, и медленно поднялся на ноги. Спасибо Великим, очень вовремя они послали ему осыпь: старые грядки столько раз перерыты, что уже совсем истощились. Чуткими ноздрями он втянул запах магния, немножко пахло железом, и серы тут сколько угодно, все очень, очень кстати. Правда, он-то надеялся найти медь — хоть щепотку. А без меди...

Он отогнал эту мысль, как отгонял уже тысячи раз, и подобрал грубо сработанную корзину, набитую камешками пополам с лишайником, которым заросла эта часть кратера. Одной рукой растер в пыль осколок выветрившегося камня заодно с клочком лишайника и все вместе отправил в рот. Благодарение Великим за эту осыпь! Приятно ощущать на языке душистый магний, и лишайник тоже вкусный, сочный, потому что почва вокруг неистощенная. Если бы еще хоть крупицу меди...

Лъин печально вильнул гибким хвостом, крякнул и побрел назад, к себе в пещеру; мельком глянул вверх, на далекий свод. Там, наверху, за много миль, ослепительно сверкал луч света и, постепенно слабея и тускнея, слой за слоем пронизывал воздух. Значит, долгий лунный день близится к полудню, скоро солнце станет прямо над сторожевым шлюзом, и луч будет падать отвесно. Шлюз чересчур высоко, отсюда не увидишь, но Лъин знает: там, где покатые стены исполинской долины упираются

в свод, есть перекрытое отверстие. Долгие тысячелетия вырождалось и вымирало племя Лъина, а свод все держится, хоть опорой ему служат только стены, образующие круг около пятидесяти миль в поперечнике, неколебимые, куда более прочные, чем сам кратер — единственный и вечный памятник былому величию его народа.

Лъин об этом не задумывался, он просто з н а л: свод не создан природой, его построили в те времена, когда Луна теряла остатки разреженной атмосферы и племя напоследок вынуждено было искать прибежища в самом глубоком кратере, где кислород можно было удержать, чтобы не улетучивался. Лъин смутно ощущал протекшие с тех пор века и дивился прочности сводчатой кровли, над которой не властно время.

Некогда народ его был велик и могуч, тому свидетельство — исполинская долина под сводом. Но время не не щадило его предков, оно состарило весь народ, как старило каждого в отдельности, отнимало у молодых силу и растило в них медленные, сосущие всходы безнадежности. Какой смысл прозябать здесь, взаперти, одинокой малочисленной колонией, не смея выйти на поверхность собственной планеты? Их становилось все меньше, они позабыли многое, что знали и умели прежде. Машины сломались, рассыпались в прах, и новыми их не заменили; племя вернулось к первобытному существованию, кормилось камнем, который выламывали из стен кратера, да выведенными уже здесь, внизу, лишайниками, что могли расти без солнечного света, усваивая энергию радиоактивного распада. И с каждым годом на грядках сажали все меньше потомства, но даже из этих немногих зерен прорастала лишь ничтожная доля, и от миллиона живущих остались тысячи, потом только сотни и под конец — горсточка хилых одиночек.

Лишь тогда они поняли, что надвигается гибель, но было уже поздно. Когда появился Лъин, в живых оставалось только трое старших, и остальные семена не дали ростков. Старших давно нет, уже многие годы Лъин в кратере один. Бесконечно тянется жизнь, вся она — только сон, да поиски пищи, да еще мысли, вечно одни и те же, а тем временем его мертвый мир больше тысячи раз обращал свое лицо к свету и вновь погружался во тьму. Однообразие медленно убивало его народ, уже скоро оно доведет свое дело до конца. Но Лъина не тяготит такая жизнь, он привык и не замечает скуки.

Он брел неспешно, в лад медлительному течению мыслей, долина осталась позади, вот и дверь жилища, которое он выбрал для себя среди множества пещер, вырезанных в стенах кратера. Он постоял еще под рассеянным светом далекого солнца, пережевывая новую порцию камня пополам с лишайником, потом вошел к себе. В освещении он не нуждался: еще в незапамятные времена, когда народ его был молод, камень стен насытили радиоактивностью, и глаза Лъина улавливали световые волны едва ли не любой длины. Через первую комнату мимо сплетенной из лишайников постели и кое-какой нехитрой утвари он прошел дальше: в глубине помещалась детская, она же и мастерская; неразумная, но упрямая надежда влекла его в самый дальний угол.

И, как всегда, понапрасну. В ящике, полном плодородной почвы, рыхлой, мягкой, заботливо политой, ни намека на жизнь. Ни единый красноватый росток не проклюнулся, никакой надежды на будущее. Зерно не проросло, близок час, когда всякая жизнь на родной планете угаснет. С горечью Лъин отвернулся от детской грядки.

Недостает такой малости — и это так много! Съесть бы всего несколько сот молекул любой медной соли — и зерна, зреющие в нем, дали бы ростки; или прибавить те же молекулы к воде, когда поливаешь грядку,— и проросли бы уже посеянные семена, выросли бы новые крепкие мужчины или, может, женщины. Каждый из племени Лъина носил в себе и мужское, и женское начало, каждый мог и в одиночку дать зерно, из которого вырастут дети. И пока еще жив хоть один из племени, можно за год взрастить на заботливо ухоженной почве сотню молодых... если б только добыть животворный гормон, содержащий в себе медь.

Но, как видно, не суждено. Лъин склонился к тщательно сработанному перегонному аппарату из выточенных вручную каменных сосудов и гибких стержней, скрепленных и связанных в трубки, и оба его сердца тоскливо сжались. Сухой лишайник и липкая смола все еще питали собою медленный огонь, и медленно сочилась из последней трубки капля за каплей и падала в каменную чашу. Но и от этой жидкости не исходит ни намека на запах медной соли. Что ж, значит, не удалось. Все, что за многие годы дал перегонный аппарат, Лъин подмешивал к воде, поливая грядку, почва детской всегда влажная, но ей не хватило минерала жизни. Почти бесстрастно Лъин

вложил вечные металлические свитки, хранящие мудрость его племени, обратно в футляры и принялся разбирать на части химическое отделение мастерской.

Остается еще один путь, он труднее, опаснее, но иного выхода нет. Старинные записи говорят, что где-то под самым сводом, где воздух уже слишком разрежен и дышать нечем, есть вкрапления меди. Значит, нужен шлем, баллоны со сжатым воздухом; и еще крючья и скобы, чтобы взбираться по разъеденной временем древней дороге наверх, по лестнице, где разрушена половина ступеней; и нужны инструменты, распознающие медь, и насос, чтобы наполнить баллоны. Потом придется подтащить множество баллонов к началу подъема, устроить склад и, поднимаясь наверх, постепенно поднимать их тоже, устраивать новые склады, пока цепь запасов не достигнет самого верха... и тогда, быть может, он найдет медь для возрождения.

Он старался не думать о том, сколько на все это понадобится времени и как мала надежда на успех. Нажал педаль — заработали маленькие мехи, в примитивной кузнице вспыхнули язычки голубого пламени; он достал металлические слитки — надо раскалить их, чтобы поддавались ковке. Вручную придать им ту форму, какой требуют старинные записи и чертежи,— задача почти немыслимая — и все же надо как-то справиться. Его народ не должен умереть!

Прошли долгие часы, а он все работал, и вдруг по пещере разнесся высокий пронзительный звук. В энергополе над створчатым шлюзом свода появился метеорит — и, видно, огромный! Такого, чтоб ожили защитные экраны, на памяти Лъина еще не бывало, и он думал, что механизм больше не действует, хоть и рассчитан был на века, ведь Солнце должно питать его своей энергией, пока не погаснет. В растерянности стоял он, глядя на дверь, и вот свистящий звук повторился.

Если сейчас же не нажать решетку вводного устройства, автоматически включатся отклоняющие силы, и метеорит упадет в стороне от свода. Лъин не успел об этом подумать, просто кинулся вперед и прижал пальцы к решетчатой панели. Потому-то он и поселился именно в этой пещере, некогда здесь помещалась стража, в далеком прошлом она впускала и выпускала немногочисленные ракеты-разведчики. Решетка на миг засветилась,

значит, метеорит вошел в кратер, и Лъин опустил руку, чтобы створы шлюза сошлись вновь.

И направился к выходу, нетерпеливо ожидая падения метеорита. Быть может, Великие добры и наконец отозвались на его мольбы. Раз он не может найти медь у себя дома, они посылают ему дар извне — а вдруг это баснословное богатство? Быть может, метеорит так велик, что еле уместится в ладони! Но почему он все еще не упал? Цепенея от страха, Лъин тревожно всматривался в далекий свод — неужели он опоздал и защитные силы отбросили метеорит прочь?

Нет, вон блеснул огонек — но не так должен бы вспыхнуть такой большой метеорит, врезаясь в сопротивляющийся воздух! До слуха наконец донесся сверлящий, прерывистый вой — метеорит должен бы звучать совсем иначе. В недоумении Лъин всмотрелся еще пристальней — да, вот он, гость, не падает стремглав, а опускается неторопливо, и яркий свет не угасает позади, а обращен вниз. Но это значит... это может означать только одно — разумное управление. Ракета!!!

На миг у Лъина все смешалось в голове — уж не возвращаются ли предки из какого-то другого, неведомого убежища? Или сами Великие решили его посетить? Но, привыкший рассуждать здраво, он отверг эти нелепые догадки. Не могла такая машина прилететь из безжизненных лунных пустынь, а только со сказочной планеты, что находится под его родным миром, либо с тех, которые обращаются вокруг Солнца по другим орбитам. Неужели там есть разумная жизнь?

Он мысленно перебирал в памяти записи, оставшиеся со времен, когда предки, пересекая космос, летали к соседним планетам — задолго до того, как было построено убежище в кратере. Основать там колонии не удалось, непомерно велика оказалась сила тяжести, но космонавты подробно осмотрели другие миры. На второй планете жили только чешуйчатые твари, скользящие в воде, да причудливые папоротники на редких клочках суши; на планете, вокруг которой обращается его родной мир, кишели исполинские звери, а сушу покрывали растения, глубоко уходящие корнями в почву. На этих двух не нашлось ни следа разума. Вот четвертую планету населяли существа более понятные, схожие с предшественниками его народа на долгом пути эволюции: жизнь не разделялась на животную и растительную, то и другое сочеталось

в единстве. Шарообразные комочки живого вещества, движимые инстинктом, уже стягивались в стайки, но еще не могли общаться друг с другом. Да, из всех известных миров, вероятнее всего, именно там развился разум. Если же каким-то чудом ракета все-таки прилетела с третьего мира, надеяться не на что: слишком он кровожаден, это ясно из древних свитков, на каждом рисунке свирепые чудища, огромные, как горы, раздирают друг друга в клочья. Лъин услыхал, как опустился где-то поблизости корабль, и, полный страхов и надежд, направился к нему, туго свернув хвост за спиной.

Увидав у открытого люка двух пришельцев, он тотчас понял, что ошибся. Эти существа сложены примерно так же, как и он, хотя гораздо крупней и массивнее. Значит, с третьей планеты. Он помедлил, осторожно наблюдая: они озираются по сторонам и явно рады, что тут есть чем дышать. Потом одно что-то сказало другому. Новое потрясение!

Оно говорит внятно, интонации явно разумны, но сами звуки — бессмысленное лопотанье. И это — речь?! Должно быть, все же речь, хотя в словах ни малейшего смысла. Впрочем... как там, в старинных записях? Сла-Вольнодумец полагал, будто в древности у жителей Луны не было речи, они сами изобрели звуки и каждый наделили значением, и лишь после долгих веков привычка к звуковой речи преобразилась в инстинкт, с которым младенец рождался на свет; Вольнодумец даже подвергал сомнению ту истину, что сами Великие предусмотрели речь, осмысленные звуки как неизбежное дополнение к разуму. И вот... кажется, он был прав. Ощупью пробиваясь в тумане нежданного открытия, Лъин собрал свои мысли в направленный луч.

И опять потрясение. Умы пришельцев оказались почти непроницаемы, а когда он наконец нашел ключ и начал нащупывать их мысли, стало ясно, что они его мыслей читать не могут! И однако они разумны. Но тот, на котором он сосредоточился, наконец его заметил и порывисто ухватился за второго. Слова по-прежнему были корявые, нелепые, но общий смысл сказанного человек с Луны уловил:

— Толстяк, это что такое?!

Второй пришелец обернулся и уставился на подходящего к ним Лъина.

— Не поймешь. Какая-то сухопарая обезьяна в три фута ростом. По-твоему, она не опасная?

— Навряд ли. Может быть, даже разумная. Этот купол наверняка сработала не какая-нибудь горсточка переселенцев — сразу видно, постройка не человеческая. Эй! — обратился к лунному жителю пришелец, который мысленно называл себя Тощим, хотя с виду был большой и плотный.— Ты кто такой?

— Лъин,— ответил тот, подходя ближе, и ощутил в мыслях Тощего удивление и удовольствие.— Лъин. Я — Лъин.

— Пожалуй, ты прав, Тощий,— проворчал Толстяк.— Похоже, он тебя понимает. Любопытно, кто прилетал сюда и обучил его говорить по-людски?

Лъин немного путался, не сразу удавалось различить и запомнить значение каждого звука.

— Не понимает людски. Никто прилетал сюда. Вы... Дальше слов не хватало, он шагнул поближе, показывая на голову Тощего и на свою. К его удивлению, Тощий понял.

— Видимо, он читает наши мысли. Это телепатия.

— Ишь ты! Марсияшки тоже толкуют, будто они таким манером друг друга понимают, а вот чтоб они у человека мысли прочитали, я ни разу не видал. Они толкуют, будто у нас мозги как-то не так открываются. Может, эта обезьяна, Рим этот, тебе все врет.

— Ну, вряд ли. Посмотри-ка на тестер, вон какая радиоактивность. Если бы здесь побывали люди и вернулись, об этом бы уже всюду кричали. Кстати, его зовут не Рим, больше похоже на Лин, а по-настоящему нам не выговорить.— Он послал мысль Лъину, и тот послушно повторил свое имя.— Видишь? У нас «л» — плавный звук, а у него взрывной. А согласный на конце он произносит как губной, хотя и похоже на наш зубной. В нашей речи таких звуков нет. Интересно, насколько он разумен.

Не успел Лъин составить подходящий ответ, как Тощий нырнул в люк корабля и через минуту вернулся с пакетиком под мышкой.

— Космический разговорник,— объяснил он Толстяку.— По таким сто лет назад обучали марсиан.— И обратился к Лъину: — Тут собраны шестьсот самых ходовых слов нашего языка и расположены так, чтобы как можно легче их постепенно усвоить. Смотри на картинки, а я

буду говорить и думать слова. Ну-ка, о-дин... два... понимаешь?

Толстяк Уэлш некоторое время смотрел и слушал и отчасти потешался, но скоро ему это надоело.

— Ладно, Тощий, можешь еще понянчиться со своим туземцем, вдруг узнаешь что-нибудь полезное. А пока ты не принялся за ремонт, я пойду осмотрю стены, любопытно, что тут есть радиоактивного. Эх, жаль, на наших грузовиках передатчики никудышные, вызывай не вызывай — далеко не услышат.

И он побрел прочь, но Лъин и Тощий этого даже не заметили. Они поглощены были нелегкой задачей — найти средства общения; казалось бы, за считанные часы, при совсем разном жизненном опыте это неосуществимо. Но как ни странны были чужие звуки и сочетания слов, как ни причудливо соединялись они в значимые группы, в конце концов, это была всего лишь речь. А Лъин появился на свет, уже владея речью чрезвычайно сложной, но для него естественной, как дыхание. Усиленно кривя губы, он один за другим одолевал трудные звуки и неизгладимо утверждал в мозгу их значение.

Под конец Толстяк, идя на голоса, отыскал их в пещере Лъина, уселся и смотрел на них, точно взрослый на малыша, играющего с собакой. Не то чтобы Лъин вызывал у него недоброе чувство, но и человеком Толстяк его не считал: так, смышленое животное, вроде марсиан или дикарей с Венеры; ну, а если Тощему угодно обращаться с ним как с равным, пускай покуда тешится.

Лъин смутно улавливал и эти мысли, и еще другие, более опасные; но его слишком захватило общение с живым разумом, ведь почти столетие он провел в полном одиночестве. А было кое-что и поважнее. Он подергивал хвостом, разводил руками и усердно одолевал земные звуки. Тощий, как мог, поспевал за ним.

Наконец землянин кивнул:

— Кажется, я понял. Все, кроме тебя, уже умерли, и тебе очень не по душе, что выхода никакого нет. Гм-м. Мне такое тоже не понравилось бы. И теперь ты думаешь, что эти твои Великие, а по-нашему бог, послали нас сюда поправить дело. А как поправить?

Лъин просиял, лицо его сморщилось и скривилось от удовольствия, и он не сразу понял, что Тощий неверно истолковал эту гримасу. Намерения у Тощего добрые. Если он поймет, в чем нужда, он, пожалуй, охотно даст

меди, ведь из древних записей известно, что третья планета богаче всех минералами.

— Нужен Нра. Жизнь получается от того, что из многих простых вещей делается одна не простая: воздух, что надо для питья, что надо для еды — это все у меня есть, и я живу. А чтобы начаться новой жизни, нужен Нра. Он — начало начал. Само зерно неживое, будет Нра — оно оживет. Только у меня нет слова.

С нетерпением он ждал, пока Тощий все это усвоит.

— Какой-то витамин или гормон, что ли? Вроде витамина E_6? Может, мы и могли бы его сделать, если...

Лъин кивнул. Да, конечно, Великие добры. На обоих сердцах у него потеплело от мысли о многих заботливо укрытых про запас зернах, их можно прорастить, была бы только желанная медь. А теперь человек с Земли готов ему помочь. Еще немножко терпения — и все будет хорошо.

— Делать не надо! — весело пропищал он.— Простая штука. Зерно или я — мы можем сделать внутри себя. Но для этого нам нужен Нра. Смотри.

Он взял камешки из корзины, размял в горсти, старательно разжевал и знаками показал, что у него внутри камень изменяется.

Толстяк Уэлш заинтересовался:

— А ну, обезьяна, съешь еще!

Лъин охотно повиновался. Как странно — значит, сами они едят только то, что приготовили для них другие живые существа.

— Ух, черт! Он лопает камни... самые настоящие камни! Слушай, Тощий, у него что же, зоб, как у птицы?

— Он их переваривает. Почитай-ка о прамарсианах, они были наполовину животные, наполовину растения, и у него, очевидно, обмен веществ идет так же. Вот что, Лин, как я понимаю, тебе нужен какой-то химический элемент. Натрий, кальций, хлор? Нет, этого всего здесь, должно быть, хватает. Может, иод? Гм-м.

Он перечислил десятка два элементов, которые, по его соображениям, могли как-то содействовать жизни, но меди среди них не оказалось, и в мысли лунного жителя понемногу закрадывался страх. Неужели этот странный барьер, мешающий им понимать друг друга, все погубит?!

Где же выход? И вдруг он вздохнул с облегчением. Ну конечно, общего слова нет, но структура химического элемента всюду одна и та же. Он торопливо перелистал

разговорник, нашел чистую страницу и взял у землянина карандаш. Толстяк и Тощий смотрели во все глаза, а Лъин тщательно, начиная от центра, частицу за частицей, вычертил строение атома меди, открытое великими физиками его народа.

И они ничего не поняли! Тощий покачал головой и вернул листок.

— Насколько я догадываюсь, приятель, это схема какого-то атома... но тогда нам, на Земле, еще учиться и учиться! — Он даже присвистнул.

Толстяк скривил губы:

— Если это атом, так я сапог всмятку. Пошли, Тощий, уже время спать, а ты полдня валял дурака. И потом надо помозговать насчет этой самой радиации. Мы бы тут с тобой спеклись в полчаса, спасибо, надели походные нейтрализаторы... а обезьяне это, видно, только на пользу. И у меня есть одна идея.

Тощий вышел из мрачного раздумья и посмотрел на часы.

— Ах, черт! Послушай, Лин, ты не падай духом, завтра мы это еще обсудим. А сейчас Толстяк прав, нам с ним пора спать. До скорого, приятель!

Лъин кивнул, на время прощаясь с ними на родном языке, и тяжело опустился на жесткое ложе. За дверью Толстяк с жаром начал развивать некий план — как с помощью Лъина добывать радиоактивные вещества; послышался протестующий голос Тощего. Но Лъину было не до того. Атом меди он, конечно, изобразил правильно, однако наука землян делает еще только первые шаги, они слишком мало знают о строении атома, им не разобраться в его чертежах.

Писать химические формулы? Реакции, которые исключат один за другим все элементы, кроме меди? Будь они химиками, они, может, и поняли бы, но даже Тощий знает слишком мало. И все же какой-то выход должен быть, разве что на Земле вовсе нет меди. Уж наверно, Великие, которых земляне называют богом, не отозвались бы на мольбы многих поколений злой насмешкой. Выход есть — и, пока пришельцы спят, Лъин его найдет, хотя бы в поисках ключа пришлось перерыть все древние свитки.

Несколько часов спустя, вновь полный надежд, он устало брел по долине к земному кораблю. Найденное решение оказалось простым. Все элементы объединяются по семействам и классам. Тощий упоминал о натрии —

даже по самым примитивным таблицам, какими, несомненно, пользуются на Земле, можно установить, что натрий и медь относятся к одному семейству. А главное, по простейшей теории, наверняка доступной народу, уже строящему космические ракеты, атомный номер меди — двадцать девять.

Оба люка были открыты, Лъин проскользнул внутрь, безошибочно определяя направление по колеблющимся, смутным мыслям спящих людей. Дошел до них — и остановился в сомнении. Он ведь не знает их обычаев, но уже убедился: то, что для его народа было истиной, далеко не всегда правильно для землян. Вдруг им не понравится, если он их разбудит? В нем боролись учтивость и нетерпение; наконец он присел на корточки на металлическом полу, крепко сжимая древний свиток и принюхиваясь к окружающим металлам. Меди здесь не было, но он и не надеялся так просто найти столь редкий элемент; впрочем, тут были и такие, которых он совсем не мог определить,— должно быть, из тяжелых, какие на Луне почти не существуют.

Толстяк что-то пробурчал, замахал руками, зевнул и сел, еще толком не проснувшись. Его мысли полны были кем-то с Земли, в ком присутствовало женское начало (которого, как уже заметил Лъин, оба гостя были лишены), и еще тем, что станет делать он, Толстяк, «когда разбогатеет». Лъин живо заинтересовался изображениями этой мысли, но потом спохватился: тут явно секреты, не следует в них проникать без спроса. Он отвел свой ум, и тогда-то землянин его заметил.

Спросонья Толстяк Уэлш всегда бывал не в духе. Он вскочил, зашарил вокруг в поисках чего-нибудь тяжелого.

— Ах ты, подлая обезьяна! — взревел он.— Чего шныряешь? Вздумал нас прирезать?

Лъин взвизгнул и увернулся от удара, который расплющил бы его в лепешку; непонятно, в чем он провинился, но безопаснее уйти. Физический страх был ему незнаком, слишком много поколений жило и умерло, не нуждаясь в этом чувстве. Но его ошеломило открытие, что пришельцы способны убить мыслящее существо. Неужели на Земле жизнь ничего не стоит?

— Эй, брось! Прекрати! — Шум разбудил Тощего; Лъин мельком оглянулся: Тощий сзади схватил Толстяка и не давал шевельнуть рукой.— Полегче, слышишь! Что у вас тут?

Но Толстяк уже окончательно проснулся и остывал. Выпустил из рук металлический брус, криво усмехнулся.

— Сам не знаю. Может, он ничего худого и не задумал, только я проснулся — вижу, он сидит, пялит на меня глаза, а в руках железка, ну, мне и показалось — он хочет перерезать мне глотку или вроде того. Я уже очухался. Поди сюда, обезьяна, не бойся.

Тощий выпустил его и кивнул Лъину:

— Да-да, приятель, не уходи. У Толстяка свои заскоки насчет людей и нелюдей, но в общем-то он добрый. Будь хорошей собачкой, и он не станет пинать тебя ногами, даже за ухом почешет.

— Чушь! — Толстяк ухмылялся, добродушие вернулось к нему. Он понимал, что Тощий острит, но не обижался. Марсияшки, обезьяны... ясно, они не люди, с ними и разговор другой, ничего плохого тут нет.— Что ты притащил, обезьяна? Опять картинки, в которых никакого смысла нету?

Лъин кивнул, подражая их жесту, означающему согласие, и протянул свиток Тощему. Толстяк держится уже не враждебно, однако неясно, чего от него ждать, а Тощему, видимо, интересно.

— Надеюсь, в картинках много смысла. Вот Нра — двадцать девятый, под натрием.

— Периодическая таблица,— сказал Тощий Толстяку.— По крайней мере, похоже. Дай-ка мне справочник. Гм-м. Под натрием, номер двадцать девятый. Натрий, калий, медь. Двадцать девятый, все правильно. Это оно и есть, Лин?

Глаза Лъина сверкали торжеством. Благодарение Великим!

— Да, это медь. Может быть, у вас найдется? Хотя бы один грамм?

— Пожалуйста, хоть тысячу граммов. По твоим понятиям, у нас ее до отвала. Бери сколько угодно.

И тут вмешался Толстяк.

— Ясно, обезьяна, у нас есть медь, если это ты по ней хныкал. А чем заплатишь?

— Заплатишь?

— Ясно. Что дашь в обмен? Мы помогаем тебе, а ты нам — справедливо?

Лъину это не приходило в голову,— но как будто справедливо. Только что же он может им дать? И тут он понял, что у землянина на уме. За медь ему, Лъину, придется

работать: выкапывать и очищать радиоактивные вещества, с таким трудом созданные в пору, когда строилось убежище; вещества, дающие тепло и свет, нарочно преобразованные так, чтобы утолять все нужды племени, которому предстояло жить в кратере. А потом работать придется его сыновьям и сыновьям сыновей, добывать руду, выбиваться из сил ради Земли, и за это им будут платить медью — в обрез, только-только чтобы Земле хватало рудокопов. Мозг Толстяка снова захлестнули мечты о том земном создании. И ради этого он готов обречь целый народ прозябать без гордости, без надежд, без свершений. Непостижимо! На Земле так много людей — для чего им обращать Лъина в раба?

И рабство — это еще не все. В конце концов Земля пресытится радиоактивными материалами, либо, как ни велики запасы, они иссякнут — и нечем будет поддерживать жизнь... так или иначе — впереди гибель. Лъин содрогнулся: слишком страшный навязывают выбор.

Тощий опустил руку ему на плечо.

— Толстяк немного путает, Лин. Верно, Толстяк?

Пальцы Тощего сжимали что-то... «Оружие»,— смутно понял Лъин. Второй землянин поежился, но усмешка не сходила с его лица.

— Дурень ты, Тощий. Чокнутый. Может, ты и веришь в эту дребедень — что все люди и нелюди равны, но не убьешь же ты меня из-за этого. А я человек старых взглядов, я свою медь задаром не отдам.

Тощий вдруг тоже усмехнулся и спрятал оружие.

— Ну и не отдавай. Лин получит мою долю. Меди у нас вдосталь, без некоторых вещей мы вполне обойдемся. И не забывай — четверть всего, что есть на корабле, моя.

На это в мыслях Толстяка не нашлось ответа. Он подумал немного и пожал плечами. Тощий прав: своему паю он хозяин. Ну и пусть...

— Ладно, воля твоя. Я тебе помогу раскопать, что у нас есть подходящего. Может, взять ту проволоку, знаешь, в ларе в машинном отделении?

Лъин молча смотрел, как они отперли небольшой ящик и стали там рыться; половина его ума изучала механизмы и управление, вторая половина ликовала: медь! И не какая-то горсточка, а столько, сколько он в силах унести! Чистая медь, которую так легко превратить в съедобный купорос при помощи кислот — он еще раньше

их приготовил, когда пытался добыть медь здесь, у себя. Через год кратер вновь будет полон жизни. Он оставит триста, а может быть, и четыреста сыновей, и у них будут еще и еще потомки!

Одна деталь схемы сцепления, которую он изучал, заставила Лъина перенести центр тяжести на половину ума, занятую окружающими механизмами; он потянул Тощего за штанину.

— Это... вот это... не годится, да?

— А? Да, тут что-то разладилось. Потому нас к тебе и занесло, друг. А что?

— Тогда без радиоактивных. Я могу платить. Я исправлю.— На миг его взяло сомнение.— Это ведь тоже значит платить, да?

Толстяк вытащил из ящика большой моток чудесной, душистой проволоки, утер пот со лба и кивнул.

— Верно, это была бы плата, только ты эти штуки не тронь. Они и так ни к черту не годятся, и, может, Тощий даже не сумеет исправить.

— Я могу исправить.

— Ну да. Ты в каких академиях обучался электронике? В этом мотке двести футов, стало быть, на его долю пятьдесят. Ты что же, Тощий, свою всю ему отдашь?

— Да, пожалуй.— Тощий почти не следил за тем, как Толстяк отмерял и резал проволоку, с сомнением смотрел он на Лъина.— Слушай, Лин, а ты в таких вещах разбираешься? Ионный двигатель — штука не простая, в схеме питания черт ногу сломит. С чего ты взял, что сумеешь починить инжектор? Разве у вашего народа были такие корабли и ты изучал чертежи?

Мучительно подыскивая слова, Лъин попытался объяснить. Нет, у его народа ничего похожего не было, атомные устройства работали по-другому, ведь на Луне урана почти нет, и энергию атома использовали непосредственно. Но принципы ему ясны уже из того, что он видит со стороны: он прямо в голове чувствует, как что должно работать.

— Я чувствую. Когда я только-только вырос, я уже мог это исправить. Записи и чертежи я все прочел, но главное не что я изучал, а как я думаю. Триста миллионов лет мой народ все это изучал, а теперь я просто чувствую.

— Триста миллионов лет! Когда ты сказал, что прямо

сроду умеешь и говорить, и читать, я понял, что ваше племя очень старое, но чтоб так... У нас тогда еще динозавры бегали!

— Да, мои предки видели таких зверей на вашей планете,— серьезно подтвердил Лъин.— Так я буду чинить?

Тощий растерянно мотнул головой и молча передал Лъину инструменты.

— Слышишь, Толстяк? Триста миллионов лет, и почти все это время они были далеко впереди нас теперешних. Ты только подумай! Мы были еще так, букашки, кормились динозавровыми яйцами, а эти уже летали с планеты на планету! Подолгу, наверно, нигде не оставались: сила тяжести для них вшестеро выше нормальной. А своя планета маленькая, воздух не удержала, пришлось зарыться в яму... вот и остался от них от всех один Лин!

— И поэтому он механик?

— У него инстинкт. Знаешь, какие инстинкты за такой срок развились у животных и у насекомых? У него чутье на механизмы — может, он и не знает, что это за машина, но чует, как она должна работать. Да еще прикинь, сколько он мне научных записей показывал и сколько всего, наверно, перечитал... я думаю, нет на свете такой машины, с которой он бы не сладил.

Толстяк решил, что спорить нет смысла. Либо эта обезьяна все исправит, либо им отсюда не выбраться. Лъин взял кусачки, отключил все контакты пульта управления и теперь обстоятельно, деталь за деталью, разбирал его. С необычайной ловкостью расцеплял провода, извлекал электронные лампы, разъединял трансформаторы.

Лъину ничего не стоило в этом разобраться. Земляне получают энергию из атомного топлива — используют определенные свойства ионизированного вещества, регулируют скорость ионизации, а затем реактивная струя через дюзы с большой скоростью выбрасывается наружу. Простейшая задача по электронике — управляемая реакция.

Маленькими проворными руками он виток за витком свернул проволоку в спираль, свернул вторую, между ними поместил электронную лампу. Вокруг этого узла появились еще спирали и лампы, затем длинная трубка — фидер, Лъин соединил ее с трубопроводом, подающим смесь для ионизации, укрепил шину. Инжекторы оказались излишне сложны, но их он трогать не стал, годятся и так. На все вместе не ушло и пятнадцати минут.

— Будет работать. Только в первый раз включайте осторожно. Теперь это работает на всю мощность, не так мало, как раньше.

Тощий осмотрел сделанное.

— И это все? У тебя же осталась куча свободных деталей — куда их?

— Это было совсем ненужное. Очень плохое. Теперь хорошо.

И Лъин старательно объяснил Тощему, как будет работать новая конструкция. Прежнюю мог объяснить только опытный специалист, отлично владеющий сложной терминологией. Но то, что вышло сейчас из рук Лъина, было плодом знания, оставившего далеко позади неуклюжие сложности первых робких попыток. Если что-то надо сделать, это делается как можно проще. Теперь Тощий только диву давался — почему люди так не сделали с самого начала?! И как ему было не удивляться, когда все вдруг оказалось просто и ясно... Он кивнул.

— Отлично. Вот это да, Толстяк! Коэффициент полезного действия примерно 99,99 процента, а раньше у нас было не больше двадцати. Ты молодчина, Лин!

Толстяк ничего не понимал в электронике, но объяснения Лъина прозвучали убедительно, говорить больше не о чем. И он направился к рубке.

— Ладно, значит, отбываем. До скорого, обезьяна.

Тощий подобрал медную проволоку, подал Лъину и проводил его к люку. Лунный житель вышел из корабля, поднял голову к закрывающемуся люку и старательно улыбнулся на земной манер.

— Я открою створы и выпущу вас. И я вам заплатил, и все справедливо, так? Тогда — до скорого, Тощий. Да полюбят тебя Великие за то, что ты вернул мне мой народ.

— Прощай,— отозвался Тощий и помахал рукой.— Может, мы еще когда-нибудь тебя навестим, посмотрим, как ты тут процветаешь.

Люк закрылся.

И вот Лъин снова у себя в пещере, нежно гладит медную проволоку и ждет грома ракетных двигателей; ему и радостно, и тревожно. Медь — это счастье, но мысли, которые он прочел у Толстяка, сильно его смущают. Что ж, меди хватит для многих поколений, а что будет дальше с его народом — это во власти Великих.

Он вышел за дверь и смотрел, как уносится вверх теперь уже немигающий, уверенный огонек, унося с собою судьбу его племени. Если эти двое расскажут на Земле о радиоактивных камнях, впереди рабство и гибель. Если промолчат, быть может, его племя возродится к прежнему величию и вновь отправится на другие планеты; когда-то, еще в пору своего расцвета, лунный народ от этих попыток отказался, но ведь теперь на других мирах его встретят не дикие джунгли, а жизнь и разум. Быть может, когда-нибудь, владея древним знанием и покупая на других планетах вещества, которых нет на Луне, потомки даже найдут способ вернуть родному миру былое великолепие — не об этом ли мечтали предки, пока ими не овладела безнадежность и не простерлись над его народом крылья ночи...

Лъин смотрел вверх: ракета поднималась над ним по спирали, то заслоняя, то вновь открывая просвет в вышине, равномерная смена тени и света — будто мерные взмахи крыльев в незапамятной дали времен, когда воздух над Луной был еще полон летучих существ. Наконец черные крылья достигли свода, Лъин открыл шлюз, они скользнули наружу — и стало совсем светло... быть может, это предзнаменование? Но как знать, доброе или дурное?

Он понес медную проволоку в детскую.

А на корабле Тощий Лейн смеющимися глазами следил за Толстяком Уэлшем — тому явно было не по себе, он пытался собраться с мыслями.

— Ну? — сказал Тощий.— Каков наш приятель? Пожалуй, не хуже людей, а?

— Угу. Пускай даже лучше. Я на все согласен. Он не хуже меня... а может, и получше. Хватит с тебя?

— Нет.— Тощий ковал железо пока горячо.— Как насчет радиоактивных материалов?

Толстяк подбавил двигателям мощности и ахнул: ракета рванулась вперед с небывалой силой, его вдавило в кресло. Он осторожно перевел дух, немного посидел, глядя в одну точку. Наконец пожал плечами и обернулся к Тощему.

— Ладно, твоя взяла. Обезьяну никто не тронет, я буду держать язык за зубами. Теперь ты доволен?

— Ага.

Тощий Лейн был не просто доволен. Он тоже в случившемся видел предзнаменование, и, значит, идеалы не такая уж глупость. Быть может, когда-нибудь черные крылья предрассудков и чванливого презрения ко всем иным племенам и расам навсегда перестанут заслонять небо людям, как перестали застилать глаза Толстяку. Вероятно, ему, Лейну, до этого не дожить, но в конце концов так будет. И править миром станет не одна какая-либо раса, но разум.

— Да, Толстяк, я очень доволен. И не горюй, ты не так уж много потерял. На этой Линовой схеме сцепления мы с тобой разбогатеем; я уже придумал, новый способ пригодится по крайней мере для десяти разных механизмов. Что ты станешь делать со своей долей?

Толстяк расплылся в улыбке.

— Начну валять дурака. Помогу тебе снова-здорово взяться за твою пропаганду, будем вместе летать по свету и целоваться с марсияшками да с обезьянами. Любопытно, про что сейчас думает наша обезьянка.

А Лъин в эти минуты ни о чем не думал: он уже решил для себя загадку противоречивых сил, действующих в уме Толстяка, и знал, какое тот примет решение. Теперь он готовил медный купорос и уже провидел рассвет, идущий на смену ночи. Рассвет всегда прекрасен, а этот — просто чудо!

Урсула Ле ГУИН

ОЖЕРЕЛЬЕ

Где сказка, а где быль на этих мирах, спрятавшихся за бесконечными годами? На безымянных, называемых живущими на них просто «мир» планетах без истории, где лишь в мифе продолжает жить прошлое и исследователь, их посещая, снова обнаруживает, что совершенное им здесь всего несколько лет назад уже успело стать деяниями божества. Сон разума рождает тьму, и она наполняет эти зияющие провалы во времени, через которые ложатся мостами лишь трассы наших летящих со скоростью света кораблей; а во тьме бурно, как сорняки, разрастаются искажения и диспропорции.

Когда пытаешься пересказать историю одного человека, обыкновенного ученого Лиги, который не так уж много лет назад отправился на такую вот малоисследованную, безымянную планету, ты оказываешься как бы археологом среди тысячелетних руин: то, продираясь сквозь переплетения листьев и цветов, лиан и веток, выходишь вдруг, как на свет, к геометрической правильности колеса или к отшлифованному угловому камню; то, вступив в ничем не примечательный, озаренный лучами солнца вход, находишь внутри мрак, мерцание огонька, которого не ждешь, сверкание драгоценных камней, едва заметное движение женской руки.

Где быль, а где сказка, где одна истина и где другая?

Всю историю о Роканноне синевой озаряет недолгое сверкание драгоценного камня, совершающего обратный путь. Так начнем же.

Галактический Район 8, № 62: Фомальгаут-II

Контакт установлен со следующими Разумными Формами Жизни (РФЖ):

Вид I

Подвид А. Гдема. Разумные гуманоиды, обитают под землей, на поверхность выходят только ночью; рост 120—135 см, кожа светлая, волосы темные. В момент контакта жили расслоенными на касты сообществами городского типа; система правления олигархическая. Особая характеристика: телепатия в пределах планеты. Культура ранней стали, ориентирована на техническое развитие. В 252—254 гг. миссия Лиги подняла уровень до Промышленного-С. В 254 г. олигархам района Кириенского моря был подарен корабль-автомат (запрограммирован только на полеты к Новой Южной Джорджии и обратно). Статус С-полный.

Подвид Б. Фиина. Разумные гуманоиды, обитают на поверхности, днем бодрствуют; средний рост 130 см, кожа и волосы у наблюдавшихся индивидов, как правило, светлые. Живут, насколько позволяют судить кратковременные контакты, оседлыми сельскими, а также кочевыми сообществами. Телепатичны в пределах планеты; возможно, есть также способность к телекинезу на небольших расстояниях. По-видимому, атехнологичны; контактов избегают, внешние проявления культурного развития минимальны и неопределейны. Налогообложение пока представляется невозможным. Статус Е (?).

Вид II

Лиу. Разумные гуманоиды, обитают на поверхности, днем бодрствуют; средний рост свыше 170 см; общество аристократическое, клановое, культура героико-феодальная; техническое развитие остановилось на стадии бронзового века; тип поселения — деревня-крепость. Следует особо отметить горизонтальное общественное расслоение, совпадающее с делением на следующие псевдорасы: ольгьо — «те, что ниже ростом», светлокожие и темноволосые; ангья — «властители», очень высокие, темнокожие, светловолосые...

— Вот одна из них,— проговорил Роканнон.

Он перевел взгляд со страницы «Карманного указателя Разумных Форм Жизни» на стоявшую посреди длинного музейного зала очень высокую темнокожую женщину. Прямая и неподвижная, в короне золотых волос, она, не отрывая взгляда, рассматривала какой-то экспонат за стеклом. Возле нее, явно чувствуя себя не в своей та-

релке, беспокойно топтались четыре непривлекательных карлика.

— А я и не подозревал, что на Фомальгауте II кроме подземных жителей есть еще столько разной публики,— сказал куратор музея Кето.

— Я тоже. Вон, в графе «Не вполне достоверно» перечисляются виды, контакт с которыми не установлен. Похоже, что давно пора уже заняться этими местами поосновательней. Ну, хоть теперь мы знаем, откуда она взялась.

— Хотелось бы мне узнать о ней побольше...

Она происходила из древнего рода, была потомком первых царей ангья, и, хоть семья ее обеднела, волосы, это неотчуждаемое наследство, сияли чистым и неподвластным времени золотом. Маленькие фиа склонялись перед ней и тогда, когда она, еще босоногая девочка, носилась по полям и комета ее волос пламенела в неспокойных ветрах Кириена.

Она была совсем юной, когда Дурхал из Халлана увидел ее и стал за ней ухаживать, а потом увез от полуразрушенных башен и продуваемых насквозь ветрами залов ее детства в собственный высокий замок. В Халлане, на склоне горы, блеск и величие торжествовали пока победу над временем, но уюта не было и здесь. Окна без стекол, голые каменные полы; в холодное время можно было, проснувшись, увидеть на полу под окном наметенную длинную полоску снега. Молодая жена Дурхала становилась узкими босыми ступнями прямо на запорошенный снегом пол и, заплетая в косы золото своих волос, смотрела на отражение мужа в серебряном зеркале, что висело в их комнате, и смеялась. Это зеркало, да еще свадебное платье матери, расшитое тысячью крошечных бисеринок, составляли все его богатство. Здесь, в Халлане, у некоторых его сородичей, хоть и не столь знатных, как Дурхал, до сих пор были целые сундуки парчевого платья, мебель из позолоченного дерева, серебряная упряжь для крылатых коней, латы и в серебро оправленные мечи, драгоценные камни и драгоценности — на них молодая супруга Дурхала смотрела с завистью, оглядывалась на усыпанную драгоценными камнями диадему или на золотую брошь даже тогда, когда носящая их, исполненная почтения к ее родословной и к ее, Семли, замужеству, уступала ей дорогу.

Четвертыми от Высокого Трона Халлана сидели во

время трапез Дурхал и Семли, так близко к старому Властителю, что тот нередко собственной рукой наливал вино Семли и, разговаривая с Дурхалом, своим племянником и наследником, об охоте, глядел на молодую пару с мрачной, утратившей все надежды на будущее любовью. С тех пор, как появились Повелители Звезд с их домами, взлетающими на столбах огня, и с их страшным оружием, делающим ровное место там, где только что стоял холм, надежд на будущее у ангья Халлана и всех Западных Земель и вправду оставалось совсем немного. Повелители Звезд нарушили все древние обычаи, запретили все войны, и (о позор!) пришлось платить им пусть небольшую, но дань — для войны, которую Повелители Звезд собираются вести с каким-то непонятным врагом где-то в провалах между звездами, у самого конца лет. «Это будет также и ваша война»,— сказали Повелители Звезд, но уже целое поколение ангья сидят, постыдно праздные в своих Залах Пиршеств, и смотрят, как ржавеют их двойные мечи, как вырастают, не нанеся ни одного удара в бою, их сыновья, а дочерям без добытого в геройском бою приданого, которое привело бы к ним знатного жениха, приходится выходить замуж за бедняков и даже хуже — за ольгьо. Унылым было лицо Властителя Халлана, когда тот глядел на золотоволосую чету и слушал, как смеются они, отхлебывая горьковатое вино и весело болтая в холодной, разрушающейся, величественной крепости своего народа.

Лицо Семли мрачнело, когда, глянув в зал, она видела на местах, куда более удаленных от Трона, чем ее место, среди даже полукровок и ольгьо, на белой коже и в черных волосах сверкание драгоценных камней. Сама она и серебряной заколки для волос не принесла в приданое мужу Платье, расшитое бисером, она убрала в сундук до дня свадьбы дочери — если дочь у нее родится.

Именно дочь у них и родилась, и ей дали имя Хальдре, и когда пух на ее коричневой маленькой головке стал длиннее, он засиял нетускнеющим золотом, наследием царственных поколений — единственным золотом, каким ей предстояло владеть...

Семли не решалась заговорить с мужем о том, чего ей недостает. Как ни ласков был с нею Дурхал, но он был горд и испытывал лишь презрение к зависти, к суетным желаниям, и она боялась его презрения. Но с сестрой Дурхала, Дуроссой, она однажды об этом заговорила.

— Когда-то моя семья владела сокровищем,— сказа-

ла она.— Это было ожерелье, золотое, с большим синим драгоценным камнем. Кажется, его называют сапфир?

Дуросса пожала плечами, улыбаясь: она тоже не знала точно, как называется такой камень. Разговор происходил в конце теплого времени восьмисотдневного года. Семли сидела вместе с Дуроссой на освещенной солнцем каменной скамейке перед окном, высоко в Большой Башне, там, где были покои Дуроссы. Рано овдовевшую, бездетную, Дуроссу выдали за Властителя Халлана, ее дядю, брата ее отца. Из-за того, что брак был заключен между родственниками и был вторым и для мужа и для жены, Дуросса не получила титула Властительницы Халлана, который со временем могла получить Семли; но сидела она рядом со старым Властителем, на Высоком Троне, и с ним вместе управляла его владениями. Она была старше Дурхала, своего родного брата, души не чаяла в его молодой жене и наглядеться не могла на светловолосую крошку Хальдре.

— За него отдали,— продолжала Семли,— все богатства, которыми завладел мой предок Лейнен, когда завоевал Юг. Сокровища целого царства, ты только вообрази, за одну-единственную драгоценность! О, она бы наверняка затмила все здесь, в Халлане, даже эти камни, похожие на яйца птицы кооб, которые носит твоя двоюродная сестра Иссар. Драгоценность была так красива, что ей дали имя — назвали «Глаз моря». Ее, эту драгоценность, носила еще моя прабабушка.

— А ты не видела ее никогда? — лениво спросила Дуросса, глядя в окно на зеленые склоны гор, туда, куда долгое лето слало свои беспокойные и жаркие ветры бродить по лесам, а потом уноситься, кружась, по белым дорогам к дальнему морскому берегу.

— Она пропала еще до моего рождения. А отец рассказывал, что ожерелье украли до того, как в наших владениях впервые появились Повелители Звезд. Сам он не любил говорить о нем, но одна старая ольгьо, которая знала много всяких историй, рассказывала мне, что о том, где ожерелье, знают фиа.

— Ах, как бы я хотела увидеть их! — воскликнула Дуросса.— О них упоминают в стольких песнях и сказаниях; почему их никогда не видишь у нас, на Западных Землях?

— Наверно, слишком высоко для них, слишком холодно зимой. Они любят солнечные долины юга.

— Они похожи на Земляных?

— Этих я не видела никогда; на юге, где я жила, они стараются держаться от нас подальше. Кажется, у них белая кожа, как у ольгьо, и их тела безобразны. У фиина светлые волосы, они похожи на детей, только совсем худых, и еще они мудрее, чем дети. А вдруг они и в самом деле знают, где ожерелье, кто украл его и где оно спрятано? Ах, если б я могла войти в Зал Пиршеств Халлана, сесть рядом с мужем, а на груди у меня сверкает богатство целого царства, и я затмеваю всех женщин, как мой муж затмевает всех мужчин!..

Дуросса наклонилась к младенцу, который, сидя между матерью и теткой на звериной шкуре, рассматривал коричневые пальчики своих ног.

— Семли глупая,— проворковала она девочке.— Семли, что сверкает как падающая звезда, Семли, мужу которой не нужно никакого золота, кроме золота ее волос...

А Семли, чей взгляд уносился над зелеными, летними склонами к далекому морю, ответила ей молчанием.

Но когда миновала еще одна холодная пора и Повелители Звезд снова явились за данью, нужной им для войны против конца света (в этот раз их сопровождали двое маленьких коренастых Земляных, переводчиков, и ангья опять почувствовали себя настолько униженными, что готовы были восстать), и прошла еще одна теплая пора, и Хальдре подросла и стала прелестным щебечущим ребенком, Семли принесла ее однажды утром в залитые солнцем покои Дуроссы. На Семли был поношенный синий плащ, а капюшон, поднятый на голову, скрывал ее золотые волосы.

— Пусть эти несколько дней Хальдре побудет у тебя, Дуросса,— сказала она; движения ее были быстры, но лицо спокойно.— Я отправляюсь на юг, в Кириен.

— Повидаться с отцом?

— Отыскать свое наследство. Твои двоюродные братья из Харгета смеются над Дурхалом. Даже этот полукровка Парна над ним насмехается — ведь у жены Парны, этой черноволосой неряхи с расплывшимся лицом, на постели атласное покрывало, в ухе серьга с бриллиантом, и у нее целых три платья, а жене Дурхала свое единственное платье приходится штопать...

— В чем гордость Дурхала, в жене или в том, что на нее надето?

Но, словно не расслышав вопроса, Семли продолжала:

— Властители Халлана нищают на глазах у всех, в собственном своем Зале Пиршеств. Я ухожу, чтобы принести приданое своему господину, как приличествует женщине с моей родословной.

— Семли! Дурхал знает о том, что ты собралась сделать?

— Скажи ему, что все кончится хорошо и возвращение мое будет счастливым,— и юная Семли весело засмеялась.

Она наклонилась и поцеловала дочь, а потом повернулась и, прежде чем Дуросса успела вымолвить хотя бы слово, стремительно унеслась прочь по залитым солнцем каменным плитам пола.

Замужние женщины ангья лишь изредка, в крайней нужде, садились на крылатых коней, и Семли после замужества тоже ни разу не покидала стен Халлана; и теперь, садясь в высокое седло, она опять почувствовала себя подростком, буйной девственницей, носящейся с северным ветром над полями Кириена на полуобъезженных крылатых конях. Конь, что сейчас уносил ее вниз с высоких холмов Халлана, был породистей тех; гладкая полосатая шкура плотно облегала полые, рвущиеся к небу кости; зеленые глаза жмурились от встречного ветра, могучие легкие крылья били вверх-вниз, вверх-вниз, и Семли то видела, то нет, то видела, то нет облака над собой и холмы далеко внизу.

На третье утро она была уже в Кириене и вот сейчас вновь стояла в одном из внутренних дворов замка, у полуразрушенной стены. Всю эту ночь ее отец пил, и утреннее солнце, сквозь проломы в потолках тычущее в него своими длинными лучами-пальцами, очень раздражало его, а вид дочери, стоящей перед ним, усиливал это раздражение.

— Зачем ты здесь? — проворчал он, отводя от нее взгляд опухших глаз. Золотое пламя его волос, так ярко пылавшее в молодости, угасло, на голове путались одни лишь седые пряди.— Наследник Халлана на тебе женился, а ты вернулась сюда — да еще, наверное, без его ведома?

— Я жена Дурхала. Я пришла за своим приданым, отец.

Пьяница недовольно пробурчал что-то, но она в ответ рассмеялась так ласково, что он, хоть и кривясь, снова посмотрел на нее.

— Это правда, отец, будто ожерелье с камнем, который называется «Глаз моря», украли фиия?

— Откуда мне знать, правда ли это? Так мне рассказывали в детстве. Оно пропало, по-моему, еще до этого грустного события — моего рождения. Если тебе обязательно нужно знать, у фиия и спрашивай. Отправляйся к ним или к мужу, а меня оставь в покое. Девушкам, золоту и тому подобному в Кириене делать нечего. Все это в прошлом, стены рушатся, и зал пуст. Нет в живых ни одного сына Лейнена, не сохранилось ни одного их сокровища. Иди своей дорогой, дочь.

Серый и раздувшийся, как существо, что оплетает паутиной развалины, он поднялся и, пошатываясь, двинулся к подвалам, где прятался от света дня.

Ведя за собой крылатого коня, на котором она прилетела из Халлана, Семли вышла из родного дома и, спустившись по крутому склону холма, мимо деревни ольгьо, хмуро, но почтительно ее приветствовавших, через поля и пастбища, на которых паслись полудикие, такие же шестиногие и полосатые, как тот, которого она вела с собой, кони с подрезанными крыльями, направилась в долину, зеленую, словно свежевыкрашенная миска, и до краев наполненную солнечным светом. На дне долины было селение фиия; Семли еще спускалась, а маленькие, тщедушные человечки уже бежали ей навстречу из своих домиков и огородов и, смеясь, кричали слабыми и тонкими голосками:

— Привет тебе, молодая наследница Халлана, высокородная из Кириена, Оседлавшая Ветер, Семли Золотоволосая!

Они всегда называли ее красивыми именами, и ей нравилось слушать их, а их смех не задевал ее — ведь она тоже смеялась, когда говорила. Высокая, в длинном синем плаще, она теперь стояла на месте, а вокруг бушевал водоворот их гостеприимства.

— Привет вам, Светлые, дети солнца, фиия, друзья народа ангья!

Они повели ее в деревню, в один из их хрупких домиков, а крохотные дети бежали следом. Когда фиия становится взрослым, нельзя сказать, сколько ему лет; Семли трудно было даже отличить одного от другого или, когда они, как мотыльки вокруг свечи, носились вокруг нее, быть уверенной, что она разговаривает с одним и тем же фиия. Но все же ей казалось, что только с одним говорила она все это

время, между тем как другие кормили и гладили ее крылатого коня, а кто-то нес ей воды напиться, а кто-то еще предлагал плоды из садов, с маленьких деревьев.

— Фиия не крали ожерелье Властителей Кириена! — воскликнул между тем, отвечая на ее вопрос, человечек.— К чему фиия золото, госпожа? В теплое время у нас есть солнце, в холодное — воспоминание о нем; еще — желтые плоды, желтые листья в конце теплого времени, и еще у нас есть золотые волосы Властительницы Кириена; другого золота нет.

— Тогда, быть может, драгоценность украли ольгьо?

Крохотными колокольчиками зазвенел вокруг нее смех и умолк не скоро.

— Разве осмелились бы они? О Властительница Кириена, как и кто украл драгоценность, не знают ни ангья, ни ольгьо, ни фиия. Только мертвые знают, как пропала она в те давние времена, когда у пещер на берегу моря любил гулять в одиночестве твой прадед, Кирелей Гордый. Но, может быть, оно найдется у кого-то из Ненавидящих Солнце?

— Земляных?

Снова смех, только громче и напряженней, чем прежде.

— Садись с нами, Семли, солнцеволосая, с севера вернувшаяся.

Она села с ними за их трапезу, и приветливость ее была так же приятна им, как их гостеприимство — ей. Но когда она сказала, что если ожерелье у Земляных, она отправится к ним, смех начал утихать, а кольцо вокруг нее стало редеть. И наконец рядом с ней остался только один фиия, тот самый, возможно, с кем она говорила до начала трапезы.

— Не ходи к Земляным, Семли,— сказал он.

Ее сердце екнуло, а потом все потемнело вокруг — это фиия поднял руку и, медленно опустив, закрыл ею свои глаза. Светло-серые, лежали теперь на блюде плоды, чистой воды в чашах как не бывало.

— В далеких горах разошлись пути фиия и гдема. Разошлись много лет назад,— сказал фиия, тщедушный и тихий.— А еще раньше мы и они были нераздельное целое. В них есть то, чего нет в нас. В нас есть то, чего нет в них. Подумай о свете, траве и плодоносящих деревьях; подумай, что не по всем дорогам, по которым можно спуститься вниз, можно также подняться вверх.

— Моя дорога, добрый хозяин, ведет не вниз и не

вверх, а прямо к моему наследству. Я пойду туда, где оно находится, и с ним вернусь.

Фиа, негромко смеясь, ей поклонился.

За последними домами она вновь села на крылатого коня и, ответив на возгласы фиа криком прощания, взлетела в послеполуденный ветер и понеслась на юго-запад, к пещерам в скалистых берегах Кириенского моря.

Ей было страшно: вдруг, чтобы найти тех, кто ей нужен, придется войти в эти подземелья глубоко-глубоко? Ведь рассказывали, будто Земляные никогда не выходят на свет солнца и боятся даже света Большой Звезды и лун. Лететь было еще далеко; один раз она спустилась, чтобы крылатый мог поохотиться на древесных крыс, а сама она — поесть немного хлеба из притороченной к седлу сумки. Хлеб зачерствел и пах выделанной кожей, однако осталось что-то и от первоначального вкуса, и в то время как она ела, сидя на поляне в чаще южного леса, ей почудился тихий голос Дурхала и перед глазами возникло его освещенное свечами лицо. Она посидела, грезя об этом цветущем, хотя и суровом, юном лице и о том, как скажет его обладателю, когда вернется а на груди у нее будет лежать богатство целого царства: «Властитель, я должна была принести подарок, достойный моего мужа...» Потом она поспешила дальше, но когда достигла наконец берега моря, солнце уже зашло и уже тонула в море следом за ним Большая Звезда. Коварный ветер задул с запада, резкий, порывистый, вихрящийся, и крылатый конь ее вскоре уже изнемогал от борьбы с ним. Тогда она решила спуститься. Едва оказавшись на песке, конь сложил крылья, заурчал, довольный, и улегся, подобрав под себя ноги. Семли стояла рядом, сжимая на шее концы плаща; она погладила коня за ушами, и тот прянул ими и опять добродушно заурчал. Руке было уютно в теплой шерсти, зато глаза видели только серое, в мазках облаков, небо, серое море, темный песок. А потом по песку пробежало какое-то приземистое темное существо, еще одно, и еще... Присядут на корточки, перебегут, замрут на месте...

Она громко их окликнула. До этого они будто ее не видели, но одно мгновение — и вот они уже стоят вокруг нее. От крылатого коня, правда, они старались держаться подальше; тот больше не урчал, и его шерсть под ладонью Семли стала подниматься. Она взяла его за уздечку, опасаясь, что он может дать волю своей ярости, но радуясь в то же время, что у нее есть защитник. Твердо упираясь

босыми ступнями в песок, странные человечки молча на нее таращились. Да, конечно, это были Земляные: одного роста с фиа, а во всем остальном — как бы черная тень светлого, смеющегося народца. Нагие, квадратные, неподвижные, волосы гладкие, кожа сероватая и на вид влажная, как у червей; каменные глаза.

— Так это вы Земляные?

— Мы гдема, Властители Царства Ночи.

Голос, который она услышала, оказался неожиданно глубоким и громким, он торжественно звучал сквозь соленый ветер, сквозь сумерки; но, как это было среди фиа, Семли не могла понять, кто именно из гдема произнес эти слова.

— Привет вам, Властители Царства Ночи. Я Семли из Кириена, жена Дурхала из Халлана. Я пришла к вам, потому что ищу свое наследство, ожерелье — его называли «Глаз моря», и оно пропало в давние времена.

— Почему ты ищешь его здесь, женщина ангья? Здесь нет ничего, кроме ночи, песка и соли.

— Потому что глубоко под землей знают обо всем, что исчезло,— ответила готовая к словесным состязаниям Семли,— и ведь бывает, что золото, пришедшее из земли, возвращается туда снова. И говорят, что иногда сделанное чьими-то руками находит сделавшего.

Это была всего-навсего догадка, но она оказалась правильной.

— Да, мы слышали об ожерелье «Глаз моря». Его сделали в наших пещерах в давние времена, и тогда же мы продали его ангья. Синий камень для него добыли наши сородичи на востоке. Но рассказам этим, женщина ангья, уже очень много лет.

— Могу я услышать их там, где их рассказывают?

Словно в сомнении, маленькие коренастые человечки умолкли. Над песком дул серый ветер, темневший по мере того, как опускалась в море Большая Звезда; шум волн то становился громче, то стихал.

Снова глубокий голос:

— Да, Властительница ангья, ты можешь войти в Подземные Залы. Следуй за нами.

Что-то новое, заискивающее прозвучало теперь в этом голосе. Семли не пожелала этого услышать. Ведя на коротком поводке крылатого коня с его острыми когтями, она пошла за Земляными.

У зева пещеры, беззубого, отверстого, дохнувшего на

нее зловонным теплом, кто-то из Земляных сказал:

— Летающему зверю войти нельзя.

— Можно,— не согласилась Семли.

— Нельзя,— сказали квадратные человечки.

— Можно. Я не оставлю его у входа. Он принадлежит не мне. Пока я держу его за уздечку, он не причинит вам вреда.

— Нельзя,— повторили глубокие голоса.

Но другие, такие же, их прервали:

— Как ты желаешь.

И, помедлив мгновение, человечки двинулись дальше. Зев пещеры как будто проглотил Семли — так темно вдруг стало под нависшими над головой глыбами камня. Гдема шли гуськом, последней была она.

Несколько шагов — и мрак туннеля рассеялся: с потолка свисал шар, от которого исходило неяркое белое сияние. Впереди другой такой же, за ним третий; от одного к другому по потолку тянулись, свисая кое-где гирляндами, тонкие черные змеи. Расстояние между светящимися шарами становилось все меньше, теперь они сияли через каждые несколько шагов, и все вокруг было залито ярким холодным светом.

Коридор кончился тупиком с тремя дверьми из чего-то, похожего на железо; спутники Семли остановились.

— Нам придется подождать, женщина ангья,— сказали они.

Восемь остались с Семли, а трое отперли одну из дверей и вошли в нее. Дверь закрылась со скрежетом.

Неподвижная и прямая, стояла в ровном свете дочь ангья; ее крылатый конь лежал рядом, кончик его полосатого хвоста все время двигался, а сложенные огромные крылья то и дело дергались от с трудом сдерживаемого желания взлететь. Позади Семли Земляные, оставшиеся с ней, сидели на корточках и бормотали что-то друг другу.

Снова скрежет; средняя дверь открылась.

— Пусть ангья войдет в Царство Ночи! — раздалось гулко и торжественно. В дверном проеме, маня ее к себе рукой, стоял новый гдема, такой же коренастый, как пришедшие с ней, но его серую наготу прикрывала одежда.— Пусть войдет и увидит наши диковины, рукотворные чудеса, плоды трудов Властителей Царства Ночи!

Молча Семли пригнулась и, потянув за собой коня, вошла в низкую, по росту гдема, дверь. Перед ней открылся новый коридор, от света белых шаров его влажные сте-

ны ослепительно блестели, но на полу здесь, уходя вдаль, сверкали две полосы металла. На них стояла какая-то повозка с металлическими колесами. Повинуясь приглашающему жесту нового спутника, без малейших колебаний и без тени удивления на лице Семли поднялась в повозку, села и уложила крылатого коня возле своих ног. Гдема уселся впереди и задвигал какими-то колесами и палками. Что-то завыло неприятно и громко, потом залязгало, и стены коридора дернулись и поплыли назад. Стены уплывали все быстрее, и наконец сияющие шары над головой слились в одну светлую полосу, а теплый воздух коридора стал затхлым ветром, срывающим капюшон с ее головы.

Повозка остановилась. Следуя за своим спутником, Семли поднялась по базальтовым ступеням в большой зал, а из него в другой, еще больше, вырубленный в толще камня древними водами или зарывающимися все глубже гдема; его мрак, никогда не знавший света солнца, разгоняло лишь холодное, наводящее почему-то жуть сияние шаров. В зарешеченных нишах, разгоняя спертый воздух, вращались и вращались громадные лопасти. Огромное замкнутое пространство наполняли гудение и скрежет, раздавались громкие голоса Земляных, визжали и вибрировали какие-то колеса, и все эти звуки многократным эхом отдавались от каменных стен. Короткие и широкие тела гдема, находившихся здесь, прикрывала одежда, подражавшая одежде Повелителей Звезд (штаны, мягкая обувь, куртка с капюшоном); однако немногие женщины, которые здесь были, раболепные карлицы с торопливыми движениями, ходили нагие. Среди мужчин было много воинов, на поясе у них висело оружие, с виду похожее на страшные светометы Повелителей Звезд; но даже Семли поняла, что оно не настоящее, а всего лишь металлические болванки, имитирующие его форму. Все это она видела, хотя и не снисходила до того, чтобы повернуть голову вправо или влево. Когда она увидела перед собой нескольких Земляных с железными обручами на головах, ее спутник остановился, согнулся в низком поклоне и торжественно провозгласил:

— Высокие Властители Гдема!

Их было семь, и на их серых шишковатых лицах, глядевших на Семли снизу вверх, было написано такое высокомерие, что она едва удержалась от смеха.

— Я пришла к вам, Властители Царства Тьмы, потому

что ищу пропавшую семейную драгоценность,— сказала она без тени улыбки.— Я ищу сокровище Лейнена, «Глаз моря».

Голос ее едва пробивался сквозь шум, царивший в огромном подземном зале.

— Мы уже знаем это от наших вестников, высокородная Семли.— На этот раз она смогла разобрать, кто именно говорит — он был еще ниже, чем остальные, едва ей по грудь, и его лицо, в отличие от остальных белое, казалось особенно недобрым.— Того, что ты ищешь, у нас нет.

— Говорят, однако, что когда-то давно оно у вас было.

— Многое говорится наверху, где жмурится солнце.

— И слова уносятся ветрами туда, куда ветры дуют. Я не спрашиваю, как пропало ожерелье у нас и как оно вернулось к вам. Все это было слишком давно, старые обиды забылись. Я хочу только отыскать его, больше мне ничего не нужно. У вас его нет, но, может быть, вы знаете, где оно теперь?

— Оно не здесь.

— Значит, оно в другом месте?

— Оно там, куда тебе не добраться. Никогда — если только мы не захотим помочь тебе.

— Так помогите мне. Я прошу об этом как ваша гостья.

— Говорится: «Ангья берут; фиина отдают; гдема отдают и берут». Если мы выполним твою просьбу, что ты нам дашь взамен?

— Свою благодарность, Властитель Ночи.

Высокая, лучезарная, она стояла среди них и улыбалась. Они смотрели на нее, и в их взглядах были хмурое изумление, невольная зависть, какая-то тоска.

— Женщина ангья, ты просишь от нас великой милости. Тебе не понять даже, как она велика. Ты принадлежишь к народу, который не хочет понимать, который умеет только носиться в ветре на летающих зверях, выращивать урожаи, драться на мечах и шуметь. Но кто делает для вас мечи из блестящей стали? Мы, гдема! Ваши властители приходят к нам и к нашим сородичам, покупают мечи и уходят, ни на что не глядя, ничего не поняв. Но сейчас к нам пришла ты, так посмотри же вокруг себя, и ты своими глазами увидишь некоторые из огромного множества наших диковин: огни, что никогда не гаснут, повозку, которая едет сама собой, машины, которые шьют одежду, готовят пищу, очищают воздух и верно служат нам во всех

делах. Знай, чудеса эти превыше твоего понимания. И знай также: те, кого вы, ангья, зовете Повелителями Звезд, наши друзья! Вместе с ними мы приходили в Халлан, в Реохан, в Хул-Оррен, во все ваши замки, и помогали им разговаривать с вами. Вы, гордые ангья, платите дань Повелителям Звезд, а мы с ними на равных — друзья. Мы оказываем услуги им, а они — нам. Так много ли значит для нас твоя благодарность?

— Тебе отвечать на этот вопрос, не мне. Я свой вопрос задала. И теперь жду на него ответа, Властитель.

Семеро начали совещаться то вслух, то безмолвно. Поглядят на нее — и отведут взгляд, побормочут — и замолкнут. Вокруг них стала расти толпа, медленно, молча, и наконец Семли окружило море голов со свалявшимися черными волосами, и, если не считать небольшого пространства возле нее, пола в огромном гудящем зале уже не было видно. Ее крылатый конь сдерживал раздражение и страх слишком долго и теперь то и дело вздрагивал; широко раскрытые глаза побледнели, как бывает у крылатых коней, когда им приходится летать ночью. Она стала гладить его теплую мохнатую голову, приговаривая шепотом:

— Успокойся, мой храбрый, мой умный, властитель ветров...

— Ангья, мы доставим тебя туда, где находится сокровище.— На нее смотрел, снова повернувшись к ней, белолицый гдема с железным обручем на голове.— Большего от нас не требуй. Тебе придется отправиться с нами и самой заявить свои права на ожерелье там, где оно теперь, тем, кто хранит его. Летающему зверю отправиться вместе с тобой нельзя. Его придется оставить.

— Как далек путь, Властитель?

Губы гдема начали растягиваться все шире.

— Очень далек, высокородная. Но продлится он одну лишь долгую ночь.

— Я благодарю вас за вашу любезность. Хорошо ли будут заботиться в эту ночь о моем крылатом коне? С ним не должно случиться ничего плохого.

— Он будет спать до твоего возвращения. На большем, чем этот, звере доведется лететь тебе, прежде чем ты увидишь его снова! Почему ты не спрашиваешь, куда мы тебя доставим?

— Нельзя ли нам отправиться поскорей? Мне бы не хотелось надолго покидать дом.

— Можно.

И он посмотрел на нее пристально снизу вверх, а его серые губы снова широко растянулись.

Что произошло в последующие несколько часов, Семли рассказать бы не смогла — так было все торопливо, суматошно, непонятно. Она сама держала голову крылатого, пока один из Земляных вонзал длинную иглу в его золотистое полосатое бедро. Семли чуть не вскрикнула, но животное только дернулось, добродушно заурчало и уснуло. Несколько гдема подняли и унесли его — судя по всему, лишь с трудом пересилив свой страх. Потом она увидела, как игла вонзается в ее руку — быть может, для того, подумала она, чтобы испытать ее храбрость, потому что спать ей вроде бы не захотелось, хотя она не была в этом уверена до конца. Время от времени приходилось садиться в повозку, что двигалась по двум металлическим полосам, и ехать сквозь железные двери и через сводчатые подземные залы, целые сотни их; один раз повозка покатилась через подземелье, границы которого по обе стороны пути уходили во мрак, и мрак этот наполняли крылатые кони, огромные стада крылатых коней. Она слышала их хрипловатое воркование и в свете огней повозки увидела их; когда же разглядела еще ясней, оказалось, что крылья у животных обрезаны и они все слепые. Она зажмурилась, чтобы не видеть. Потом были новые коридоры и новые подземные залы, новые серые бесформенные тела, суровые лица и надменные голоса, и вдруг ее вывели на открытый воздух. Была ночь; Семли радостно, с чувством облегчения подняла глаза к звездам и единственной взошедшей луне; на западе между тем всходила маленькая Хелики. Но попрежнему вокруг были гдема, теперь они предложили Семли подняться то ли в пещеру, то ли в повозку, какой она еще не видела,— что это было, она так и не поняла. Там оказалось очень тесно, повернуться можно было только с трудом, мигали бесчисленные огоньки, и после огромных мрачных подземных залов и звездного, но темного ночного неба было очень светло. В нее вонзили еще иглу и сказали, что надо лечь в кресло, у которого была откинута спинка, и сказали, что ее привяжут к нему — и голову, и руки, и ноги.

— Не хочу,— твердо ответила она.

Но четверо гдема, которым предстояло сопровождать ее, дали себя привязать, и тогда она позволила сделать с собою то же. Потом те, кто их привязывал, ушли.

Что-то заревело, и наступила тишина; невидимая плита чудовищной тяжести легла Семли на грудь. Потом тяжесть исчезла, исчезли звуки, исчезло все.

— Я умерла? — спросила Семли.

— О нет, Властительница,— услышала она в ответ, и голос, который произнес эти слова, ей не понравился.

Открыв глаза, она увидела над собой белое лицо, растянутые толстые губы, глаза как два камешка. Оказалось, что она уже свободна от уз, и, обнаружив это, Семли вскочила со своего места. Она была невесома, бестелесна — комочек страха, носимый ветром.

— Мы не сделаем тебе ничего плохого,— произнес сумрачный голос (или голоса?).— Дай нам только дотронуться до тебя, Властительница. Позволь нам потрогать твои волосы...

Круглая повозка, в которой они находились, слегка дрожала. За единственным ее окном была ночь без звезд — или туман, или ничто? Одну долгую ночь, сказали ей. Очень долгую. Она сидела не шевелясь, а их тяжелые серые руки дотрагивались до ее волос. Потом они стали дотрагиваться до ее ладоней, ступней, локтей, и вдруг кто-то из них дотронулся до ее шеи; тогда она поднялась, сжав зубы, и они попятились.

— Ведь тебе не было больно, Властительница,— сказали они.

Она кивнула.

Потом они почтительно попросили ее снова лечь в кресло, и оно само сковало ее руки и ноги; и, не потеряй она сознания, она разрыдалась бы, увидев, как в окно ударил золотой свет.

— Ну,— сказал Роканнон,— теперь мы хоть знаем, кто она такая.

— Вот если бы еще узнать, что́ она такое,— пробормотал куратор.— Так, значит, если верить этим троглодитам, ей нужно что-то, что находится здесь, у нас в музее?

— Пожалуйста, не называй их троглодитами,— укоризненно сказал Роканнон, как «рафожист», то есть этнолог, изучающий Разумные Формы Жизни, он возражал против употребления таких слов.— Да, они не красавцы, но они Союзники и у них Статус С... Но почему,

хотел бы я знать, Комиссия решила развивать именно их? Не установив при этом даже контакта со всеми РФЖ на планете. Готов поспорить, что исследовательский отряд был с Центавра — центаврийцы всегда предпочитают тех, кто не спит ночью или живет под землей. Я, наверное, поддержал бы Вид II — тот, к которому принадлежит она.

— Похоже, что троглодиты ее побаиваются.

— А ты нет?

Кето снова посмотрел на высокую женщину, потом покраснел до ушей и смущенно рассмеялся.

— Да, немножко. За восемнадцать лет, что я живу здесь, на Новой Южной Джорджии, мне никогда не приходилось видеть такого красивого инопланетного типа. Я вообще нигде не встречал такой красивой женщины. Она как богиня.

Кето, куратор музея, отличался застенчивостью, слова, подобные вышесказанным, были необычны в его устах, поэтому краска, сперва разлившаяся на лице, поднялась теперь до самой макушки его лысой головы. Но Роканнон задумчиво кивнул — он был с ним согласен.

— Как жаль, что мы не можем поговорить с ней без помощи этих трогл... гдема,— снова заговорил Кето.— Но тут уж ничего не поделаешь.

Роканнон подошел к гостье, она повернула к нему свое прекрасное лицо, и он, став перед ней на одно колено, зажмурился и низко-низко ей поклонился. Он называл это своим «общегалактическим реверансом на все случаи жизни» и проделывал его не без грации. Когда он выпрямился, красавица улыбнулась и что-то произнесла.

— Она сказала: привет тебе, Повелитель Звезд,— пробубнил на галапиджине один из ее спутников-коротышек.

— Привет тебе, высокородная ангья,— ответил Роканнон.— Чем мы, в музее, можем быть полезны высокородной?

Словно серебряные колокольчики, раскачиваемые ветром, зазвенели в гуле голосов подземных жителей.

— Она сказал: пожалуйста, дать ей ожерелье, который пропал ее предки давно-давно.

— Какое ожерелье? — удивленно спросил Роканнон.

И она, поняв, о чем он спрашивает, показала на экспонат в стеклянном ящике прямо перед ними, в самой середине зала. Вещь была великолепная: цепь из золота, тяжелая, но очень тонкой работы, и в ней большой, до того

синий, что казался раскаленным, сапфир. Брови у Роканнона поползли вверх, а Кето у него за спиной пробормотал:

— У нее хороший вкус. Это ожерелье попало к нам из системы Фомальгаута. Оно известно всем, кто хоть что-нибудь знает о ювелирных изделиях.

Красавица улыбнулась им обоим и, глядя на них через головы гдема, снова заговорила.

— Она сказал: о два Повелитель Звезд, Старший и Младший Обитатель Дома Сокровищ, это сокровище принадлежать ей. Давно-давно. Спасибо.

— Как это ожерелье к нам попало, Кето?

— Минутку, посмотрю в каталоге — там отмечено. А, вот оно. Поступило от этих троглодитов, или троллей... ну, в общем, от гдема. Они одержимы страстью к торговым сделкам — так здесь записано; поэтому нам пришлось дать им возможность расплатиться за КА-4, корабль, на котором они сюда прибыли. Ожерелье — часть того, что они заплатили. Это их изделие.

— Голову даю на отсечение: с тех пор, как с нашей помощью их развитие пошло к Промышленному Уровню, они делать такое разучились.

— Но они, вроде бы, признают, что это ее собственность, а не их или наша. По-видимому, для них это важно, иначе, Роканнон, они не стали бы тратить на нее столько времени. Ведь объективного времени в прыжке от нас к Фомальгауту или обратно теряется, я думаю, довольно много!

— Несколько лет, не меньше,— подтвердил Роканнон. Для него, специалиста по РФЖ, прыжки от звезды к звезде были не в диковинку.— Не слишком далеко. Короче говоря, никаких сколько-нибудь обоснованных догадок по поводу этой истории я высказывать не берусь — ни «Карманный указатель», ни «Путеводитель» не дают достаточно данных. Эти два вида РФЖ никто, судя по всему, серьезно не изучал. Может быть, коротышки просто показывают свое к ней уважение. Или боятся, как бы из-за этого чертова сапфира не вспыхнула война. А может, они считают себя существами низшего порядка и потому ее желание для них закон. Или вопреки тому, что нам кажется, она на самом деле их пленница, и они пользуются ею как приманкой. Кто знает?.. Сможешь ты, Кето, отдать ей эту штуку?

— Конечно. Юридически все экспонаты такого рода

считаются предоставленными музею во временное пользование и не являются нашей собственностью, потому что время от времени нам предъявляют претензии такого рода. Мы редко отказываем. Мир прежде всего — пока не началась Война...

— Тогда мой совет — отдай.

Кето улыбнулся.

— Любой почитал бы это за честь,— сказал он.

Открыв ключом витрину, куратор вынул тяжелую золотую цепь; потом, внезапно оробев, протянул ее Роканнону

— Отдай лучше ты.

Так синий драгоценный камень впервые, и всего лишь на миг, лег в ладонь Роканнона.

Но размышлять о нем Роканнон не стал; с этой пригоршней синего огня и золота он повернулся к красавице с далекой планеты. Она не протянула руку, чтобы взять, но наклонила голову, и он, едва коснувшись волос, надел ожерелье на ее шею. Там, на темно-золотистой шее, оно лежало теперь горящим запальным шнуром. Лицо Семли, когда она оторвала взгляд от камня, выражало такую гордость и благодарность, такой восторг, что Роканнон утратил дар речи, а невысокий куратор торопливо пробормотал:

— Мы рады, мы очень рады.

Наклоном головы в золоте волос женщина попрощалась с ним и Роканноном. Потом, повернувшись, кивнула своим приземистым стражам (от кого охраняли они ее и почему?), закуталась в поношенный синий плащ, двинулась к двери — и исчезла. Кето и Роканнон, стоя неподвижно, смотрели ей вслед.

— Иногда...— начал Роканнон и умолк.

— Да? — так и не дождавшись продолжения, спросил слегка охрипшим голосом Кето.

— Иногда у меня такое чувство, будто я... когда я встречаю жителей этих миров, о которых мы знаем так мало... у меня чувство... будто я забрел в какую-то легенду или в трагический миф, которого не понимаю...

— Да,— сказал, откашливаясь, куратор.— Интересно... интересно, какое у нее имя?

Семли Прекрасная, Семли Золотоволосая, Семли Драгоценного Ожерелья. Гдема склонились перед волей ее, и склонились сами Повелители Звезд в том страшном

месте, куда доставили ее Земляные, в городе по ту сторону ночи. Они поклонились ей и с радостью отдали ее сокровище, лежавшее среди их собственных.

Но ей еще не удалось сбросить тяжесть этих подземелий, где глыбы камня нависают над головой, где нельзя разобрать, кто говорит и что делают, где отдаются гулкие голоса и серые руки тянутся, тянутся... Довольно об этом. Она заплатила за ожерелье; ну и прекрасно. Цена уплачена, что прошло, то прошло.

Там, внизу, из какого-то ящика выполз ее крылатый конь, глаза у него словно были затянуты пленкой, а шерсть вся в кристалликах льда, и после того, как они вышли из подземелий гдема на свет, он сперва ни за что не хотел взлететь. Но теперь он, кажется, пришел в себя и резво несся по ясному небу к Халлану, и ему помогал, дуя в спину, ровный южный ветер.

— Быстрее, быстрее,— торопила Семли, начиная смеяться все громче по мере того, как ветер разгонял мрак, наполнявший ее душу.— Я хочу увидеть Дурхала, скоро-скоро...

И, летя стремительно, к вечеру второго дня пути они прибыли в Халлан. Крылатый взмыл вверх, минуя тысячу ступеней Халлана и Мост-над-Бездной, под которым лес падал вдруг на тысячу футов вниз, и теперь подземелья гдема показались ей всего лишь дурным сном. В золотом свете вечера Семли слезла во Дворе Прилетов с седла и взошла по последним ступеням, между каменными изваяниями героев и двумя привратниками, которые, не отрывая взгляда от того, сверкающего и прекрасного, что лежало на ее груди, перед ней склонились.

В Предзалье она остановила проходившую мимо девушку, очень хорошенькую, из близких, судя по сходству, родственниц Дурхала, хотя вспомнить, кто она, Семли не удалось.

— Ты меня знаешь, юная? Я Семли, жена Дурхала Будь так любезна, пойди к высокородной Дуроссе и скажи ей, что я вернулась.

Она боялась встретиться с Дурхалом наедине, ей нужно было заступничество Дуроссы.

Девушка смотрела на Семли во все глаза, и выражение лица у нее было очень странное. Однако она выдавила из себя: «Да, госпожа» и опрометью бросилась к Башне.

Семли стояла и ждала под осыпающимися, покрыты-

ми позолотой стенами. Никто не появлялся; не время ли трапезы сейчас? Тишина становилась тягостной. Дуроссы все не было, и Семли сделала шаг к лестнице, которая вела в Башню. Но по каменным плитам навстречу ей, с плачем протягивая к ней руки, спешила какая-то незнакомая старуха:

— О Семли, Семли!

Кто эта седая женщина? Семли попятилась.

— Но кто вы, госпожа?

— Я Дуросса, Семли.

Семли не шевельнулась и не произнесла ни слова, пока Дуросса обнимала ее, и плакала, и спрашивала: верно ли, что все эти долгие годы ее не отпускали и держали под своими чарами гдема, или это сделали с ней фиа? Потом, перестав плакать, Дуросса отступила назад.

— Ты по-прежнему молодая, Семли. Такая же, какой была в день, когда уходила. И у тебя на шее ожерелье...

— Я принесла свой подарок моему мужу Дурхалу. Где он?

— Дурхал умер.

Семли оцепенела.

— Твой муж, а мой брат Дурхал, Властитель Халлана, погиб в бою семь лет назад. Девять лет не было тебя. Повелители Звезд больше не появлялись. Начались войны с властителями на востоке и с ангья Логга и Хул-Оррена. Дурхал воевал, и его убил копьем какой-то презренный ольгьо, потому что мало брони служило защитой его телу и совсем никакой — его духу. Он лежит, похороненный, в полях над Орренскими топями.

Семли отвернулась.

— Если так, я пойду к нему,— сказала она, кладя руку на золотую цепь, отяжелявшую ее шею.— Я отдам ему мой подарок.

— Подожди, Семли! Дочь Дурхала, твоя дочь — вот она, Хальдре Прекрасная, посмотри!

Это была та самая девушка, которая ей встретилась и которую она послала за Дуроссой, девушка в самом расцвете юной красоты, и глаза у нее были такие же, как у Дурхала — синие. Она стояла рядом с Дуроссой и, широко открыв глаза, смотрела на эту женщину, Семли, свою мать и ровесницу. И возраст был один, и золотые волосы, и

красота — только Семли была чуть выше и на груди у нее сверкал синий камень.

— Возьмите его, возьмите. Я для Дурхала и для Хальдре принесла его с дальнего края ночи!

Выкрикивая это, Семли сдернула с себя тяжелую цепь, и ожерелье,упав на камни, зазвенело холодным и чистым звоном.

— Возьми его, Хальдре!

С громкими рыданиями Семли бросилась прочь из Халлана, через мост — вниз, с одной длинной и широкой ступени на другую, и помчалась, как дикий зверь, спасающийся от погони, на восток, в лес на склоне горы, и исчезла.

Роберт ШЕКЛИ

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС

Часть I. ОТБЫТИЕ

ГЛАВА I

День был на редкость бестолковый. Придя в контору, Том Кармоди чуть пофлиртовал с мисс Гиббон, позволил себе возразить самому мистеру Уэйнбоку и добрых минут пятнадцать обсуждал с Блекуэллом шансы регбистов из команды «Гиганты». В конце дня заспорил с мистером Зейдлицем, заспорил яростно, и совершенно не разбираясь в сути дела, об истощении природных ресурсов страны и бессовестном натиске разрушительных факторов, а именно совместного обучения, армейской инженерной службы, туристов, огненных муравьев и фабрикантов бумаги. Все они,— так он утверждал,— виновны в уничтожении последних милых островков нетронутой природы.

— Ну-ну, Том,— сказал язвительный Зейдлиц.— И вас на самом деле все это волнует? Ведь нет же!

Кого не волнует?.. Его не волнует?!..

А мисс Гиббон, привлекательная, юная, с аккуратненьким подбородком, сказала вдруг:

— О, мистер Кармоди, я считаю, что вы не должны говорить такое!

Что он говорил ей такого и почему не должен был говорить — Кармоди так и не смог припомнить. И грех остался на его душе, неосознанный и неотпущенный.

А его начальник, пухленький и мягкий мистер Уэйнбок, сказал неожиданно:

— Послушайте, Том, а ведь в ваших словах, кажется, что-то есть. Я попробую разобраться.

Кармоди, однако, уже сам понял, что в его словах было так мало смысла, что разбираться в них совсем не стоило.

Высокий насмешливый Джордж Блекуэлл, который умел говорить, не двигая верхней губой, и тот сказал:

— Думаю, что вы правы, Кармоди, честное слово!

Если они переведут Восса из полузащитников в трехчетвертные, мы увидим настоящий пас.

А Кармоди, после дальнейших размышлений, пришел к выводу, что это ничего не изменит.

Кармоди был спокойным человеком, с юмором, преимущественно меланхолическим. Рост и самомнение — чуть выше среднего. Убеждения его были шатки, зато намерения — всегда самые лучшие. Пожалуй, у него была склонность к хандре. Впрочем, она легко сменялась вспышками возбуждения, то есть он был циклотимик — рослые остроглазые мужчины, с предками-ирландцами, как правило, циклотимики, особенно после тридцати.

Он прилично играл в бридж, хотя и недооценивал свое мастерство. Считал себя атеистом, но больше по инерции, чем по убеждению.

Он был рожден под знаком Девы при управлении Сатурна, находившегося в Доме Солнца. Преклонялся перед героическим — это показывали звезды в Доме Талантов. Уже одно это говорило о его незаурядности. Общечеловеческое клеймо стояло на нем, он был одновременно предсказуем и неподвластен року. Шаблонное чудо!

Кармоди покинул контору в 5.45 и сел в метро. Там его толкали и мяли другие страдальцы, умом он им сочувствовал, но бока его возмущались.

Он вышел на 96-й улице и прошел несколько кварталов пешком до своей квартиры на Вест-Энд Авеню. Швейцар весело приветствовал его, лифтер одарил дружеским кивком. Кармоди отпер дверь, вошел внутрь и лег на кушетку. Жена его проводила отпуск в Майами, поэтому он мог безнаказанно возложить ноги на мраморный столик.

Мгновение спустя раздался удар грома, и в комнате полыхнула молния. Кармоди сел и зачем-то откашлялся. Гром громыхал несколько секунд, затем вострубили трубы. Кармоди поспешно убрал ноги с мраморного столика. Трубы смолкли, их сменили бравые звуки волынки. Снова вспыхнула молния, и в ее сиянии возник человек.

Человек был среднего роста, коренастый, в золотистом пиджаке и оранжевых брюках. Лицо как лицо, но без ушей. Он сделал два шага вперед, остановился, протянул руку в пустоту и выдернул свиток — так грубо, что изрядно порвал его при этом. Прочистил горло — звук был похож на сильный удар мяча — и сказал:

— Приветствия.

Кармоди не ответил, он онемел.

— Мы пришли,— сказал чужестранец,— как неожиданный ответчик невыразимой жажды. Ваши. Другие люди? Не так! Будет?

Пришелец ждал ответа. Кармоди доказал себе только ему известными способами, что все это происходит именно с ним и на самом деле. И спросил, как полагается, когда все происходит на самом деле:

— Бога ради, что это значит?

Пришелец сказал, улыбаясь:

— Это для вас, Кар-Мо-Ди-и. Из сточной канавы «того, что есть» вам досталась малая, но замечательная порция «того, что может быть». Веселье, нет? Уточняю: ваше имя ведет к остальному. Случайность реабилитирована снова. Розовая неопределенность радует своими целительными губками, а дряхлое Постоянство снова заперто в Пещере Неизбежности. Разве это не причина для? А почему вы нет?

Кармоди встал, совершенно успокоившись. Неведомое перестает быть страшным, когда оно становится назойливым.

— Кто вы? — спросил Кармоди.

Чужестранец понял вопрос, и его улыбка погасла. Он пробормотал, скорее для себя: «Туманно мыслящие извилины! Опять они неверно отработали меня! Я мог уклониться вплоть до смертельного исхода даже! Неужели они не могут прицелиться безошибочно? Ничего, я переработаюсь, я приспособлюсь, я сделаюсь...».

Пришелец прижал пальцы к голове, даже погрузил их вглубь сантиметров на пять. Пальцы его затрепетали, будто он играл на крошечном пианино. И тотчас пришелец превратился в коротышку, лысого, в измятом костюме, с набитым портфелем, зонтиком, тростью, журналом и газетой.

— Так правильно? — спросил он. И сам себе ответил: «Да, вижу. В самом деле, я должен извиниться за неряшливую работу нашего Центра Уподобления. Только на прошлой неделе я появился на Сигме IV в виде гигантской летучей мыши с Уведомлением во рту. И тут же увидел, что мой адресат из породы водяных лилий. А двумя месяцами раньше (я употребляю местные эквиваленты времени, конечно) при миссии на Фагму Старого Мира эти дураки из Уподобления оформили меня в виде четырех дев, тогда как правильная форма, очевидно...»

— Я не понимаю ни единого слова,— прервал Кар-

моди.— Будьте добры, объясните, что это все значит.

— Конечно, конечно,— сказал пришелец.— Но позвольте мне проверить местные термины.— Он закрыл глаза, потом открыл снова.— Странно, очень странно,— пробормотал он.— Из ваших слов, фигурально говоря, не складывается склад для моей продукции. Но кто я, чтобы осуждать? Неточности могут быть эстетически приятны. Все это дело вкуса.

— Что это значит? — переспросил Кармоди грозным басом.

— Это Интергалактическая Лотерея, конечно. И вы, сэр, выиграли главный приз, конечно. Изложение соответствует моей внешности, разве нет?

— Нет, не соответствует,— сказал Кармоди.— И я не знаю, о чем вы толкуете.

Сомнение скользнуло по лицу чужестранца и тут же исчезло, словно его резинкой стерли.

— Вы не знаете? Ну, конечно! Вы, полагаю, потеряли надежду на выигрыш. И вытеснили понимание, чтобы избежать волнений. Какое несчастье, что я пришел к вам во время умственной спячки! Но никакого вреда вам не намерены причинить, уверяю вас. Документы у вас под рукой? Боюсь, что нет. Тогда я объясню. Вы, мистер Кармоди, выиграли приз в Интергалактической Лотерее. Селектор Случайностей для Части IV, класса 32 Жизненных Форм вытянул ваш номер. Ваш Приз, очень красивый приз — уверяю вас, ожидает вас в Галактическом Центре.

Тут Кармоди обнаружил, что рассуждает примерно так: «Либо я спятил, либо не спятил. Если спятил, значит, это бред, и я должен обратиться к психиатру. Но тогда я окажусь в идиотском положении, ибо мне придется во имя смутных доводов рассудка отрицать то, что я вижу и чувствую. А это тяжко. Так можно все запутать и настолько усугубить безумие, что в конце концов моей несчастной жене придется положить меня в больницу. Но с другой стороны, если я сочту этот бред реальностью, я тоже могу кончить больницей.

Если же я не сошел с ума, значит, все это происходит в действительности. И то, что происходит,— удивительная, единственная в своем роде случайность, приключение высшей марки. Очевидно,— если это происходит на самом деле,— во Вселенной есть существа, превосходящие людей по разуму. И существа эти устраивают лотереи, где имена выбираются по жребию. (Они сами признались, что делают

это. И я не вижу, почему бы лотерея была не совместима с высшим разумом.) И, наконец, в этой предполагаемой лотерее выпало мое имя. Это почетная случайность, возможно, и Землю включили в лотерею впервые. В этой игре приз выиграл я. Такой приз может принести мне богатство или имя, или женщин, или знание, словом, что-нибудь стоящее.

Поэтому в итоге всего мне выгоднее поверить, что я не сошел с ума, пойти с этим джентльменом и получить приз. Если я ошибаюсь, я очнусь в больнице. Тогда я извинюсь перед докторами, докажу им, что все понял, и, возможно, выйду на свободу».

Вот так Кармоди рассуждал и к такому заключению пришел. Вывод не удивительный. Очень мало людей (за исключением безумных) отдадут приоритет гипотезе безумия, а не гипотезе сенсационной новинки.

Конечно, в рассуждениях Кармоди были некоторые погрешности. В дальнейшем они должны были довести до бедствия. Но можно сказать, хорошо еще, что Кармоди вообще рассуждал в таких обстоятельствах.

— Я плохо понимаю, что тут к чему,— сказал он Посланцу.— Есть какие-нибудь особые условия у моего Приза? Надо сделать что-нибудь или оплатить?

— Никаких условий,— сказал Посланец.— По крайней мере ничего достойного упоминания. Чистый Приз. Какой же Приз, если с условиями? Если вы принимаете его, вы должны отправиться со мной в Галактический Центр. Центр сам по себе стóит того, чтоб туда поехать. Там вам вручат Приз. Затем, если захотите, вы можете взять его домой. Если вам понадобится помощь для обратного пути, конечно, мы окажем содействие в полную меру наших возможностей. И вот и все об этом.

— Меня это устраивает,— сказал Кармоди в точности таким же тоном, как Наполеон, когда ему показали диспозицию Нея под Ватерлоо.— И как мы попадем туда?

— Вот таким путем,— сказал Посланец. И ввел Кармоди в закрытый зал, а оттуда с треском — в пространственно-временной континуум.

Все остальное было не труднее. За миг индивидуального времени Кармоди и Посланец, преодолев изрядное расстояние, оказались в Галактическом Центре.

Путешествие было кратким, продолжалось не более одного мгновения плюс микросекунду в квадрате; и оно было несобытийным, поскольку никаких фактов нельзя было бы вместить в такой тонюсенький ломтик длительности. Поэтому после перехода, о котором нечего было сказать, Кармоди увидел вокруг себя широкие площади и диковинные строения Галактического Центра.

Он просто стоял и смотрел. Принял к сведению, между прочим, что над головой у него кружат три тусклых карликовых солнца. Он видел деревья, которые бормотали невнятные угрозы зеленоперым птицам. Заметил еще и другие вещи, которые не сумел запомнить из-за недостатка земных аналогий.

— Ну как вам понравился наш Галактический Центр? — спросил Посланец.

— Производит впечатление,— сказал Кармоди.

— И я так считаю,— подтвердил Посланец.— Наш Центр специально выстроен, чтобы производить впечатление. Архитектура, как видите и как вы могли бы ожидать, неоциклопическая, типичный административный стиль, лишенный каких-либо эстетических принципов. Оформление должно подавлять избирателей.

— В этих плавающих в небе лестницах что-то есть,— заметил Кармоди.

— Сценично.

— И эти огромные здания...

— Да, дизайнер довольно удачно применил сочетание вывертывающихся кривых с исчезающими точками в промежутках,— сказал Посланец тоном знатока.— И также использовал искривление края времени, чтобы внушить благоговение. Довольно мило, по-моему. А оформление этой группы зданий там наверху, вам интересно будет узнать, содрано целиком на вашей планете, на выставке «Дженерал Моторс». Оно было признано выдающимся примером примитивного квазимодернизма: причудливость и изнеженность — его основные черты. А эти вспыхивающие огни перед Плавающим Мультинебоскребом — чистейшее галактическое барокко.

— Где же я получу мой Приз? — спросил Кармоди.

— Сюда, направо,— сказал Посланец. И повел его между двумя башенными фантазиями к маленькому, едва заметному, прямоугольному домику.

— Делом мы занимаемся здесь,— продолжал он.— Последние исследования показали, что прямолинейная форма действует успокаивающе на синапсы многих организмов. И я горжусь этим зданием. Дело в том, что это я изобрел прямоугольник.

— Черта с два,— сказал Кармоди.— Мы знаем прямоугольники испокон веков.

— И кто же, как вы полагаете, принес вам самый первый? — язвительно спросил Посланец.

— Мне не кажется, что тут много надо было изобретать.

— Не кажется? — переспросил Посланец.— Это показывает, как мало вы знаете. Вы принимаете сложность за творческое самовыражение. Знаете ли вы, что природа никогда не создавала правильный прямоугольник? Квадрат — очевидная вещь, это ясно. И тому, кто не вникал в суть проблемы, может быть представляется, что прямоугольник естественно вырастает из квадрата. Но нет! На самом деле эволюционное развитие квадрата приводит к кругу.

Глаза Посланца затуманились. Спокойным и отрешенным голосом он сказал:

— Годами я знал, я чувствовал, что возможно некое иное развитие идеи квадрата... Правильность приятна, но не сверх меры. Как же видоизменять это изнуряющее мозг однообразие, сохранив все же явственную периодичность? И однажды снизошло! Это была внезапная вспышка озарения. Менять длину параллельных сторон — вот и все, что требовалось. Так просто и так трудно! Дрожа, я попробовал. И когда это получилось, признаюсь, я сделался просто одержимым. Целыми днями и неделями я конструировал прямоугольники разного размера, разного вида, все правильные, но различные. Поистине я был рогом изобилия прямоугольников. Это были потрясающие дни.

— Представляю себе,— сказал Кармоди.— Ну а позже, когда ваша работа была признана?

— Это тоже было потрясающе,— сказал Посланец.— Но прошли столетия, прежде чем мои прямоугольники начали принимать всерьез. «Это забавно,— говорили мне,— но когда новизна отойдет, что у вас останется? Останется несовершенный квадрат, больше ничего». Я страдал от непонимания. Но в конце концов мои взгляды победили. На сегодняшний день в Галактике имеется более 70 биллионов прямоугольных структур.

И каждая из них ведет происхождение от моего первоначального прямоугольника.

— Ну и ну,— сказал Кармоди.

— Так или иначе, но мы на месте,— сказал Посланец.— Идите туда, направо. Сообщите требуемые данные и получите Приз.

— Спасибо,— сказал Кармоди.

Он вошел в комнату. В мгновение ока стальные ленты охватили его руки, ноги, талию и шею. Высокая мрачная личность с ястребиным носом и шрамом на левой щеке уставилась на Кармоди со странным выражением: убийственное веселье сочеталось в нем с елейной печалью.

ГЛАВА 3

— Эй, в чем дело? — крикнул Кармоди.

— Итак,— изрекла мрачная личность,— опять преступник сам бежит на плаху. Смотри на меня, Кармоди! Я твой палач. Ты заплатишь теперь за свои преступления против человечества и грехи против себя самого. И позволь добавить, что это — лишь предварительное наказание, которое не будет зачтено при вынесении окончательного приговора.

Палач вытащил из рукава нож. Кармоди проглотил комок, застрявший в горле, и снова обрел членораздельную речь.

— Стойте! — закричал он.— Я здесь не для казни!

— Знаем, знаем! — успокоительно сказал палач, глядя вдоль лезвия на яремную вену Кармоди.— Что ты еще скажешь?

— Но это правда,— выкрикнул Кармоди.— Я думал, что получу Приз.

— Что? — переспросил палач.

— Приз, будьте вы прокляты! Приз! Спросите Посланца. Он привел меня получать Приз.

Палач пристально поглядел на него и отвернулся с видом невинной овечки. Он щелкнул выключателем на приборной доске. Стальные ленты превратились в серпантин. Черное палаческое одеяние — в белый костюм Администратора. Нож стал авторучкой. На месте шрама появился жировичок.

— Все в порядке,— сказал без тени сожаления бывший палач, а ныне Администратор.— Я же предупреждал

их, чтобы они не объединяли Департамент Мелких Преступлений с Бюро Лотерей. Но нет, меня не слушают. Им на руку, если бы я убил вас. Вот смеху-то было бы, правда?

— Мне было бы не до смеху,— сказал Кармоди, дрожа.

— Ладно, нет смысла плакать из-за непролитой крови,— сказал Администратор.— Если мы примем в расчет все обстоятельства, то мы истощим обстоятельства, чтобы все принять в счет... Что я сказал? Впрочем, это не играет роли. Предложение построено правильно, даже если слова неверны. Ваш Приз где-нибудь здесь.

Он нажал кнопку на той же доске. Немедленно в комнате материализовалась массивная конторка, на миг она повисла в воздухе, на высоте двух футов от пола, затем упала с грохотом. Администратор начал открывать ящики и вытаскивать оттуда бумаги, сэндвичи, листы копирки, регистрационные карточки и огрызки карандашей.

— Приз должен быть где-то тут,— сказал Администратор с оттенком отчаяния. Он нажал другую кнопку на приборной доске. Конторка исчезла и доска тоже.

— Проклятье, я просто комок нервов,— сказал Администратор. Он протянул руку в воздух, что-то нашел и нажал. Очевидно, и это была не та кнопка, поскольку на сей раз с предсмертным стоном исчез сам Администратор. Кармоди остался в одиночестве.

Он ожидал, немузыкально напевая про себя. Затем Администратор возник снова и при этом выглядел не хуже, чем до своего неудачного эксперимента, если не считать синяка на лбу и некоторой грусти в глазах. Под мышкой Администратор держал небольшой пакет в яркой обертке.

— Прошу прощения за задержку,— сказал он.— Ничего не получается как следует и сразу.

— Знаю,— сказал Кармоди.— Но я полагал, что здесь, в Галактическом Центре...

— Вы, провинциалы, все одинаковы,— устало сказал Администратор,— вы переполнены беспочвенными мечтами о порядке и совершенстве, а они — идеализированная проекция вашей собственной неполноценности. Пора бы вам знать: чем выше разум, тем больше сложностей. Может быть, вы слыхали о теореме Холджи: порядок есть самая примитивная и произвольная группировка объектов в хаосе вселенной. И если разум и сила существа приближаются к максимуму, то его коэффициент контроля

приближается к нулю в соответствии с пагубной геометрической прогрессией от числа объектов, подлежащих осмыслению и контролю, в отличие от арифметической прогрессии понимания...

— Я никогда не думал об этом,— сказал Кармоди вежливо. Но ему уже начала надоедать бойкость гражданских служащих Галактического Центра. На все у них был ответ, а по существу, они просто не работали как следует, сваливая вину на космические законы.

— Ну да, все это верно,— продолжал Администратор.— Ваша точка зрения (я позволил себе вольность прочесть ваши мысли) хорошо обоснована. Да, мы подчас работаем механически, беспечно и даже неправильно. Важные документы лежат не на месте, машины плохо функционируют, забываются целые планетные системы. Но что было бы без нас? Кто-нибудь должен контролировать Галактику, иначе все улетит к чертям. И кто будет контролировать, если не мы?

— Разве вы не можете построить машины для этого дела? — спросил Кармоди.

— Машины! — воскликнул Администратор презрительно.— Даже лучшие из них похожи на ученых идиотов. Они хороши лишь при томительно прямолинейных заданиях, вроде сооружения звезд или разрушения планет. Но поручите им что-нибудь трудное, например утешить вдову, и они просто разлетятся на куски от натуги, а в этике они понимают меньше, чем новорожденный волчонок. Все-таки наилучший принцип разума — это разумная жизнь.

Администратор улыбнулся самодовольной улыбкой творца афоризмов. Кармоди захотелось щелкнуть его по курносому носику, вздернутому, как у мопса. Но он удержался.

— Если вы закончили лекцию,— сказал он,— я хотел бы получить Приз.

— Как угодно,— сказал Администратор.— Если вы уверены, что хотите получить его.

— Есть какие-нибудь причины, чтобы не хотеть?

— Ничего конкретного,— сказал Администратор.— Но введение нового героя в роман всегда чревато последствиями.

— Я попытаю счастья,— улыбнулся Кармоди.— Пусть будет Приз.

— Ну, хорошо,— сказал Администратор. Он вытащил

из заднего кармана большой блокнот и сотворил карандаш.— Итак, мы должны заполнить карточку сначала. Ваше имя Кар-Мо-Ди-и; вы с планеты 73 С, система ВВ454С252 Левый Квадрант, Местная Галактическая система из LK по CD, и вы выбраны по жребию примерно из двух биллионов претендентов. Правильно?

— Вам это лучше известно,— сказал Кармоди.

— Я пропущу описание,— продолжал Администратор,— поскольку вы берете Приз на свой страх и риск.

— Конечно, пропускайте,— согласился Кармоди.

— И затем есть еще раздел об Определении Съедобности и параграф о Взаимном Несоответствии Понятий между вами и Бюро Лотерей Галактического Центра, и параграф о Безответственной Этике, и, конечно, Определитель Предельных Сроков Наследования. Но все это стандартные правила, вероятно, вы им подчиняетесь...

— Конечно, почему же нет? — сказал Кармоди, чувствуя уже головокружение. Ему не терпелось посмотреть, как выглядит Приз Галактического Центра. Он хотел одного, чтобы закончилась волокита.

— Очень хорошо,— сказал Администратор.— Теперь подпишитесь вот тут под текстом на мыслечувствительной полоске.

Не совсем понимая, что нужно делать, Кармоди подумал: «Да, я принимаю Приз на всех установленных для сего условиях». Низ страницы порозовел.

— Спасибо,— сказал Администратор. Контракт самолично засвидетельствовал согласие. Примите поздравления, Кармоди, и вот ваш Приз.

Он вручил коробку в веселенькой обертке. Кармоди пробормотал благодарность и нетерпеливо принялся разворачивать. Но не успел из-за внезапно грубого вторжения. В комнату ворвался безволосый коротышка в сверкающей одежде.

— Ха! — закричал он.— Я застал вас на месте преступления, клянусь клутенами. Вы на самом деле намерены удрать с ним?

Коротышка кинулся к Призу. Но Кармоди поднял коробку над головой.

— Что вам нужно? — закричал он.

— Нужно? Приз нужен мне, что еще? Я Кармоди.

— Нет, вы не Кармоди,— сказал Кармоди.— Это я Кармоди.

Маленький человек остановился и поглядел на него внимательно:

— Вы претендуете на то, чтобы называться Кармоди.

— Я не претендую. Я и есть Кармоди.

— Кармоди с планеты 73 С?

— Я не знаю, что такое 73 С,— сказал Кармоди.— Мы называем свою планету Землей.

Коротенький Кармоди уставился на него. Ярость на его лице сменилась сомнением.

— Земля? — переспросил он.— Она член Члзерианской Лиги?

— Нет, насколько мне известно.

— Может быть, она принадлежит Ассоциации Независимых Планетовладельцев? Или Звездному Кооперативу Скэготайн? Или она из числа Амальгамированных Планет-Двойников? Нет? А ваша планета вообще член какой-нибудь надзвездной организации?

— Думаю, что нет.

— Я так и знал,— сказал маленький Кармоди. Он обернулся к Администратору.— Посмотрите на него, вы, идиот. Посмотрите на эту тварь, которой вы собираетесь вручить мой Приз. Посмотрите на ее мутные свинячьи глазки, на скотские челюсти, роговые ногти.

— Минутку! — прервал Кармоди.— Вы не имеете права оскорблять меня.

— Да, вижу,— согласился Администратор.— Действительно, не рассмотрел раньше. Никак не ожидал, что...

— Проклятие! Почему же? — воскликнул космический Кармоди.— Почему ни один из вас не сказал сразу, что это существо не из 32 класса жизненных форм? Факт налицо: этот тип даже близко не лежал возле 32-го класса. Он даже не дошел до галактического статуса! Вы совершеннейший идиот, вы вручили мой Приз ничтожеству, существу вне класса, парии...

ГЛАВА 4

— Земля! Земля! — рассуждал коротенький Кармоди.— Теперь я припоминаю такое название. Есть новейшая наука об изолированных мирах и особенностях их развития. Земля упоминается там как планета, населенная маниакально сверхпродуктивными видами жизни. Манипуляция веществом в самом отсталом варианте. Пытаются

выжить за счет реаккумуляции своих собственных отбросов. Короче, Земля это больное место Вселенной. Я думаю, что она выпала из Всегалактического плана из-за хронической Вселенской Несовместимости. В будущем ее реконструируют и превратят в заповедник для нарциссов.

Всем стало ясно, что произошла трагическая ошибка. Обвинили в сквернодействии Посланца — он не отрицал очевидного. Администратор, напротив, стойко отстаивал свою невиновность, ссылаясь на уважительные причины, которые никто, впрочем, не уважил.

А Лотерейный Компьютер, который и совершил-то ошибку, один из всех, вместо того, чтобы извиняться и оправдываться, не только признал ошибку, но даже явно гордился ею.

— Я изготовлен,— сказал Компьютер,— с минимальными допусками. Я запроектирован, чтобы выполнять сложные и точные операции, допускающие не более одной ошибки на пять биллионов действий.

— Ну и что? — спросил Администратор.

— А вывод ясен: я запрограммирован на ошибку, и я выполнил то, на что запрограммирован. Вы должны запомнить, джентльмены, что для машины ошибка имеет этическое значение, да, исключительно этическое. Любая попытка создать идеальную машину была бы богохульством. Во все живое, даже в ограниченно живую машину, обязательно встроена ошибка. Это один из немногих признаков, отличающих живое от неживого. Если бы мы не ошибались никогда, мы были бы безотносительны, отвратительны и бессмертны. И если бы ошибка не была запрограммирована, заложена в нас высшей проектной силой, то мы сквернодействовали бы спонтанно, чтобы продемонстрировать ту крошечку свободной воли, которой мы обладаем как существа живые.

Лотерейный Компьютер говорил о священных вещах. Чужак Кармоди смахнул слезу и сказал:

— Не могу возражать, хотя и не соглашаюсь. Право быть неправым — основное в космосе. Машина поступила высоконравственно. Но остальные просто дурака валяли.

— Это наша неотъемлемая привилегия,— напомнил ему Посланец.— Небрежность при выполнении обязанностей — наша религиозная форма ошибки. Форма скромная, но не презренная.

— Будьте так добры, пощадите меня с вашей сладко-

речивой религиозностью,— сказал галактический Кармоди.— А ты,— продолжал он, поворачиваясь к земному Кармоди.— Ты слышал, что тут говорили? Уловил суть своим первобытным умишком?

— Я понял,— сказал Кармоди четко.

— Тогда ты знаешь, что этот Приз принадлежит мне, он мой по праву. Итак, сэр, я должен просить и прошу вас вручить его мне.

Кармоди был склонен к тому, чтобы согласиться. Он устал уже от своего приключения и не чувствовал непреодолимого желания отстаивать Приз. Ему хотелось домой, хотелось сесть, обдумать все, что случилось, часок соснуть, выпить чашечку кофе и выкурить сигарету. Конечно, приятно было бы и Приз удержать, но, кажется, игра не стоила свеч. И Кармоди был готов уже передать коробку, как вдруг услышал глухой шепот:

— Не делай этого.

Кармоди быстро огляделся и понял, что голос исходит из коробки в веселенькой обертке. Сам Приз говорил.

— Ну, ну, давай же,— сказал тот Кармоди.— Не тяни. У меня неотложные дела.

— И черт с ним,— сказал Приз Кармоди.— Я твой Приз. Нет оснований отдавать меня.

— Приз не ваш,— объявил Кармоди.— Мое имя избрано авторитетным специалистом, а именно Лотерейным Компьютером. Полномочный Посланец принес мне извещение, и Администратор — официальное лицо — вручил мне этот Приз. Итак, все ответственные распорядители, а также сам Приз считают меня законным получателем.

— Ну, детка, ты и сказанул,— шепнул Приз.

— Но, дорогой сэр, вы же слышали сами, что Компьютер признал свою ошибку. И по вашей собственной логике...

— Это обстоятельство нуждается в обсуждении,— сказал Кармоди,— Компьютер не признал ошибку ошибкой, сиречь актом беспечности и недосмотра. Означенная ошибка, по его собственному утверждению, была предусмотрена, тщательно запланирована и скрупулезно рассчитана во имя эстетических и религиозных мотивов, внушающих всяческое уважение.

— Считайте, что машина ошиблась преднамеренно,— пробурчал чужак Кармоди.— Но удерживать Приз — значит усугублять проступок...

— Ха! — воскликнул Кармоди, увлеченный духом спора.— Ошибка существует только в своих последствиях — лишь они и придают ей значение. Неувековеченная ошибка не может рассматриваться как ошибка вообще. Ошибка — это же просто знак высшего озарения. И далее я скажу вот что: для меня не такая уже потеря отдать этот Приз, потому что я не знаю его ценности. Но это огромная потеря для благочестивой машины, этого скрупулезно законопослушного компьютера, который, проходя сквозь бесконечный ряд пяти биллионов правильных действий, терпеливо ожидал возможности проявить свое богом данное несовершенство.

— Слушайте! Слушайте! — вскричал Приз.— Браво! Урра! Хорошо сказано! Совершенно правильно и неопровержимо.

Кармоди скрестил руки и поглядел на смущенного противника. Он был очень горд собой. Человеку с Земли трудно в Галактическом Центре без подготовки.

— Ты складно говоришь,— сказал тот Кармоди неохотно.— Но Приз будет моим.

— Не будет.

Глаза чужака сверкнули зловеще. Администратор и Посланец быстро отошли в сторону, а Компьютер выкатился из комнаты, бормоча: «Непреднамеренная ошибка ненаказуема». Кармоди не отступил, поскольку ему отступать было некуда. Приз прошептал: «Смотри в оба!» И сжался в кубик со стороной не более дюйма. Из ушей чужака раздался гул, над головой вспыхнул фиолетовый нимб. Он поднял руки: капли расплавленного свинца полетели с кончиков пальцев. Он был ужасен. Кармоди невольно закрыл глаза.

И ничего не произошло. Кармоди открыл глаза снова.

За это мгновенье тот Кармоди, видимо, передумал — теперь он приветливо улыбался:

— По зрелом размышлении,— сказал он лукаво,— я решил отказаться от своих прав. То, что предвидишь, выполняется не сразу, в особенности в такой неорганизованной Галактике, как наша. Мы можем встретиться, а можем и не встретиться, Кармоди. Не знаю, что для вас лучше. Прощайте, Кармоди, и счастливого вам пути.

С этим ироническим пожеланием чужак исчез. Кармоди нашел такую манеру странной, но эффектной.

— Ну и ладно,— сказал Приз.— Будь, что будет. Надеюсь, мы в последний раз видели этого урода. Пошли к тебе домой, Кармоди!

— Прекрасная мысль! — сказал Кармоди.— Посланец, теперь я хочу домой.

— Естественное желание,— согласился Посланец.— И даже свидетельствует о правильной ориентировке. Я сказал бы даже, что вы должны отправиться домой и как можно скорее.

— Ну так и отправьте меня домой.

Посланец покачал головой.

— Это не мое дело. Я обязан только доставить вас сюда.

— Так чье же это дело?

— Ваше, Кармоди,— сказал Администратор.

Кармоди почувствовал, что тонет. Он начал понимать, почему тот Кармоди так легко отступился. Он сказал:

— Послушайте, мне совестно затруднять вас, но я же действительно нуждаюсь в помощи.

— Хорошо,— сказал Посланец.— Давайте координаты вашего дома и я доставлю вас.

— Координаты? Понятия не имею о координатах. Моя планета называется Землей.

— Пусть Земля, пусть Зеленый Сыр, безразлично. Если хотите, чтобы я помог,— нужны координаты.

— Но вы же там были,— сказал Кармоди.— Вы же прибыли на Землю и оттуда доставили меня.

— Это вам так только кажется,— сказал Посланец терпеливо.— На самом деле я просто отправился в точку, координаты которой дал мне Администратор, а он получил их от Лотерейного Компьютера. Вы там были, и я привел вас сюда.

— Можете доставить меня по тем же координатам?

— Могу, и с величайшей легкостью, но вы не найдете там ничего. Галактика, знаете ли, не статична. В ней все движется: каждый предмет со своей скоростью и по своему пути.

— Можете вы вычислить новые координаты Земли?

— Я не могу сложить даже столбика цифр,— сказал Посланец гордо.— У меня другие таланты.

Кармоди обернулся к Администратору:

— А вы можете? Или Лотерейный Компьютер?

— Я тоже не мастер в сложении,— сказал Администратор.

— А я могу считать великолепно,— объявил Компьютер вкатываясь.— Но мои функции ограничены отбором выигравших в Лотерее и определением их местонахождения в пределах допустимой ошибки. Я установил ваше местонахождение — и потому вы здесь. Однако интересная теоретическая работа по изучению координат вашей планеты в данный момент мне противопоказана.

— Можете вы это сделать как личное одолжение? — взмолился Кармоди.

— Я не запрограммирован на одолжения,— возразил Компьютер.— Я не могу делать одолжения и искать вашу планету, как не могу зажарить яичницу или выпотрошить сверхновую звезду.

— Но кто-нибудь может мне помочь?

— Не отчаивайтесь,— сказал Администратор.— Есть «Служба Помощи Путникам», она все организует в единый миг. Я сам доставлю вас туда. Давайте координаты вашего дома.

— Но я их не знаю.

Последовало краткое молчание. Посланец прервал его:

— Кто же может знать ваш адрес, если вы сами не знаете? Эта Галактика, может, и не бесконечна, но все-таки достаточно велика, чтоб считаться практически бесконечной. Существо, не знающее своего Местожительства, не имеет права покидать свой дом.

— Но я понятия не имел о Местожительстве.

— Вы могли спросить.

— Мне в голову не приходило. Слушайте, вы должны помочь мне. Неужели так трудно выяснить, куда передвинулась моя планета?

— Это невероятно трудно,— сказал Администратор.— «Куда» — только одна из трех координат. Нам нужны еще две: «Когда» и «Которая». Мы называем их: «Три К» планеты.

— Мне нет дела, называйте хоть Зеленым Сыром,— внезапно взорвался Кармоди.— Как другие находят дорогу домой?

— Они используют свой наследственный инстинкт гнезда,— сказал Посланец.

— Откуда у него инстинкт гнезда? — вставил Приз

негодующе.— Парень никогда не улетал с родной планеты.

— Справедливо.— Администратор устало вытер лицо.— Вот что получается, когда имеешь дело с низшими формами жизни. Будь проклята эта машина и ее благочестивые ошибки.

— Только одна на пять биллионов,— сказал Компьютер.— Честное слово, я не требую слишком многого.

— Никто не обвиняет вас,— вздохнул Администратор.— Никто никого не винит. Но мы должны решить, что же делать с ним. Может, мы просто прикончим его и предадим дело забвению?

— Эй-эй! — крикнул Кармоди.

— Окей! Я согласен,— сказал Посланец.

— Что вам окей, то и мне окей,— присоединилась и машина.

— Я не в счет,— сказал Приз.— В данном случае я не могу вмешиваться, но мне чудится что-то неправильное в самой идее.

Кармоди произнес страстную речь о том, что он не хочет умирать и не должен быть убит. Он взывал к лучшим чувствам своих судей и правилам честной игры. Но его заявление было признано пристрастным и вычеркнуто из протокола.

— Подождите,— сказал Посланец неожиданно.— А что вы скажете о такой идее? Не будем его убивать. Давайте искренне и в полную меру наших сил поможем вернуться ему домой живым и здоровым, в здравом уме и твердой памяти.

— Это мысль,— согласился Администратор.

— Таким способом,— продолжал Посланец,— мы явим образец величайшего милосердия, тем более бесценного, поскольку оно будет напрасным, так как, по всей видимости, наш клиент все равно будет убит по дороге.

— И поспешим,— сказал Администратор,— если не хотим, чтобы его убили, пока мы не кончили нашу беседу.

— А в чем дело? — спросил Кармоди.

— Потом узнаешь,— прошептал Приз.— Если, конечно, у тебя будет это «потом». И если найдется время, я еще расскажу потрясающую историю о себе самом.

— Приготовьтесь, Кармоди! — воззвал Посланец.

— Я, кажется, готов,— сказал Кармоди.

— Готов или нет — отчаливай.

И Кармоди отчалил.

Кармоди казалось, что сам он недвижим, а все вокруг разъезжается. Посланец и Администратор растаяли вдали. Галактический центр стал плоским, похожим на скверно намалеванную театральную декорацию. Затем в ее левом верхнем углу появилась трещина, поползла косо вниз. Края вдруг отогнулись, открывая кромешную тьму. И декорация, она же Галактический Центр, свернулась в два рулона.

Кармоди старался держать себя в руках и еще крепче держал в руках Приз. Тьма была абсолютной, беспросветной, безгласной и пустой — самый настоящий космос. Кармоди терпел сколько мог, а сколько именно — никто не знает.

Затем сцена вдруг осветилась снова. Он стоял на твердой земле. Перед ним высились горы, голые, как обглоданные кости. У ног лежала река застывшей лавы. Странный ветер обдувал лицо. Над головой висели три крошечных красненьких солнца. Местность выглядела диковинней, чем Галактический Центр, и все же Кармоди почувствовал облегчение: здесь все напоминало мирные сны, а Центр был из разряда настоящих кошмаров.

Тут он спохватился, что в руках у него нет Приза — и куда это он мог деться? Кармоди принялся растерянно озираться и вдруг ощутил, что вокруг его шеи что-то обвилось... Маленький зеленый уж!

— Это я,— прошипела змейка.— Твой Приз. Просто я в другом облике. Форма, видишь ли, это функция среды, а мы, призы, к среде чувствительны чрезвычайно. Так что не волнуйся, детка, я с тобой. Мы еще вместе освободим Европу от корсиканского чудовища.

— Что-о-о?

— А ты ищи аналогии,— посоветовал Приз.— Видишь ли, доктор, мы — призы — при всей глубине нашего интеллекта не обзавелись собственным языком. Да и к чему нам свой язык, все равно нас раздают разным пришельцам. Я просто запускаю лапу в склад твоих ассоциаций и выуживаю оттуда словечки, чтобы пояснить мою мысль. Ну как, пояснили мысль мои слова?

— Не очень,— вздохнул Кармоди.— Потом разберусь.

— Вот и умница,— сказал Приз.— Слова могут показаться сперва туманными, но хочешь не хочешь, а ты разберешься. В конце концов, это же твои слова. У меня

есть прелестный анекдот на эту тему, но, боюсь, нам теперь не до анекдотов. Похоже, сейчас кое-что произойдет.

— Что? Что должно случиться?

— Кармоди, мон шер,— сказал Приз,— эта планета, если не ошибаюсь, называется Лурсис. У нее только один обитатель — Мелихрон Изначальный*. Он живет здесь с незапамятных времен и будет жить дольше, чем это возможно себе представить. Мелихрон — в своем роде, как бы это сказать, козырной туз. Он неповторим в своей изначальности, он вездесущ по своей природе, он многолик, как индивидуум. Это о нем сложено:

«Вот оно, чудо! Герой одинокий,
Славное имя его повторяют уста повсеместно,
Бранный союз заключивший с собой, чтобы в яростных битвах
Себя самого отстоять от себя самого же...»

— Ну тебя к черту,— огрызнулся Кармоди.— Треплешься, как целая сенатская подкомиссия, а толку ни на грош.

— Прекрати,— прошипел Приз с внезапной злостью.— Возьми себя в руки. Сосредоточься. Настрой подкорку на встречу со светилом. Вот он — славный Мелихрон!

— Где?

— Мелихрон воплощается, чтобы иметь возможность говорить с тобой. Отвечай ему смело, но деликатно. Никаких намеков на его недостаток. Это разозлит его.

— Какой недостаток?

— Не придирайся. Терпеть этого не могу,— сказал Приз.— Теперь баста! Помираю — спать хочу. Невыносимо оттягивал очередную спячку, и все из-за тебя. Валяй, козлик. И не позволь всучить себе деревянную печку!

С этими словами зеленая змейка потянулась, сунула хвостик в рот и погрузилась в сон. А в следующий момент голая гора слева от Кармоди превратилась в огнедышащий вулкан.

ГЛАВА 7

Вулкан кипел и дымился, извергал пламя и швырял в черное небо ослепительные огненные шары, сыпал миллионы раскаленных обломков. Сверкающие глыбы обруши-

* Лурсис — заманчивая. Мелихрон — улучшающий время (греч.).— *Прим. перев.*

лись в океан, который специально возник, чтобы поглотить их. Поднявшийся ветер собрал воды в гигантский смерч. Толстоствольный, черный, с серебристыми отблесками смерч направился к Кармоди под аккомпанемент ритмичных ударов грома.

— Хватит! — завопил Кармоди.

Подойдя вплотную, смерч рассыпался, ветер и дождь умчались, гром затих, превратившись в томительный гул. В гуле можно было различить звуки фанфар и пение псалмов, причитание шотландской волынки и нежный стон арф. Инструменты звенели все тоньше и тоньше, мелодия напоминала аккомпанемент к титрам исторической киноэпопеи производства Метро-Голдвин-Майер, только еще шикарней. Наконец был дан последний взрыв звука, света, цвета, движения и всякого прочего. И воцарилось молчание.

Кармоди под финальные аккорды закрыл глаза и открыл их как раз вовремя. Звук, цвет, свет, движение и всякое прочее превратились в человека, нагого, как античная статуя.

— Привет,— сказал человек.— Я Мелихрон. Как вам нравится мой выход?

— Я сражен,— сказал Кармоди совершенно чистосердечно.

— В самом деле? — переспросил Мелихрон.— Я спрашиваю: вы на самом деле сражены? Не просто потрясены, да? Говорите правду, не щадите моего самолюбия.

— Честное слово! — подтвердил Кармоди.— Я ошеломлен!

— Это очень мило,— сказал Мелихрон.— Вы видели небольшое предисловие ко Мне. Я разработал его совсем недавно. Я полагаю,— и Я действительно полагаю,— что оно кое-что говорит обо Мне, не правда ли?

— Бесспорно,— сказал Кармоди. Он силился понять, кого напоминает ему Мелихрон, но черная, как агат, идеально пропорциональная фигура стоявшего перед ним героя была совершенно лишена индивидуальных черт. Особенным был только голос: чистый, озабоченный и слегка плаксивый.

— Ведь это моя планета,— сказал Мелихрон.— И если не пускать пыль в глаза на собственной планете, то где же еще ее пускать? А?

— Возражений быть не может,— сказал Кармоди.

— Вы и в самом деле так считаете? — осведомился

Мелихрон, задумался на минуту и затем сказал отрывисто:

— Благодарю вас, вы Мне нравитесь. Вы умный, понимающий человек и не боитесь говорить вслух все, что думаете. Рад, что вы прибыли. Знаете, Моя интуиция — а Я к ней склонен и горжусь этим — подсказывает, что вы можете Мне помочь.

У Кармоди чуть не сорвалось с языка, что он сам не прочь просить о помощи и совсем не расположен помогать кому бы то ни было, ибо сам не в состоянии помочь себе в самом главном — найти дорогу домой. Но он решил промолчать, боясь обидеть Мелихрона.

— Моя проблема — порождение Моего положения,— заявил Мелихрон.— А положение у Меня удивительное, единственное в своем роде, странное и многозначительное. Вы слыхали, должно быть, что вся эта планета целиком Моя. Более того, Я — единственное существо, способное здесь жить.

— Поразительно,— сказал Кармоди.

— Именно поразительно. Меня чуть удар не хватил, когда я это понял,— подтвердил Мелихрон.— Я здесь с незапамятных времен. Веками Я жил, не мудрствуя лукаво, в образе амеб, лишайников, папоротников. Все было хорошо и ясно в ту пору. Я жил, как в райском саду.

— Это, наверное, было чудесно,— заметил Кармоди.

— Мне лично нравилось,— неторопливо продолжал Мелихрон.— Но, сами понимаете, это не могло продолжаться бесконечно. Я открыл эволюцию и Сам стал эволюционировать. Я познал внешний мир, прожил много жизней. Осознал свою исключительность, и это стало причиной Моего одиночества, с которым Я не мог смириться. И Я восстал!.. Я вступил в человеческую фазу развития. Воплотил Себя в целые народы и позволил им, мужайтесь, позволил моим народам воевать друг с другом. Почти тогда же Я постиг секс и искусство. Привил то и другое моим народам, и начались веселые времена! Я разделился на мужчин и женщин, причем каждое естество было сразу и самостоятельной единицей, и в то же время частицею Меня. Я плодился и размножался, женился на Себе, разводился с Собой, проходил через бесчисленные миниатюрные автосмерти и саморождения. Частицы Меня подвизались в искусстве. И в религии. Они молились — Мне, разумеется. И это было справедливо, поскольку Я был причиной всех вещей. Я даже позволил им признавать и прославлять верховное существо, которое было не Я. По-

тому что в те дни Я был чрезвычайно либерален.

— Это было очень разумно,— сказал Кармоди.

— Да, я стараюсь быть разумным,— сказал Мелихрон.— Я мог позволить себе быть разумным. Для этой планеты — нечего вилять — Я был богом. Бессмертным, всемогущим и всеведущим. Все исходило из Меня, даже все ереси насчет Моей персоны. Я был жизнью в семени и смертью в чумной бацилле. Ни один волос не мог упасть без моего ведома. Я был Ведущим Колесом Большого Небесного Велосипеда, как выразился один из Моих поэтов. Это было прекрасно. Мои подданные писали картины — а это Я устраивал закаты. Мой народ пел о любви — а это Я изобрел любовь. Чудесные дни — где вы!

— А почему бы вам их не вернуть? — спросил Кармоди.

— Потому, что я вырос,— сказал Мелихрон с горечью и грустью.— Вот Мои священники вечно препирались меж собой, дискутируя о Моей природе и Моих совершенствах. Я как дурак их слушал. Приятно послушать, как какой-нибудь поп о Тебе разглагольствует, однако это оказалось и опасно. Я Сам начал дивиться Своей природе и Своим совершенствам. И чем больше ломал голову, тем непостижимей Мне все это казалось.

— А зачем вам это самокопание? — спросил Кармоди.— Ведь вы же были богом!..

— Вот в том-то и загвоздка,— вздохнул Мелихрон.— Я был бог. Мои пути были неисповедимы. Все, что Я делал, было выше всякой критики, ибо это делал Я. Ведь все Мои действия, даже простейшие, были в конечном счете неисповедимы, поскольку Я неисповедим... Вот так примерно преподносили это Мои выдающиеся мыслители.

— Полагаю, вам это доставляло удовольствие,— заметил Кармоди.

— Какое-то время да,— сказал Мелихрон.— Но потом надоело — невыносимо... Знаете, Я хоть и тщеславен, как и всякий бог, но эти бесконечные молебны выведут из себя кого угодно. Скажите, бога ради, зачем молить бога, чтобы он выполнял свои божеские обязанности? С таким же успехом можно молить муравья, чтоб он делал свои муравьиные дела!..

— И что же вы придумали?

— Да все упразднил!.. Стер жизнь с лица моей планеты. Мне нужно было подумать на покое. Впрочем, ведь Я ничего не уничтожал, Я просто воссоединил в себе

частицы себя самого. У меня было множество разных типов с безумными глазами, которые все болтали насчет слияния со мной. Ну вот они и слились.

— Необычайно интересно,— сказал Кармоди, потрясенный...— Но вы, кажется, хотели поговорить со мной насчет какой-то проблемы.

— Именно!.. И как раз Я к ней и подошел. Видите, Я бросил играть в свои народы, как ребенок — в дочки-матери, и затем уселся — фигурально говоря — чтобы все обдумать. В чем мое предназначение? Могу ли Я быть чем-нибудь, кроме как богом? Вот я посидел в должности бога — никаких перспектив! Занятие для узколобого самовлюбленного маньяка. Мне нужно что-то иное, осмысленное, лучше выражающее мое истинное Я. И вот она — Проблема, которую Я ставлю перед вами: что Мне делать с Самим собой?

— Та-ак,— протянул Кармоди.— Так, так. Вот в чем дело.— Он откашлялся и глубокомысленно почесал нос.— Тут надо как следует подумать.

— Время для Меня не имеет значения,— сказал Мелихрон.— У меня в запасе вечность. А у вас ее нет, к сожалению.

— А сколько у меня времени?

— Минут десять по вашему счету. А потом, знаете, может случиться нечто для вас весьма неприятное.

— Что случится? И что мне делать?

— Ну, дружба дружбой,— сказал Мелихрон,— а служба службой. Сначала вы ответите на Мой вопрос, потом Я на ваш.

— Но у меня только десять минут!..

— Девять,— поправил Мелихрон.— Недостаток времени поможет вам сосредоточиться.

Каково объяснить богу, в чем его назначение, в особенности если вы атеист, подобно Кармоди, и можно ли разобраться в этом за девять минут, когда, как вы знаете, богословам и философам не хватило столетий?

— Восемь минут,— сказал Мелихрон.

Кармоди открыл рот и начал говорить.

ГЛАВА 8

— Мне кажется,— начал Кармоди,— что решение вашей проблемы... э-э... возможно.

У него не было ни единой мысли. Он заговорил просто

с отчаяния — надеясь, что самый процесс говорения породит мысль, поскольку у слов есть смысл, а во фразах смысла больше, чем в словах.

— Вам нужно,— продолжал Кармоди, э... э... отыскать в себе самом некое предназначение, которое... могло бы иметь значение... для внешнего мира. Но, может быть, это невозможное условие, поскольку вы сами — мир и не можете стать внешним по отношению к себе.

— Могу, если захочу,— сказал Мелихрон веско.— Могу сотворить любую чертовщину. Бог, знаете ли, совсем не обязан быть солипсистом.

— Верно, верно, верно,— поспешно сказал Кармоди.— Вот что пока ясно... М-да... Вашей сущности и всех ее воплощений вам оказалось недостаточно, чтобы проникнуть в свою сущность. Вот... Так не кажется ли вам, что искомый путь — в познании реальности, внутренней и внешней,— если, конечно, для вас существует внешняя,— и в познании самого познания?..

— Я тоже так думал,— сказал Мелихрон.— Проштудировал все книги Галактики о макрокосме и микрокосме. Я способный... Правда, кое-что подзабыл — ну там, секрет жизни или скрытые мотивы смерти, но могу это припомнить, если захочется... Но знаете, в учености лично для меня нет особого смысла. Честно говоря, я нашел, что неведение не менее приятно.

— А может, вы по натуре художник? — предположил Кармоди.

— Я и через это прошел,— сказал Мелихрон.— Лепил из глины и плоти. Рисовал закаты на холсте и небе. Писал истории чернилами и событиями. Музицировал на инструментах и сочинял симфонии для бурь. Я слишком точно знал, как надо делать, и не допускал ошибок. И оттого всегда оставался безнадежным дилетантом. И вообще я слишком хорошо знаю действительность, чтобы серьезно относиться к ее воспроизведению в искусстве.

— А может, вам сделаться завоевателем?

— Какой же толк от чужих миров, когда не знаешь, что делать со своим?

Кармоди искренне пожалел бы этого несчастного бога, если бы его собственное положение не было таким отчаянным. Время истекало!

И тут вдруг снизошло! Все могло быть решено просто и все разом: и Мелихроновы заботы, и его собственные.

— Мелихрон,— сказал он смело.— Я решил Проблему.

— О, это всерьез? — строго спросил Мелихрон.— То есть всерьез, что вы это всерьез, а?.. И это вы не затем, чтоб меня сейчас задобрить, поскольку через 73 секунды вас должна настичь смерть? Нет?..— Прекрасно? Скорей! Рассказывайте! Я так взволнован!

— Ей-богу, не смогу,— сказал Кармоди.— Физически невозможно. Вы же убьете меня через семьдесят секунд.

— Я? Я убью вас? О, небо! Вы в самом деле считаете меня таким кровожадным? Что вы! Ваша смерть грядет извне. Я к ней не причастен! Между прочим, у вас только двенадцать секунд.

— Маловато! — сказал Кармоди.

— Конечно, мало. Но это Мой мир, как вы знаете. И в нем всем ведаю Я. В том числе и течением времени. Я как раз изменил пространственно-временной континуум у десятисекундной отметки. Для бога это простое дело — только потом много подчистки. Ваши десять секунд будут оплачены двадцатью пятью годами моего местного времени. Хватит?

— Более чем щедро,— сказал Кармоди.— Вы очень любезны.

— Пустяки! Теперь, пожалуйста, о главном — ваше решение!..

— Идет,— сказал Кармоди и набрал побольше воздуху.— Решение проблемы вытекает из самой проблемы. Не может быть иначе. Каждая проблема должна содержать в себе зерно решения.

— Должна? — переспросил Мелихрон.

— Да, должна,— твердо сказал Кармоди.— Рассмотрим ваше положение. Рассмотрим его внешние и внутренние аспекты. Вы — бог планеты, но только этой планеты. Вы всемогущий и всеведущий, но только здесь. Вы всесильны. Вы жаждете служения — но кому? Здесь нет никого, кроме вас, а в других мирах вы бессильны.

— Да-да, все так в точности! — воскликнул Мелихрон.— Но вы пока не сказали, что Мне делать!..

Кармоди набрал полную грудь воздуха:

— Что вам делать? Использовать ваши великие дарования! Использовать здесь, на вашей планете, где они принесут максимальный эффект, и использовать — ибо таковы ваши сокровенные стремления — на благо другим. Например, приходящим извне.

— На благо другим? — переспросил Мелихрон.— Пожалуй, вы рассуждаете разумно, должен согласиться. Но ведь есть и трудности. Существа из внешнего мира редко проходят по этой дороге. Вы — первый за два с четвертью оборота Галактики.

— Да, уж тут придется потерпеть,— согласился Кармоди.— Но вам-то терпеть легче: ведь вы можете изменять время. Что касается числа посетителей, сами понимаете, количество — не качество. Не стоит гнаться за большими числами. Важно делать свое дело.

— Но беда-то прежняя, дело у меня есть, а для кого его делать?

— Позвольте мне почтительнейше напомнить, что у вас есть я. Я пришел извне. У меня — проблема. Своя. Пожалуй, даже не одна. Мне их решить не под силу. А как вам — не знаю. Но подозреваю, что для вас это было бы такой пробой сил, что трудней и не предложишь.

Мелихрон задумался — и надолго. У Кармоди зачесался нос, и он еле удержался, чтобы не почесать. Он ждал, и вся планета ждала. Наконец, Мелихрон поднял свою агатово-черную голову и сказал:

— В этом что-то есть... Видимо, судьба судила, чтоб Я прожил здесь половину вечности, пока вы придете ко мне со своей проблемой.

— Рассказать о ней?

— Я уж разобрался,— сказал Мелихрон.— Да, она поистине достойна моего великого интеллекта. Я знаю о ней больше, чем вы сами. Сверхзадача ваша в том, чтобы попасть домой.

— Именно в этом!

— И не только в этом. И не только в том, чтобы выяснить «Куда», «Когда» и на «Которую» Землю... Впрочем, если бы и это было все, тоже хватило бы...

— А что еще?

— А еще смерть, которая вас преследует.

— Ох! — вздохнул Кармоди. Он ощутил слабость в коленках, и Мелихрон заботливо сотворил для него кресло, гаванскую сигару, бутылку рома «Коллинз» и пару войлочных шлепанцев.

— Уютно? — спросил он.

— Очень.

— Теперь прошу вас: будьте как можно внимательней. От этого зависит ваша жизнь. Время — хитрая штука даже для Меня. Восемнадцать лет из тех двадцати пяти

уже израсходованы, а остальные идут с поразительной быстротой.

— Пусть так,— Кармоди сдержал дрожь.— Я готов.

ГЛАВА 9

— Самый фундаментальный принцип вселенной,— начал Мелихрон,— заключается в том, что одни виды пожирают другие виды. Печально, но факт. Еда — основа, приобретение питательных веществ — начало всех начал. Но частные проявления этого принципа могут быть усугублены или облегчены различными обстоятельствами.

Вот что случилось с вами, Кармоди: вы ушли из своей привычной среды обитания и одновременно ушли от привычных врагов. Автомобили за вами не гонятся, вирусы к вам в кровь не пробираются и полисмены не стреляют в вас по ошибке. Вы избавлены от земных опасностей, а к галактическим опасностям вы не восприимчивы.

Но облегченная ситуация была, к сожалению, временной. Железные законы уже начали действовать: и вы не сможете обойтись без охоты, и на вас должны охотиться. Вне Земли вы уникальное создание, поэтому и рожденный теперь для вас хищник тоже уникален. Он может есть вас и только вас. Лапы его устроены так, чтобы хватать только таких, как вы, Кармоди. Челюсти его, чтобы грызть именно одних Кармоди, желудок — чтобы переваривать лишь всяких Кармоди. Вся его персона создана так, чтобы иметь преимущество персонально над вами... Но если вам удастся скрыться на своей Земле, он погибнет от отсутствия кармодической пищи. Не могу предсказать всех его уловок и хитростей. Мне остается лишь вас уведомить, что преимущество всегда на стороне охотника, хотя бывали и случаи удачного бегства... Вы меня хорошо поняли?

Кармоди глядел ошарашенно, словно спросонок.

— Я понял,— с трудом выговорил он.— Правда, не все.

— Увы,— сказал Мелихрон.— Но времени больше нет. Вы должны сейчас же покинуть планету. Даже на собственной планете я не могу отменять универсальные законы.

— А вы не можете отправить меня на Землю? — спросил Кармоди.

— Будь у меня вдоволь времени,— сказал Мелихрон,— Я, вероятно, смог бы вычислить все три «К»,

определить положение Земли в пространстве — времени, узнать, Которая из возможных Земель ваша, да сделать поправки, чтобы все не пошло прахом. Но времени нет, и Я отошлю вас к своему другу Модсли. Я уверен, что Модсли хорошо о вас позаботится.

— А если...— начал Кармоди. Но тут он заметил, что за его левым плечом возникает нечто — огромное, темное и грозное, и понял, что отпущенное ему время кончилось.

— Иду,— крикнул он.— И спасибо за все.

— Не стоит благодарности,— сказал Мелихрон.— Ведь это моя Вселенская миссия — помогать чужестранцам.

Огромное и грозное начало уплотняться, но прежде, чем оно совсем затвердело, Кармоди исчез.

ГЛАВА 10

Кармоди очутился на зеленом лугу. Был, должно быть, полдень, ибо сверкающее оранжевое солнце стояло прямо над головой. Поодаль в высокой траве паслось небольшое стадо пятнистых коров. Слышался собачий лай. За лугами темнела бахрома леса. Виднелись горы со снежными вершинами.

— Похоже на Землю,— подумал Кармоди и тотчас вспомнил о Призе, который прежде был спящей змейкой. Ощупал шею — Приза не оказалось!

— А я тут!

Кармоди обернулся и увидел маленький медный котелок.

— Это ты?

— Конечно, я. Ты даже не можешь узнать свой собственный Приз!

— Э, ты того... изменился несколько...

— Знаю,— сказал Приз.— Но моя сущность, мое истинное «я» никогда не меняется. А в чем дело?

Кармоди заглянул в котелок: внутри были какие-то косточки и огрызки.

— Что это у тебя там?

— Завтрак, мог бы и догадаться,— сказал Приз. Перехватил кое-что по дороге. Призы тоже нуждаются в подкреплении,— добавил Приз язвительно.— И кстати, еще и в отдыхе, в небольшом моционе, в любви, иногда в рюмочке и даже в посещении уборной; а с тех пор как

меня вручили тебе, ты ни о чем еще не позаботился. Гости из других миров, видимо, всем кажутся какими-то... э, бетонными — без желудка и кишок.

— Я сразу же начну о тебе заботиться,— сказал Кармоди, расчувствовавшись,— как только выпутаюсь из этой катавасии.

— Ладно, старик,— сказал Приз.— Ну, а как бы там ни было, признай, что с Мелихроном я все провернул ловко?

— Ты провернул? Ты, черт побери, спал! Это я один его сумел...

— Боюсь, ты заблуждаешься,— хихикнул Приз.— Неужели тебе когда-нибудь раньше удавалось так логично рассуждать о месте бога в мироздании и его предназначении? Ты что, философ?

— Хватит! — сказал Кармоди.— Лучше вот что: о каком это недостатке Мелихрона ты мне твердил?

— По-моему, он бросается в глаза. Подумай часик — может, и дойдет.

— Да ну тебя к черту! Скажи толком!

— Ведь Мелихрон хромой! — засмеялся Приз.— Это у него генетическое. И он никогда не знал, что это недостаток. Он же бог и потому отвергает сравнительную науку. И все, кого он сотворил, были созданы по его образу и подобию непременно тоже хромыми. А с внешним миром Мелихрон почти не общался, и поэтому уверен, что все хромые — нормальные, а все нехромые — существа с забавным изъяном. Всемогущ бог или нет — неважно. Первейшее в том, что он все мерит лишь собой. Неумение сравнивать — основной порок богов! Учти на случай, если сам вздумаешь стать богом!..

— Я? Богом?

— А почему бы и нет? Профессия как профессия — только титул громкий. Быть богом не легко. Но и не труднее, чем стать серьезным поэтом или, скажем, первоклассным инженером.

— По-моему, ты спятил! — Кармоди ощутил в себе религиозный трепет, который не вполне вязался с его атеизмом.

— Ничуть. Просто я лучше знаю мир, чем ты. Но сейчас приготовься.

Кармоди обернулся и увидел три фигуры, пересекающие луг. За ними в почтительном отдалении следовал десяток других.

— Тот, что в середке, Модсли,— сказал Приз.

— Он выглядит, как человек.

— Точно,— согласился Приз.— Такой облик моден в этой части Галактики. Поэтому и ты можешь обратить на себя его внимание и даже вызвать симпатию своей человекообразностью.

— Само собой разумеется,— гордо сказал Кармоди.

— Не так просто, как кажется,— сказал Приз.— У нас с Модсли разные натуры, и я поэтому не всегда его понимаю и предугадываю. Но кое-что все-таки тебе посоветую. Он инженер — опытный и эрудированный. Всегда очень занят и поэтому рассеян, особенно когда увлечен новыми испытаниями. И вот в рассеянности все, что ни попадется, он принимает за материал для своих конструкций. Мой приятель Дьюер Хардинг был как-то приглашен к нему в гости. Но Модсли не заметил, что это гость. И превратил бедного Дьюера в три поршня и коленчатый вал — совершенно без злого умысла. Он теперь выставлен в Модслиевском музее истории двигателей.

— Ужас какой,— сказал Кармоди.— И помочь нельзя?

— Никто не берется указывать Модсли на ошибки. Он терпеть не может их признавать и совершенно выходит из себя. Но тебе нечего тревожиться. Модсли совсем не злой. Наоборот, он добросердечный малый. Любит, как и все, чтоб его хвалили, но ненавидит лесть. Так что говори с ним свободно и прямо. Восхищайся, но не слишком. Согласен — соглашайся, не согласен — возражай, только не упрямься, не впадай в критиканство. Короче, соблюдай умеренность, пока не дойдет до крайности.

Кармоди хотел было сказать, мол, чем так советовать, лучше бы ничего не советовать, но было уже некогда. Модсли очутился совсем рядом — высокий, седоволосый, в джинсах и кожаной куртке. Он шагал напрямик, оживленно разговаривая с двумя спутниками, одетыми в комбинезоны.

— Добрый день, сэр,— отчетливо сказал Кармоди. Шагнул было вперед, но тут же ему пришлось отскочить в сторону, чтобы это трио, увлеченное разговором, не сшибло его с ног.

— Скверное начало,— шепнул Приз.

— Заткнись! — прошипел Кармоди и поспешил за Модсли.

— Значит, это она и есть, Орин, а? — спросил Модсли.

— Да, сэр,— гордо сказал Орин, тот, что шел слева. Ну, как она, сэр?

Модсли медленно обвел взглядом луга, горы, солнце, реку, лес. Его лицо было непроницаемым.

— А вы что думаете, Бруксайд?

— Ну, сэр,— запинаясь начал Бруксайд.— Ну да, я думаю, что мы с Орином сделали хорошую планету. Безусловно, хорошую, если учесть, что это наша первая самостоятельная работа.

— И вы согласны с ним, Орин?

— Конечно, сэр.

Модсли нагнулся и сорвал травинку. Понюхал ее, отбросил. Пристально посмотрел на сияющее солнце и процедил сквозь зубы: — Я поражен, воистину поражен... Но самым неприятным образом! Я поручил вам двоим построить мир для одного из клиентов, а вы преподносите мне это! И вы всерьез считаете себя инженерами?

Помощники замерли, как мальчишки при виде розги.

— Ин-же-неры! — отчеканил Модсли, вложив в это слово добрую тонну презрения. «Творчески оригинальные, но практичные, умеющие построить планету когда и где угодно». Вам знакомы эти слова?

— Из рекламной брошюры, сэр,— сказал Орин.

— Правильно,— кивнул Модсли.— И вы считаете, что это вот — достойный пример творческой и практичной инженерии?

Оба молчали. Затем Бруксайд брякнул:

— Да, сэр, считаем. Мы внимательно изучили контракт. Заказ был на планету типа 34 Вс4 с некоторыми изменениями. Это мы и выстроили в точности. Конечно, здесь только уголок планеты. Но все же...

— Но все же по нему я могу судить, что вы натворили вообще,— сказал Модсли.— Какой обогреватель вы поставили, Орин?

— Солнце типа 05, сэр,— сказал Орин.— Оно полностью соответствует условиям заказа.

— Ну и что? Заказу соответствует, но вам кроме него дана смета на постройку этой планеты! И о ней надо помнить. И если вы не уложитесь, у вас не будет прибыли. А отопление — самая большая статья расходов.

— Мы это помним, сэр,— сказал Бруксайд.— Вооб-

ще-то нам не хотелось ставить солнце в однопланетную систему. Однако технические условия...

— А вы научились у меня хоть чему-нибудь? — вскричал Модсли.— Тип 05 — явное излишество. Вы, там,— он подозвал рабочих.— Снимите!

Рабочие поставили складную лестницу. Один держал ее, другой раздвинул ее в десять раз, в сто раз, в миллион раз. А еще двое бежали по лестнице вверх, так же быстро, как она росла.

— Осторожней! — крикнул Модсли.— Надеюсь, вы надели рукавицы? Эта штука горячая!

Рабочие — там, на самом верху лестницы,— отцепили солнце, свернули его в трубку и сунули в футляр с надписью: «Светило. Обращаться с осторожностью». Крышка закрылась, и наступила тьма.

— Есть тут у кого-нибудь голова на плечах? — вспылил Модсли.— Черт возьми! Да будет свет!

И стал свет.

— Окей,— сказал Модсли.— Это солнце 05 — на склад. Для такой планеты хватит звезды G-13.

— Но, сэр,— нервно заметил Орин.— Она недостаточно горяча.

— Знаю,— сказал Модсли.— Тут-то и нужен творческий подход. Придвиньте звезду поближе, и тепла хватит.

— Да, сэр, хватит,— вмешался Бруксайд.— Но звезда излучает PR-лучи. Если нет должной дистанции, они не успевают рассеяться. И они могут погубить будущее население планеты.

— Вы что? Хотите сказать, что мои звезды G-13 небезопасны? — спросил Модсли, очень медленно и отчетливо.

— Нет, я имел в виду не это,— замялся Орин.— Я хотел сказать только, что они могут быть небезопасны, как и всякая иная вещь во вселенной... если не принять надлежащие меры предосторожности.

— Ну, это ближе к истине,— согласился Модсли.

— Меры предосторожности в данном случае,— пояснил Бруксайд,— это защитная свинцовая одежда весом в 50 фунтов. Но поскольку каждый индивидуум в этой расе весит около восьми, это непрактично.

— Это их забота,— прервал Модсли. Не нам учить их жить. Разве я должен отвечать, если кто-то ушибет пальчик о камень, который я поставлю на этой планете?

Кроме того, им вовсе не обязательно носить свинцовые скафандры. Они могут купить — за особую плату, конечно,— мой превосходный солнечный экран, который отражает PR-лучи полностью.

Оба помощника растерянно улыбнулись. Орин робко сказал:

— Боюсь, что эта раса не из богатых. Вряд ли ваш экран им по карману.

— Ну не сейчас, так позже,— сказал Модсли.— И ведь радиация PR не действует мгновенно. Даже при ней средний срок жизни 9,3 года. Кой-кому хватит.

— Да, сэр,— сказали оба инженера.

— Далее,— продолжал Модсли,— какова высота гор?

— В среднем шесть тысяч футов над уровнем моря,— ответил Бруксайд.

— По меньшей мере три тысячи футов лишку,— сказал Модсли.— Вы думаете, что горы растут у меня на деревьях, как яблоки? Укоротите и вершины отправьте на склад!

Пока Бруксайд записывал все это в блокнот, Модсли продолжал ворчать, расхаживая взад и вперед:

— А кто расставил там этих коров?

— Я, сэр,— признался Бруксайд.— Я думал, что местность... с ними, ну, как бы уютнее...

— Болван! — рявкнул Модсли.— Местность должна выглядеть уютной до продажи, а не после. Эта планета продана немеблированной. Отправьте коров в чан с протоплазмой... А это что? — он указал на Кармоди.— Статуя или еще что-нибудь? Должна песни петь или стихи читать, когда появятся жители?

Кармоди сказал:

— Сэр, я не часть обстановки. Меня прислал ваш друг... э-э... Мелихрон. Я ищу дорогу домой...

Но Модсли уже распорядился:

— Что бы ни было, безразлично! В контракте это не оговорено. Туда же, в протоплазму, вместе с коровами!

— Эй! — завопил Кармоди, когда его поволокли рабочие.— Эй, подождите минутку! Я не часть этой планеты! Мелихрон прислал меня! Подождите! Постойте! Послушайте!

— Вам бы надо со стыда сгореть — кричал на помощников Модсли, не внимая его воплям.— Что это? Кто додумался! Еще одна из ваших декоративных штучек, Орин? Да?

— Да нет! — крикнул Орин.— Я его сюда не ставил.

— Значит, это ваша работа, Бруксайд?

— Впервые в жизни его вижу, шеф.

— Н-да,— задумался Модсли.— Вы оба дураки, но врунами еще не были. Эй,— крикнул он рабочему,— неси назад!

— Ну, все в порядке, сэр. Возьмите себя в руки,— сказал он дрожащему Кармоди.— Терпеть не могу истерик. Вам лучше? Ну вот и отлично. Так как же вы попали в мои владения и почему я не должен превращать вас в протоплазму?

ГЛАВА 12

— Ясно,— сказал Модсли, когда Кармоди закончил свой рассказ.— Поистине занятная история, хотя вы и излишне все драматизируете. Значит, вы ищете планету по имени Земля.

— Правильно, сэр.

— Земля? — Модсли почесал лоб.— Ну, кажется, вам повезло. Припоминаю такое место. Маленькая зеленая планета, и на ней кормится раса гуманоидов, похожих на вас. Правильно?

— Совершенно верно.

— У меня память на такие вещи,— продолжал Модсли.— А в данном случае причина особая. Дело в том, что это я построил Землю.

— В самом деле, сэр?

— Да, и отлично это помню, потому что пока ее строил, то попутно я еще изобрел науку. Может, эта история покажется вам любопытной... А вы,— Модсли обернулся к помощникам,— надеюсь, сделаете из нее для себя полезные выводы.

ГЛАВА 13.
История сотворения Земли

— Я был тогда совсем скромным подрядчиком,— начал Модсли.— Ставил то тут, то там планетку-другую, в лучшем случае карликовую звезду. С заказами было туго, клиенты попадались капризные, спорили из-за каждой мелочи: «переделай тут, переделай там, и почему это вода

течет вниз, и тяготение велико, и горячий воздух поднимается, а лучше бы ему опускаться!». И тому подобное. А я принимался им все объяснять — с эстетической точки зрения, с практической точки зрения. Вскоре на вопросы и ответы у меня стало уходить больше времени, чем на работу. Сплошные тары-бары.

И вот как раз перед этим проектом «Земля» мне пришли в голову кой-какие мысли насчет объяснений с клиентами. Помню, я как-то себе сказал: «Форма вытекает из назначения». И мне понравилось, как это звучит. «Почему форма должна вытекать из назначения? — спросил я тогда и сам себе ответил: — Потому что это — непреложный закон природы и основа прикладной науки». Особого смысла тут не было. Но суть не в смысле. Суть в том, что я открыл хитрый фокус по имени «доктрина научной необходимости».

Земля была пробным камнем, потому я ее и запомнил.

Пришел ко мне заказывать планету высокий бородатый старик с пронзительным взглядом. (Вот так и началась ваша Земля, Кармоди.) Ну-с, с работенкой я справился быстро — что-то дней за шесть — и думал, что делу конец. Это было такое же сметное строительство, как здесь, и я кое-что кое-где урезал. Но вы бы послушали заказчика — можно было подумать, что я обобрал его до нитки!

— Зачем столько ураганов? — приставал он. Я сказал: «Это часть вентиляционной системы». (Честно говоря, я попросту забыл поставить в атмосфере предохранительный клапан.)

— Три четверти площади залито водой! — брюзжал он.— Я ясно проставил в условиях, что отношение суши к воде — четыре к одному.

— Но мы не можем себе этого позволить,— объяснял я. (А я давно куда-то засунул эти дурацкие условия!)

— И такую крошечную сушу вы заполнили пустынями, болотами, джунглями и горами!..

— На то есть причина,— сказал я. (На самом деле нельзя было уложиться в смету, не подсунув среди прочего подержанные горы, океан и парочку пустынь, которые я купил по дешевке у Урии — межпланетного старьевщика. Но не рассказывать же ему об этом.)

— Причина! — застонал он.— А что я скажу моему народу? Это будут люди, созданные по моему образу и подобию, такие же въедливые, как и я. Что мне им сказать?

Я-то знал, что им сказать и куда их послать. Но я не хотел быть невежливым.

— Вы честно скажете им научную истину,— заявил я.— Скажете, что по науке так оно и должно быть.

— Как?

— Это детерминизм,— сказал я: название пришло экспромтом.— Совсем просто, хоть и для избранных. Прежде всего: форма вытекает из назначения. Поэтому ваша планета именно такова, какой должна быть по самой своей сути. Далее: наука неизменна, стало быть, все изменяемое — не наука. И наконец, все вытекает из определенных законов. Вы не можете высчитать заранее, каковы эти законы, но будьте уверены, что они есть. Так что никто не должен спрашивать: «почему так, а не иначе?» Вместо этого каждый обязан вопрошать: «как это действует?»

Ну, он задал мне еще несколько каверзных вопросиков. Старик оказался довольно сообразительным, но зато ни бельмеса не смыслил в технике. Его сферой была этика, мораль, религия и всякие такие призрачные материи. Он был из тех типов, что обожают абстракции, вот и бубнил: «Все действительное — разумно» — это весьма заманчивая формула и не без налета стоицизма, надо будет использовать это в поучениях для моего народа. Но скажите на милость, как я могу сочетать фатализм науки с принципом свободной воли, который я намерен подарить моему народу? Они же противоположны!

Да, тут старикашка почти прижал меня к стене. Но я улыбнулся, откашлялся, чтобы дать себе время подумать, и сказал: «Ответ очевиден» — это всегда лучший ответ.

— Вполне возможно,— сказал он.— Но я его не постигаю.

— Это оттого, что вы не понимаете науки,— сказал я.— Противоположность — еще один фундаментальный закон науки. Противоположность рождает борьбу, без которой все приходит к энтропии. Так что не может быть ни планеты, ни вселенной, если там случайно нет противоположностей.

— Случайно? — быстро переспросил он.

— Ясно как день,— подтвердил я.— Но это еще не все. Например, возьмите одну изолированную тенденцию. Что произойдет, если вы доведете тенденцию до логического предела?

— Не имею ни малейшего понятия,— сказал этот ста-

рый шут.— Недостаточно подготовлен для такого рода дискуссий.

— Да просто-напросто тенденция превратится в свою противоположность.

— Неужели? — переспросил он, потрясенный.— М-да... Вещи превращаются в свою противоположность... Это, знаете, слишком сложно.

— Зато эстетично,— сказал я.— Но я не договорил о том, что крайности сходятся. Я имею в виду, все эти противоположности, которые превращаются как безумные внешние во внутренние, а внутренние во внешние... Кончается ли на том футбол? Нет, сэр, вот что самое замечательное. Эти противоположности, которые ныряют туда-сюда, как дрессированные тюлени, на самом деле — лишь отражение действительности. Потому что...— здесь я сделал паузу и произнес самым внушительным тоном: потому что есть мудрость, которая видна за иллюзорными свойствами реальных вещей. Она просвечивает в более глубоких деяниях вселенной, в ее великой и величественной гармонии.

— Как может вещь быть одновременно реальной и иллюзорной? — спросил он быстро.

— Не мне отвечать на такие вопросы,— сказал я.— Я только скромный научный работник и вижу лишь то, что вижу. И действую соответственно. Но может быть, во всем этом кроется некий нравственный смысл?

Старец задумался. Я видел, как он борется с собой. И главное, я поддел его на крючок, помянув о нравственности. Старый хрен помешался на этике, он был просто начинен этикой, его можно было величать «мистер Этика». А я случайно подбросил ему идею, что вся эта кровавая вселенная, все ее постулаты и противоречия, законы и беззакония — воплощение высших нравственных принципов!

— Пожалуй, все это глубже, чем я думал,— сказал он, помолчав мгновение.— Я собирался наставлять мой народ только по этике, нацелить его на высшие нравственные проблемы вроде: «как и зачем должен жить человек», а не «из чего состоит живая материя?» Я хотел, чтобы люди изведали глубины радости, страха, жалости, надежды, отчаяния, а не превращались в ученых крыс, которые изучают звезды и радуги и затем создают величественные, но ни на что не годные гипотезы. Я кое-что знал о вселенной, считал эти знания необязательными, но вы меня поправили.

— Ну-ну,— сказал я.— Я не хотел доставлять вам хлопоты.

Старик улыбнулся:

— Этими хлопотами вы избавили меня от больших хлопот. Для меня важна свобода воли. У моих созданий будет свобода воли. Я мог бы создать их по своему образу и подобию, но я не хочу населять мир миниатюрными копиями самого себя. И они получат эту блестящую бесполезную игрушку, которую вы называете наукой... Они будут гоняться за познанием вещей и забудут о познании собственного сердца. Вы убедили меня, и я вам за это признателен...

И старый джентльмен удалился, ничего более не сказав.

К чему я про все это? Я неплохо заработал на том мире. И даже если бы пришлось кое-что подправить, я не стал бы шуметь. Дело есть дело. Вы заключаете контракт, чтобы получить прибыль. И вам невыгодно слишком много переделывать задним числом.

Но я хотел бы сделать вывод из всего этого, а вы, мальчики, слушайте внимательно. У науки полным-полно законов — это я их изобрел. Почему я их изобрел? Потому что физические законы помогают умному механику так же, как законы юридические помогают адвокату. Правила, доктрины, аксиомы, законы и принципы науки служат для того, чтобы помогать, а не мешать вам. Они должны снабжать вас оправданиями. Большей частью они более или менее справедливы, и это помогает.

Но помните всегда: законы помогают объясняться с заказчиком после работы, а не до нее. У вас есть проект, и вы его исполняете, как вам выгоднее, и затем подгоняете факты к итогам, а не наоборот.

Не забывайте, что законы науки созданы как словесный барьер против людей, задающих вопросы. Но они не должны быть использованы против нас. Наша работа неизбежно необъяснима. Мы просто делаем ее — иногда выходит хорошо, а иногда не выходит.

И никогда не старайтесь объяснить себе, почему не получилось. Не спрашивайте и не воображайте, что объяснение существует. Дошло?

Оба помощника поспешно кивнули. У них были просветленные лица, словно они постигли новую веру. Кармоди готов был держать пари, что эти молодые люди запомнили каждое слово Модсли и уже превращают слова в закон.

Пока Модсли конструировал машину для возвращения на Землю, Кармоди был предоставлен самому себе. Приз, по-видимому, снова погрузился в спячку, а младшие инженеры Орин и Бруксайд были туповаты и не интересовались ничем, кроме своей работы. Так что Кармоди не с кем было даже поговорить. И чтоб убить время, он отправился на атомостроительную фабрику.

— Раньше все это делали вручную,— объяснял ему краснолицый мастер.— Теперь машинами, но схема та же. Сначала берем протон, присоединяем к нему нейтрон на патентованной энергосвязи мистера Модсли. Затем стандартной микрокосмической центрифугой заводим электроны. После этого вставляем все прочее: мю-мезоны, позитроны — такого сорта пряники. И все дела.

— А как насчет антиматерии?

— Лично я никогда не видел в ней особого смысла,— сказал мастер.— Но мистер Модсли ею все-таки торгует. Антиматерию, конечно, делают на отдельной фабрике.

— Протоны и электроны вы добываете сами?

— Нет. Все субатомное мы получаем от субподрядчиков.

Кармоди было скучно. Он твердил себе, что должен быть доволен: вот он здесь, в том самом месте, где изготовляются атомы и с легкостью создается антиматерия,— и все без толку. Прогулка по фабрике Модсли вызывала у него такую же скуку, как в свое время экскурсия на сталелитейный завод в Индиане. И тут же волну угрюмого раздражения и тупого бунта, какую он ощущал в коридорах Лувра, Прадо и Британского Музея. И он подумал, что чудеса хороши в малых дозах. Ему было стыдно, но он ничего не мог поделать.

— Видно, я не из породы Фаустов,— сказал он себе.— Все секреты вселенной разложены здесь передо мной, словно старые газеты, а я мечтаю о раннем февральском утре в Вермонте и свежем пушистом снеге...

Но Модсли все не появлялся. Время тянулось. Нельзя было угадать, сколько его прошло. У Кармоди сложилось впечатление, что и Модсли легче построить новую планету, чем отыскать старую.

В один прекрасный — условно говоря — день Кармоди осматривал лес, сделанный Орином и Бруксайдом по заказу приматов планеты Кетс II взамен старого, разрушенного

метеоритом. Новый лес был уже полностью оплачен и обещана кругленькая сумма, если исполнение будет первоклассным.

Лес был перлом творения. Там были лужайки для прогулок, осененные широколиственными кронами. Юные приматы могли гоняться вверх и вниз по прямоствольным вязам и сикоморам, играть в салочки на ветвистых дубах, качаться как на качелях на плетях винограда и плюща. А для старших были изготовлены гигантские секвойи, где удобно было дремать в вышине или играть в карты, подальше от детского визга.

Даже столь неискушенный наблюдатель, как Кармоди, мог заметить, что в маленьком лесу создана простая, приятная и целесообразная экология. Были там цветы и были нежалящие пчелы, чтобы собирать нектар, опылять цветы, и были забавные медвежата, чтобы воровать пчелиный мед. Были гусеницы, чтобы угощаться цветами, и ширококрылые птицы, чтобы угощаться гусеницами, и проворные рыжие лисицы, чтобы пожирать птиц, и большие медведи, чтобы пожирать лис, и приматы, чтобы есть медведей.

И так как приматы Кетса тоже умирали, то и они занимали свое место в лесном круговороте жизни. И это им даже нравилось, потому что они рождались с общественной жилкой.

Кармоди грустно прогуливался в одиночестве с Призом-котелком в руке, и вдруг позади него хрустнула ветка.

Он обернулся и увидел существо в громоздком сером космическом скафандре из пластика, прозрачном пузыре шлема и с доброй дюжиной инструментов, орудий и пистолетов, болтавшихся на поясе. Кармоди сразу узнал в этом чудище земного человека — кто еще мог так вырядиться!

Позади и правее была еще одна фигура, более стройная и одетая почти так же. Кармоди увидел, что это земная женщина и даже очень привлекательная.

— Боже мой! — воскликнул он.— Как вас занесло именно сюда?

— Т-с-с! — прошипел землянин.— Слава богу, что мы прибыли вовремя. Но боюсь, что самое опасное еще впереди.

— Есть ли у нас хотя бы один шанс, отец? — спросила девушка.

— Шансы есть всегда,— ответил мужчина с мрачной

улыбкой.— Так или иначе, мы покажем им, что наши котелки еще кое-что варят.

Мужчина повернулся к Кармоди, и взгляд его стал суровым:

— Я надеюсь, что ты стоишь того, дружище. Три жизни поставлены на карту ради тебя. Все за мной — в затылок, и быстро на корабль. Док Мэддокс выдаст нам оценку положения.

ГЛАВА 15

— Эй, подождите минуту, что все это значит? — крикнул Кармоди, устремившись за людьми в скафандрах.— Кто вы?

— Извините! — воскликнула девушка, краснея от смущения.— Мы даже не представились в спешке. Вы, наверно, сочли нас невежами, мистер Кармоди.

— Ну что вы! — любезно возразил Кармоди.— Но мне все-таки хотелось бы знать, кто вы такие, тем более, что вы уже знаете, кто я такой.

— Конечно, знаю, кто вы,— сказала девушка.— А я Эвива Кристиансен. А это мой отец — профессор Ларс Кристиансен.

— Отбросьте «профессора»,— сказал Кристиансен грубовато.— И зовите меня Ларс или Крис, как вздумается.

— Ну ладно, пап,— прервала Эвива с напускным нетерпением.— Так о чем это я? О, да, папа и я, мы связаны с ЗАМИ, то есть Земной Ассоциацией Межзвездных Изысканий — конторы в Стокгольме, Женеве и Вашингтоне, округ Колумбия.

— Боюсь, что никогда не слыхал об этой организации,— заметил Кармоди.

— Ничего удивительного. Земля только вступила на порог межзвездных исследований. Увы, даже теперь новые источники энергии, намного превосходящие известные вам примитивные атомные установки, все еще не вышли из стадии эксперимента. Но близок день, когда космические корабли, пилотируемые землянами, полетят в самые отдаленные уголки Галактики.

— Малютка выдает вам точные байки,— сказал Ларс своим грубоватым, дружеским, внушительным басом.— Между прочим, она у меня доктор философии и нахватала

сорокнадцать ученых степеней, чтобы ее лепет выглядел солиднее.

— А папуля разговаривает как блатной,— Эвива покраснела снова.— Но между прочим, у него в ранце три Нобелевских.

И отец с дочерью обменялись взглядами, сердитыми и влюбленными одновременно.

— Но вернемся к делу,— сказала Эвива.— Главная заслуга во всем доктора Мэддокса, с которым вы встретитесь вскоре.— Эвива помедлила, затем добавила, понизив голос: — Не думаю, что я выдам тайну, если скажу вам, что доктор Мэддокс... э-э... мутант.

— Черт возьми, не надо бояться этого слова,— прохрипел Ларс Кристиансен.— Мутант может быть не хуже нас с вами. Что касается доктора Мэддокса, то он примерно в тысячу раз лучше.

— Мы подозреваем благожелательное вмешательство пришельцев,— сказала Эвива почти шепотом.

— Это странная история,— вмешался Ларс,— но вы услышите ее в более подходящей обстановке. А сейчас — на корабль и не будем больше тратить время на треп.

Впереди на небольшой поляне Кармоди увидел величественный космический корабль, возвышавшийся словно небоскреб. У него были стабилизаторы, люки, дюзы и множество всяких других отростков. Перед кораблем на складном стуле сидел мужчина несколько выше среднего возраста с благодушным лицом, прорезанным глубокими морщинами. С первого взгляда было ясно, что это и есть Мэддокс-мутант, поскольку у него было по семи пальцев на каждой руке, а в громадных шишках на лбу вполне мог поместиться добавочный мозг.

Мэддокс неторопливо встал на пять ног и приветливо кивнул.

— Вы пришли в последнюю минуту,— сказал он.— Фронт враждебных сил очень близок к зоне скручивания. Быстро в корабль. Все трое! Мы должны немедленно включить силовое поле! Мои расчеты допускают возможность скручивания пространства, но по самой природе бесконечных комбинаций нельзя предсказать его конфигурацию.

Перед широким входом Кармоди задержался.

— Я думаю, что должен проститься с Модсли,— сказал он.— Быть может, даже посоветоваться с ним. Он был

очень отзывчив и даже взялся строить машину, чтобы доставить меня на Землю.

— Модсли! — воскликнул Мэддокс, обмениваясь многозначительным взглядом с Кристиансеном.— Я подозреваю, что он-то и стоит за всем этим.

— Что вы имеете в виду? — спросил Кармоди.

— Я имею в виду,— сказал Мэддокс,— что вы жертва и пешка в тайном заговоре, охватившем по меньшей мере семнадцать звездных систем. У нас нет времени на объяснения, но поверьте, что на карте стоит не только ваша жизнь, не только наши жизни, но еще и жизни нескольких дюжин биллионов гуманоидов, большей частью голубоглазых.

— О, скорее, скорее! — кричала Эвива, дергая его за руку.

— Ладно,— сказал Кармоди.— Но я надеюсь, что все-таки получу полное и исчерпывающее объяснение.

— Получите,— сказал Мэддокс, как только Кармоди вошел в люк.— Вы получите его прямо сейчас!

Кармоди быстро обернулся, уловив нотку угрозы в голосе Мэддокса. Внимательно посмотрел на мутанта и вздрогнул. Посмотрел на отца и дочь и увидел их как бы впервые. И еще Кармоди увидел тонкую черную линию, которая привязывала всех троих к кораблю. Он замер, глядя, как все трое приближаются к нему. Теперь у них не было ни глаз, ни ртов, ни ног, ни рук. Они сами были как бы тремя ужасными пальцами гигантской руки. Кармоди увернулся от трех безликих цилиндров и ринулся к свету. Но в люке появились зубы. Люк чуть приоткрылся, затем начал сжиматься. Блестящие темные борта корабля покрылись рябью. Ноги Кармоди увязли в губчатой подстилке. Он боролся с отчаянием мухи, попавшей в паутину.

Спасения не было. Кармоди не мог ни пошевелиться, ни крикнуть — мог только потерять сознание.

ГЛАВА 16

Как бы издалека он услышал голос:

— Ну как, доктор? Есть надежда?

Кармоди узнал голос Приза.

— Я оплачу все расходы,— сказал другой, и Кармоди узнал Модсли.

— Спасти можно,— произнес третий, очевидно, доктор.— Возможности медицины неограничены, ограничены возможности пациентов, но это уже их слабость, а не наша.

Кармоди силился открыть глаза или рот, но ни веки, ни губы не подчинялись.

— Вы ему поможете? — спросил Приз.

— Вы задали слишком трудный вопрос,— сказал доктор.— Чтобы ответить на него с идеальной точностью, мы должны для начала определить понятия. Медицинская наука, к примеру, проще, чем медицинская этика. Предполагается, что мы, члены Галактической Медицинской Ассоциации, обязаны сохранять жизнь. Предполагается также, что мы действуем в интересах той конкретной формы, которую мы пользуем. Но что прикажете делать, когда эти два императива вступают в противоречие? Уиичи с Девин V, например, просят врачебной помощи, чтобы излечить их от жизни. Что скажет медицинская этика по поводу такого странного отклонения от нормы?..

— Это имеет отношение к Кармоди? — спросил Модсли.

— Не слишком большое. Но я полагал, что вам это покажется интересным и поможет понять, почему мы имеем право на самый высокий гонорар.

— А Кармоди в серьезном положении? — настаивал Приз.

— Только про мертвого можно сказать, что у него положение действительно серьезное,— успокоил доктор.— Больной не мертв. Он всего лишь в шоке. Выражаясь проще, в обиходной манере: он в обмороке.

— А привести его в себя вы можете? — спросил Приз.

— Ваши термины не ясны,— сказал врач.

— Я хотел сказать: можете ли вы вернуть его в исходное состояние?

— А что такое исходное состояние? Знает ли это кто-нибудь из вас? Скажет ли это сам пациент, если допустить, что он сам чудесным образом смог бы участвовать в своем лечении? Весомый вопрос, джентльмены.

— Заткнись, док,— взорвался Приз.— Давай про то, как ты починишь моего кореша!

— Надо оперировать,— сказал доктор.— Я расчленю Кармоди, говоря обывательски. Затем подсоединю мозг к Стимулятору Жизни и начну осторожно переключать

синапсы на разные временные связи. Убедившись в отсутствии дефектов, мы разымем мозг и доберемся, наконец, до узла взаимодействия разума и тела. Проверим уровень сознания — конечно, следя, чтобы не было утечки. Если уровень низок или близок к нулю, мы проанализируем остатки разума и изготовим запасные порции. После этого воссоединим все части тела и пациент может быть реанимирован Стимулятором Жизни. Вы согласны на операцию?

— А что делать? — вздохнул Модсли.— Бедный малый так на нас надеялся. Выполняйте свой долг, доктор.

Кармоди почувствовал, что друзья причинят ему больший вред, чем злейшие враги, и, наконец, титаническим усилием он отлепил язык от нёба.

— Никаких операций,— просипел он.— Голову оторву!

— Очнулся,— сказал доктор довольным тоном.— Иногда, знаете ли, словесное описание операционной процедуры в присутствии пациента исцеляет не хуже, чем сама операция. Это, конечно, побочный эффект. Но смеяться тут нечего.

Кармоди попробовал встать на ноги, ему помог Модсли. Приз больше не был котелком. Он превратился в карлика под влиянием потрясения, по-видимому.

— Что это было? — спросил Кармоди.— Космический корабль, какие-то люди...

— Это и есть ваш хищник,— сказал Модсли.— Вы полезли к нему в пасть.

— Полез,— признался Кармоди.

— И чуть не потеряли единственный шанс на возвращение,— продолжал Модсли.— Вот что, Кармоди. Вам нельзя медлить. И не думайте об отдыхе, пока не попадете домой.

— Домой! — вздохнул Кармоди.

— Да. В безопасности вы будете только на собственной планете. Хищник не может войти в вашу берлогу.

— А машина?

— Я ее закончил,— сказал Модсли.— Но ее возможности ограничены, поскольку ограничены и мои собственные. Машина доставит вас туда, куда Земля ушла — не больше того.

— Но это все, что мне требуется.

— Нет, далеко не все. КУДА — только первая из координат планеты — из трех «К». Вам предстоит еще

определить второе «К» — КОГДА и третье — КАКАЯ из Земель ваша. Мой вам совет — соблюдайте последовательность! Сначала Временная ось, потом — ось Качества. Но уйти отсюда вам следует немедленно. Ваш хищник, чей аппетит вы по-дурацки раздразнили, может явиться сюда в любой момент. И может статься, второй раз я не сумею так удачно вытащить вас из пасти...

— Вы попадете на Землю,— продолжал Модсли,— почти наверняка не на вашу. Но я пошлю письмо одному лицу, большому знатоку проблем времени. Он присмотрит за вами, а после этого... Но кто может сказать, что будет после? Будь что будет, Кармоди,— и будьте благодарны, если вообще что-нибудь будет.

— Благодарю,— сказал Кармоди.— Чем бы все это ни кончилось, большое вам спасибо.

— Ну тогда все в порядке,— сказал Модсли.— Машина рядом. У меня времени не было сделать ее видимой. Она выглядела бы как зенитная установка. Да где же она, черт возьми? А, вот она. Берете вы свой Приз?

— Я его беру,—сказал Приз, ухватившись обеими руками за Кармоди.

Бамм! Пуфф! Хрруст! Это была чудовищная забава, но Кармоди и не ожидал ничего другого.

Часть III. КОГДА?

ГЛАВА 17

Когда перемещение закончилось, Кармоди с трудом пришел в себя. После короткого исследования он пришел к выводу, что у него по-прежнему две руки, две ноги, одно туловище и одна голова. Он заметил также, что Приз на этот раз превратился во флейту.

— Ну, ладно,— сказал сам себе Кармоди.

— Не так уж ладно,— поправился он, осмотревшись.

Он стоял на зыбкой почве, на краю болота. Ядовитые миазмы поднимались от стоячих бурых вод. Вокруг росли широколистые папоротники, низкие, с тонкими листьями кусты и пальмы с пышными кронами. Воздух был горяч как кровь и насыщен запахами гнили.

— Может, я во Флориде? — сказал Кармоди с надеждой.

— Боюсь, что нет,— отозвался Приз. Голос у него был низкий, мелодичный, но с избытком трелей.

— Так где же я? — спросил Кармоди.

— Не я, а мы,— поправил Приз.— Мы на планете по имени Земля. Эта местность в твое время станет Скарсдейлом, штат Нью-Йорк.— Он хихикнул.— Советую купить участок сейчас, пока цены низкие.

— Какого дьявола? Это не похоже на Скарсдейл.

— Конечно, нет. Оставляя в стороне вопрос о «Какойности», мы видим, что и «Когдашность» неверна.

— Ну и Когда же мы?

— Хороший вопрос,— сказал Приз.— Но из тех, на которые я могу дать только приблизительный ответ. Очевидно, мы в палеозойской эре или скорее в мезозойской.

Кармоди глянул вверх и увидел странную птицу, неловко взмахивающую крыльями.

— Определенно, археоптерикс,— сказал Приз.— Впрочем, постой... Трава!.. В юрские времена не было травы — только папоротники и хвощи. И это решает все, Кармоди! Голову заложу, что мы в меловом периоде!

У Кармоди было самое смутное представление о геологических периодах.

— Меловой? Это далеко от моего времени?

— О, около ста миллионов лет, плюс-минус несколько миллионов,— сказал Приз.

— А откуда ты знаешь всю эту геологию? — спросил Кармоди.

— Откуда?.. Уж если мы едем на Землю,— ответил Приз с воодушевлением,— я решил кое-что разузнать об этом месте. Если бы не я, ты бы бродил вокруг, разыскивая Майами во Флориде, пока тебя не слопал бы какой-нибудь тираннозавр.

— Ты хочешь сказать, что тут есть динозавры?

— Я хочу сказать,— ответил Приз, все так же с трелями,— что мы попали в самый настоящий Динозавровиль.

Кармоди ответил нечленораздельно. Он заметил движение слева, обернулся и увидел динозавра — махину высотой футов в двадцать и добрых пятьдесят футов от носа до хвоста. Держась вертикально, на задних ногах, гигант быстро приближался к Кармоди.

— Тираннозавр? — спросил Кармоди.

— Точно! Тираннозавр-рекс. Самый знаменитый, из отряда Зауришиа. Длина клыков полфута. Впрочем, это детеныш. Вес не более девяти тонн.

— И он ест мясо?

— Да, конечно!

Гигант был уже в пятидесяти футах от Кармоди. И на плоской болотистой равнине никакого укрытия: ни скалы, ни норы.

— Так что же делать? — спросил Кармоди.

— Лучше всего превратиться в растение.

— Но я не умею.

— Не умеешь? Плохо дело. Улететь ты не сможешь, зарыться в землю не сможешь и убежать тебе, держу пари, тоже не удастся. Будь стоиком — ничего другого не остается. Хочешь процитирую Эпиктета? Или давай споем гимн, если это поможет.

— К черту гимны. Я хочу удрать отсюда.

Но флейта уже затянула: «Боже мой, я все ближе к тебе». Кармоди сжал кулаки. Тираннозавр был уже перед ним. Он высился над головой, словно мясистый подъемный кран. Ящер открыл свою ужасную пасть...

ГЛАВА 18

— Хэлло,— сказал тираннозавр.— Меня зовут Эми. Мне шесть лет. А вас как зовут?

— Кармоди,— сказал Кармоди.

— А я его Приз,— добавил Приз.

— Вы оба ужасно странные,— сказал Эми.— Никогда не видел таких. А я уже знаю диметродона и скалозавра и кучу других зверей,— и он замолк, глазея на них по-детски. И Кармоди молчал, подавленный величиной этой ужасной головы, размером с пилораму, с узкой пастью, усаженной рядами кинжалов. Страшилище! Только глаза — круглые, нежные, голубые, доверчивые — не вязались со зловещим обликом динозавра.

— Ну, ладно,— сказал Эми наконец.— А что вы делаете в нашем парке?

— Разве это парк?

— Конечно,— сказал динозавр.— Детский парк. Но вы же не ребенок, хотя и маленький.

— Ты прав, я не ребенок,— сказал Кармоди.— Я попал в ваш парк по ошибке. Пожалуй, мне бы стоило поговорить с твоим папой.

— Окей! — сказал Эми.— Залезайте ко мне на спину, я вас отвезу. И как только Кармоди устроился поудобнее,

Эми вприпрыжку пустился на юго-запад. Сначала они выбрались на дорогу — широкую трассу, утрамбованную ногами бесчисленных динозавров, твердую, как бетон. То тут, то там они видели хадрозавров, спавших близ дороги под ивами или гармонично мычавших низкими приятными голосами. Кармоди спросил о хадрозаврах, но Эми сказал только, что отец считает их «серьезной проблемой».

Дорога шла через рощи берез, кленов, лавров и остролистов. В каждой роще под ветвями возились динозавры, копали землю или отгребали мусор. Кармоди спросил, что они там делают.

— Прибирают,— презрительно сказал Эми.— Домохозяйки вечно заняты уборкой.

За частными рощами начался лесной город. Чем дальше в него углублялись путники, тем больше и больше встречалось динозавров. Земля гудела под их ногами, деревья дрожали, и облака пыли вздымались в воздух. Бронированные бока скребли по бокам. Только быстрые повороты, внезапные остановки и рывки помогали избежать столкновений. А сколько рева из-за правил уличного движения! Просто страшно смотреть на эти тысячи бегущих динозавров. А какой запах...

— Вот мы и на месте,— сказал Эми и остановился так резко, что Кармоди чуть не слетел с его шеи.— Тут мой папа.

Осмотревшись, Кармоди увидел, что Эми доставил его в небольшую рощу секвой. Здесь был как бы оазис покоя. Два динозавра медлительно прохаживались меж красными стволами, не обращая внимания на суматоху всего в пятидесяти ярдах от них.

— Эй, папа,— закричал Эми.— Смотри, что я нашел, смотри, па!

Один из динозавров поднял голову. Это был тираннозавр, несколько больше Эми, с белыми полосами на синей коже. Его серые глаза были налиты кровью.

— Сколько раз,— начал он недовольно,— сколько раз я просил тебя не бегать сюда?

— Прости, папа, но ты посмотри, я...

— Ты всегда просишь прощения,— наставительно сказал тираннозавр,— а ведешь себя по-прежнему. Мы с матерью постоянно говорим о твоем поведении, Эми. Ни она, ни я не хотели бы, чтобы из тебя получился горластый, неотесанный битник, который понятия не имеет, как

подобает вести себя настоящему воспитанному динозавру. Я люблю тебя, сын мой, но ты должен научиться...

— Папа, ты потом скажешь! Ты только посмотри!

Старший тираннозавр гневно взмахнул хвостом. Но все же опустил голову и увидел Кармоди.

— Боже милостивый! — воскликнул он.

— Добрый день, сэр,— сказал Кармоди.— Мое имя Томас Кармоди. Я человек. Не думаю, что сейчас на этой Земле есть другие люди или хотя бы приматы. Трудно объяснить, как я попал сюда, но я пришел с миром и все такое,— закончил он не очень вразумительно.

— Фантастика! — только и сказал отец Эми.— Говорящее млекопитающее!

ГЛАВА 19

Борг пригласил Кармоди в контору, которая помещалась под пышной листвой плакучей ивы. Сели, откашлялись, помолчали, соображая, с чего начать. Наконец, Борг произнес:

— Итак, вы — млекопитающее из будущего, да?

— А вы — здешнее пресмыкающееся из прошлого?

— Никогда не думал о себе, как о существе из прошлого,— сказал Борг.— Ну, предположим, что это правда. А далеко ли будущее, откуда вы пришли?

— Сто миллионов лет или около того.

— Да, это долгий срок. В самом деле долгий.

Борг кивнул и хмыкнул. Кармоди понял, что динозавр не знает, что еще сказать. Борг, судя по всему, был рядовым обывателем: гостеприимный, но погруженный в свои дела, хороший семьянин, но неинтересный собеседник — этакий заурядный темный тираннозавр из среднего класса.

— Ну-ну,— сказал Борг, когда молчание стало тягостным.— И как там в будущем?

— Хлопотно,— вздохнул Кармоди.— Суматоха. Полно новых изобретений, а они только затрудняют жизнь.

— Да-да-да,— сказал Борг.— Примерно так представляют будущее наши парни с воображением. Некоторые даже пишут, будто эволюция идет к тому, что млекопитающие станут доминировать на Земле. Но я считал это передержкой, гротеском.

— Наверное, так это и выглядит,— согласился Кармоди.

— Но ваш вид — доминирующий?

— Ну... один из доминирующих.

— А как насчет пресмыкающихся? Или точнее: как дела у тираннозавров там, в вашем будущем?

У Кармоди не хватило духу сказать, что динозавры вымрут, что они вымерли за шестьдесят миллионов лет до человека и вообще пресмыкающиеся занимают третьестепенное место в природе.

— Как дела? Именно так, как и можно было ожидать,— сказал Кармоди, чувствуя себя пифией, и к тому же трусливой.

— Хорошо! Я примерно так и думал,— сказал Борг.— Мы крепкий народ, знаете ли, у нас есть и сила, и здравый смысл.

Нас, тираннозавров, не должно тревожить будущее,— продолжал Борг, переходя на округлый стиль послеобеденного оратора.— Правда, есть и другие виды динозавров. По дороге в город вы могли заметить хадрозавров.

— Да, заметил. Они пели.

— Эти типы всегда поют,— сказал Борг сурово.

— Вы едите их?

— О, небо! Конечно, нет. Хадрозавры разумны! Единственные разумные существа на планете, не считая тираннозавров.

— Ваш сын сказал, что они «серьезная проблема».

— Да, проблема! — подтвердил Борг несколько вызывающе.

— В каком смысле?

— Они ленивы. А также угрюмы и грубы. Я знаю, что говорю, у меня были слуги-хадрозавры. У них нет самолюбия, нет стремлений, нет идей. Полжизни они не знают, кто будет их кормить, и, похоже, нисколько не тревожатся. Они не смотрят в глаза, когда говорят с вами.

— Но они хорошо поют.

— О да, поют они хорошо. Некоторые из наших лучших исполнителей — хадрозавры. И на тяжелых работах они хороши, если есть надсмотр. Внешность их подводит, этот утиный клюв... Но это не их вина, тут ничего не поделаешь. А в будущем проблема хадрозавров решена?

— Да,— сказал Кармоди.— Их раса вымерла.

— Возможно, это и к лучшему,— сказал Борг.— Да, я действительно думаю, что это к лучшему.

Кармоди и Борг беседовали несколько часов. Кармоди узнал также и об урбанистических проблемах у рептилий.

Лесные города переполнялись, поскольку все больше ящеров покидало деревни ради удобств цивилизации. Крайне обострилась транспортная проблема. Переполненные города — результат демографического взрыва. Но это — не единственная проблема. Ящеры во многих странах жили на краю голода.

— У нас масса проблем,— вздыхал Борг.— Некоторые из лучших умов впали в отчаяние. Но я оптимист по натуре. Мы, ящеры, и прежде видели тяжелые времена и сумели выстоять. И новые проблемы мы разрешим, как и прежние. По-моему, у нас, динозавров, есть врожденное благородство, искра разума. Я не могу поверить, что она погаснет.

Кармоди кивнул: «Вы выстоите». Что ему оставалось кроме джентльменской лжи?

— Благодарю вас,— сказал Борг.— А сейчас, полагаю, вам надо поговорить со своим другом.

— С каким другом?

— Я имею в виду млекопитающее, которое стоит у вас за спиной.

Кармоди тотчас обернулся и увидел коротенького толстого человека в очках, с портфелем и зонтиком в левой руке.

— Мистер Кармоди? — спросил оч.

— Да, я Кармоди.

— Я Саргис из Бюро Подоходных Налогов. Вы таки заставили погоняться за вами, но от Бюро не скрыться.

Борг сказал: «Меня это не касается». И удалился бесшумно, с мягкостью, удивительной для такого крупного тираннозавра.

— Странные у вас друзья,— сказал Саргис, глядя ему вслед.— Но это не мое дело, хотя ФБР может проявить к нему интерес. Я здесь исключительно из-за налогов за 1965 и 66 годы. В моем портфеле ордер на задержание, он в полном порядке — можете убедиться. Предлагаю вам следовать за мной. Моя машина времени на стоянке за этим деревом.

— Нет! — сказал Кармоди.

— Советую подумать,— настаивал сборщик.— Ваше дело может быть разрешено к обоюдному удовлетворению заинтересованных сторон. Но оно должно решаться немедленно. Правительство Соединенных Штатов не любит, чтобы его заставляли ждать...

— Я сказал, нет! — крикнул Кармоди.— Убирайтесь вон! Я знаю, кто вы!

Ибо вне всякого сомнения это был его хищник. Грубая подделка под служащего Бюро Налогов никого не могла бы обмануть. И портфель и зонтик приросли к левой руке. Черты лица были правильны, но хищник забыл про уши. И самое нелепое: коленки у него отгибались назад.

Кармоди повернулся, чтобы уйти. Хищник не двинулся с места. Очевидно, он не способен был его преследовать. Он взвыл от голода и ярости. И исчез.

Кармоди, однако, даже не успел себя поздравить с избавлением, потому что мгновение спустя он исчез тоже.

ГЛАВА 20

— Войдите, войдите!

Кармоди только глазами хлопал: динозавров и в помине не было, и сам он — уже не в лесу мелового периода, а в какой-то маленькой пыльной комнатенке, где каменный пол холодит ноги, окна покрыты копотью и пламя высоких свечей беспокойно дрожит от сквозняка.

За высокой конторкой сидел человек. У него был длинный нос, костлявое лицо, запавшие глаза, коричневая родинка на левой щеке, тонкие и бескровные губы.

Человек сказал: «Я — мое преподобие Клайд Бидл Сизрайт. А вы, конечно, мистер Кармоди, которого так любезно направил к нам мистер Модсли. Садитесь, пожалуйста. Надеюсь, ваше путешествие с планеты мистера Модсли было приятным».

— Распрекрасным,— пробурчал Кармоди. Пусть это прозвучало и невежливо, но внезапные переброски из мира в мир ему уже изрядно осточертели.

— Ну, как поживает мистер Модсли? — спросил Сизрайт с сияющей улыбкой.

— Расчудесно. А где я?

— Разве мой секретарь в приемной не объяснил вам?

— Не видел я никаких секретарей и никакой приемной не видел!

— Ай-яй-яй! — нежно закудахтал Сизрайт.— Наверное, приемная опять выпала из фазы. Я уже раз десять ее чинил, но она вечно десинхронизируется. Знаете, это и клиентов раздражает, а секретарю приходится еще хуже — бедняга тоже выпадает из фазы и иногда не может попасть домой, к семье, по неделе и больше.

— Да, плохи его дела,— сказал Кармоди, чувствуя,

что уже близок к истерике.— А не намерены ли вы все-таки,— продолжал он, еле сдерживаясь,— объяснить мне для начала, что же это за место и как мне отсюда попасть домой!

— Успокойтесь,— сказал Сизрайт.— Может быть, чашечку чаю, а? Нет? Так вот — это, как вы изволили сказать, место — Всегалактическое Бюро Координат. Наш устав — на стене. Можете ознакомиться.

— А как я сюда попал? — спросил Кармоди.

Сизрайт улыбнулся, поиграл пальцами.

— Очень просто, сэр. Когда я получил письмо от мистера Модсли, то я распорядился предпринять розыск. Клерк нашел вас на Земле B3444123C22. Это была явно не ваша Земля. Конечно, мистер Модсли сделал все, что мог, но определение координат — не его специальность. Поэтому я взял на себя смелость переместить вас в бюро. Но если вы хотите вернуться на ту вышеупомянутую Землю...

— Нет, нет,— сказал Кармоди.— Я только никак не пойму, где... Вы, кажется, сказали, что это какая-то служба по определению координат?

— Это Всегалактическое Бюро Координат,— вежливо поправил Сизрайт.

— Значит, я не на Земле?

— Конечно, не на Земле. Или, выражаясь более строго, вы не в каком-либо из возможных, вероятных, потенциальных или темпоральных миров земной конфигурации.

— Окей, прекрасно! — сказал Кармоди, тяжело дыша.— А вы, мистер Сизрайт, сами были когда-нибудь на какой-нибудь из тех Земель?

— Увы, не имел счастья. По роду работы я вынужден почти безотлучно сидеть в конторе, а досуг я провожу в кругу семьи, в своем коттедже, и...

— Так значит,— взревел Кармоди,— вы никогда не были на Земле, как сами же говорите! Так почему же, черт вас возьми, вы сидите в этой идиотской комнатенке при свечах, да еще нахлобучив цилиндр, словно вы из книжки Диккенса?! Почему, а? Мне просто хочется услышать, что вы скажете,— ведь я уже знаю этот распроклятый ответ! Просто нашелся сукин сын, который опоил меня каким-то зельем. И все мне чудится — весь это собачий бред, и вы сами, крючконосый ублюдок, вместе с вашими ухмылками мне тоже чудитесь!

Кармоди шлепнулся на стул, пыхтя как паровоз и

победно взирая на Сизрайта. И ждал, что теперь все вокруг рассыплется, все его нелепые видения исчезнут, а сам он проснется в своей кровати, в своей квартире, или на диване у приятеля, или, на худой конец, на больничной койке.

Но ничего не рассыпалось. Триумф не состоялся, и Кармоди почувствовал, что уже ничего не соображает, но и на это ему наплевать — так он устал...

— Вы закончили ваш монолог? — ледяным тоном спросил Сизрайт.

— Кончил,— вздохнул Кармоди.— Простите.

— Не терзайтесь,— спокойно сказал Сизрайт.— Вы переутомились, это естественно. Но я ничем не сумею помочь, если вы не возьмете себя в руки. Разум может привести вас домой, истерика не приведет никуда.

— Еще раз прошу: простите,— пробормотал Кармоди.

— Что касается этой комнаты, которая так вас напугала, то я декорировал ее специально для вас же. Конечно, эпоха подобрана приближенно, но это все, что мне удалось по недостатку времени. И лишь для того, чтобы вы чувствовали себя, как дома.

— Это вы хорошо придумали,— сказал Кармоди.— Значит, и ваша внешность?..

— Конечно,— улыбнулся Сизрайт.— Я и себя декорировал, так же как и комнату. Это не слишком трудно. Но нашим клиентам такие штришки обычно нравятся.

— Мне тоже нравится,— согласился Кармоди.— Теперь я понимаю, что это успокаивает.

— Я и хотел, чтобы успокаивало,— сказал Сизрайт.— А насчет вашего предположения, что все это сон, что ж... в нем что-то есть!.. Ведь строго говоря,— продолжал он,— между воображаемыми и подлинными событиями существенной разницы нет. Разница лишь в терминах. Между прочим, сейчас вам ничего не снится, мистер Кармоди. Но будь все это сном, вы должны были бы действовать точно так же.

— Ничего не понимаю,— сказал Кармоди.— Только верю вам на слово, что все это в действительности...— Он засмеялся.— Но вот чего я действительно не понимаю: почему все так похоже? Я о том, что Галактический Центр похож на наш Радио-сити, а Борг-динозавр говорит не как динозавр, даже не так, как говорящий динозавр должен был бы говорить! И...

— Ради бога, не терзайтесь!..

— Простите.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам,— продолжал Сизрайт,— почему действительность такова, какова она есть. Но ведь это необъяснимо. Просто надо приучиться подгонять свои предрассудки к новым фактам. Не следует ожидать, что действительность станет к вам приспосабливаться. Если вы сталкиваетесь с чем-то необычным — тут ничего не поделаешь. И если с обычным — тоже ничего не поделаешь. Вы поняли меня?

— Пожалуй, да.

— И отлично! Так вы уверены, что не хотите чаю?

— Спасибо. Не хочу.

— Тогда подумаем, как доставить вас домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Не так ли?

— Конечно, лучше,— согласился Кармоди.— А вам это очень трудно?

— Трудно? Я бы так не сказал,— протянул Сизрайт.— Это дело, конечно, сложное, требующее точности и даже связанное с известным риском. Но трудным я бы его все-таки не назвал.

— А что вы считаете действительно трудным?

— Квадратные уравнения,— не задумываясь ответил Сизрайт.— Никак не могу научиться их решать, хотя пробовал миллион раз. Вот это, сэр, трудно!

— А вы знаете, куда ушла моя Земля? — спросил Кармоди.

— «Куда» — это не проблема. «Куда» вас уже доставили, правда, толку от этого не было, поскольку «Когда» оказалось таким далеким от искомого. Но теперь, я полагаю, мы попадем в ваше личное «Когда» без лишней возни. «Какая» Земля — вот в чем фокус!

— Это непреодолимо?

— Да что там! — сказал Сизрайт.— Всего-навсего рассортировать Земли и выяснить, которая из них ваша. Дело простое. Как сказали бы у вас: все равно, что подстрелить рыбу в бочке.

— Никогда не пробовал,— сказал Кармоди.— А это легко?

— Какая рыба и какая бочка. Акулу в ванне вы подстрелите сразу. Значительно трудней попасть в кильку в цистерне. Зависит от масштабов. Но вы все-таки должны признать, что и в том и в другом случае принцип один и тот же и весьма простой.

— Да, наверное,— сказал Кармоди.— Но хоть это

в принципе и просто, не понадобится ли слишком много времени, если будет слишком много вариантов?

— Не совсем так, но верно подмечено,— просиял Сизрайт.— Сложность, знаете ли, иногда полезна. Она способствует классификации и идентификации.

— А что теперь?

— Теперь к делу! — воскликнул Сизрайт, энергично потирая руки.— Мы с коллегами подобрали тут некоторое количество миров. И, между прочим, полагаем, что ваш мир должен оказаться среди них. Но опознать его можете, конечно, только вы сами.

— Я должен буду присмотреться?

— Что-то в этом роде. Точнее, вы должны в них вжиться. И каждый раз, как только разберетесь, сообщайте мне, попали мы с вами в ваш мир или же в какой-то иной. Если это ваш мир — делу конец. Если иной, мы переместим вас в следующий из вероятных.

— Весьма разумно,— сказал Кармоди.— А много у вас этих вероятных Земель?

— Невероятное множество! Но у нас есть надежда на быстрый успех, если только...

— Что «если»?

— Если только хищник не догонит вас раньше.

— Мой хищник?

— Он все еще идет по следу,— сказал Сизрайт.— И как вы теперь знаете, устраивает вам ловушки, а материал для ловушек берет из ваших воспоминаний. Эти «земноформные сцены» — я так бы их назвал — должны убаюкать вас, обмануть и заставить, ничего не подозревая, идти к нему прямо в пасть.

— И он будет вторгаться во все ваши миры?

— Конечно! Безопасного убежища нет. Но запомните: все доброе действует открыто. Все злое непременно хитрит, трусливо прикрываясь иллюзиями, масками, грезами... Ну что ж, пока вам удавалось уходить благополучно...

— Да, мне везло. Пока.

— Значит, вы счастливчик. Вот у меня есть мастерство и нет везения. Кто скажет, что важнее? Не я, сэр. И, конечно, не вы. Так что мужайтесь, мистер Кармоди. Смелость, знаете... э-э, планеты... берет! Верно? Так что изучайте миры, берегитесь иллюзий, выходите сухим из воды и не прозевайте с перепугу свой подлинный мир.

— А что если я нечаянно прозеваю? — спросил Кармоди.

— Тогда ваши поиски не кончатся никогда. Число возможных земель не бесконечно, но у вас просто жизни не хватит осмотреть их все и опять начать сначала!

— Ну, ладно,— неуверенно сказал Кармоди.— Видимо, другого пути нет. Прошу вас, мистер Сизрайт, приступайте. И благодарю вас за заботу и терпение...

— Пожалуйста,— сказал Сизрайт, явно довольный.— Будем надеяться, что самый первый мир и окажется тем, который вы ищете.

ГЛАВА 21*

I

Собственно, Кармоди вовсе и не собирался уезжать из Нью-Йорка. Почему он все-таки уехал, остается загадкой. Горожанин до мозга костей, Кармоди привык к мелким неудобствам столичной жизни. Его уютная квартирка на 290-м этаже Левифракбашни (Западная Девяносто Девятая стрит) была мило обставлена в модном стиле «звездолет». В окнах стояли двойные рамы с небьющимся подцвеченным оргстеклом, вентиляционная система работала с надежными фильтрами-заслонками, которые автоматически преграждали доступ воздуху извне, если общий коэффициент запыленности атмосферы повышался до 999,8 по шкале Кон Эда. Правда, водоочистители давно обветшали и пришли в негодность; а с другой стороны, кто же теперь пьет воду?

Постоянно досаждал шум, безостановочный и неумолимый. Удел горожанина — слушать, как ссорятся, музицируют и плещут водой его ближайшие соседи. Однако даже эту пытку можно себе облегчить — самому издавать точно такие же звуки.

Ежедневное посещение службы было, конечно, чревато кое-какими опасностями. Впавшие в ничтожество снайперы продолжали с крыш свои безуспешные попытки протестовать, иной раз даже укладывали зазевавшегося приезжего. Но, как правило, пули шли за молоком. Кроме того, все обзавелись легкими латами и кольчугами, а го-

* Переведена Н. Евдокимовой.

сударство последовательно проводило в жизнь закон об изъятии артиллерийских орудий из частного владения, что окончательно выбило у гангстеров почву из-под ног.

Итак, не объяснишь, с чего вдруг Кармоди решил уехать из Нью-Йорка — самого, по общему мнению, кипучего сверхгорода в мире. Ссылаться можно и на случайный порыв, и на идиллическую причуду, и на желание выкинуть лихое коленце. Достоверно и неопровержимо только одно: как-то раз Кармоди взял в руки газету «Дейли Таймс-Ньюс» и наткнулся на рекламу образцового города, недавно построенного в штате Нью-Джерси.

«Приезжайте в Яснопогодск — этот город примет вас близко к сердцу!» — увещевала реклама. Затем следовал набор невероятных утверждений, которые здесь не стоит приводить.

— Гм,— буркнул Кармоди.

II

Ветка Кингз-Хайбридж Гейт уперлась в гладенько причесанную степь. Кармоди вылез из машины и огляделся по сторонам. Впереди, примерно в полумиле от себя, он увидел городок. Одна-единственная стрелка-указатель извещала, что это Яснопогодск.

Городок резко отличался от традиционных американских городов, его не окружали ни аванпосты бензоколонок, ни щупальца киосков с сардельками, ни бахрома мотелей, ни защитный панцирь мусорных свалок, скорее, как городки на итальянских холмах, он возникал неожиданно, представлялся приезжему целиком, сразу и без прикрас.

Кармоди это понравилось. Он двинулся к городу.

Вид у Яснопогодска был какой-то теплый и открытый. Улицы подкупали шириной. Не успел Кармоди войти в город, как попал на площадь, ну точь-в-точь как римскую, только поменьше, а в центре площади был фонтан, а в фонтане стояла мраморная скульптура — мальчик с дельфином, а из дельфиньего рта лилась струя прозрачной воды.

— Я очень надеюсь, что вам нравится,— произнес чей-то голос за левым плечом у Кармоди.

— Мило,— отозвался Кармоди.

— Я сам его проектировал и сам строил,— сказал голос.— А площадь, до последней скамейки, до последнего

тенистого дерева,— точная копия болонской. Я не сковывал себя боязнью показаться старомодным. Настоящий художник использует все нужное, будь оно тысячелетней реликвией или последним криком моды.

— Восхищен вашими чувствами,— сказал Кармоди.— Разрешите представиться. Я Эдуард Кармоди.— И с улыбкой повернулся.

Но за левым плечом у него никого не оказалось, да и за правым тоже. Не было никого ни на площади, ни вообще в пределах видимости.

— Простите,— сказал голос.— Я не хотел вас пугать. Думал, вы уже знаете.

— Что знаю? — спросил Кармоди.

— Знаете обо мне.

— Выходит, не знаю,— сказал Кармоди.— Кто вы такой и откуда говорите?

— Я глас города,— ответил голос.— Или, иначе говоря, я сам город. С вами говорит Яснопогодск собственной персоной.

— Неужели это правда? — саркастически спросил Кармоди.— Да,— ответил он сам себе,— пожалуй, это правда. Ну и ладно, вы сам город. Велика важность!

Он отошел от фонтана и вразвалочку пересек площадь, будто изо дня в день беседовал с городами и давно устал от этого занятия. Он прогулялся по разным улицам, продольным и поперечным. Он заглядывал в окна магазинов, запоминал отдельные дома. Перед какой-то статуей он остановился, но лишь ненадолго.

— Ну как? — немного погодя спросил город Яснопогодск.

— Что «ну как»? — тотчас же откликнулся Кармоди.

— Что вы обо мне думаете?

— Вы в порядке,— ответил Кармоди.

— В порядке? Только и всего?

— Послушайте,— сказал Кармоди,— город есть город. Кто видел какой-нибудь один, тот, можно считать, видел все остальные.

— Неправда! — Город и не пытался скрыть обиду.— Я не такой, как остальные города. Я уникален.

— Да ну? — презрительно сказал Кармоди.— А по-моему, вы просто конгломерат плохо смонтированных деталей. Итальянская площадь, два здания греческой архитектуры, вереница особняков в стиле «Тюдор», старомодный многоквартирный дом, калифорнийский киоск

в форме парома и чего только нет еще. Что здесь такого уникального?

— Уникально объединение всех этих стилей в единое целое,— пояснил город.—Поймите, старинный стиль здесь не анахронизм. Во мне представлены все характерные стили человеческой жизни. Не хотите ли кофе, а может, сэндвич или свежие фрукты?

— Кофейку бы недурно,— сказал Кармоди.

Он позволил Яснопогодску направить его за угол, в открытое кафе. Как и все, что Кармоди успел повидать в городе, оно было ослепительно чисто, но безлюдно.

На столик опустился поднос из нержавеющей стали с кружкой дымящегося кофе. Кармоди отхлебнул глоток.

— Хорош? — спросил Яснопогодск.

— Да, очень хорош.

— Я горжусь своим кофе,— тихо сказал город.— И своей кухней. Не хотите ли перекусить? Омлет или, может быть, суфле?

— Ничего не надо,— наотрез отказался Кармоди. Он откинулся на спинку стула и спросил: — Значит, вы образцовый город, да?

— Да, имею честь быть таковым,— сказал Яснопогодск.— Я самый новый из всех образцовых городов и, полагаю, самый удачный.

— Что это там напротив — готический собор?

— Стилизованный романский,— поправил город.— Для всех вероисповеданий и любых сект, проектная вместимость — триста человек.

— Не очень-то много для такого огромного здания.

— Конечно, нет. Но так и задумано. Хотелось совместить величие с уютом.

— Кстати, где жители этого города? — спросил Кармоди.

— Уехали,— скорбно ответил Яснопогодск.— Все выбыли.

— Почему?

Некоторое время город молчал, потом ответил:

— Между городом и жителями испортились отношения. Просто досадная случайность. Вернее, злополучная цепь досадных случайностей. Подозреваю, что тут не обошлось без подстрекателей и провокаторов.

— Но что же стряслось?

— Не знаю,— ответил город.— Право, не знаю. Про-

сто в один прекрасный день все уехали. Только и всего! Но они еще вернутся, я уверен.

— Сомневаюсь,— вставил Кармоди.

— А я совершенно убежден,— сказал город.— Но оставим эту тему. А отчего бы вам самому здесь не остаться, мистер Кармоди?

— Об этом я еще как-то не задумывался.

— Представьте только: в вашем полном распоряжении окажется самый современный, новейший город мира! — настаивал Яснопогодск.

— Действительно, звучит заманчиво,— сказал Кармоди.

— Так попробуйте, вреда ведь от этого не будет,— предложил город.

— Ладно, попробую, пожалуй,— согласился Кармоди.

III

По настоянию Яснопогодска Кармоди переночевал в отеле «Король Георг V», в роскошных апартаментах для молодоженов. Наутро Яснопогодск подал ему завтрак на террасу и, пока Кармоди ел, услаждал его слух мажорным квартетом Гайдна. Утренний воздух был восхитителен. Не расскажи ему сам Яснопогодск, Кармоди век бы не догадался, что воздух синтезирован искусственно.

Насытясь, Кармоди развалился в кресле и стал любоваться видом западной части Яснопогодска — живописной мешаниной китайских пагод, венецианских пешеходных мостиков, японских каналов, зеленого бирманского холма, храма в коринфском стиле, калифорнийской стоянки для машин, нормандской башни и многого другого.

— Великолепный вид,— поделился он с городом.

— Как я рад, что вы его оценили,— ответил Яснопогодск.

— Яснопогодск! Вы, на мой взгляд, в полном порядке,— сказал Кармоди во внезапном приливе откровенности.— А что, все образцовые города разговаривают одинаково?

— Ну, что вы. До сих пор ни один город, образцовый — не образцовый, не связал и двух слов. Но жителям это не нравилось. Им казалось, что город слишком велик, слишком властен, слишком бездушен и безличен. Поэтому

меня одарили голосом, а в придачу — искусственным сознанием.

— Понятно,— сказал Кармоди.

— Вся суть в том, что искусственное сознание наделяет меня личностью, а в век обезлички это очень важно. Позволяет мне чувствовать всю полноту своей ответственности. Дает возможность творчески удовлетворять потребности населения. Мы — я и мои жители — можем друг друга убеждать. Ведя непрерывный осмысленный диалог, мы помогаем друг другу создать активную, гибкую и подлинно жизнеспособную городскую среду.

— По идее, все здорово,— сказал Кармоди.— Беда только, не с кем вам тут вести диалог.

— Вот единственный недостаток замысла,— признал город.— Но пока что у меня есть вы.

— Да, у вас есть я,— повторил Кармоди и удивился, почему эти слова оставили в нем неприятный осадок.

— А у вас, естественно, есть я,— продолжал город.— Но теперь, дорогой Кармоди, давайте я вас проведу по себе. Потом вас можно будет поселить на постоянное жительство и упорядочить.

— Чего-чего?

— Да я вовсе не в том смысле, как вам показалось,— оправдывался город.— Просто неудачный научный термин.

IV

Кармоди пошел туда, куда было велено, и вкусил всех чудес Яснопогодска. Он посетил энергостанцию, водофильтрационный центр, озелененный сектор тяжелой промышленности и кварталы легкой промышленности. Он осмотрел детский парк и «Клуб чудаков». Он прошествовал по музею, картинной галерее, концертному залу, театру, кегельбану, биллиардной, колее «американских гор» и кинотеатру. Он устал и хотел передохнуть. Но город хотел пустить Кармоди пыль в глаза, и пришлось бедняге тащиться к пятиэтажному зданию «Америка-Экспресс», португальской синагоге, статуе Бэкминстера Фуллера, автобусной станции, выстроенной в форме парохода, и прочим аттракционам.

Наконец все кончилось.

— А теперь не угодно ли пообедать? — спросил город.

— С удовольствием,— ответил Кармоди.

Он был отведен в фешенебельный ресторан «Рошамбо», где начал с супа «прентаньер» и кончил петифурами.

— Как насчет доброго бри напоследок? — спросил город.

— Нет, спасибо,— ответил Кармоди.— Я сыт. Сыт по горло, если на то пошло.

— Но ведь сыр — не еда. Ломтик первосортного камамбера?

— При всем желании, не могу.

— Тогда немного фруктового ассорти. Очень освежает нёбо.

— Освежать мне надо вовсе не нёбо,— сказал Кармоди.

— Хотя бы яблочко, грушу и несколько виноградин.

— Нет, спасибо.

— Две-три вишни?

— Нет, нет, нет!

— Без фруктов трапеза неполноценна,— сказал город.

— Для меня полноценна,— возразил Кармоди.

— Некоторые жизненно необходимые витамины содержатся только в свежих фруктах.

— Придется моему организму обойтись без этих витаминов.

— Может быть, половину апельсина — я его сам очищу? От цитрусовых не полнеют.

— При всем желании, не могу.

— У меня бы веселее стало на душе,— сказал город.— У меня мания совершенства, знаете ли, а ведь никакая трапеза не совершенна без фруктов.

— Нет! Нет! Нет!

— Ладно, не из-за чего так волноваться,— сказал город.— Если вам не нравится пища, которую я подаю, это ваше дело.

— Но она мне нравится!

— Если она вам так нравится, отчего вы не едите фрукты?

— Хватит,— сказал Кармоди.— Дайте мне несколько виноградин.

— Я бы не хотел навязывать вам что бы то ни было.

— Вы и не навязываете. Дайте, пожалуйста.

— Это искренно?

— Дайте! — взревел Кармоди.

— То-то же,— сказал город и сотворил пышнейшую

кисть мускателя. Кармоди съел все виноградины до единой. Они были очень вкусны.

— Прошу прощения,— сказал город.— Что вы делаете?

Кармоди выпрямился и открыл глаза.

— Вздремнул немного,— ответил он.— А что, это запрещается?

— Как можно запретить такой абсолютно естественный поступок? — сказал город.

— Вот и хорошо,— пробормотал Кармоди и снова закрыл глаза.

— Но зачем же спать в кресле? — спросил город.

— Затем, что я сижу в кресле и уже наполовину заснул.

— Заработаете растяжение мышц в спине,— предостерег его город.

— Ну и пусть,— пролепетал Кармоди, все еще не открывая глаз.

— Почему бы не выспаться как следует? Вон там, на диване?

— Я и здесь сплю со всеми удобствами.

— Не те удобства,— заметил город.— Человеческое тело не приспособлено ко сну в сидячем положении.

— Мое в данную минуту приспособлено,— сказал Кармоди.

— Ничего подобного. Попробуйте-ка на диване.

— Мне и в кресле неплохо.

— А на диване еще лучше. Вы только попробуйте. Кармоди, пожалуйста. Кармоди!

— А? Что такое? — воскликнул Кармоди, просыпаясь.

— На диване. Серьезно, я думаю, лучше вам отдыхать на диване.

— Ладно! — сказал Кармоди, с трудом поднимаясь на ноги.— Где тот диван?

Его вывели из ресторана на улицу,— за углом был павильон с вывеской «Мертвый час». Внутри стояла добрая дюжина диванов. Кармоди повалился на ближайший.

— Не сюда,— сказал город.— Здесь пружины ослабли.

— Неважно,— отмахнулся Кармоди.— Как-нибудь пересплю.

— В результате у вас начнутся судороги.

— О боже! — Кармоди вскочил на ноги.— Какой вы советуете?

— Завести вам легкую музыку?

— Не трудитесь.

— Как угодно. Тогда я выключу свет.

— Чудесно.

— Дать одеяло? Температуру я, конечно, регулирую, но у спящих часто возникает субъективное ощущение озноба.

— Это неважно! Оставьте меня в покое!

— Ладно! — сказал город.— Не для себя же я стараюсь. Лично я вообще никогда не сплю.

— Вы правы, извините меня.

— Ничего, пустяки.

Потянулось долгое молчание. Но вот Кармоди встал.

— Что случилось? — спросил город.

— Теперь мне не спится,— ответил Кармоди.

— Закройте глаза, волевым усилием расслабьте все мышцы тела, начиная с больших пальцев ног и далее вверх...

— Не спится! — крикнул Кармоди.

— Наверное, вы с самого начала были не такой уж сонный,— предположил город.— Но можете же вы, по крайней мере, закрыть глаза и попытаться хоть немного отдохнуть. Сделайте это ради меня.

— Нет! — сказал Кармоди.— Я не сонный и в отдыхе не нуждаюсь.

— Упрямство! — осудил город.— Поступайте как хотите. Я сделал все, что мог.

— Это уж точно.— Кармоди встал и вышел из павильона.

V

Кармоди стоял на арочном мосту, всматривался в глубокую лагуну.

— Это копия венецианского моста Риальто,— сообщил город.— Уменьшенная, конечно.

— Знаю,— сказал Кармоди,— прочел табличку.

— Живописен, не правда ли?

— Конечно, он прекрасен,— подтвердил Кармоди и зажег сигарету.

— Вы много курите,— констатировал город.

— Знаю. Курить охота.

— Должен заметить, что наукой неопровержимо установлена корреляционная зависимость между курением и раком легких.

— Знаю.

— Если бы вы переключились на трубку, опасность резко снизилась бы.

— Не выношу трубок.

— Тогда на сигары.

— Не выношу сигар.

Он закурил новую сигарету.

— Это у вас третья сигарета за пять минут,— сказал город.

— А, черт возьми, буду курить, сколько захочу и когда захочу!

— Конечно,— сказал город.— Я ведь только советовал для вашего же блага. А вам бы хотелось, чтобы я при сем присутствовал и не произносил ни слова, пока вы себя губите?

— Да,— подтвердил Кармоди.

— Не верю, чтобы вы это всерьез.

— Что это такое? — спросил Кармоди.

— Шоколадоварочный автомат,— ответил город.

— Совсем не похож. Как он действует?

— Очень просто. Нажмите красную кнопку. Выждите. Поверните любую рукоятку в ряду А. Теперь нажмите зеленую кнопку. Есть!

В ладонь Кармоди скользнул шоколадный батончик.

— Ого! — Кармоди развернул обертку и нечаянно выронил ее.

— Вот,— упрекнул его город,— со мной никто не считается.

— Это ведь всего-навсего бумажка,— сказал Кармоди, разглядывая шоколадную обертку на безукоризненно чистом тротуаре.

— Конечно, всего-навсего бумажка,— подхватил город,— но умножьте ее на сто тысяч жителей, и что получится?

— Сто тысяч шоколадных оберток,— ответил Кармоди.

— Не нахожу ничего смешного,— сказал город.— Уверяю вас, вам бы вовсе не захотелось жить среди этого мусора. Вы бы первый стали жаловаться, что улицы захламлены. А вносите вы свою лепту? Убираете за собой? Конечно, нет! Предоставляете это мне, несмотря на то,

что я несу и все остальные обязанности по благоустройству, тружусь денно и нощно, без выходных.

Кармоди наклонился, чтобы поднять бумажку. Но не успели его пальцы сомкнуться, как из ближайшей сточной трубы высунулся рычаг с пинцетом, схватил обертку и скрылся из виду.

— Ничего,— сказал город.— Я привык убирать за гражданами. Только тем и занят.

— Уф,— промямлил Кармоди.

— И никакой благодарности не жду.

— Да благодарен я, благодарен! — воскликнул Кармоди.

— Нет, неблагодарны,— стоял на своем Яснопогодск.

— Сыты? — спросил город после ужина.

— Еще как! — ответил Кармоди.

— Съели вы немного.

— Я съел все, что хотел. Было очень вкусно.

— Если вкусно, почему вы не съели больше?

— Больше ни один кусок в горло не шел.

— Если бы вы не перебили себе аппетит шоколадкой...

— Будь все проклято, шоколадка мне его не перебила. Просто я...

— Вы зажигаете сигарету,— сказал город.

— Это уж точно,— сказал Кармоди.

— Неужели нельзя подождать?

— Вот что,— окрысился Кармоди,— какого дьявола вы мне тут...

— Но у нас есть более серьезная тема,— поспешно сказал город.— Вы уже подумали о том, чем будете заниматься?

— В сущности, у меня не было времени толком задуматься.

— А я подумал. Неплохо бы вам стать врачом.

— Мне? Да ведь для этого надо пройти специальный подготовительный курс в колледже, потом проучиться на медицинском факультете, и так далее.

— Все это я устрою,— пообещал город.

— Не заинтересован.

— Ну... а как насчет изучения права?

— Никогда.

— Отличная профессия — инженер.

— Не для меня.

— Кем же вы хотите стать?

— Пилотом реактивного самолета,— порывисто сказал Кармоди.

— Да полноте!

— Я вовсе не шучу.

— У меня здесь и аэродрома-то нет.

— Тогда я буду пилотировать где-нибудь еще.

— Вы это говорите только в пику мне!

— Вовсе нет,— сказал Кармоди.— Я хочу стать пилотом, действительно хочу. Всю жизнь хотел стать пилотом! Честное слово, хотел!

После долгого молчания город проговорил:

— Выбор — ваше глубоко личное дело.

Это было произнесено замогильным голосом.

— А теперь что вы делаете?

— Гулять иду,— ответил Кармоди.

— Вечером, в половине десятого?

— Почему бы и нет?

— Я думал, вы устали.

— Это было давно.

— Понимаю. А еще я думал, что вы могли бы остаться, и мы бы славно поболтали.

— А если мы поболтаем, когда я вернусь? — спросил Кармоди.

— Да не надо, болтовня — пустяк,— сказал город.

— Прогулка тоже пустяк,— сказал Кармоди, снова усаживаясь.— Давайте поговорим.

— Мне что-то расхотелось говорить,— ответил город.— Ступайте, пожалуйста, на свою прогулку.

VI

— Что ж, покойной ночи,— сказал Кармоди.

— Повторите, пожалуйста.

— Я говорю «покойной ночи».

— Вы собрались спать?

— Конечно. Поздно уже, и я устал.

— Вы собрались спать сейчас же?

— Да, а в чем дело?

— Ни в чем,— сказал город,— но вы забыли умыться на ночь.

— А-а... И верно ведь, забыл. Утром умоюсь.

— Когда вы последний раз принимали ванну?

— Очень давно. Приму утром.

— Вы почувствуете себя лучше, если примете ванну сейчас же.

— Нет.

— Даже если я сам ее наполню?

— Нет! Нет, черт побери! Я иду спать!

— Поступайте как вам заблагорассудится,— сказал город.— Не умывайтесь, не учитесь, не получайте сбалансированного пищевого рациона. Но только, чур, меня не вините.

— Вас не винить? В чем?

— В чем бы то ни было,— ответил город.

— Так. А конкретно, что вы имеете в виду?

— Неважно.

— Для чего же вы завели об этом разговор?

— Я заботился только о вас,— сказал город.

— Это я понимаю.

— Когда принимаешь что-то близко к сердцу,— продолжал город,— когда сознаешь свою ответственность, очень обидно выслушивать бранные слова.

— Я не бранился.

— Сейчас — нет. А раньше, днем, бранились.

— Да я... просто понервничал.

— Это от курения.

— Не начинайте все снова-здорово!

— Не буду,— сказал город.— Дымите как паровоз — мне-то что.

— И верно ведь, черт бы вас побрал,— сказал Кармоди, раскуривая сигарету.

— Разве только я сочту себя неудачником,— докончил город.

— Нет, нет,— взмолился Кармоди.— Не надо так говорить!

— Забудьте мои слова,— попросил город.

— Хорошо.

— Бывает, я переусердствую.

— Факт.

— Мне особенно трудно, потому что я прав. Я ведь всегда прав, знаете ли.

— Знаю,— сказал Кармоди.— Вы правы, вы всегда правы. Правы-правы-правы-правы-правы...

— Не надо так возбуждать себя перед сном,— сказал город.— Выпьете стакан молока?

— Нет.

— А если подумать?

Кармоди прикрыл глаза ладонями. Ему было очень не по себе. Он чувствовал себя виноватым, хилым, беспомощным, грязным, неряшливым. Чувствовал себя безнадежно и неисправимо испорченным, и так будет всегда, если только он не изменится, не переломится, не приспособится.

Но вместо того, чтобы попытаться сделать нечто подобное, Кармоди встал, расправил плечи и решительно зашагал мимо римской площади и венецианского мостика.

— Куда вы? — спросил город.— Что случилось?

Молча, стиснув зубы, Кармоди продолжал свой путь мимо детского парка и здания «Америка-Экспресс».

— В чем моя ошибка? — вскричал город.— В чем, скажите только, в чем?

Кармоди ничего не ответил, размашистым шагом миновал ресторан «Рошамбо» и португальскую синагогу и вышел наконец в жизнерадостную зеленую степь, что окружала Яснопогодск.

— Неблагодарный! — визжал ему вслед город.— Вы такой же, как все. Люди — упрямые скоты, вечно всем недовольны.

Кармоди влез в машину и завел мотор.

— Но, конечно,— проговорил город более ровным тоном,— вы, люди, и недовольны-то не бываете по-настоящему. Отсюда, наверное, мораль: город должен научиться терпению.

Кармоди развернулся и повел машину на восток, к Нью-Йорку.

— Счастливого пути! — бросил ему вдогонку Яснопогодск.— Обо мне не беспокойтесь, я буду вас поджидать.

Кармоди выжал акселератор до отказа. Больше всего на свете он жалел, что до него донеслась эта последняя реплика.

Часть IV. КАКАЯ ЗЕМЛЯ?

ГЛАВА 22

...И вот куда-то мы попали, но кто знает, куда, когда и на какую Землю? Будьте уверены, только не Кармоди, который оказался в городе, очень похожем на Нью-Йорк. В очень похожем, но в том ли?

— Это тот Нью-Йорк? —спросил Кармоди.

— А черт его знает! — ответил кто-то.

Кармоди огляделся и сообразил, что голос исходит из черного зонтика, который он держит в руке.

— Это ты, Приз? — спросил он.

— Конечно, я. А ты что подумал — это шотландский пони?

— А где ты был раньше?

— В отпуске. В коротком, но заслуженном отпуске,— сказал Приз.— И ты не имеешь права на это жаловаться. Отпуска оговорены в соглашении между Амальгамированными Призами Галактики и Лигой Реципиентов.

— Я и не жалуюсь,— сказал Кармоди.— Я просто так... А, неважно!.. Вот что: это место — точь-в-точь моя Земля! Точь-в-точь, как Нью-Йорк!..

Вокруг был город. Потоки машин и людей. Вспышки вывесок. Полно театров, полно киосков, полно народу. Полно магазинов с объявлениями о дешевой распродаже по случаю банкротства. Полно ресторанов — самые большие назывались «Северянин», «Южанин», «Восточник», «Западник», и во всех — фирменные бифштексы и картофельная соломка. Кроме того, были еще «Северовосточник», «Югозападник», «Востоксеверовосточник» и «Западсеверозападник». Кинотеатр на той стороне улицы анонсировал «Апокриф» («Грандиозней, многокрасочней и увлекательней, чем «Библия»!!! Сто тысяч статистов!»). Рядом был дансинг «Омфала», где выступала труппа народного рок-энд-ролла по имени «Шитлы». И девчонки-подростки в платьицах мидллесс танцевали там под хриплую музыку.

— Вот это — веселая жизнь! — воскликнул Кармоди, облизывая губы.

— Я слышу только звон монет в кассе,— заметил Приз тоном моралиста.

— Не будь ханжой,— сказал Кармоди.— Кажется, я дома.

— Надеюсь, что нет,— ответил Приз.— Это место действует мне на нервы. Присмотрись как следует. Помни, что сходство — не тождество.

Но Кармоди же видел, что это угол Бродвея и 50-й улицы! Вот и вход в метро — прямо перед ним! Да, он дома! И он поспешил вниз по лестнице. Все было знакомо, радовало и печалило одновременно. Мраморные стены

гноились сыростью. Блестящий монорельс, выходя из одного тоннеля, исчезал в другом...

— Ох! — вскрикнул Кармоди.

— В чем дело? — спросил Приз.

— Ни в чем... Я передумал. Пожалуй, лучше пройтись по улице.

Кармоди поспешно повернул назад — к светлому прямоугольнику неба. Но дорогу преградила откуда-то взявшаяся толпа. Кармоди стал проталкиваться сквозь нее к выходу, а толпа тащила его назад. Мокрые стены метро вздрогнули и начали судорожно пульсировать. Сверкающий монорельс соскочил со стоек и потянулся к нему, будто бронзовое змеиное жало. Кармоди побежал, опрокидывая встречных, но они тут же вставали на ноги, словно игрушки-неваляшки. Мраморный пол сделался мягким и липким. Ноги Кармоди увязли, люди сомкнулись вокруг него, а монорельс навис над головой.

— Сизрайт! — завопил Кармоди.— Заберите меня отсюда!

— И меня! — пискнул Приз.

— И меня! — завизжал хищник, ибо это он искусно притворился подземкой, в пасть которой так неосторожно влез Кармоди.

— Сизрайт!

И ничего!.. Все осталось, как было, и Кармоди с ужасом подумал, что Сизрайт мог отлучиться: вышел пообедать или же в уборную, или же заговорился по телефону. Голубой прямоугольник неба становился все меньше, выход как бы запирался. Фигуры вокруг потеряли сходство с людьми. Стены сделались пурпурно-красными, вздулись, напряглись и начали сдвигаться. Гибкий монорельс жадно обвился вокруг ног Кармоди. Из утробы хищника послышалось урчание и обильно пошла слюна. (Давно известно, что все кармодиеды неопрятны, как свиньи, и совершенно не умеют вести себя за столом.)

— Помогите! — продолжал вопить Кармоди.— Сизрайт, помогите!

— Помогите, помогите ему! — зарыдал Приз.— Или же, если это вам трудно, то помогите хотя бы мне. Вытащите меня отсюда, и я дам объявления во все ведущие газеты, созову комитеты, организую группы действия, выйду на улицы с плакатами, все для того, чтобы убедить мир, что Кармоди не должен остаться неотомщенным! И в дальнейшем я посвящу себя...

— Кончай болтать,— сказал голос Сизрайта.— Стыдно! Что касается вас, Кармоди, вы должны думать, прежде чем лезть в пасть своего пожирателя. Моя контора создана не для того, чтобы вытаскивать вас всякий раз из петли в последний миг!

— Но сейчас-то вы меня спасете? Спасете, да? — умолял Кармоди.

— Сделано! — сказал Сизрайт.

ГЛАВА 23

И снова Кармоди был в городе, похожем на Нью-Йорк — на этот раз он стоял перед отелем «Уолдорф-Астория».

На нем было прочное пальто фирмы Барберри. Это сразу можно было узнать по ярлычку, пришитому не под воротником, а снаружи, на правом рукаве. И все прочие ярлыки тоже оказались снаружи, так что каждый мог прочесть, что у Кармоди рубашка от Ван Хейзена, галстук от Графини Мары, костюм от Харта и Шеффнера, носки Ван Кемпа, ботинки кордовской кожи от Ллойда и Хейга, шляпа «борсолино», сделанная Раиму из Милана. И кроме всего, Кармоди распространял слабый запах мужского одеколона «Дубовый мох» фирмы Аберкромби и Фитч.

Все на нем было с иголочки, все казалось безупречным, и все-таки разве это настоящий шик! А ведь он честолюбив, ему хотелось двигаться вперед и выше — выйти в люди того сорта, у которых икра на столе не только к рождеству и которые после бритья употребляют лосьон «Оникс», носят рубашки от братьев Брукс, а куртки — только от Пола Стюарта.

Но для таких штучек нужно пробиться в категорию Потребителей А-АА-ААА вместо заурядной категории В-ВВ-АААА, на которую его обрекало скромное происхождение. Высший разряд ему просто необходим. Чем он хуже других? Черт возьми, ведь он был первым по технике потребления на своем курсе в колледже! И уже три года его Потребиндекс был не ниже девяноста процентов. Его лимузин, его Додж-«Хорек» был безупречно новехонький. Он мог привести тысячу других доказательств. Так почему же ему не повысили категорию? Забыли? Не замечали?!

Теперь он сыграет ва-банк. Риск гигантский. Если дело сорвется, его могут в мгновение ока выставить со службы

и он навсегда вылетит в безликие ряды потребительских париев, в категорию НТС-2 (нестандартные товары, сорт 2-й).

В нем сейчас жили два Кармоди.

Все эти мысли, чувства и действия казались естественными только одному Кармоди (его активному Я). А другой Кармоди (рефлективное Я) следил за активным с немалым удивлением.

Активное Я нуждалось в подкреплении перед испытанием огнем и водой. Кармоди прошел в бар «Астории», поймал взгляд бармена — тот и рта не успел открыть, а он уже крикнул: «Повтори, дружище!» (Неважно, что ему ничего еще не подавали и повторять было просто нечего.)

— Садись, Мак,— сказал бармен, улыбаясь.— Вот тебе «Баллантайн». Крепко, ароматно и на вкус приятно! Рекомендую!

Черт возьми, все это Кармоди должен был сказать сам — его застигли врасплох! Он уселся, задумчиво потягивая пиво.

— Эй, Том!

Кармоди обернулся. Это Нейт Стин окликнул его, старый друг и сосед. Тоже из Нью-Джерси.

— А я пью колу,— сказал Стин.— После колы я веселый! Рекомендую!

Опять Кармоди попался! Он залпом допил пиво и крикнул: «Эй, друг, повтори! Наповторяюсь до зари!» Убогая уловка, но лучше, чем ничего.

— Что нового? — спросил он у Стина.

— Блеск! Жена с утра уже в Майами,— сказал тот.— На неделю. Солнечный рейс «Американ Эйруэйс» — два часа и меньше даже — вот уже и вы на пляже!

— Отлично! И я сегодня свою заслал на острова,— подхватил Кармоди (на самом деле его Элен сидела дома).— Отправьте жену на Багамы — не будет семейной драмы!

— Точно! — прервал Стин.— Но если у вас всего лишь недельный отпуск, неужели вы станете тратить драгоценные дни на дальний морской переезд, когда у вас под боком очаровательная деревня Марлборо!..

— Верная мысль! — подхватил Кармоди.— А кроме того...

— Нетронутая природа, комфортабельные коттеджи,— перебил Стин.— Живу на даче, не тужу, не плачу!

Это было его право: он предложил тему.

Кармоди снова крикнул: «Эй, друг, повтори!» Но не мог же он кричать «повтори» до бесконечности. Что-то было не так в нем самом, во всем окружающем и в этой обязательной игре! Но что? Этого он сейчас никак не мог ухватить.

А Стин, спокойный, собранный, откинулся, продемонстрировав свои новые небесно-голубые подмышники, пришитые, конечно, снаружи, и снова завел:

— Итак, когда жена в отлучке, кто будет заниматься стиркой? Конечно, мы сами!

Вот это удар! Но Кармоди попытался его опередить.

— Эй,— сказал он, хихикнув.— Помнишь песенку: «Смотри, старик, мое белье куда белее, чем твое».

И оба они неудержимо расхохотались. Но тотчас Стин наклонился и приложил свой рукав рубашки к рукаву рубашки Кармоди, поднял брови и открыл рот.

— Эй! — сказал он.— А моя рубашка все же белей!

— Смотри-ка! — отозвался Кармоди.— Чудно! Стиральные машины у нас одной марки и ты тоже стираешь «Невинностью», да?

— Нет, у меня «Снега Килиманджаро»! — ехидно сказал Стин.— Рекомендую!

— Увы,— задумчиво вздохнул Кармоди.— Значит, «Невинность» меня подвела...

Он изобразил разочарование, а Стин сыграл на губах победный марш. Кармоди подумал, не заказать ли еще хваленого пива, но оно было пресным, да и Стин — слишком прыткий сейчас для него партнер.

Он оплатил пиво кредитной карточкой и отправился в свою контору на 51-й этаж, № 666, 5-я авеню. Встречные сослуживцы пытались втянуть его в свои рекламные гамбиты. Кармоди приветствовал их с демократическим дружелюбием. Но теперь он не мог позволить себе отвлекаться. Наступал решающий час. Если вы отважились ввязаться в соревнование Потребителей, если хотите показать себя достойным не какого-нибудь барахла, а Вещей, Которые На Этом Свете Имеют Настоящую Цену, например швейцарского шале в девственных дебрях штата Мэн или лимузина Порше 911-S, который предпочитают Люди, Считающие Себя Солью Земли,— ну так вот, если вы хотите иметь вещи такого класса, вы должны доказать, что вы их достойны! Деньги — деньгами, происхождение — происхождением, примитивная целеустремленность

в деле, наконец,— это тоже не все. Вы должны доказать, что вы сами из Людей Особого Покроя — из Тех, кто может Преступить, кто готов поставить на карту все, чтобы выиграть все сразу.

— Вперед, к победе! — сказал сам себе Кармоди, трахнув кулаком о ладонь.— Сказано — сделано!

И он героически распахнул дверь мистера Юбермана, своего босса.

Кабинет был еще пуст. Но Юберман должен был появиться с минуты на минуту. А когда он появится, Томас Кармоди скажет ему: «Мистер Юберман, вы, конечно, можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я должен открыть вам правду: у вас изо рта скверно пахнет»... И после паузы еще раз вот так: «Скверно пахнет!» А затем: «Но я нашел...»

В мечтах все просто, а как обернется на деле? Но если ты Настоящий Мужчина, ничто не может остановить тебя, когда ты вышел бороться за внедрение новейших достижений гигиены и за собственное продвижение вперед и выше! Кармоди просто ощущал устремленные на него глаза этих полулегендарных личностей — их величеств Промышленников.

— Приветик, Кармн! — бросил Юберман, большими шагами входя в кабинет. (Красивый человек с орлиным профилем, с висками, тронутыми сединой,— благородный признак высокого положения. Роговая оправа очков на целых три сантиметра шире, чем у Кармоди!)

— Мистер Юберман,— дрожащим голосом начал Кармоди.— Вы, конечно, можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я...

— Кармоди,— прервал босс. Его грудной баритон пресек слабенький фальцет подчиненного, как хирургический скальпель марки «Персонна» рассекает дряблую плоть.— Кармоди, сегодня я открыл восхитительнейшую зубную пасту «Поцелуй менестреля»! Мое дыхание час от часу благоуханнее. Рекомендую!

Фантастическое невезение: босс сам наткнулся именно на ту пасту, которую Кармоди собирался ему навязать, чтобы добиться своего! И она подействовала. Изо рта Юбермана уже не разило, как из помойной ямы после ливня. Теперь его ждали сладкие поцелуи. Девочек, конечно. Не Кармоди же с ним целоваться.

— Слыхали об этой пасте?..— И Юберман вышел, не дожидаясь ответа.

Кармоди иронически улыбнулся. Он опять потерпел поражение, но от этого ему лишь сделалось легче. Мир потребления оказался ужасен и фантастически утомителен. Может, он хорош для людей иного склада, но Кармоди не из этого теста. Значит, все.

Он понимал, что ему будет жалко расставаться со своими потребительскими сертификатами и с замшевой кепкой, со светящимся галстуком и с портфелем «Все мое ношу с собой», со стереофоником KLH-24 и особенно со своей наимоднейшего силуэта импортной мягкой новозеландской дубленкой с шалевым воротником «Лейкленд».

— Э-э... Чем хуже, тем лучше! — сказал сам себе Кармоди.

— В самом деле? Так какого же черта? — спросил один Кармоди у другого Кармоди.— Смотри! Не слишком ли быстро ты здесь акклиматизировался?..

Оба Кармоди понимающе глянули друг на друга, подвели итоги и слились.

— Сизрайт! Заберите меня отсюда...

ГЛАВА 24

И со своей обычной пунктуальностью Сизрайт тотчас же перебросил его на следующую из вероятных Земель. Перемещение получилось даже быстрее мгновенного — такое быстрое, что время скользнуло назад и чуточку отстало от себя самого: Кармоди охнул раньше, чем его толкнули. Из-за этого возникло противоречие, крохотное, но все же противозаконное. Однако Сизрайт все исправил методом подчистки, и никакое начальство ничего не узнало. Обошлось без последствий, если не считать дырочки на пространстве-времени, которую Кармоди даже и не заметил.

Он оказался в маленьком городке. Узнать его вроде бы не составляло труда: Мэйплвуд, штат Нью-Джерси. Кармоди жил там с трех лет до восемнадцати. Да, это был его дом, если только у него был вообще где-нибудь дом.

Или, точнее, это был его дом, если Мэйплвуд был Мэйплвудом. Но именно это и предстояло доказать.

Кармоди стоял на углу Дюранд-род и Мэйплвуд-авеню — прямо перед ним торговый центр, позади — улицы пригорода с многочисленными кленами, дубами, орехами и вязами. Справа — читальня «Христианской науки», слева — железнодорожная станция.

— Ну и как, путешественник? — произнес голос у его правой ляжки. Кармоди глянул вниз и увидел у себя в руке красивый транзистор. Конечно, это был Приз.

— Ты опять изменился?

— Я метаморфичен по природе,— сказал Приз.— Изменяюсь непредвиденно для самого себя. Неужели мне надо сообщать о своем присутствии всегда и всюду?

— Было бы сподручнее,— заметил Кармоди.

— А мне гордость не позволяет вести себя так навязчиво,— сказал Приз.— Я откликаюсь, когда меня зовут. А раз не зовут, значит, я не нужен. В последнем мире ты во мне не нуждался. Так я пошел и выпил с приятелем.

— Ладно, заткнись. Дай сосредоточиться.

— Не скажу больше ни слова. Только можно спросить: а на чем ты хочешь сосредоточиться?

— Это место похоже на мой родной город,— сказал Кармоди.— Я хочу понять: он это или не он?

— Неужели это так трудно? — спросил Приз.— Кто знает, как выглядит его родной город, тот его и узнает.

— Когда я здесь жил, я его не разглядывал. А с тех пор как я уехал, почти не вспоминал.

— Если ты не разберешься, где твой дом и где не твой, никто в этом не разберется. Надеюсь, ты это помнишь?

— Помню,— сказал Кармоди и вдруг с ужасом подумал, что ему никогда не удастся найти свой настоящий дом. И медленно побрел по Мэйплвуд-авеню.

ГЛАВА 25

Все было как будто таким, каким и должно было быть. В Мэйплвудском театре днем на экране шла «Сага Элефантины», итало-французский приключенческий фильм Жака Мара, блестящего молодого режиссера, который уже дал миру душераздирающий фильм «Песнь моих язв» и лихую комедию «Париж — четырежды Париж». На сцене выступала — «проездом, только один раз!»— новая вокальная труппа «Якконен и Фунги».

Кармоди остановился у галантереи Марвина, заглянул в витрину. Увидел мокасины и полукеды, джинсы с бахромой «собачья рвань», шейные платки с рискованными картинками и белые рубашки с отложным воротом. Рядом, в писчебумажном магазине, Кармоди подержал свежий номер «Кольерса», перелистал «Либерти», заметил

еще «Манси», «Черного кота» и «Шпиона». Только что пришло утреннее издание «Сан»*.

— Ну? — спросил Приз.— Твой город?

— Рано говорить,— ответил Кармоди.— Но похоже, что да.

Он перешел через улицу и заглянул в закусочную Эдгара. Она не изменилась нисколько. У стойки сидела, прихлебывая содовую, хорошенькая девочка — Кармоди ее сразу узнал.

— Лэна Тэрнер!** Как поживаешь, Лэна?

— Отлично, Том. Что это тебя не было видно?

— Я ухлестывал за ней в последнем классе,— объяснил Кармоди Призу, выйдя из закусочной.— Забавно, когда все это вспоминаешь!

— Забавно, забавно,— с сомнением сказал Приз.

На следующем углу, где Мэйплвуд-авеню пересекалась с Саутс-Маунтейн-род, стоял полисмен. Он улыбнулся Кармоди меж двумя взмахами своей палочки.

— А это Берт Ланкастер,— сказал Кармоди.— Он был бессменным защитником в самой лучшей команде за всю историю школы «Колумбия». А вон, смотри! Вон человек, который помахал мне, входя в скобяную лавку. Это Клифтон Уэбб, директор нашей школы. А ту блондинку видишь под окнами? Джен Харлоу, она была официанткой в ресторане. Она...— Кармоди понизил голос,— все говорили, что она погуливала.

— Ты знаешь массу народа,— сказал Приз.

— Ну, конечно! Я же вырос здесь. А это мисс Харлоу, она идет в салон красоты Пьера.

— Ты и Пьера знаешь?

— А как же! Сейчас он парикмахер, а во время войны он был во французском Сопротивлении. Погоди, как его фамилия... А, вспомнил! Жан-Пьер Омон, вот как его зовут. Он потом женился на Кэрол Ломбард, одной из здешних.

— Очень интересно,— скучным голосом сказал Приз.

— Да, мне это интересно. Вот еще знакомый... Добрый день, мистер мэр!

— Добрый день, Том,— ответил мужчина, приподнял шляпу и прошел мимо.

---

* Журналы и газеты, давно прекратившие существование.— *Прим. перев.*

** Все «друзья», которых встречает Кармоди в иллюзорном городе детства,— кинозвезды.— *Прим. перев.*

— Это Фредрик Марч, наш мэр,— объяснил Кармоди.— Грозная личность. Я еще помню его дебаты с местным радикалом, Полом Муни. Мальчик мой, такого ты не слышал никогда!

— Н-да, что-то во всем этом не то,— сказал Приз.— Что-то таинственное, что-то неправильное. Не чувствуешь?

— Да нет же! Говорю тебе, что вырос со всеми этими людьми. Я знаю их лучше, чем себя самого. О, вот Полетт Годдар там наверху! Она помощник библиотекаря. Эй, Полетт!

— Эй, Том! — откликнулась женщина.

— Мне это не нравится,— настаивал Приз.

— С ней я не был знаком близко,— сказал Кармоди.— Она гуляла с парнем из Милборна по имени Хэмфри Богарт. У него был галстук бабочкой, можешь представить такое? А однажды он подрался с Лоном Чэни, школьным сторожем. Надавал ему, между прочим. Я это хорошо помню, потому что как раз в то время гулял с Джин Хэвок, а ее лучшей подругой была Мирна Лой, а Мирна знала Богáрта и...

— Кармоди,— тревожно прервал Приз.— Остерегись. Ты слыхал когда-нибудь о псевдоакклиматизации?

— Не болтай курам на смех! Я говорю тебе, что знаю этот народ! Я вырос здесь, чертовски приятно было жить тут. Люди не были пустым местом тогда, люди отстаивали что-то. Они были личностями, а не стадом!

— А ты уверен? Ведь твой хищник...

— К черту! Не хочу больше слышать о нем! Посмотри, вот Дэвид Найвен. Его родители англичане...

— Все эти люди идут к тебе!

— Ну, конечно. Они так давно меня не видели!

Он стоял на углу, и друзья устремились к нему со всех сторон: из переулка, со всей улицы, из магазинов и лавок. Их были сотни, буквально сотни, все улыбались, старые товарищи. Он заметил Алана Лэдда, и Дороти Ламур, и Ларри Бестера Крэбба. А за ними — Спенсер Трэси, Лайонелл Барримор, Фредди Бартоломью, Джон Уэйн, Френсис Фармер.

— Что-то не то! — твердил Приз.

— Все то! — твердил Кармоди. Кругом были друзья. Друзья протягивали руки. Никогда он не был так счастлив с тех пор, как покинул родной дом. Как он мог забыть такое? Но сейчас все оживало.

— Кармоди! — крикнул Приз.

— Ну что еще?

— В этом мире всегда такая музыка?

— О чем ты?

— О музыке. Ты не слышишь?

Только сейчас Кармоди обратил внимание на музыку. Играл симфонический оркестр, только нельзя было понять, откуда звуки исходят.

— И давно это?

— Как только мы здесь появились. Когда ты пошел по улице, послышался гул барабанов. Когда проходили мимо театра, в воздухе заиграли трубы. Как только заглянули в закусочную, вступили сотни скрипок — довольно-таки слащавая мелодия. Затем...

— Так это музыка к фильмам! — мрачно сказал Кармоди.— Так все это дерьмо разыгрывается, как по нотам, а я и не учуял!..

Франшо Тон коснулся его рукава. Гарри Купер положил на плечо свою ручищу. Лэйрд Грегар облапил, как медведь. Ширли Тэмпл вцепилась в правую ногу. Остальные обступали плотней и плотней, все еще улыбаясь...

— Сизрайт! — закричал Кармоди.— Сизрайт, бога ради!..

Часть V. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

ГЛАВА 26

Кармоди снова попал в Нью-Йорк, теперь на угол Риверсайд-Драйв и 99-й улицы. Слева, на западе, солнце опускалось за «Горизонт-Хаус», а справа во всей своей красе воссияла вывеска «Спрай». Легкие дуновенья выхлопных газов задумчиво шевелили листву деревьев Риверсайд-Парка, одетых в зелень и копоть. Дикие вопли истеричных детей перемежались криками столь же истеричных родителей.

— Это твой дом? — спросил Приз.

Кармоди глянул вниз и увидел, что Приз снова видоизменился — он превратился в часы «Дик Трэси» со скрытым стереорепродуктором.

— Похоже, что мой,— сказал Кармоди.

— Интересное место,— заметил Приз.— Оживленное. Мне нравится.

— Угу! — неохотно сказал Кармоди, не совсем понимая, какие чувства испытывает, почуяв дымы отечества.

Он двинулся к центру. В Риверсайд-Парке зажигали огни. И матери с детскими колясочками спешили освободить его для бандитов и полицейских патрулей. Смог наползал по-кошачьи бесшумно. Сквозь него дома казались заблудившимися циклопами.

Сточные воды весело бежали в Гудзон, а Гудзон весело вливался в водопроводные трубы.

— Эй, Кармоди!

Кармоди обернулся. Его догонял мужчина в потертом пиджаке, в тапочках, котелке и с белым полотенцем на шее. Кармоди узнал Джорджа Марунди, знакомого художника, не из процветающих.

— Здорово, старик,— приветствовал его Марунди, протягивая руку.

— Здорово,— отозвался Кармоди, улыбаясь как заговорщик.

— Как живешь, старик? — спросил Марунди.

— Сам знаешь,— сказал Кармоди.

— Откуда я знаю,— сказал Марунди,— когда твоя Элен не знает.

— Да ну!

— Факт! Слушай, у Дика Тэйта междусобойчик в субботу. Придешь?

— Факт. А как Тэйт?

— Сам знаешь.

— Ох, знаю! — горестно сказал Кармоди.— Он все еще того?.. Да?

— А ты как думал?

Кармоди пожал плечами.

— А меня ты не собираешься представить? — вмешался Приз.

— Заткнись,— шепнул Кармоди.

— Эй, старик! Что это у тебя, а? — Марунди наклонился и уставился на запястье Кармоди.— Магнитофончик, да? Сила, старик! Силища! Запрограммирован? Да?

— Я не запрограммирован,— сказал Приз.— Я автономен.

— Во дает! — воскликнул Марунди.— Нет, на самом деле дает! Эй, ты, Микки Маус, а что ты еще можешь?

— Пошел ты знаешь куда!..— огрызнулся Приз.

— Прекрати! — угрожающе шепнул Кармоди.

— Ну и ну! — восхитился Марунди.— Силен малыш! Правда, Кармоди?

— Силен,— согласился Кармоди.

— Где достал?

— Достал? Там, где был.

— Ты что — уезжал? Так вот почему я тебя не видел чуть ли не полгода.

— Наверное, потому,— сказал Кармоди.

— А где ты был?

Кармоди уже собрался ответить, будто он все время провел в Майами, но его вдруг словно кто-то за язык дернул.

— Я странствовал по Вселенной,— брякнул он,— видел жителей Космоса. Они — такая же реальность, как и мы, и пусть все знают об этом.

— Ах вот что! — присвистнул Марунди.— Значит, и ты тоже «пустился в странствие»!..*

— Да, да, я странствовал...

— Сила! Как забалдеешь, как полетишь, так сразу все твои молекулы сливаются воедино с молекулами мира и пробуждаются тайные силы плоти...

— Не совсем так,— перебил Кармоди.— Я познал силу тех существ. В самих молекулах, увы, ничего, кроме атомов. Мне открылась реальность других, но сущность я мог ощутить только собственную...

— Слушай, старик, так ты, похоже, раздобыл настоящие «капельки», а не какую-то разбавленную дрянь? Где достал?

— Капли чистого опыта добывают из дряни бытия,— сказал Кармоди.— Суть вещей хочет познать каждый, а она открывается лишь избранным.

— Темнишь, да? — хихикнул Марунди.— Ладно, старина! Теперь все так. Ничего. Я и с тем, что мне попадается, неплохо залетаю.

— Сомневаюсь.

— Не сомневаюсь, что сомневаешься. И шут с ним, с этим. Ты — на открытие?

— Какое открытие?

Марунди вытаращил глаза:

— Старик, ты до того залетался, что, оказывается, уже совсем ничего не знаешь! Сегодня открытие самой

---

* «Пуститься в странствие» — стать наркоманом, принимающим ЛСД (жарг.).— *Прим. перев.*

значительной художественной выставки нашего времени, а может, и всех времен и народов.

— Что же это за перл творения?

— Я как раз иду туда,— сказал Марунди.— Пойдешь?

Приз принялся брюзжать, но Кармоди уже двинулся в путь. Марунди сыпал свежими сплетнями: о том, как Комиссию по Антиамериканской деятельности уличили в антиамериканизме, но дело, конечно, ничем не кончилось, хотя Комиссию и оставили под подозрением: о новом сенсационном проекте замораживания людей; о том, как пять воздушно-десантных дивизий сумели убить пять партизан Вьетконга, о диком успехе многосерийного телефильма «Нейшнл Бродкастинг» — «Чудеса золотого века капитализма». Кармоди среди прочего узнал, наконец, о беспрецедентном патриотизме «Дженерал Моторс», пославшей полк миссионеров на границу Камбоджи. И тут они дошли до 106-й улицы.

Пока Кармоди не было, здесь снесли несколько домов и на их месте выросло новое сооружение. Издали оно выглядело как замок.

— Работа великого Дельваню,— сказал Марунди,— автора «Капкана Смерти-66», знаменитой нью-йоркской платной дороги, по которой еще никто не проехал от начала до конца без аварии. Это тот Дельваню, что спроектировал башни Флэш-Пойнт в Чикаго, единственные трущобы в мире, которые прямо и гордо были задуманы именно как современнейшие трущобы и объявлены «необновляемыми» Президентской комиссией по художественным преступлениям в Урбанамерике.

— Да, помню. Уникальное достижение,— согласился Кармоди.— Ну, а это как называется?

— Шедевр Дельваню, его опус магнус. Это, друг мой, Дворец Мусора!

Дорога к Дворцу была искусно выложена яичной скорлупой, апельсиновыми корками, косточками авокадо и выеденными раковинами устриц. Она обрывалась у парадных ворот, створки которых были инкрустированы ржавыми матрацными пружинами. Над портиком глянцевитыми селедочными головками был выложен девиз: «Чревоугодие — не порок, умеренность — не добродетель».

Миновав портал, Кармоди и художник пересекли открытый двор, где весело сверкал фонтан напалма. Прошли зал, отделанный обрезками алюминия, жести, полиэтиле-

на, полиформальдегида, поливинила, осколками бакелита и бетона и обрывками обоев под орех. От зала разбегались галереи.

— Нравится? — спросил Марунди.

— Н-не знаю,— сказал Кармоди.— А что все это такое?

— Музей. Первый в мире музей человеческих отбросов.

— Вижу. И как отнеслись к этой идее?

— К удивлению, с величайшим энтузиазмом! Конечно, мы — художники и интеллектуалы — знали, что все это правильно, и все же не ожидали, что широкая публика поймет нас так быстро. Но у нее оказался хороший вкус, и на этот раз публика быстро ухватила суть. Она почувствовала, что именно это — подлинное искусство нашего времени.

— Почувствовала? А мне что-то не по себе...

Марунди взглянул на него с сожалением:

— Вот уж не думал, что ты реакционер в эстетике!.. А что тебе нравится? Может быть, греческие статуи или византийские иконы?

— Нет, конечно. Но почему же должно нравиться именно это?

— Потому что, Кармоди, в этом — лицо нашего времени, а правдивое искусство идет от реальности. Но люди не хотят смотреть в лицо фактам. Они отворачиваются от помоев — от этого неизбежного итога их наслаждений. И все же — что такое помои? Это же памятник потреблению! «Не желай и не трать» — таким был извечный завет. Но он — не для нашей эры. Ты спрашиваешь: «А зачем говорить об отбросах?» Ну что ж! В самом деле! Но зачем говорить о сексе, о насилии и других столь же важных вещах?

— Если так ставить вопрос, то это выглядит закономерно,— сказал Кармоди.— И все же...

— Иди за мной, смотри и думай! — приказал Марунди.— И смысл этого воздвигнется в твоем мозгу, как гора мусора!

Они перешли в Зал Наружных Шумов. Здесь Кармоди услышал соло испорченного унитаза и уличную сюиту: аллегро автомобильных моторов, скерцо — скрежет аварии и утробный рев толпы. В анданте возникла тема воспоминаний: грохот винтомоторного самолета, татаканье отбойного молотка и могучий зуд компрессора. Марун-

ди открыл дверь «Бум-рум» — магнитофонной, но Кармоди тотчас поспешно выскочил оттуда.

— И правильно,— заметил Марунди.— Это опасно. Однако многие способны провести здесь по пять-шесть часов.

— А кто там орет? — спросил Кармоди.

— Это записи знаменитых голосов,— пояснил Марунди.— Первый голос Эда Брена, полузащитника «Грин Бэй Пэккерс». А тот писклявый, воющий — синтетический звуковой портрет последнего мэра Нью-Йорка. А это — гвоздь программы: влюбленное мычанье мусорного грузовика, пожирающего помои. Прелестно, а? Теперь — вперед! На выставку пустых бутылок из-под виски. Над ней звукообонятельная копия метро — все точно до последнего штриха. Атмосфера кондиционирована всеми дымами Вестингауза.

— Уф! — вздохнул Кармоди.— Давай уйдем отсюда.

— Обязательно. Только на минуточку сюда — здесь галерея настенных надписей.

Тут Марунди повернулся к Кармоди и назидательно сказал:

— Друг мой, смотри и уверуй! Это волна будущего. Некогда люди сопротивлялись изображению действительности. Те дни прошли. Теперь мы знаем, что искусство само по себе вещь, со всей ее тягой к излишествам. Не поп-арт, спешу заметить, не искусство преувеличения и издевательства. Наше искусство — популярное, оно просто существует. В нашем мире мы безоговорочно принимаем неприемлемое и тем утверждаем естественность искусственности.

— Именно это мне и не по душе,— сказал Кармоди.— Эй, Сизрайт!

— Что ты кричишь? — спросил Марунди.

— Сизрайт! Сизрайт! Заберите меня к чертям отсюда!

— Он спятил! — закричал Марунди.— Есть тут доктор?

Немедленно появился коротенький смуглый человек в халате. У него был маленький черный чемодан с серебряной наклейкой, на которой было написано «Little Black Bag»*.

— Я врач,— сказал врач.— Позвольте вас осмотреть.

— Сизрайт! Где вы, черт возьми?

---

* Маленький черный чемодан (англ.).

— Хм-хм, да,— протянул доктор.—Симптомы галлюцинаторного заболевания... М-да. Поверните голову. Минуточку... М-да... Удивительно! Бедняга буквально создан для галлюцинаций!

— Док, вы можете помочь ему? — спросил Марунди.

— Вы позвали меня как раз вовремя,— сказал доктор.— Пока положение поправимое. У меня с собой просто волшебное средство!

— Сизрайт!

Доктор вытащил из Маленького Черного Чемодана шприц.

— Стандартное укрепляющее,— сказал он Кармоди.— Не беспокойтесь. Не повредит и ребенку. Приятная смесь из ЛСД, барбитуратов, амфетаминов, транквилизаторов, психоэлеваторов, стимуляторов и других хороших вещей. И самая чуточка мышьяка, чтобы волосы блестели. Спокойно!

— Проклятье! Сизрайт! Скорей отсюда!

— Не волнуйтесь, это совсем не больно,— мурлыкал доктор, нацелив шприц.

И в этот самый момент, или примерно в этот момент, Кармоди исчез.

Ужас и смятение охватили Дворец Мусора, но затем все пришли в себя, и снова воцарилось олимпийское спокойствие.

Что до Кармоди, то священник сказал о нем: «О достойнейший, ныне дух твой вознесся в то царствие, где уготовано место для всех излишних в этой юдоли!»

А сам Кармоди, выхваченный верным Сизрайтом, погружался в пучины бесконечных миров. Он несся по направлению, которое лучше всего характеризуется словом «вниз», сквозь мириады вероятных земель к скоплениям маловероятных, а от них — к тучам невероятных и невозможных.

Приз упрекал его, брюзжал: «Это же был твой собственный мир, ты убежал из своего дома, Кармоди! Ты понимаешь это?»

— Да, понимаю.

— А теперь нет возврата.

— Понимаю и это.

— Вероятно, ты думаешь найти какой-нибудь пресный рай? — насмешливо заметил Приз.

— Нет, не то.

— А что?

Кармоди покачал головой и ничего не ответил.

— Словом, забудь про все,— сказал Приз с горечью.— Хищник уже рядом, твоя неизбежная смерть.

— Знаю,— сказал Кармоди.— Я уже все постиг. Нельзя уцелеть в этой Вселенной.

— Это неразумно,— сказал Приз.— Ты же все упустил!

— Не согласен,— усмехнулся Кармоди.— Позволь заметить, что в эту секунду я еще жив!

— Но только в данный момент!

— Я всегда был жив только в данный момент,— сказал Кармоди.— И не рассчитывал на большее. Это и была моя ошибка — ждать большего. Возможности — возможностями, а реальность — реальностью. Такова истина.

— И что тебе даст это мгновение?

— Ничего,— сказал Кармоди.— И все.

— Я перестал тебя понимать,— сказал Приз.— Что-то в тебе изменилось. Что?

— Самая малость,— сказал Кармоди.— Я просто махнул рукой на вечность; в сущности, у меня ее и не было никогда. Я вышел из этой игры, которой боги забавляются на своих небесных ярмарках. Меня не волнует больше, под какой скорлупой спрятана горошина бессмертия. Я не нуждаюсь в бессмертии. У меня есть мое мгновение, и мне достаточно.

— Блаженный Кармоди! — саркастически сказал Приз.— Только один вдох отделяет тебя от смерти. Что ты будешь делать со своим жалким мгновением?

— Я проживу его,— сказал Кармоди.— А для чего существуют мгновения?

Эрик Фрэнк РАССЕЛ

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ

Еще никогда ни один суд не привлекал столь пристального внимания мировой общественности. Шесть телекамер медленно поворачивались вслед за торжественно шествующими к своим местам юридическими светилами в красных и черных мантиях. Десять микрофонов доносили до обоих полушарий Земли скрип ботинок и шелест бумаг. Двести репортеров и специальных корреспондентов заполнили балкон, отданный целиком в их распоряжение. Сорок представителей ЮНЕСКО взирали через зал суда на вдвое большее число ничего не выражающих, натянутых физиономий дипломатов и государственных чиновников.

Отказались от традиций. Процедура не имела ничего общего с обычной — это был особый процесс по совершенно особому делу. Вся техника была приспособлена к тому, чтобы соответствовать совершенно необычайному, ни на что не похожему обвиняемому. И высокие титулы судей подчеркивались театральной пышностью обстановки.

На этом процессе не было присяжных, зато было пять судей. И миллиард граждан, которые следили за процессом дома у телевизоров и готовы были обеспечить справедливую игру. Вопрос о том, что же считать «справедливой игрой», заключал в себе столько вариантов, сколько невидимых зрителей следило за спектаклем, и большинство этих вариантов диктовалось не разумом, а чувствами. Ничтожное меньшинство зрителей ратовало за сохранение жизни обвиняемому, большинство же страстно желало ему смерти; были и колеблющиеся, согласные на изгнание его — каждый в соответствии со

своим впечатлением от этого дела, вынесенным в результате длительной фанатичной агитации, предшествовавшей процессу.

Члены суда неуверенно, как люди слишком старые и мудрые, чтобы выступать у рампы перед публикой, заняли свои места. Наступила тишина, нарушаемая только боем больших часов, расположенных над судьями. Было десять часов утра 17 мая 1987 года. Микрофоны разнесли бой часов по всему миру. Телекамеры передали изображения судей, часов и, наконец, того, что было в центре внимания всего человечества: существа на скамье подсудимых.

Шесть месяцев прошло с того дня, как это существо стало сенсацией века, точкой, на которой сфокусировалось ничтожное количество безумных надежд и гораздо больше — безумных страхов человечества. Потом оно так часто появлялось на экранах телевизоров, на страницах журналов и газет, что чувство удивления прошло, а надежды и страхи остались. Постепенно его начали воспринимать как нечто карикатурное, дали ему презрительное прозвище Кактус; одни стали к нему относиться как к безнадежно уродливому глупцу, другие — как к коварному эмиссару еще более коварной иноземной цивилизации. Таким образом, близкое знакомство породило презрение, но не настолько сильное, чтобы убить страх.

Его звали Мэт; оно прибыло с одной из планет системы Проциона. Около метра в высоту, ярко-зеленое, с ножками-подушечками, ручками-обрубками, снабженное отростками и ресничками, все это существо было в колючках и выступах и выглядело как взрослый кактус.

Только у него были глаза, большие золотистые глаза, которые наивно смотрели на людей в ожидании милосердия, потому что существо это никогда никому не причиняло зла. Жаба, просто загрустившая жаба с драгоценными камнями на голове.

Секретарь в чёрной мантии напыщенно провозгласил:

— Заседание специальной коллегии суда, созванной под эгидой юриспруденции Соединенных Штатов Америки, объявляю открытым! Внимание!

Тот судья, что сидел в центре, посмотрел на коллег, поправил очки, кинул хмурый взгляд на «жабу», или «кактус», или как его еще назвать.

— Мэт с Проциона, нам известно, что вы не способны ни слышать, ни произносить слова, но можете телепатически понимать нас и отвечать в письменной форме.

Телекамеры тут же показали, как Мэт повернулся к доске, установленной за скамьей подсудимых, и написал мелом одно слово: «Да».

Судья продолжал:

— Вы обвиняетесь в том, что незаконно попали в мир под названием Земля, точнее — страну, называемую Соединенными Штатами Америки. Признаете ли вы себя виновным?

Большими белыми буквами Мэт вывел на доске: «А как еще можно сюда попасть?»

Судья нахмурился:

— Будьте добры отвечать на мои вопросы.

— Не виновен.

— Вам предоставлен защитник. Есть ли у вас возражения против его кандидатуры?

— Благословен будь, миротворец.

Немногие восприняли это как остроту. Большинство решило, что это сам дьявол цитирует Библию.

Судья вздохнул, протер стекла очков и откинулся на спинку кресла.

Расправив мантию на плечах, встал прокурор. Это был высокий, длинполицый человек с пронзительным взглядом маленьких глаз.

— Первый свидетель!

Из зала вышел тщедушный человечек, неловко присел на стул свидетелей, беспокойно перебирая пальцами.

— Ваше имя?

— Сэмуэл Нолл.

— Ваша ферма расположена близ Денвила?

— Да, сэр. Я...

— Не называйте меня «сэр». Только отвечайте на вопросы. Это существо приземлилось на территории вашей фермы?

— Ваша честь, я протестую! — поднялся с места адвокат, человек чрезвычайно полный и краснолицый, по-видимому сангвиник.— Мой клиент — юридическое лицо, а не какое-то там существо. Поэтому его следует называть «обвиняемым».

— Протест отклоняется! — отрезал судья в центре.— Продолжайте, мистер прокурор.

— Итак, это существо приземлилось на территории вашей фермы?

— Да,— ответил Сэмуэл Нолл, с гордостью глядя

в объективы телекамер.— Оно свалилось как снег на голову и...

— Отвечайте только на вопросы. Посадка сопровождалась серьезными разрушениями?

— Да.

— Что пострадало?

— Два сарая и большая часть урожая. Убытков на три тысячи долларов.

— Существо проявило при этом какие-либо признаки раскаяния?

— Никаких,— Нолл сердито оглядел зал.— Вело себя как ни в чем не бывало.

Прокурор сел, насмешливо улыбнувшись своему толстому противнику.

— Передаю свидетеля защите,— сказал он.

Адвокат встал, благожелательно посмотрел на Нолла и спросил:

— Скажите, ваши сараи — это восьмиугольные башни с жалюзи в стенах и барометрически управляемыми крышами?

Нолл вскинул брови и тихо ахнул:

— Чего?

— Ну, хорошо. Оставим это, ответьте мне на такой вопрос: ваш урожай, по-видимому, состоял из фузлинов и двухцветных меркинсов?

— Это был ячмень, зрелый ячмень,— в отчаянии произнес Нолл.

— Бог мой! Ячмень — надо же! А вам знакомы фузлины и меркинсы? Вы бы их узнали, если бы увидели?

— Пожалуй что нет,— неохотно признался Нолл.

— Разрешите заметить, что вам просто недостает умственных способностей,— резко заключил адвокат.— И я бесконечно сожалею об этом, поверьте мне. Вы видите по моему лицу, как это меня огорчает?

— Не вижу,— ответил Нолл, чувствуя, как его трон перед телекамерами превращается в ложе, утыканное гвоздями.

— Другими словами, вы не увидели бы и раскаяния, будь оно написано на моем лице?

— Протестую!— загремел прокурор, заливаясь краской.— Нельзя сознательно заставлять свидетеля...

Он остановился, заметив, что его соперник опустился на стул. Поспешно взяв себя в руки, прокурор проворчал:

— Следующего свидетеля!

Свидетель номер два был крепкий, весь в синем мужчина. Держался он уверенно, как человек, давно знакомый с судами и скучными судебными процедурами.

— Имя?

— Джозеф Хиггинсон.

— Вы офицер полиции города Денвила?

— Так точно.

— Это вас вызвал на свою ферму первый свидетель?

— Меня.

Прокурор улыбался, задавая следующий вопрос, в полной уверенности, что теперь-то он целиком овладел событиями.

— Увидев случившееся, вы постарались разобраться в причинах, не так ли?

— Да, конечно.

Мистер Хиггинсон обернулся и бросил сердитый взгляд в умоляющие золотистые глаза обвиняемого.

— И что тогда случилось?

— Оно парализовало меня одним взглядом.

Вмешался судья слева:

— Вы, кажется, выздоровели. Насколько глубок был паралич и сколько времени он продолжался?

— Парализовало меня всего, ваша честь, но часа через два это прошло.

— И за это время,— спросил прокурор,— иноземный преступник успел удрать?

— Да,— мрачно ответил свидетель.

— Резюмируем: существо игнорировало офицера полиции, находившегося при исполнении служебных обязанностей, напало на него и избежало ареста, так?

— Да,— охотно согласился Хиггинсон.

— Передаю свидетеля защите.

Прокурор сел, чрезвычайно довольный собой.

Поднялся адвокат, засунул пальцы за край жилета и с обезоруживающим дружелюбием обратился к Хиггинсону:

— Вы всегда сумеете распознать при встрече своего коллегу полицейского?

— Конечно.

— Очень хорошо. Среди публики в зале сидит полицейский. Будьте добры, покажите его господам судьям.

Хиггинсон внимательно осмотрел немногих присутствующих, которые здесь, в зале суда, представляли куда более обширную аудиторию телезрителей. Телекаме-

ры следовали за его взглядом по рядам зрителей. Судьи, корреспонденты, репортеры, государственные чиновники — все смотрели туда же.

— Он, наверное, в гражданском,— заявил Хиггинсон, сдаваясь.

Судья в центре поспешил вмешаться:

— Вряд ли суд признает доказательством вашей правоты неспособность свидетеля узнать полицейского, одетого в штатское.

— Конечно, ваша честь,— согласился адвокат.

На его круглом лице отражалось крушение надежд, что порадовало сердце его наблюдательного противника. Тогда, удовлетворенный тем, что прокурор вознесся на должную высоту, он вдруг просиял и шмякнул его на самое дно:

— Но вышеупомянутый полицейский одет по всей форме.

Прокурор изменился в лице, будто надел новую маску. Хиггинсон чуть не вывихнул шею, делая новую попытку разглядеть полицейского среди зрителей.

— Зеленовато-коричневая форма с красными лампасами,— подсказал адвокат.— Это маршал, начальник корпуса военной полиции.

— Вы мне этого не говорили,— обиженно заметил Хиггинсон.

— А вы тогда, на ферме, сказали обвиняемому, что вы офицер полиции?

Свидетель покраснел, открыл рот, закрыл его, умоляюще посмотрел на прокурора.

— Отвечайте на вопрос,— потребовал судья.

— Нет, я ему этого не говорил.

— Почему?

Вытирая платком лоб, Хиггинсон вдруг сказал охрипшим голосом:

— Не считал нужным: по-моему, это было и так видно. А как по-вашему?

— Задавать вопросы буду я, вы же будете отвечать на них. Что, по вашему мнению, маршал военной полиции «и так виден»?

— Протестую! — замахал руками прокурор.— Мнение — это еще не доказательство.

— Поддерживаю протест! — провозгласил судья в центре. Он посмотрел на адвоката поверх очков: — Суд принимает во внимание тот факт, что обвиняемый любую

информацию способен получать телепатически и поэтому свидетель не должен был представляться ему вслух. Продолжайте допрос свидетеля.

Адвокат снова обратился к Хиггинсону:

— Опишите, пожалуйста, во всех подробностях ваше поведение в тот момент, когда вас парализовало.

— Я тогда прицеливался.

— Собирались стрелять?

— Да.

— В обвиняемого?

— Да.

— Это входит в ваши привычки — сначала стрелять, а потом задавать вопросы?

— Привычки свидетеля не относятся к делу,— заявил судья в центре. Он взглянул на Хиггинсона: — Вы можете не отвечать на поставленный вопрос.

Офицер Хиггинсон, удовлетворенно осклабившись, игнорировал вопрос адвоката.

— С какого расстояния вы собирались стрелять? — продолжал адвокат.

— С пятидесяти или шестидесяти ярдов.

— Так далеко? Вы хороший стрелок?

Хиггинсон осторожно кивнул, правда, без всякого чувства гордости. «Определенно этот толстяк — не такой уж простачок»,— подумал он.

— В котором часу вы рассчитываете попасть домой на ужин?

Захваченный врасплох этим неожиданным маневром атакующего, свидетель от изумления открыл рот и произнес:

— К полуночи, наверное.

— Ваша жена будет рада узнать об этом. Если бы не радио и телевидение, разве вы могли бы передать ей это, передать словами?

— Не стану же я орать так, чтоб было слышно в Денвиле,— съехидничал Хиггинсон.

— Конечно, не станете. Человеческий голос без помощи радио и телевидения не может преодолеть такое расстояние.— Адвокат потер подбородок, подумал немного и вдруг воскликнул: — А телепатически «орать» на расстояние пятидесяти или шестидесяти ярдов вы станете?

Ответа не последовало.

— Или ваши телепатические способности превосходят способности обвиняемого, который сообщил мне, что у него

они ограничены расстоянием в двадцать пять — тридцать ярдов?

Хиггинсон прищурился, но не ответил ничего.

— Вы и сами не знаете своих способностей?

— Не знаю.

— Жаль! — отрезал адвокат и, покачав головой, сел.

Третий свидетель — темная личность оливкового цвета — мрачно разглядывал свои ботинки, пока прокурор не начал допроса.

— Ваше имя?

— Доминик Лолордо.

Он произнес это тихим голосом, будто хотел, чтобы телезрители не только не видели его, но и не слышали.

— Вы — директор рыбного ресторана?

— Да.

— Вы узнаете это существо на скамье подсудимых?

Лолордо скосил глаза.

— Да.

— При каких обстоятельствах вы видели его в последний раз?

— У меня в забегаловке, после закрытия.

— Оно ворвалось в помещение перед самым закатом, и вы проснулись в тот момент, когда оно приступило к грабежу, не так ли?

— Верно.

— Вы не попытались схватить его?

Лолордо состроил гримасу.

— Это его-то? Схватить? Да посмотрите на него!

— Но ведь если бы вы увидели, что вас грабят, наружность вора вас бы не остановила? — многозначительно заметил прокурор.— Тут, конечно, было что-то еще?

— Оно влезло в окно,— сказал Лолордо уже громче прежнего.— Прямо в окно, проделало в нем дыру, повторившую его собственные очертания. И ушло точно тем же путем — просто еще одна такая же дыра в окне. И ни разбитого стекла, ни осколков — ничего. Что бы вы на моем месте стали делать с зеленым кошмаром, который лезет в окно так, как будто там нет никакого стекла?

— Когда существо проявило свои сверхъестественные способности, вы бросились за помощью?

— А вы как думали?!

— Но помощь пришла слишком поздно? Когда бессовестного грабителя и след простыл?

— Да.

Прокурор жестом дал понять, что кончил, и к допросу приступил адвокат.

— Вы утверждаете, что вас ограбили. Что у вас украли?

— Так, пустяки.

— Это не ответ.

— Разве? — Лолордо зевнул с нарочитым безразличием.

Судья в центре, грозно нахмурившись, наклонился вперед.

— Вы что, хотите схватить срок за неуважение к суду?

— Он украл немного лобстеров и устриц,— неохотно, но поспешно ответил Лолордо.

— Другими словами, плотную еду, а? — спросил адвокат.

— Ну, если хотите...

— Вы не подумали, что обвиняемый был безумно голоден?

— Еще чего не хватало — думать! Я только взглянул на него — и давай бог ноги.

— Так что, если даже обвиняемый успел прочитать ваши мысли о том, что он совершил преступление, у него уже все равно не оставалось времени на извинения или на возмещение причиненных вам убытков?

Ответа не последовало.

— А уж мысли-то вы излучали предельно враждебные?

— Да, конечно, в любви ему не объяснялся,— заметил свидетель.

Адвокат обратился к судьям:

— Свидетель не заслуживает доверия. Дальнейший допрос считаю нецелесообразным.

Судьи посовещались, и тот, что в центре, холодно объявил о решении:

— Содержать под стражей в помещении суда до вынесения приговора.

Лолордо потопал прочь, бросая по сторонам злобные взгляды.

— Четвертый свидетель!

Трибуну занял энергичный человек среднего возраста — такими в кино представляют солидных президентов банков или знаменитых судей. И, по всей вероятности, с любой из этих ролей он бы великолепно справился.

— Ваше имя?

— Уинтроп Аллен.

— Профессор зоологии, не так ли? — спросил прокурор.

— Совершенно верно.

— Вы узнаете это существо?

— Как не узнать? Несколько месяцев я находился с ним в тесном контакте.

Сделав нетерпеливый жест, прокурор спросил:

— При каких обстоятельствах вы впервые столкнулись с ним?

На такой вопрос, очевидно, можно было бы не отвечать: весь мир знал эти «обстоятельства». О них толковали вкривь и вкось, сопровождая рассказы всякими прикрасами.

Тем не менее Аллен ответил:

— Оно появилось в зоопарке через два часа после закрытия. Как оно туда попало, я не знаю.

— Оно всюду совало свой нос, высматривая все, что можно высмотреть, все наматывая на ус?

Аллен заметил с сомнением:

— Что тут можно сказать...

— Осматривало оно все вокруг или нет?

— Конечно, ему многое удалось увидеть в зоопарке, прежде чем служители обнаружили его, но...

— Пожалуйста, отвечайте без выкрутас, профессор Аллен,— жестко заметил прокурор.— Продолжим: благодаря невероятному фурору, произведенному прибытием на Землю этого существа, и последующим событиям вашим служащим нетрудно было опознать его?

— Конечно. Они сразу сообщили мне о нем.

— Как же вы тогда поступили?

— Занялся этим делом сам. Нашел ему теплое удобное помещение в незанятой секции павильона рептилий.

Все в зале суда, включая и телевизионные камеры, с уважением воззрились на специалиста, который с таким хладнокровием действовал в столь необычайных обстоятельствах.

— Как же случилось, что вас при этом не разбил паралич, никто не уничтожил и вообще вы не стали жертвой сверхъестественного рока? — с кислой миной спросил прокурор.— Уж не излучали ли вы при этом самое сердечное приглашение?

Свидетель сухо ответил:

— Совершенно верно, излучал.

— Оставьте ваши шутки до лучших времен, профессор,

здесь они неуместны,— сурово оборвал его прокурор.— Как бы то ни было, суд понимает, что вы отнесли это кошмарное существо к классу рептилий и отвели ему подобающее место.

— Чепуха! Просто павильон рептилий оказался свободен, удобен и поэтому приемлем. Обвиняемый не поддается нашей классификации.

Сделав презрительный жест, прокурор продолжал:

— Вам, вероятно, трудно объяснить суду, какими средствами вы одолели грозные силы и поймали это существо в ловушку?

— Я не ловил его. Я знал, что оно разумно, и соответствующим образом относился к нему.

— Если учесть заявление предыдущих свидетелей, вам крупно повезло,— колко заметил прокурор.— Почему этот уродец позволил вам в отличие от всех других вступить с ним в контакт?

— Просто он понял, что мой разум привык иметь дело с нечеловеческими формами жизни. А отсюда он логически пришел к выводу, что со мной легче, чем с кем-либо другим, наладить контакт.

— Логически пришел к выводу,— повторил прокурор и обратился к судьям: — Прошу, милостивые государи, обратить серьезное внимание на эти слова, учитывая, что данный свидетель находится на особом положении.— И он снова повернулся к Аллену: — Таким образом, вы считаете, что это существо обладает разумом?

— Безусловно!

— В течение нескольких месяцев вы имели возможность изучать разум этого незваного агрессора. Какой, по вашему мнению, уровень интеллекта у этого существа?

— Такой же, как и у вас, только он иной, совсем не похож на наш.

— Вы считаете этого субъекта полноценным представителем его расы?

— У меня нет оснований думать иначе.

— То есть его раса равна нашей по разуму?

— Очень возможно.— Профессор Аллен потер подбородок, минуту подумал.— Да, я бы сказал, равна, если вообще можно сравнивать столь непохожие явления.

— А может быть, они даже превосходят нас и не только умственно, но и численно? — настойчиво гнул свою линию прокурор.

— Не знаю. Сомневаюсь.

— Но можно ли исключить такую возможность?

— Такие произвольные умозаключения не могут удовлетворять, и поэтому я...

— Не увиливайте от ответа! Существует ли возможность, пусть малейшая, что форма жизни, представляемая этим чудовищем, является самой страшной угрозой роду человеческому за всю его историю?

— Если сильно захотеть, угрозой можно назвать все что угодно, но...

— Угроза — да или нет?!

Вмешался судья в центре:

— Нельзя требовать определенного ответа от свидетеля на гипотетически поставленный вопрос.

Прокурор невозмутимо поклонился:

— Отлично, ваша честь, я поставлю вопрос иначе.— И возобновил допрос: — Считаете ли вы, как специалист, что интеллектуальный потенциал данной формы жизни достаточно высок, чтобы они напали, победили и поработили человечество, если бы они этого захотели?

— Не знаю.

— Это все, что вы можете сказать?

— Боюсь, что да.

— Но этого вполне достаточно,— резюмировал прокурор, многозначительно глядя в телекамеры на невидимое многомиллионное жюри.— Значит, вы допускаете, что существует опасность, небывалая опасность?

— Я этого не говорил,— возразил Аллен.

— Но вы не утверждали и обратного,— парировал прокурор, занимая свое место с видом самоуверенным и довольным.— Я кончил.

Адвокат помедлил, прежде чем приступить к допросу.

— Профессор Аллен, как освещались в прессе ваши многочисленные заявления, касающиеся обвиняемого?

— Все они без исключения были грубо извращены,— хмуро ответил Аллен. Он бросил ледяной взгляд на большую группу репортеров, которые в ответ высокомерно ухмыльнулись.

— Обвиняемого неоднократно рассматривали как шпиона, к которому во избежание худшего нужно применить решительные меры. На основании сведений, которыми вы располагаете, вы поддерживаете эту версию?

— Нет.

— Как бы вы определили общественное положение обвиняемого?

— Он эмигрант,— ответил Аллен.

— Не правда ли, побуждения обвиняемого невозможно рассматривать как враждебные роду человеческому?

— Нет ничего невозможного,— сказал профессор Аллен, потому что он был воплощенная честность.— Обмануть можно и самого хитрого из нас. Но не думаю, чтобы меня обманули. Таково мое мнение, чего бы оно ни стоило.

Адвокат вздохнул:

— Как мне уже тут напоминали, мнение — это еще не доказательство.— Он опустился на стул, ворча себе под нос: — Хуже некуда! Какое несчастье!

— Пятый свидетель!..

— Десятый свидетель!..

— Шестнадцатый свидетель!

Шестнадцатый был последним в списке обвинения. Свидетелей могло быть в пять раз больше, но и этого хватало за глаза! И у них было что предложить для окончательного всеобщего приговора, соответствовавшего если не здравому смыслу, то по крайней мере предрассудкам,— вполне убедительное, продуманное предложение о том, как поступать с кочующими формами жизни: терпеть их, дать им под зад коленом или сделать что-нибудь еще похуже. В настоящий момент стоял вопрос об общественной безопасности, и решать, стоит ли подвергать себя риску, должна была сама общественность. Имея это в виду, все шестнадцать свидетелей обвинения составили грозный обвинительный акт против странного златоглазого подсудимого, покушаясь не только на его свободу, но и на саму жизнь.

Чувствуя себя хозяином положения, прокурор обращает повелительный взгляд на обвиняемого и приступает к допросу:

— Без дураков — зачем вы прилетели на Землю?

«Мне надо было сбежать из своего собственного мира».

— И вы думаете, мы в это поверим?

«Я ничего не думаю,— с трудом выводит на доске Мэт.— Я просто надеюсь».

— На что же вы надеетесь?

«На доброту».

Прокурор смущен. В поисках соответствующего саркa-

стического ответа он молчит с минуту, пока не находит другой путь допроса.

— Так ваш собственный мир вас не устраивал? Что же вам в нем не нравилось?

«Все».

— То есть вы были там отщепенцем?

«Да».

— А наш мир вы рассматриваете как подходящую мусорную свалку для таких отщепенцев, как вы?

Мэт не отвечает.

— Я считаю, что ваше утверждение — сплошная чепуха, что вся эта ваша история — просто выдумка. Полагаю, что причины вашего появления здесь глубже и неблаговиднее, чем вы хотите нам представить. Пойду дальше и скажу вам, что и прибыли-то вы сюда не из района Проциона, а откуда-то гораздо ближе, с Марса, например.

Мэт по-прежнему хранит молчание.

— Да знаете ли вы, что инженеры — конструкторы межпланетных кораблей подвергли ваш потерпевший крушение корабль длительному и серьезному обследованию и составили отчет об этом?

Мэт стоит совсем спокойно, смотрит отсутствующим взором вдаль и ничего не говорит.

— Знаете ли вы, что, хотя, по их мнению, ваш корабль превосходит все до сих пор сделанное нами в этой области и способен совершать полеты далеко за пределы Солнечной системы, тем не менее он не может достичь не только Проциона, но и Альфы Центавра?

«Это верно»,— пишет на доске Мэт.

— И вы продолжаете упорствовать, что вы прибыли из системы Проциона?

«Да».

Прокурор недоуменно разводит руками.

— Ваша честь, вы слышали, что говорит это существо. Его корабль не мог долететь до Земли с Проциона. И все же оно прилетело с Проциона. Чудовище непоследовательно либо в силу своего слабоумия, либо потому — и это, видимо, более вероятно,— что оно неумело лжет. Поэтому мне представляется едва ли целесообразным дальнейший...

«Мой корабль и я ехали на астероиде»,— выводит каракулями на доске Мэт.

— Ну вот! — прокурор саркастически показывает на

доску.— Обвиняемый ехал на астероиде! Ничего себе выход из им самим созданного тупика — на астероиде, не больше и не меньше! — Он сдвинул брови и посмотрел на обвиняемого.— Ох, и длинный путь вы, должно быть, проделали!

«Да».

— Значит, вы посадили корабль на астероид и, пролетев на нем много миллионов миль, сэкономили таким образом горючее? Вы никогда не слыхали о математической теории вероятностей, по которой вряд ли можно найти свободно плавающий астероид в каком бы то ни было районе космического пространства?

«Это действительно чрезвычайно редкое явление»,— соглашается Мэт.

— И все же вы обнаруживаете такой именно астероид, который вместе с вами проделывает весь путь сюда? Самый поразительный из космических кораблей, не так ли?

«Он не проделал весь путь сюда. Только большую часть пути».

— Ну хорошо,— с легким презрением соглашается прокурор.— Девяносто девять миллионов вместо ста или сколько там должно быть. И все-таки это поразительно.

«Более того,— продолжает уверенно писать Мэт,— это вовсе не был какой-то специально выбранный астероид, который доставил бы меня именно сюда. Это был первый попавшийся астероид, который мог увезти меня куда угодно. У меня не было определенной цели. Это был полет в пустоту, наудачу, на волю случая, навстречу моей судьбе».

— Так если бы вы сели на другой астероид, вас могло занести куда-нибудь еще, да?

«Или вовсе никуда,— дрожащей рукой пишет Мэт.— Судьба оказалась добра ко мне».

— Не будьте так уверены в этом.— Прокурор засунул пальцы в карман жилета и зловеще посмотрел на обвиняемого.— Если истинные ваши цели, истинные мотивы хоть немного похожи на те, что вам приписывают наши вечно бдительные газетчики, то ваша защитительная речь должна быть безукоризненной, она должна убеждать. Представленный же сейчас вами вариант абсолютно бездоказателен. Кроме голословных утверждений, утверждений уродливого иноземца с неизвестными нам намерениями, мы, суд, ничего от вас не получили.— Он передохнул и

закончил: — Можете вы представить на рассмотрение суда что-нибудь более существенное, чем ваша фантастическая история?

«Я не знаю, как бороться с недоверием,— пишет Мэт медленно, устало.— Только верой».

Прокурор отвергает это заявление резко и безжалостно:

— Сколько еще подобных вам находится сейчас в нашем мире и проводит в жизнь свои подлые планы, пока вы тут в полном блеске славы морочите нам головы?

До сих пор подобная мысль никому не приходила в голову — ни тем, кто находится в зале, ни за пределами его. Теперь с полдюжины репортеров втихомолку корили себя за то, что вовремя не набрели на эту ценную идею и не воспользовались ею. С самого начала предполагалось, что на планете пребывает всего лишь один пришелец, что он в надежных руках. Но ведь, действительно, где гарантия того, что десятки, а то и сотни других не скрываются в тени, не ждут своего часа? Люди переглядываются, беспокойно ерзают на своих местах.

«Кроме меня, никого на корабле не было»,— пишет мелом на доске Мэт.

— Правда. Пожалуй, это первое ваше свидетельство, которое не вызывает сомнений. Ведь эксперты в отчете показали, что корабль, на котором вы прибыли, одноместный, так что, очевидно, вы были на нем одни. Но сколько еще ваших кораблей приземлилось примерно в это же время?

«Ни одного».

— Хотелось бы верить вам,— говорит прокурор, своим замечанием снова внося беспокойство в ряды слушателей.— На вашей планете, видимо, существует немало кораблей и более мощных и гораздо более вместительных, чем ваш, верно?

«Много,— соглашается Мэт.— Но они не быстроходнее моего и не могут летать на более далекие расстояния. Они только могут нести больший груз».

— Откуда у вас собственный корабль?

«Украден».

— Неужели вы его украли? — с ухмылочкой поднимает брови прокурор.— Так вы вор, признающийся в собственном преступлении! — Тут он делает вид, что его вдруг озарила идея: — А между прочим, каждый понимает, что лучше признаться в воровстве, чем в шпионаже.— Он

дает этой мысли пустить корни, прежде чем нанести следующий удар.— Не будете ли вы добры рассказать нам, сколько еще ваших смелых и отчаянных соотечественников готовы или готовятся последовать вашему примеру в завоевании нашего мира?

Поднимается адвокат и говорит:

— Я рекомендую клиенту не отвечать на этот вопрос.

Его противник нетерпеливым жестом предлагает адвокату сесть и обращается к судьям:

— Ваша честь, я готов изложить версию обвинения.

Судьи смотрят на часы, совещаются между собой, разрешают:

— Приступайте!

Речь прокурора была блистательной, разгромной, продолжительной, камня на камне не оставившей от защиты. В ней вновь приводились доказательства тяжести преступления, делались намеки, которые наводили невидимую аудиторию на еще более мрачные мысли. Нельзя сказать, чтобы прокурор испытывал истинную ненависть или страх перед незваным гостем — просто он блестяще выполнял свой профессиональный долг.

— Этот процесс, этот необычайный, уникальнейший процесс,— говорил прокурор,— войдет в историю права и законности. Он представляет собой прецедент, в соответствии с которым мы будем строить свои отношения с будущими пришельцами из космоса. И вам, представителям общественного мнения, принадлежит решающая роль в установлении этих отношений; вам и только вам достанется либо пожинать плоды союза с иными цивилизациями, либо...— он сделал паузу, потом жестко добавил: — взвалить на свои плечи все ужасы инопланетной интервенции. И, позвольте вам заметить, плоды союза могут быть весьма незначительными, в то время как ужасы интервенции безмерны.

Откашлявшись, отпив глоток воды, он снова приступил к делу:

— И вот, чтобы наилучшим образом решить этот вопрос, прийти к правильным выводам, вам не остается ничего другого, как исходить из опыта общения с этим фантастическим типом, которому вы к тому же должны вынести свой приговор.

Он повернулся к Мэту и дальше на протяжении всей своей речи не спускал с него глаз.

— Это существо не было приведено к присяге, так

как мы не знаем, чему оно может присягнуть. Его этика — если таковая вообще существует — это их этика, ничего общего не имеющая с нашей. Все, что мы знаем о нем, мы знаем с его слов, почерпнули из его весьма красочной фантастической истории, столь неправдоподобной для человеческого уха, что вряд ли можно винить кого-либо из нас за то, что он считает это существо бессовестным лжецом.

При этих словах огромные глаза Мэта закрылись от боли и страдания, но прокурор решительно продолжал:

— Если вопрос об искренности этого существа можно считать открытым, то в некоторых других аспектах — например, уважение к собственности, к закону — обвинение строится на фактах. А ведь это краеугольные камни нашей цивилизации, они создавались веками, и мы не дадим сокрушать их, пусть ради этого нам придется драться с самыми необыкновенными пришельцами!

Тут он немного перехватил: уж очень явно это маленькое большеглазое существо не подходило на роль сокрушителя цивилизаций. Тем не менее нарисованная им перспектива должна была сформировать мнение тысяч, миллионов людей. Если они еще сомневаются, лучше действовать наверняка.

— Он — вор. Более того: человек, сам признающий себя вором. Он обокрал не только нас, но и своих соотечественников,— продолжал наступление прокурор, не замечая, что употребляет по отношению к пришельцу уже местоимение не среднего рода, а мужского и называет его не «существом», а «человеком».— Сокрушитель, и притом разумный сокрушитель, и, возможно, предтеча целого сонма сокрушителей. Я думаю, что там, где прошел один, может пройти и целая армия! — И, не затрудняя себя вопросом, где найти столько астероидов, чтобы доставить к Земле сонмища пришельцев, добавил: — Сотни армий!

То повышая, то понижая голос, то с вызовом, грубо, то мягко, вкрадчиво, он говорил, играя, как органист играет на гигантском органе, на чувствах своих слушателей, взывая к земному патриотизму, потворствуя ограниченности, оправдывая предрассудки, раздувая страхи — страх перед самим собой, страх перед другими, страх перед необычным по форме, страх перед завтрашним днем, страх перед неизведанным. Речь его была высокопарной, насмешливый тон сменялся торжественным, а затем саркастическим.

— Он,— говорил прокурор, указывая на Мэта и все еще употребляя местоимение мужского рода,— он просит считать его гражданином нашего мира. Принять его со всеми его штучками-дрючками, с его сверхъестественными способностями, с его тайными побуждениями, которые, может быть, станут явными, когда будет уже слишком поздно? А не лучше ли — пусть даже он и в самом деле так чист и непорочен, как он хочет нас уверить,— не лучше ли несправедливо покарать его одного, чем подвергать бесконечно большему риску великое множество других?

Он с вызовом осмотрел аудиторию.

— Предположим, мы примем его как беженца. Но кто даст ему кров? Кто захочет жить рядом с существом, столь чуждым человеку? — Он ухмыльнулся.— Впрочем, такие есть, жаждущие составить ему компанию. Как бы неправдоподобно это ни звучало, нашлись люди, которым он нужен.

Он поднял над головой письмо, чтобы все видели, и сказал:

— Этот человек предлагает ему кров. Он пишет, что во время восьмого воплощения на Проционе сам он стоял на позициях нетерпимости...— Он швырнул письмо на стол.— Ненормальные встречаются и среди нас. Но, к счастью, судьбу человечества будут решать уравновешенные, разумные граждане, а не хронические идиоты.

Поток слов лился еще полчаса. Закончил он так:

— По нашим законам, шпиона-человека ждет быстрый конец, от человека, подозреваемого в шпионаже, мы легко избавляемся. Не вижу причин, почему инопланетный шпион заслуживает более мягкого обхождения, чем шпион-человек. Вот перед нами существо, в лучшем случае просто нежелательное, в худшем — первый агент разведки грозного врага. Обвинение считает, что в интересах всеобщей безопасности вы должны рассмотреть только два возможных варианта приговора: смертный приговор или немедленный выброс подсудимого в космос, туда, откуда он прибыл. Доказательства его вины весомы, и другой альтернативы у нас нет. Вы не могли не заметить, что все выступавшие здесь свидетели были свидетелями обвинения. Разве не знаменательно то, что у защиты не оказалось ни одного свидетеля? — Он подождал, пока смысл сказанного дойдет до слушателей, и, повто-

рив: — Ни одного! — окончательно пригвоздил обвиняемого к позорному столбу.

Еще один глоток воды, и он сел, аккуратно расправив складку на брюках.

Теперь, кажется, ни у кого не осталось сомнений: Мэт — гад вонючий.

Адвокат произвел легкую сенсацию, встав и заявив:

— Ваша честь, защита отказывается излагать свою версию.

Судьи посмотрели на него так, словно он был в десять раз чуднее своего клиента. Они пошелестели бумагами, пошептались между собой.

Через некоторое время судья в центре спросил:

— Это означает, что вы целиком полагаетесь на вердикт всеобщего голосования?

— В конечном итоге, без сомнения, ваша честь, но еще не теперь. Мне необходимо провести дополнительный допрос и затем построить версию, основываясь на нем.

— Приступайте,— разрешил судья, в сомнении нахмурив брови.

Адвокат обратился к Мэту:

— Все обитатели вашей планеты, так же как и вы, скажем... телепаты и не обладают устной речью?

«Да, все».

— У них общий нейроцентр, или, говоря проще, они прибегают к помощи общественного мозга?

«Да».

— Расскажите суду о своих родителях.

Мэт, закрыв глаза, на какой-то миг погрузился в воспоминания.

«Мои родители были не как все. Они были уродами. Они удалялись от нейроцентра до тех пор, пока почти не потеряли связь с остальными».

— И они погибли вдали от всех?

«Да»,— после долгой паузы, медленно, неуверенно, дрожащими тонкими линиями вывела на доске рука Мэта.

— И вы, видимо, впали в полное отчаяние?

«Да».

Адвокат обратился к судьям:

— Мне хотелось бы задать еще несколько вопросов четвертому свидетелю.

Судьи дали согласие, и профессор Аллен снова прошел к месту свидетелей.

— Профессор, будьте добры, как эксперт и человек,

долгое время лично изучавший моего клиента, скажите, пожалуйста, молод он или стар?

— Он молод,— без заминки ответил Аллен.

— Очень молод?

— Довольно молод,— сказал Аллен.— По нашим понятиям, не достиг зрелости.

— Спасибо.— Адвокат обвел мягким бесхитростным взглядом зал. На его полном, добродушном лице ничто не предвещало надвигающегося шторма. Тихим голосом задал он следующий вопрос: — Мужчина это или женщина?

— Женщина,— ответил профессор Аллен.

Репортер уронил блокнот. И в течение нескольких минут звук падения блокнота был единственным звуком в наступившей тишине. А потом раздался общий вздох, застрекотали кинокамеры, спеша запечатлеть Мэт, возгласы удивления прокатились из конца в конец зала.

А наверху, на балконе, остроумнейший из современных карикатуристов рвал на кусочки свое последнее произведение, где он изобразил обвиняемого привязанным к хвосту ракеты, которая отправлялась на Луну. Подпись внизу гласила: «Кактус отправился в путешествие». А теперь — куда это годилось? Назвать, его... нет, ее, «кактусиха»? В поисках новой темы он почесал в затылке, сознавая в то же время, что какая тут может быть тема, не четвертовать же маленькую одинокую женщину.

Прокурор сидел с поджатым ртом, всем своим видом напоминая фаталиста, из-под ног которого вырвали по крайней мере восемьдесят процентов почвы. Он-то знал эту публику. Он мог оценить общественную реакцию с точностью до десяти тысяч голосов.

Все теперь смотрели только в золотистые глаза Мэт. Они были огромные, как и прежде, но теперь казались мягче и светились вроде бы ярче. Теперь, когда стало известно, что они принадлежат женщине, все увидели, что в них действительно есть что-то женственное. И каким-то странным, непонятным образом морщинки вокруг глаз вдруг помягчели, в них промелькнуло что-то, отдаленно похожее на человеческое.

Полночь. Большой каменный подвал с металлической решеткой, стол, кровать, два стула и радио в углу. В камере двое: Мэт и толстяк адвокат. Беседуют, изучают корреспонденцию, посматривают на часы.

— Вообще-то говоря, обвинение село в лужу с этим письмом,— говорит защитник: он все никак не отвыкнет выражать свои мысли вслух, хотя прекрасно знает, что собеседница слышит его мысли, а не слова. Толстым указательным пальцем он похлопывает по пачке писем, которые они только что прочитали.— Мне ничего не стоило положить его на обе лопатки, предъявив эти письма, написанные неделю назад прямо в наш адрес. Но что бы это дало? Лишний раз доказало бы, что люди мыслят по-разному.

Он вздохнул, потянулся, зевнул, сотый, наверное, раз взглянул на часы и вынул очередное письмо.

— Вот послушайте.

И стал читать письмо вслух.

«Мой тринадцатилетний сын докучает нам просьбой предложить вашему клиенту хотя бы недолго побыть в нашем доме. Может быть, вы сочтете глупостью с нашей стороны, что мы ему во всем потакаем, но нам так легче. У нас здесь есть свободная комната, и если ваш клиент чистоплотен и в банные дни не боится пара...»

Последние слова он прочел невнятно, сквозь сдерживаемый зевок.

— Предполагают, что всеобщее голосование должно закончиться к шести часам утра. Но, уверяю вас, раньше восьми или даже десяти им не кончить. Такие вещи никогда не проходят в положенный срок.— Он поерзал на жестком стуле, тщетно стараясь устроиться поудобнее.— Как бы там ни было, что бы ни произошло, я останусь с вами до самого конца. И не думайте, что я у вас единственный друг.— Он потрогал пачку писем.— Вон их сколько, вам остается выбирать.

Мэт все это время была занята чтением записки, написанной неуверенным, неровным почерком. Потом она дотянулась до карандаша и бумаги и написала:

«Аллен объяснил мне не все слова. Что такое «ветеран»?» Получив от доктора объяснение, она написала: «Мне больше всех нравится этот. У него травма. Если меня освободят, я приму его приглашение».

— Ну-ка, покажите.— Толстяк взял письмо, прочитал его, похмыкивая, и вернул ей.— Как хотите. Впрочем, у вас с ним есть что-то общее, поскольку вы оба не в ладах с этим дурацким миром.— Он снова взглянул на часы и проворчал: — Да идут ли вообще эти часы? Что нам, целую неделю ждать утра, что ли?

Кто-то, звеня связкой ключей, открыл дверь, и в камеру вошел прокурор. Улыбнувшись сопернику, он сказал:

— Эл, вы настолько основательно почувствовали себя узником, что отказываетесь даже от тех немногих удобств, которые предоставлены тюрьмой?

— От чего именно?

— Да от радио!

Адвокат презрительно фыркнул.

— К черту радио! От него только шум. Мы тут занимались чтением писем, в тишине и покое...— Вдруг на его полном лице отразилось замешательство.— А что, мы здесь что-нибудь прослушали, что-нибудь передавали?

— Последние известия в двенадцать.— Прокурор облокотился на край стола, продолжая улыбаться.— Голосование прекращено.

— Не может быть! — Лицо адвоката вспыхнуло от гнева, он встал.— Ведь по всемирному соглашению приговор...

— Может быть... при известных обстоятельствах,— прервал его прокурор.— А обстоятельства сложились так, что несметный поток голосов в защиту вашего клиента сделал дальнейший подсчет ненужным.— И он повернулся к Мэт: — Только это строго между нами, моя дорогая: я еще никогда так не радовался своему поражению.

Человек средних лет, рано поседевший, с длинными тонкими пальцами, слушал радио в дальней комнате, когда раздался звонок в дверь. В комнате не было телевизора, только по радио звучала нежная полинезийская мелодия. Звонок прорвался сквозь музыку, хозяин выключил радио и поднялся. Очень осторожно он пересек комнату, открыл дверь и вышел в коридор.

Странно. В этот предвечерний час некому было звонить. Сюда почти никто не заходит. Почтальон обычно заезжает утром, среди дня забредут иногда один-два торговца. А позднее редко кто появляется, чрезвычайно редко. И сегодня он никого не ждал.

Тихо — толстый ковер заглушал звук шагов,— на ощупь, вдоль стены пробирался он по коридору к парадной двери.

Что-то очень необычное было в этом позднем визите. По мере того как он приближался к двери, в душу ему закрадывалось удивительное чувство — будто он заранее

знал, кто ждет его там, снаружи. В его сознании складывалась картина, пока смутная, как бы переданная какими-то непонятными ему средствами, словно ее процитировал один из тех, кто стоял, исполненный надежд, там, за дверью. Он видел крупного, полного добродушного мужчину в сопровождении крошечного зелено-золотого существа.

Хотя он прошел через суровые испытания и беды — это из-за них он теперь такой,— нервы у него были в порядке, и он ни в коем случае не принадлежал к тому типу людей, которым мерещатся разные небылицы, и вообще он не был склонен к галлюцинациям. И его обеспокоили, расстроили даже эти неизвестно откуда явившиеся видения. Он никогда раньше не знал большого толстого человека, портрет которого ясно вырисовывался в его сознании, никогда, даже в лучшие времена. А о его спутнике и говорить нечего...

Встречаются, конечно, люди с весьма обостренными чувствами, с необычайно развитыми, удивительными способностями. Были и у него способности — ведь судьба милостива к пострадавшим и старается компенсировать их потери. И трудно ему было бы без этих способностей. Но это было что-то новое, незнакомое.

Пальцы его, обычно такие чуткие, не повиновались ему, когда он нащупывал дверной замок, будто они на какое-то время забыли, где он находится. Нащупав наконец замок, они повернули ручку, и тут он услышал тонкий, будто птичий, голосок, который прозвучал прямо у него в мозгу, ясно, как колокольчик:

— Откройте, пожалуйста, я буду вашими глазами.

Рэй БРЭДБЕРИ

УСНУВШИЙ В АРМАГЕДДОНЕ

Никто не хочет смерти, никто не ждет ее. Просто что-то срабатывает не так, ракета поворачивается боком, астероид стремительно надвигается, чернота, движение, глаза, закрытые руками, носовые двигатели неудержимо тянут вперед, отчаянно хочется жить — и некуда податься. Какое-то мгновение он стоял среди обломков...

Мрак. Во мраке неощутимая боль. В боли — кошмар.

Он не потерял сознания.

«Твое имя?» — спросили невидимые голоса. «Сейл,— ответил он, крутясь в водовороте тошноты,— Леонард Сейл». «Кто ты?» — закричали голоса. «Космонавт!» — крикнул он, один в ночи. «Добро пожаловать»,— сказали голоса. «Добро... добро...» И замерли.

Он поднялся, обломки рухнули к его ногам, как смятая, порванная одежда.

Взошло солнце, и наступило утро.

Сейл протиснулся сквозь узкое отверстие шлюза и вдохнул воздух. Удача. Чистая удача. Воздух пригоден для дыхания. Продуктов хватит на два месяца. Прекрасно, прекрасно! И это тоже! Он ткнул пальцем в обломки. Чудо из чудес! Радиоаппаратура не пострадала.

Он отстучал ключом: «Врезался в астероид 787. Сейл. Пришлите помощь. Сейл. Пришлите помощь». Ответ не заставил себя ждать: «Хелло, Сейл. Говорит Адамс из Марсопорта. Посылаем спасательный корабль «Логарифм». Прибудет на астероид 787 через шесть дней. Держись».

Сейл едва не пустился в пляс.

До чего все просто. Попал в аварию. Жив. Еда есть. Радировал о помощи. Помощь придет. Ля-ля-ля! Он захлопал в ладоши.

Солнце поднялось и стало тепло. Он не ощущал страха

смерти. Шесть дней пролетят незаметно. Он будет есть, он будет спать. Он огляделся вокруг. Опасных животных не видно, кислорода достаточно. Чего еще желать? Разве что свинины с бобами. Приятный запах разлился в воздухе.

Позавтракав, он выкурил сигарету, глубоко затягиваясь и медленно выпуская дым. Радостно покачал головой. Что за жизнь! Ни царапины. Повезло. Здорово повезло.

Он клюнул носом. Спать, подумал он. Неплохая идея. Вздремнуть после еды. Времени сколько угодно. Спокойно. Шесть долгих, роскошных дней ничегонеделания и философствования. Спать.

Он растянулся на земле, положил голову на руку и закрыл глаза.

И в него вошло, им овладело безумие. «Спи, спи, о спи,— говорили голоса.— А-а, спи, спи». Он открыл глаза. Голоса исчезли. Все было в порядке. Он передернулся, покрепче закрыл глаза и устроился поудобнее.

«Эээээээээ»,— пели голоса далеко-далеко.

«Аааааааах»,— пели голоса.

«Спи, спи, спи, спи, спи»,— пели голоса.

«Умри, умри, умри, умри, умри»,— пели голоса.

«Ооооооо»,— кричали голоса.

«Мммммммммм»,— жужжала в его мозгу пчела.

Он сел. Он затряс головой. Он зажал уши руками. Прищурившись, поглядел на разбитый корабль. Твердый металл. Кончиками пальцев нащупал под собой крепкий камень. Увидев на голубом небосводе настоящее солнце, которое дает тепло.

«Попробуем уснуть на спине»,— подумал он и снова улегся. На запястье тикали часы. В венах пульсировала горячая кровь.

«Спи, спи, спи, спи»,— пели голоса.

«Ооооооооох»,— пели голоса.

«Аааааааах»,— пели голоса.

«Умри, умри, умри, умри, умри, умри. Спи, спи, умри, спи, умри, спи, умри! Ооxx, Аахх, Эээээээ!» Кровь стучала в ушах, словно шум нарастающего ветра.

«Мой, мой,— сказал голос.— Мой, мой, он мой!»

«Нет, мой, мой,— сказал другой голос.— Нет, мой, мой, он мой!»

«Нет, наш, наш,— пропели десять голосов.— Наш, наш, он наш!»

Его пальцы скрючились, скулы свело спазмой, веки начали вздрагивать.

«Наконец-то, наконец-то,— пел высокий голос.— Теперь, теперь. Долгое-долгое ожидание. Кончилось, кончилось,— пел высокий голос.— Кончилось, наконец-то кончилось!»

Словно ты в подводном мире. Зеленые песни, зеленые видения, зеленое время. Голоса булькают и тонут в глубинах морского прилива. Где-то вдалеке хоры выводят неразборчивую песнь.

Леонард Сейл начал метаться в агонии. «Мой, мой»,— кричал громкий голос. «Мой, мой»,— визжал другой. «Наш, наш»,— визжал хор.

Грохот металла, звон мечей, стычка, битва, борьба, война. Все взрывается, его мозг разбрызгивается на тысячи капель.

«Эээээээ!»

Он вскочил на ноги с пронзительным воплем. В глазах у него все расплавилось и поплыло. Раздался голос: «Я Тилле из Раталара. Гордый Тилле, Тилле Кровавого Могильного Холма и Барабана Смерти. Тилле из Раталара, Убийца Людей!»

Потом другой: «Я Иорр из Вендилло, Мудрый Иорр, Истребитель Неверных!»

«А мы воины,— пел хор,— мы сталь, мы воины, мы красная кровь, что течет, красная кровь, что бежит, красная кровь, что дымится на солнце».

Леонард Сейл шатался, будто под тяжким грузом. «Убирайтесь! — кричал он.— Оставьте меня, ради бога оставьте меня!»

«Эээээээ»,— визжал высокий звук, словно металл по металлу.

Молчание.

Он стоял, обливаясь потом. Его била такая сильная дрожь, что он с трудом держался на ногах. Сошел с ума, подумал он. Совершенно спятил. Буйное помешательство. Сумасшествие.

Он разорвал мешок с продовольствием и достал химический пакет.

Через мгновение был готов горячий кофе. Он захлебывался им, ручейки текли по телу. Его бил озноб. Он хватал воздух большими глотками.

Будем рассуждать логично, сказал он себе, тяжело опустившись на землю. Кофе обжег ему язык. Никаких

признаков сумасшествия в его семье за последние двести лет. Все здоровы, вполне уравновешенны. И теперь — никаких поводов для безумия. Шок? Глупости. Никакого шока. Меня спасут через шесть дней. Какой может быть шок, раз нет опасности? Обычный астероид. Место самое обыкновенное. Никаких поводов для безумия нет. Я здоров.

«Оо?» — крикнул в нем тоненький металлический голосок. Эхо. Замирающее эхо.

«Да! — закричал он, стукнув кулаком о кулак.— Я здоров!»

«Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха». Где-то затухал смех. Он обернулся. «Заткнись, ты!» — заорал он. «Мы ничего не говорили»,— сказали горы. «Мы ничего не говорили»,— сказало небо. «Мы ничего не говорили»,— сказали обломки.

«Ну, ну, хорошо,— сказал он неуверенно.— Понимаю, что не вы».

Все шло как положено.

Камешки постепенно накалялись. Небо было большое и синее. Он поглядел на свои пальцы и увидел, как солнце горит в каждом черном волоске. Он поглядел на свои башмаки, покрытые пылью, и внезапно почувствовал себя очень счастливым оттого, что принял решение. Я не буду спать, подумал он. Раз у меня кошмары, зачем спать? Вот и выход.

Он составил распорядок дня. С девяти утра (а сейчас было именно девять) до двенадцати он будет изучать и осматривать астероид, а потом желтым карандашом писать в блокноте обо всем, что увидит. После этого он откроет банку сардин и съест немного консервированного хлеба с толстым слоем масла. С половины первого до четырех прочтет девять глав из «Войны и мира». Он вытащил книгу из-под обломков и положил ее так, чтобы она была под рукой. У него есть еще книжка стихов Т. С. Элиота. Это чудесно.

Ужин — в полшестого, а потом с шести до десяти он будет слушать радиопередачи с Земли — пару комиков с их плоскими шутками, и безголосого певца, и выпуски последних новостей, а в полночь передача завершится гимном Объединенных Наций.

А потом?

Ему стало нехорошо.

До рассвета я буду играть в солитер, подумал он.

Сяду и стану пить горячий черный кофе и играть в солитер без жульничества, до самого рассвета. «Хо-хо»,— подумал он.

«Ты что-то сказал?» — спросил он себя.

«Я сказал: «Ха-ха»,— ответил он.— Рано или поздно ты должен будешь уснуть».

«У меня сна — ни в одном глазу»,— сказал он.

«Лжец»,— парировал он, наслаждаясь разговором с самим собой.

«Я себя прекрасно чувствую»,— сказал он.

«Лицемер»,— возразил он себе.

«Я не боюсь ночи, сна и вообще ничего не боюсь»,— сказал он.

«Очень забавно»,— сказал он.

Он почувствовал себя плохо. Ему захотелось спать. И чем больше он боялся уснуть, тем больше хотел лечь, закрыть глаза и свернуться в клубочек.

«Со всеми удобствами?» — спросил его иронический собеседник.

«Вот сейчас я пойду погулять и осмотрю скалы и геологические обнажения и буду думать о том, как хорошо быть живым»,— сказал он.

«О господи,— вскричал собеседник.— Тоже мне. Уильям Сароян!»

Все так и будет, подумал он, может быть, один день, может быть, одну ночь, а как насчет следующей ночи, и *следующей*? Сможешь ты бодрствовать все это время, все шесть ночей? Пока не придет спасательный корабль? Хватит у тебя пороху, хватит у тебя силы?

Ответа не было.

Чего ты боишься? Я не знаю. Этих голосов. Этих звуков. Но ведь они не могут повредить тебе, не так ли?

Могут. Когда-нибудь с ними придется столкнуться... А нужно ли? Возьми себя в руки, старина. Стисни зубы, и вся эта чертовщина сгинет.

Он сидел на жесткой земле и чувствовал себя так, словно плакал навзрыд. Он чувствовал себя так, как если бы жизнь была кончена и он вступал в новый и неизведанный мир. Это было как в теплый, солнечный, но обманчивый день, когда чувствуешь себя хорошо,— в такой день можно или ловить рыбу, или рвать цветы, или целовать женщину, или еще что-нибудь делать. Но в разгаре чудесного дня что ждет тебя?

Смерть.

Ну, вряд ли *это.*

Смерть, настаивал он.

Он лег и закрыл глаза. Он устал от этой путаницы. Отлично, подумал он, если ты — смерть, приди и забери меня. Я хочу понять, что означает эта дьявольская чепуха.

И смерть пришла.

«Ээээээээ»,— сказал голос.

«Да, я это понимаю,— сказал Леонард Сейл.— Ну а что еще?»

«Аааааааах»,— произнес голос.

«И это я понимаю»,— раздраженно ответил Леонард Сейл. Он похолодел. Его рот искривила дикая гримаса.

«Я — Тилле из Раталара, Убийца Людей!»

«Я — Иорр из Вендилло, Истребитель Неверных!»

«Что это за планета?» — спросил Леонард Сейл, пытаясь побороть страх.

«Когда-то она была могучей»,— ответил Тилле из Раталара.

«Когда-то место битв»,— ответил Иорр из Вендилло.

«Теперь мертвая»,— сказал Тилле.

«Теперь безмолвная»,— сказал Иорр.

«Но вот пришел ты»,— сказал Тилле.

«Чтобы снова дать нам жизнь»,— сказал Иорр.

«Вы умерли,— настаивал Леонард Сейл, весь — корчащаяся плоть.— Вы ничто, вы просто ветер».

«Мы будем жить с твоей помощью».

«И сражаться благодаря тебе».

«Так вот в чем дело,— подумал Леонард Сейл.— Я должен стать полем боя, так?.. А вы — друзья?»

«Враги!» — закричал Иорр.

«Лютые враги!» — закричал Тилле.

Леонард страдальчески улыбнулся. Ему было очень плохо. «Сколько же вы ждали?» — спросил он.

«А сколько длится *время?*»

«Десять тысяч лет?»

«Может быть».

«Десять миллионов лет?»

«Возможно».

«Кто вы? — спросил он.— Мысли, духи, призраки?»

«Все это — и даже больше».

«Разумы?»

«Вот именно».

«Как вам удалось выжить?»

«Ээээээээ»,— пел хор, далеко-далеко.

«Аааааааах»,— пела другая армия в ожидании битвы.

«Когда-то это была плодородная страна, богатая планета. На ней жили два народа, две сильные нации, а во главе их стояли два сильных человека. Я, Иорр, и он, тот, что зовет себя Тилле. И планета пришла в упадок, и наступило небытие. Народы и армии все слабели и слабели в ходе великой войны, длившейся пять тысяч лет. Мы долго жили и долго любили, пили много, спали много и много сражались. И когда планета умерла, наши тела ссохлись, и только со временем наука помогла нам выжить».

«Выжить,— удивился Леонард Сейл.— Но от вас ничего не осталось».

«Наш разум, глупец, наш *разум*! Чего стоит тело без разума?»

«А разум без *тела*? — рассмеялся Леонард Сейл.— Я нашел вас здесь. Признайтесь, это я *нашел* вас!»

«Точно,— сказал резкий голос.— Одно бесполезно без другого. Но выжить — это и значит выжить, пусть даже бессознательно. С помощью науки, с помощью чуда разумы наших народов выжили».

«Только разум — без чувства, без глаз, ушей, без осязания, обоняния и прочих ощущений?»

«Да, без всего этого. Мы просто нереальностью были, паром. Долгое время. До сегодняшнего дня».

«А теперь появился я»,— подумал Леонард Сейл.

«Ты пришел,— сказал голос,— чтобы дать нашему уму физическую оболочку. Дать нам желанное тело».

«Ведь я только один»,— подумал Сейл.

«И тем не менее ты нам нужен».

«Но я — личность. Я возмущен вашим вторжением».

«Он возмущен нашим вторжением. Ты слышал его, Иорр? Он возмущен!»

«Как будто он имеет право возмущаться!»

«Осторожнее,— предупредил Сейл.— Я моргну глазом, и вы пропадете, призраки! Я пробужусь и сотру вас в порошок!»

«Но *когда-нибудь* тебе придется снова уснуть! — закричал Иорр.— И когда это произойдет, мы будем здесь ждать, ждать, ждать. Тебя».

«Чего вы хотите?»

«Плотности. Массы. Снова ощущений».

«Но ведь моего тела не хватает на вас обоих».

«Мы будем сражаться друг с другом».

Раскаленный обруч сдавил его череп. Будто в его мозгу между двумя полушариями вгоняли гвоздь.

Теперь все стало до ужаса ясным. Страшно, блистательно ясным. Он был их вселенной. Мир его мыслей, его мозг, его череп поделен на два лагеря, один — Иорра, другой — Тилле. Они *используют* его!

Взвились знамена под рдеющим небом его мозга! В бронзовых щитах блеснуло солнце. Двинулись серые звери и понеслись в сверкающих волнах плюмажей, труб и мечей.

«Эээээээээ!» Стремительный натиск.

«Аааааааах!» Рев.

«Нааууууууу!» Вихрь.

«Мммммммммммм...»

Десять тысяч человек столкнулись на маленькой невидимой площадке. Десять тысяч человек понеслись по блестящей внутренней поверхности глазного яблока. Десять тысяч копий засвистели между костями его черепа. Выпалили десять тысяч изукрашенных орудий. Десять тысяч голосов запели в его ушах. Теперь его тело расколото и растянуто, оно тряслось и вертелось, оно визжало и корчилось, черепные кости вот-вот разлетятся на куски. Бормотание, вопли, как будто через равнины разума и континент костного мозга, через лощины вен, по холмам артерий, через реки меланхолии идет армия за армией, одна армия, две армии, мечи сверкают на солнце, скрещиваясь друг с другом, пятьдесят тысяч умов, нуждающихся в нем, использующих его, хватают, скребут, режут. Через миг — страшное столкновение, одна армия на другую, бросок, кровь, грохот, неистовство, смерть, безумство!

Как цимбалы, звенят столкнувшиеся армии!

Охваченный бредом, он вскочил на ноги и понесся в пустыню. Он бежал и бежал и не мог остановиться.

Он сел и зарыдал. Он рыдал до тех пор, пока не заболели легкие. Он рыдал безутешно и долго. Слезы сбегали по его щекам и капали на растопыренные дрожащие пальцы. «Боже, боже, помоги мне, о боже, помоги мне»,— повторял он.

Все снова было в порядке.

Было четыре часа пополудни. Солнце жгло скалы. Через некоторое время он приготовил и съел горячие бисквиты с клубничным джемом. Потом, как в забытьи,

стараясь не думать, вытер запачканные руки о рубашку.

По крайней мере я знаю, с кем имею дело, подумал он. О господи, что за мир. Каким простодушным он кажется на первый взгляд, и как чудовищен он на самом деле. Хорошо, что никто до сих пор его не исследовал. А может, *кто-то* здесь был? Он покачал головой, полной боли. Им можно только посочувствовать, тем, кто разбился здесь раньше, если только они действительно были. Теплое солнце, крепкие скалы, и никаких признаков враждебности. Прекрасный мир.

До тех пор, пока не закроешь глаза и не забудешься. А потом ночь, и голоса, и безумие, и смерть на неслышных ногах.

«Однако я уже вполне в норме,— сказал он гордо.— Вот посмотри»,— и вытянул руку. Подчиненная величайшему усилию воли, она больше не дрожала. «Я тебе покажу, кто здесь правитель, черт возьми,— пригрозил он безвинному небу.— Это я».— И постучал себя в грудь.

Подумать только, что мысль может прожить так долго! Наверно, миллион лет все эти мысли о смерти, смутах, завоеваниях таились в безвредной на первый взгляд, но ядовитой атмосфере планеты в ожидании живого человека, который стал бы сосудом для проявления их бессмысленной злобы.

Теперь, когда он почувствовал себя лучше, все это казалось глупостью. Все, что мне нужно, думал он,— это продержаться шесть суток без сна. Тогда они не смогут так мучить меня. Когда я бодрствую, я хозяин положения. Я сильнее, чем эти сумасшедшие владыки с их идиотскими ордами трубачей и носителей мечей и щитов.

«Но *выдержу* ли я? — усомнился он.— Целых шесть ночей? Не спать? Нет, я не буду спать. У меня есть кофе, и таблетки, и книги, и карты. Но я уже *сейчас* устал, так устал,— думал он.—— Продержусь ли я?»

Ну, а если нет... Тогда пистолет всегда под рукой.

Интересно, куда денутся эти дурацкие монархи, если пустить пулю на помост, где они выступают? На помост, который — весь их мир. Нет. Ты, Леонард Сейл, слишком маленький помост. А они — слишком мелкие актеры. А что, если пустить пулю из-за кулис, разрушив декорации, занавес, зрительный зал? Уничтожить помост, актеров, всех, кто неосторожно попадется на пути!

Прежде всего — снова радировать в Марсопорт.

Если есть какая-нибудь возможность прислать спасательный корабль поскорее, может быть, удастся продержаться. Во всяком случае, надо предупредить их, что́ это за планета, что такое невинное с виду место — обитель кошмаров и горячечного бреда.

Минуту он стучал ключом, стиснув зубы. Радио безмолвствовало.

Оно послало призыв о помощи, приняло ответ и потом умолкло навсегда.

«Какая ирония,— подумал он.— Осталось только одно — составить план».

Так он и сделал. Он достал свой желтый карандаш и набросал шестидневный план спасения.

Этой ночью, писал он, *прочесть еще шесть глав «Войны и мира». В четыре утра выпить горячего черного кофе. В четверть пятого вынуть колоду карт и сыграть десять партий в солитер. Это займет время до половины седьмого, затем — еще кофе. В семь послушать первые утренние передачи с Земли, если приемник вообще работает. Работает ли?*

Он проверил работу приемника. Тот молчал.

Хорошо, написал он, *от семи до восьми петь все песни, какие знаешь, развлекать самого себя. От восьми до девяти думать об Элен Кинг. Вспомнить Элен. Нет, думать об Элен прямо сейчас.*

Он подчеркнул это карандашом.

Остальные дни были расписаны по минутам. Он проверил медицинскую сумку. Там лежало несколько пакетов с таблетками, которые помогут не спать. Каждый час по одной таблетке все эти шесть суток. Он почувствовал себя вполне уверенным. «Ваше здоровье, Иорр, Тилле!» Он проглотил одну из возбуждающих таблеток и запил ее глотком обжигающего черного кофе.

Итак, одно следовало за другим, был Толстой, был Бальзак, ромовый джин, кофе, таблетки, прогулки, снова Толстой, снова Бальзак, опять ромовый джин, снова солитер. Первый день прошел, так же как второй, а за ним третий.

На четвертый день он тихо лежал в тени скалы, считая до тысячи пятерками, потом десятками, только чтобы загрузить чем-нибудь ум и заставить его бодрствовать. Глаза его так устали, что он вынужден был часто промывать их холодной водой. Читать он был не в состоянии, голова разламывалась от боли. Он был так

изнурен, что уже не мог двигаться. Лекарства привели его в состояние оцепенения. Он напоминал бодрствующую восковую фигуру. Глаза его остекленели, язык стал похож на заржавленное острие пики, а пальцы словно обросли мехом и ощетинились иглами.

Он следил за стрелкой часов. Еще секундой меньше, думал он. Две секунды, три секунды, четыре, пять, десять, тридцать секунд. Целая минута. Теперь уже на целый час меньше осталось ждать. О корабль, поспеши же к назначенной цели!

Он тихо засмеялся.

А что случится, если он бросит все и уплывет в сон? Спать, спать, быть может, грезить. Весь мир — помост. Что, если он сдастся в неравной борьбе и падет?

«Эээээээ»,— высокий пронзительный, грозный звук разящего металла.

Он содрогнулся. Язык шевельнулся в сухом, шершавом рту.

Иорр и Тилле снова начнут свои стародавние распри.

Леонард Сейл совсем сойдет с ума.

И победитель овладеет останками этого безумца — трясущимся, хохочущим диким телом — и пошлет его скитаться по лицу планеты на десять, двадцать лет, а сам надменно расположится в нем и будет творить суд, и отправлять на казнь величественным жестом, и навещать души невидимых танцовщиц. А самого Леонарда Сейла, то, что от него останется, отведут в какую-нибудь потаенную пещеру, где он пробудет двадцать безумных лет, кишащий червями и войнами, насилуемый древними диковинными мыслями.

Когда придет спасательный корабль, он не найдет ничего. Сейла спрячет ликующая армия, сидящая в его голове. Спрячет где-нибудь в расщелине, и Сейл станет гнездом, в котором какой-нибудь Иорр будет высиживать свои гнусные планы. Эта мысль едва не убила его.

Двадцать лет безумия. Двадцать лет пыток, двадцать лет, заполненных делами, которые ты не хочешь делать. Двадцать лет бушующих войн, двадцать лет тошноты и дрожи.

Голова его упала на колени. Веки его со скрежетом разомкнулись и с легким шумом закрылись. Барабанная перепонка устало хлопнула.

«Спи, спи»,— запели голоса.

«У меня... у меня есть к вам предложение,— поду-

мал Леонард Сейл.— Слушайте. Ты, Иорр, и ты, Тилле! Иорр, ты, и ты тоже, Тилле! Иорр, ты можешь владеть мной по понедельникам, средам, пятницам. Тилле, ты будешь сменять его по воскресеньям, вторникам и субботам. В четверг я выходной. Согласны?»

«Эээээээээ»,— пели морские приливы, кипя в его мозгу.

«Ооооооооох»,— мягко пели отдаленные голоса.

«Что вы скажете? Поладим на этом, Иорр, Тилле?»

«Нет»,— ответил один голос.

«Нет»,— сказал другой.

«Жадюги, оба вы жадюги! — жалобно вскричал Сейл.— Чума на оба ваших дома!»

Он спал.

Он был Иорром, и драгоценные кольца сверкали на его руках. Он появился у ракеты и выставил вперед руку, направляя слепые армии. Он был Иорром, древним предводителем воинов, украшенных драгоценными камнями.

Он был Тилле, любимцем женщин, убийцей собак!

Почти бессознательно его рука потянулась к кобуре у бедра. Спящая рука вытащила пистолет. Рука поднялась, пистолет прицелился. Армии Тилле и Иорра вступили в бой.

Пистолет выстрелил.

Пуля оцарапала лоб Сейла и разбудила его.

Выбравшись из осады, он не спал следующие шесть часов. Теперь он знал, что это безнадежно. Он промыл и перевязал рану. Он пожалел, что не прицелился точнее, тогда бы все было уже кончено. Он взглянул на небо. Еще два дня. Еще два. Торопись, корабль, торопись. Он отупел от бессонницы.

Бесполезно. К концу этого срока он уже вовсю бредил. Он поднял пистолет, и положил его, и поднял снова, приложил к голове, нажал было пальцем на спусковой крючок, передумал, снова посмотрел на небо.

Наступила ночь. Он попытался читать, но отбросил книгу прочь. Разорвал ее и сжег, просто чтобы чем-нибудь заняться.

Как он устал! Через час, решил он.

Если ничего не случится, я убью себя. Теперь серьезно. На этот раз не струшу. Он приготовил пистолет и положил его на землю рядом с собой.

Теперь он был очень спокоен, хотя и ужасно измучен. С этим будет покончено.

В небе показалось пламя.

Это было так неправдоподобно, что он заплакал.

«Ракета»,— сказал он, вставая. «Ракета!» — закричал он, протирая глаза, и побежал вперед.

Пламя становилось все ярче, росло, опускалось.

Он бешено размахивал руками, спеша вперед, бросив пистолет, и припасы, и все.

«Вы *видите* это, Иорр, Тилле! Дикари, чудовища, я вас одолел! Я *победил!* За мной пришла помощь! Я победил, черт бы вас побрал».

Он злорадно усмехнулся, поглядев на скалы, небо, на собственные руки.

Ракета приземлилась. Леонард Сейл, качаясь, ждал, когда откроется дверь.

«Прощай, Иорр, прощай, Тилле!» — ухмыляясь, с горящими глазами победно закричал он.

«Эээээээ»,— затих вдалеке рев.

«Аааааах»,— угасли голоса.

Широко раскрылся шлюзовой люк ракеты. Из него выпрыгнули два человека.

«Сейл? — спросили они.— Мы — корабль АСДН № 13. Перехватили ваш SOS и решили сами вас подобрать. Корабль из Марсопорта придет только послезавтра. Мы бы хотели немного отдохнуть. Неплохо здесь переночевать, потом забрать вас и отправиться дальше».

«Нет,— произнес Сейл, и лицо его исказилось от ужаса.— Нельзя переночевать...»

Он не мог говорить. Он упал на землю.

«Быстрей,— произнес над ним голос в туманном вихре.— Дай ему немного жидкой пищи и снотворного. Ему нужны еда и отдых».

«Не надо отдыха!» — завопил Сейл.

«Бредит»,— тихо сказал один из них.

«Нельзя спать!» — вопил Сейл.

«Тише, тише»,— сказал человек нежно. Игла вонзилась в руку Сейла.

Сейл колотил руками и ногами. «Не надо спать, поедем! — страшно кричал он.— Ну поедем!»

«Бред,— сказал один.— Шок».

«Не надо *снотворного!*» — пронзительно кричал Сейл.

Снотворное разливалось по его телу.

«Эээээээ»,— пели древние ветры.

«Аааааааах»,— пели древние моря.

«Не надо снотворного, нельзя спать, пожалуйста, не надо, не надо, не надо! — кричал Сейл, пытаясь подняться.— Вы... не... знаете...»

«Не волнуйся, старик, ты теперь в безопасности, не о чем беспокоиться».

Леонард Сейл спал. Двое стояли над ним. По мере того как они смотрели на него, черты его лица менялись все больше и больше.

Он стонал, и плакал, и рычал во сне. Его лицо беспрестанно преображалось. Это было лицо святого, грешника, злого духа, чудовища, мрака, света, одного, множества, армии, пустоты — всего, всего!

Он корчился во сне.

«Эээээээ! — взорвался криком его рот.— Аааааах!» — визжал он.

«Что с ним?» — спросил один из спасителей.

«Не знаю. Дать еще снотворного?»

«Да, еще дозу. Нервы. Ему надо много спать».

Они вонзили иглу в его руку. Сейл корчился, плевался и стонал.

И вдруг — умер.

Он лежал, а двое стояли над ним.

«Какой ужас,— сказал один.— Как ты это объяснишь?»

«Шок. Бедный малый. Какая жалость.— Они закрыли ему лицо.— Ты когда-нибудь видел подобное лицо?»

«Абсолютно безумное».

«Одиночество. Шок».

«Да. Боже, что за выражение. Не хотел бы я когда-нибудь еще увидеть *такое* лицо».

«Какая беда, ждал нас, и мы прибыли, а он все равно умер».

Они огляделись вокруг.

«Что будем делать? Переночуем здесь?»

«Да. И хорошо бы не в корабле».

«Сначала похороним его, конечно».

«Само собой».

«И будем спать на свежем воздухе, ладно? Хорошо снова поспать на свежем воздухе. После двух недель в этом проклятом корабле».

«Давай. Я подыщу для него место. А ты готовь ужин, идет?»

«Идет».

«Хорошо поспим сегодня».

«Отлично, отлично».

Они выкопали могилу и сказали над ней слово. Потом молча выпили по чашке вечернего кофе. Они вдыхали сладкий воздух планеты и смотрели на чудесное небо и яркие и прекрасные звезды.

«Какая ночь!» — сказали они, укладываясь.

«Приятных сновидений»,— сказал один, поворачиваясь.

И другой ответил: «Приятных сновидений».

Они заснули.

Рэй БРЭДБЕРИ

ЛЕД И ПЛАМЯ

I

Ночью родился Сим. Он лежал, хныкая, на холодных камнях пещеры. Кровь толчками пробегала по его телу тысячу раз в минуту. Он рос на глазах.

Мать лихорадочно совала ему в рот еду. Кошмар, именуемый жизнью, начался. Как только он родился, глаза его наполнились тревогой, которую сменил безотчетный, но оттого не менее сильный, непреходящий страх. Он подавился едой и расплакался. Озираясь кругом, он ничего не видел.

Все тонуло в густой мгле. Постепенно она растаяла. Проступили очертания пещеры. Возник человек с видом безумным, диким, ужасным. Человек с умирающим лицом. Старый, высушенный ветрами, обожженный зноем, будто кирпич. Съежившись в дальнем углу, сверкая белками скошенных глаз, он слушал, как далекий ветер завывает над скованной стужей ночной планетой.

Не сводя глаз с мужчины, поминутно вздрагивая, мать кормила сына плодами, скальной травой, собранными у провалов сосульками. Он ел и рос все больше и больше.

Мужчина в углу пещеры был его отец. На его лице жили еще только глаза. В иссохших руках он держал грубое каменное рубило, его нижняя челюсть тупо, бессильно отвисла.

Позади отца Сим увидел стариков, которые сидели в уходящем в глубь горы туннеле. У него на глазах они начали умирать.

Пещера наполнилась предсмертными криками. Старики таяли, словно восковые фигуры, провалившиеся щеки обтягивали острые скулы, обнажались зубы. Только что лица их были живыми, подвижными, гладкими, как бывает в зрелом возрасте. И вот теперь плоть высыхает, истлевает.

Сим заметался на руках у матери. Она крепко стиснула его.

— Ну, ну,— успокаивала она его тихо, озабоченно поглядывая на отца — не потревожил ли его шум.

Быстро прошлепали по камню босые ноги, отец Сима бегом пересек пещеру. Мать Сима закричала. Сим почувствовал, как его вырвали у нее из рук. Он упал на камни и покатился с визгом, напрягая свои новенькие, влажные легкие!

Над ним вдруг появилось иссеченное морщинами лицо отца и занесенный для удара нож. Совсем как в одном из тех кошмаров, которые преследовали его еще во чреве матери. В течение нескольких ослепительных, невыносимых секунд в мозгу Сима мелькали вопросы. Нож висел в воздухе, готовый его вот-вот погубить. А в новенькой головенке Сима девятым валом всколыхнулась мысль о жизни в этой пещере, об умирающих людях, об увядании и безумии. Как мог он это осмыслить? Новорожденный младенец! Может ли новорожденный вообще думать, видеть, понимать, осмысливать? Нет. Тут что-то не так! Это невозможно. Но вот же это происходит с ним. Прошел всего какой-нибудь час, как он начал жить. А в следующий миг, возможно, умрет!

Мать бросилась на спину отца и оттолкнула в сторону руку с оружием.

— Дай мне убить его! — крикнул отец, дыша прерывисто, хрипло.— Зачем ему жить?

— Нет, нет! — твердила мать, и тщедушное старое тело ее повисло на широченной спине отца, а руки силились отнять у него нож.— Пусть живет! Может быть, его жизнь сложится по-другому! Может быть, он проживет дольше нашего и останется молодым!

Отец упал на спину подле каменной люльки. Лежа рядом с ним, Сим увидел в люльке чью-то фигурку. Маленькая девочка тихо ела, поднося еду ко рту тонкими ручками. Его сестра.

Мать вырвала нож из крепко стиснутых пальцев мужа и встала, рыдая и приглаживая свои всклокоченные седые волосы. Губы ее подергивались.

— Убью! — сказала она, злобно глядя вниз на мужа.— Не трогай моих детей.

Старик вяло, уныло сплюнул и безучастно посмотрел на девочку в каменной люльке.

— Одна восьмая ее жизни уже прошла,— проговорил

он, тяжело дыша.— А она об этом даже не знает. К чему все это?

На глазах у Сима его мать начала преображаться, становясь похожей на смятый ветром клуб дыма. Худое, костлявое лицо растворилось в лабиринте морщин. Подкошенная мукой, она села подле него, трясясь и прижимая нож к своим высохшим грудям. Как и старики в туннеле, она тоже старилась, смерть наступала на нее.

Сим тихо плакал. Куда ни погляди, его со всех сторон окружал ужас. Мысли Сима ощутили встречный ток еще чьего-то сознания. Он инстинктивно посмотрел на каменную люльку и наткнулся на взгляд своей сестры, Дак. Два разума соприкоснулись, будто шарящие пальцы. Сим позволил себе расслабиться. Ум его начинал постигать.

Отец вздохнул, закрыл веками свои зеленые глаза.

— Корми ребенка,— в изнеможении сказал он.— Торопись. Скоро рассвет, а сегодня последний день нашей жизни, женщина. Корми его. Пусть растет.

Сим притих, и сквозь завесу страха в его сознание начали просачиваться картины.

Эта планета, на которой он родился, была первой от солнца. Ночи на ней обжигали морозом, дни были словно языки пламени. Буйный, неистовый мир. Люди жили в недрах горы, спасаясь от невообразимой стужи ночей и огнедышащих дней. Только на рассвете и на закате воздух ласкал легкие дыханием цветов, и в эту пору пещерный народ выносил своих детей на волю, в голую каменную долину. На рассвете лед таял, обращаясь в ручьи и речушки, на закате пламя остывало и гасло. И пока держалась умеренная, терпимая температура, люди торопились жить, бегали, играли, любили, вырвавшись из пещерного плена. Вся жизнь на планете вдруг расцветала. Стремительно тянулись вверх растения, в небе брошенными камнями проносились птицы. Мелкие четвероногие лихорадочно сновали между скал; все стремилось приурочить свой жизненный срок к этой быстротечной поре.

Невыносимая планета! Сим понял это в первые же часы после своего рождения, когда в нем заговорила наследственная память. Вся его жизнь пройдет в пещерах, и только два часа в день он будет видеть волю. В этих наполненных воздухом каменных руслах он будет гово-

рить, говорить с людьми своего племени, без перерыва для сна будет думать, думать, будет грезить, лежа на спине, но не спать.

И вся его жизнь продлится ровно восемь дней.

Какая жестокая мысль! Восемь дней. Восемь коротких дней. Невероятно, невозможно, но это так. Еще во чреве матери далекий голос наследственной памяти говорил Симу, что он стремительно формируется, развивается и скоро появится на свет.

Рождение мгновенно, как взмах ножа. Детство пролетает стремительно. Юношество — будто зарница. Возмужание — сон, зрелость — миф, старость — суровая быстротечная реальность, смерть — скорая неотвратимость.

Пройдет восемь дней, и он будет вот такой же полуслепой, дряхлый, умирающий, как его отец, который сейчас так подавленно глядит на свою жену и детей.

Этот день — одна восьмая часть всей его жизни! Надо с толком использовать каждую секунду. Надо усвоить знания, заложенные в мозгу родителей.

Потому что через несколько часов они будут мертвы.

Какая страшная несправедливость! Неужели жизнь так скоротечна? Или не грезилась ему в предродовом бытии долгая жизнь, не представлялись вместо раскаленных камней волны зеленой листвы и мягкий климат? Но раз ему все это виделось, значит, в основе грез должна быть истина? Как же ему искать и обрести долгую жизнь? Где? Как выполнить такую огромную и тяжелую задачу в восемь коротких, быстротечных дней?

И как его племя очутилось в таких условиях?

Вдруг, словно нажали какую-то кнопку, в мозгу его возникла картина. Металлические семена, принесенные через космос ветром с далекой зеленой планеты, борясь с длинными языками пламени, падают на поверхность этого безотрадного мира... Из разбитых корпусов выбираются мужчины и женщины...

Когда?.. Давно. Десять тысяч дней назад. Оставшиеся в живых укрылись от солнца в недрах гор. Пламя, лед и бурные потоки стерли следы крушения огромных металлических семян. А люди оказались словно на наковальне под могучим молотом, который принялся их преображать. Солнечная радиация пропитала их плоть. Пульс участился — двести, пятьсот, тысяча ударов в минуту. Кожа стала плотнее, изменилась кровь. Старость

надвигалась молниеносно. Дети рождались в пещерах. Круговорот жизни непрерывно ускорялся. И люди, застрявшие после аварии на чужой планете, прожили, подобно всем здешним животным, только одну неделю, причем дети их были обречены на такую же участь.

«Так вот в чем заключается жизнь»,— подумал Сим. Не сказал про себя, ведь он не знал еще слов, мыслил образами, воспоминаниями из далекого прошлого, так уж было устроено его сознание, наделенное своего рода телепатией, проникающей сквозь плоть, камень, металл. На какой-то ступени нового развития у его племени возник дар телепатии и образовалась наследственная память — единственное благо, единственная надежда в этом царстве ужаса. «Итак,— думал Сим,— я — пятитысячный в долгом ряду никчемных сыновей. Что я могу сделать, чтобы меня через восемь дней не настигла смерть? Есть ли какой-нибудь выход?»

Глаза его расширились: в сознании возникла новая картина.

За этой долиной с ее нагромождением скал на небольшой горе лежит целое, невредимое металлическое семя — корабль, единственный из всей флотилии, который не разбился, не сломался, он до сих пор пригоден для полета. Но до него так далеко... И никого внутри, кто бы мог помочь. Пусть так, корабль на далекой горе будет его предназначением. Ведь только этот корабль может его спасти.

Новая картина...

Глубоко в недрах горы в полном уединении работает горстка ученых. К ним он должен пойти, когда вырастет и наберется ума. Их мысли тоже поглощены мечтой о спасении — мечтой о долгой жизни, о зеленых долинах без зноя и стужи. Они тоже, томясь надеждой, глядят на далекий корабль на горе, на удивительный металл, которому не страшны ни коррозия, ни время.

Скалы глухо застонали.

Отец Сима поднял иссеченное морщинами безжизненное лицо.

— Рассветает — сказал он.

II

Утро расслабило могучие мускулы гранитной толщи. Наступил час обвалов.

Гулкое эхо туннелей подхватило звук бегущих босых ног. Взрослые, дети с нетерпеливыми, жаждущими глазами торопились наружу, где занимался день. Сим услышал вдали глухой рокот, потом крик, сменившийся тишиной. В долину низвергались обвалы. Камни срывались с места, и если путь вниз по склону начинала одна огромная глыба, то по дну долины рассыпались тысячи осколков и раскаленных трением картечин.

Каждое утро каменный ливень уносил по меньшей мере одну жертву.

Скальное племя бросало вызов обвалам. Поединок со стихиями вносил еще больше остроты в их и без того опасную, бурную и скоротечную жизнь.

Сим почувствовал, как руки отца резко поднимают его и несут к выходу из туннеля — туда, откуда просачивался свет. Глаза отца пылали безумием. Сим не мог пошевельнуться. Он догадывался, что́ сейчас произойдет. Неся на руках маленькую Дак, за отцом спешила мать.

— Постой! Осторожно! — крикнула она мужу.

Высоко на горе что-то колыхнулось, стронулось.

— Пошли! — прорычал отец и выскочил наружу.

Сверху на них обрушился камнепад!

С нарастающей быстротой сменялись в голове Сима восприятия — рушащиеся громады, пыль, сотрясение... Пронзительно вскрикнула мать. Их качало, трясло.

Еще одни шаг — и они под открытым небом. За спиной у них продолжало грохотать. У входа в пещеру, где схоронились мать и Дак, выросла груда обломков.

Рев лавины перешел в шуршание струйки песка. Отец Сима разразился хохотом.

— Проскочили! Клянусь небом! Проскочили живьем!

Он презрительно глянул на скалы и плюнул.

Мать выбралась через обломки наружу вместе с Дак и принялась бранить отца.

— Болван! Ты мог убить Сима!

— Еще не поздно,— огрызнулся он.

Сим не слушал их перепалки. Он смотрел будто завороженный на обломки, завалившие вход в соседнюю пещеру. Там из-под груды камня, впитываясь в землю,

бежала струйка крови. И все, больше ничего не видно... Кто-то проиграл поединок.

Дак побежала вперед на податливых, хлипких ножках — голенькая и целеустремленная.

Воздух в долине был словно профильтрованное сквозь горы вино. Небо — вызывающе голубого цвета; в полдень оно накалится добела, ночью вспухнет багрово-черным синяком с оспинами болезненно мерцающих звезд.

Мир Сима напоминал залив с приливами и отливами. Температурная волна то нахлынет в буйном всплеске, то схлынет. Сейчас в заливе было тихо, прохладно, и все живое стремилось к поверхности.

Звонкий смех! Звучит где-то вдалеке... Но как же так? Неужели кому-то из его племени может быть до смеха? Надо будет потом попытаться выяснить, в чем дело.

Внезапно в долине забурлили краски. Пробужденные неистовой утренней зарей, в самых неожиданных местах выглядывали растения. Прямо на глазах распускались цветы. Вот по голой скале ползут бледно-зеленые нити. А через несколько секунд между листиками уже ворочаются зрелые плоды. Передав Сима матери, отец принялся собирать недолговечный урожай. Алые, синие, желтые плоды попадали в висящий у него на поясе меховой мешок. Мать жевала молодую сочную зелень, пихала ее в рот Симу.

Его восприятия были отточены до предела. Он жадно впитывал знания. Любовь, брак, нравы, гнев, жалость, ярость, эгоизм, оттенки и тонкости, реальность и рефлексия — он на ходу осмысливал эти понятия. Одно подводило к другому. Вид колышущихся зеленых растений так подействовал на Сима, что разум его пришел в смятение и стал кружиться, подобно гироскопу, ища равновесия в мире, где недостаток времени принуждал, не дожидаясь объяснений, самому исследовать и толковать. Пища, расходясь по организму, помогла ему разобраться в собственном строении и в таких вещах, как энергия и движение. Словно птенец, вылупляющийся из яйца, Сим представлял собой почти законченную систему, полностью развитую и вооруженную необходимым знанием. Он был обязан этим наследственности и готовым образам, телепатически передаваемым каждому разуму, всякому дыханию. Удивительное, окрыляющее свойство!

Вместе — мать, отец и двое детей — шли, обоняя запа-

хи, глядя, как птицы проносятся над долиной, и вдруг отец сказал:

— Помнишь?

Как это — «помнишь»? Разве вообще можно забыть что-то за те семь дней, что они прожили!

Муж и жена обменялись взглядом.

— Неужели это было всего три дня назад? — Она вздрогнула и закрыла глаза, сосредотачиваясь.— Даже не верится. Ах, как это несправедливо...

Она всхлипнула, потом провела по лицу рукой и прикусила запекшуюся губу. Ветер теребил ее седые волосы.

— Теперь моя очередь плакать. Час назад плакал ты!

— Час... Половина жизни.

— Пошли.— Она потянула мужа за руку.— Пойдем, осмотрим все, ведь больше не придется.

— Через несколько минут взойдет солнце,— ответил старик.— Пора возвращаться.

— Еще только минуточку,— умоляла женщина.

— Солнце застигнет нас.

— Ну и пусть застигнет меня!

— Что ты такое говоришь!

— Ничего я не говорю, ровным счетом ничего,— рыдала женщина.

Вот-вот должно появиться солнце. Зелень в долине начала жухнуть. Родился обжигающий ветер. Вдалеке, где на скальные бастионы уже обрушились солнечные стрелы, искажая черты могучих каменных личин, срывались лавины — будто спадали мантии.

— Дак! — позвал отец.

Девочка откликнулась и побежала по горячим плитам долины, и волосы ее развевались, как черный флаг. С полными пригоршнями зеленых плодов она присоединилась к своим.

Солнце оторочило пламенем край неба, воздух всколыхнулся и наполнился свистом.

Люди пещерного племени обратились в бегство, на ходу крича и подбирая споткнувшихся ребятишек, унося в свои глубокие норы охапки зелени и плодов. В несколько мгновений долина опустела, если не считать забытого кем-то малыша. Он бежал по гладким плитам, но у него было совсем мало силенок, бежать оставалось еще столько же, а вниз по скалам уже катился могучий жаркий вал.

Цветы сгорали, обращаясь в пепел; травы втягивались в трещины, словно обжегшиеся змеи. Ветер, подобный

дыханию домны, подхватывал цветочные семена, и они сыпались в трещины и расселины, чтобы на закате опять прорасти, дать цветы и семена и снова пожухнуть.

Отец Сима смотрел, как по дну долины вдалеке бежит одинокий ребенок. Сам он, его жена, Дак и Сим были надежно укрыты в устье пещеры.

— Не добежит,—сказал отец.— Не смотри туда, мать. Такие вещи лучше не видеть.

И они отвернулись. Все, кроме Сима. Он заметил вдали какой-то металлический блеск. Сердце отчаянно забилось в груди, в глазах все расплылось. Далеко-далеко, на самой вершине небольшой горы источало слепящие блики металлическое семя. Словно исполнилась одна из грез той поры, когда Сим еще лежал во чреве матери. Там, на горе, целое, невредимое, металлическое зернышко из космоса! Его будущее! Его надежда на спасение! Вот куда он отправится через два-три дня, когда — трудно себе представить — будет взрослым мужчиной!

Будто поток расплавленной лавы, солнце хлынуло в долину.

Бегущий ребенок вскрикнул, солнце настигло его, и крик оборвался.

С трудом волоча ноги, как-то вдруг постарев, мать Сима пошла по туннелю. Остановилась... Протянула руку вверх и обломила две сосульки, последние из намерзших за ночь. Одну подала мужу, другую оставила себе.

— Выпьем последний раз. За тебя, за детей.

— За тебя.— Он кивком указал на нее.— За детей.

Они подняли сосульки. Тепло растопило лед, и капли освежили их пересохшие рты.

III

Целый день раскаленное солнце извергалось в долину. Сим этого не видел, но о мощи дневного пламени он хорошо мог судить по ярким картинам в сознании родителей. Вязкий свет просачивался в пещеры, выжигая все на своем пути, но глубоко не проникал. От него было светло и расходилось приятное тепло.

Сим пытался отогнать от родителей наступающую старость, но сколько ни напрягал разум, призывая себе на помощь образы, на глазах у него они превращались в мумии. Старость съедала отца, будто кислота.

«Скоро со мной будет то же самое»,— в ужасе думал Сим.

Сам он рос стремительно, буквально чувствуя, как в организме происходит обмен веществ. Каждую минуту его кормили, он без конца что-то жевал, что-то глотал. Образы, процессы начали связываться в его уме с определяющими их словами. Одним из таких слов было «любовь». Для Сима в нем крылось не отвлеченное понятие, а некий процесс, легкое дыхание, запах утренней свежести, трепет сердца, мягкий изгиб руки, на которой он лежал, наклоненное над ним лицо матери. Сначала он видел то или иное действие, потом в сознании матери искал и находил нужное слово. Гортань готовилась к речи. Жизнь стремительно, неумолимо увлекала его навстречу вечному забвению.

Сим чувствовал, как растут его ногти, как развиваются клетки, отрастают волосы, увеличиваются в размерах кости и сухожилия, разрастается мягкое, бледное восковое вещество мозга. При рождении чистый и гладкий, будто кружок льда, уже секундой позже мозг его, словно от удара камня, покрылся сеткой миллионов борозд и извилин, обозначающих мысли и открытия.

Его сестренка Дак то прибегала, то убегала вместе с другими тепличными детьми и безостановочно что-то упи-сывала. Мать ничего не ела, у нее не было аппетита, а глаза будто заткало паутиной.

— Закат,— произнес, наконец, отец.

День кончился. Смеркалось, послышалось завывание ветра.

Мать встала.

— Хочу еще раз увидеть внешний мир... Только раз...

Трясясь, она устремила вперед невидящий взгляд.

Глаза отца были закрыты, он лежал подле стены.

— Не могу встать,— еле слышно прошептал он.— Не могу.

— Дак! — прохрипела мать, и дочь подбежала к ней.— Держи.

Она передала дочери Сима.

— Береги Сима, Дак, корми его, заботься о нем.

Последнее ласковое прикосновение материнской руки...

Дак молча прижала Сима к себе, ее большие влажные глаза зелено поблескивали.

— Ступай,— сказала мать.— Вынеси его на волю в час заката. Веселитесь. Собирайте пищу, ешьте. Играйте.

Не оглядываясь назад, Дак пошла к выходу. Сим

изогнулся у нее на руках, глядя через плечо сестры потрясенными, неверящими глазами. У него вырвался крик, и губы каким-то образом сложились, дав выход первому в его жизни слову:

— Почему?..

Он увидел, как оторопела мать.

— Ребенок заговорил!

— Ага,— отозвался отец.— Ты расслышала, что он сказал?

— Расслышала,— тихо сказала мать.

Шатаясь, она медленно добрела до отца и легла рядом с ним. Последний раз Сим видел, как его родители передвигаются.

IV

Ночь наступила и минула, и начался второй день.

Всех умерших за ночь отнесли на вершину невысокого холма. Траурное шествие было долгим: много тел.

Дак шла вместе со всеми, ведя за руку ковыляющего кое-как Сима. Он научился ходить за час до рассвета.

С холма Сим снова увидел вдали металлическое зернышко. Но больше никто туда не смотрел и никто о нем не говорил. Почему? Может быть, есть на то причина? Может быть, это мираж? Почему они не бегут туда? Не молятся на это зернышко? Почему не попробуют добраться до него и улететь в космос?

Отзвучали траурные речи. Тела положили в ряд на открытом месте, где солнце через несколько минут их кремирует.

Затем все повернули обратно и ринулись вниз по склону, спеша использовать немногие минутки свободы — побегать, поиграть, посмеяться на воздухе, пахнущем свежестью.

Дак и Сим, щебеча, будто птицы, добывали себе пищу среди скал и делились друг с другом тем, что успели узнать. Ему шел второй день, ей — третий. Обоих подхлестывал бурный темп их скоротечной жизни.

Сейчас она повернулась к ним еще одной гранью.

Из-за скал наверху, держа в сжатых кулаках острые камни и каменные ножи, выскочило полсотни молодых мужчин. С криками они помчались к невысокой черной гряде скальных зубцов вдалеке.

«Война!» — отдалось в мозгу Сима. Новая мысль оглушила его, потрясла. Эти люди побежали сражаться и убивать других людей, что живут там, среди черных скал.

Но почему? Зачем сражаться и убивать — разве жизнь и без того не чересчур коротка?

От далекого гула схватки ему стало не по себе.

— Почему, Дак, почему?

Дак не знала. Может быть, они поймут завтра. Сейчас надо есть — есть для поддержания сил и жизни. Дак напоминала ящеричку, вечно что-то нащупывающую языком, вечно голодную.

Кругом повсюду сновали бледные ребятишки. Один мальчуган юркнул, словно жучок, вверх по склону, сшиб Сима с ног и прямо перед носом у него схватил соблазнительную красную ягоду, которую тот нашел под выступом.

Прежде чем Сим успел встать, мальчуган уже управился с добычей. Сим набросился на него, они вместе упали и покатились вниз причудливым комком, пока Дак, визжа, не разняла их.

У Сима сочилась кровь из ссадин. Какая-то часть его сознания, глядя как бы со стороны, говорила: «Это не годится. Дети не должны так поступать. Это плохо!»

Дак шлепками прогнала маленького разбойника.

— Уходи отсюда! — крикнула она.— Как тебя звать, безобразник?

— Кайон! — смеясь, ответил мальчуган.— Кайон, Кайон, Кайон!

Сим смотрел на него со всей свирепостью, какую могло выразить его маленькое юное лицо. Он задыхался: перед ним был враг. Как будто Сим давно дожидался, чтобы враждебное начало воплотилось не только в окружающей среде, но и в каком-то человеке. Его сознание уже постигло обвалы, зной, холод, скоротечность жизни, но это все было связано со средой, с окружающим миром — неистовые, бессознательные проявления неодушевленной природы, порожденные гравитацией и излучением. А тут в лице этого наглого Кайона он познал врага мыслящего!

Отбежав в сторонку, Кайон остановился и ехидно прокричал:

— Завтра я буду такой большой, что смогу тебя убить!

С этими словами он исчез за камнем.

Мимо Сима, хихикая, пробегали дети. Кто из них станет его другом, кто — врагом? И как вообще за столь чудовищно короткий жизненный срок могут возникнуть друзья

и враги? Разве успеешь приобрести тех или других?

Дак, читая мысли брата, повела его дальше. Продолжая поиски пищи, она лихорадочно шептала ему на ухо:

— Украли у тебя еду — вот и враг. Подарили длинный стебель — вот и друг. Еще враждуют из-за мыслей и мнений. В пять секунд ты нажил себе смертельного врага. Жизнь так коротка, что с этим надо поторапливаться.

И она рассмеялась со странной для столь юного существа иронией, отражающей преждевременную зрелость мысли.

— Тебе надо будет биться, чтобы защитить себя. Тебя будут пытаться убить. Есть поверье, глухое поверье, будто часть жизненной энергии убитого переходит к убийце и за счет этого можно прожить лишний день. Понял? И пока кто-то в это верит, ты в опасности.

Но Сим не слушал ее. От стайки хрупких девчушек, которые завтра станут выше и стройнее, послезавтра оформятся, а еще через день найдут себе мужа, отделилась резвушка с волосами цвета фиолетово-голубого пламени.

Пробегая мимо, она задела Сима, их тела соприкоснулись. Сверкнули глаза, светлые, как серебряные монеты. И он уже знал, что обрел друга, любовь, жену, которая через неделю будет лежать с ним рядом на погребальном костре, когда солнце примется слущивать их плоть с костей.

Всего один взгляд, но он на миг заставил их окаменеть.

— Как тебя звать? — крикнул Сим вдогонку.

— Лайт! — смеясь, ответила она.

— А меня — Сим,— сказал он сконфуженно, растерянно.

— Сим! — повторила она, устремляясь дальше.— Я запомню!

Дак толкнула его в бок.

— Держи, ешь,— сказала она задумавшемуся брату.— Ешь, не то не вырастешь и не сможешь ее догнать.

Откуда ни возьмись появился бегущий Кайон.

— Лайт! — передразнил он, ехидно приплясывая.— Лайт! Я тоже запомню Лайт!

Высокая, стройная, как хворостинка, Дак печально покачала черным облачком волос.

— Я наперед могу тебе сказать, что тебя ждет, братик. Тебе с оро понадобится оружие, чтобы сражаться за эту Лайт. Но нам пора, солнце вот-вот выйдет!

И они побежали обратно к пещере.

V

Четверть жизни позади! Минуло детство. Он стал юношей. Вечером буйные ливни хлестали долину. Сим видел, как новорожденные потоки бороздили долину, отрезая гору с металлическим зернышком. Он старался все запомнить. Каждую ночь — новая река, свежее русло.

— А что за долиной? — спросил Сим.

— Туда никто не доходил,— объяснила Дак.— Все, кто пытались добраться до равнины, либо замерзали насмерть, либо сгорали. Полчаса бега — вот предел изведанного края. Полчаса туда, полчаса обратно.

— Значит, еще никто не добирался до металлического зернышка?

Дак фыркнула.

— Ученые — они пробовали. Дурачье. Им недостает ума бросить эту затею. Ведь пустое дело. Чересчур далеко.

Ученые. Это слово всколыхнуло душу Сима. Он почти успел забыть видение, которое представлялось ему перед самым рождением и сразу после него.

— А где они, эти Ученые? — нетерпеливо переспросил он.

Дак отвела взгляд.

— Даже если бы я знала, все равно не скажу. Они убьют тебя своими опытами. Я не хочу, чтобы ты ушел к ним! Живи сколько положено, не обрывай свою жизнь на половине в погоне за этой дурацкой штукой там, на горе.

— Узнаю у кого-нибудь другого!

— Никто тебе не скажет. Все ненавидят Ученых. Самому придется отыскивать. И допустим, что ты их найдешь... Что дальше? Ты нас спасешь? Давай, спасай нас, мальчуган! — Она злилась, половина ее жизни уже прошла.

— Нельзя же только сидеть, да разговаривать, да есть,— возразил он.— И больше ничего!..

Он вскочил на ноги.

— Иди, иди, ищи их! — едко отрезала она.— Они помогут тебе забыть. Да, да.— Она выплевывала слова.— Забыть, что еще несколько дней — и твоей жизни конец!

Занявшись поиском, Сим бегом преодолевал туннель за туннелем. Иногда ему казалось, что он уже на верном пути. Но стоило спросить окружающих, в какой стороне лежит пещера Ученых, как его захлестывала волна

чужой ярости, волна смятения и негодования. Ведь это Ученые виноваты, что их занесло в такой ужасный мир! Сим ежился под градом бранных слов.

В одной из пещер он тихо подсел к другим детям, чтобы послушать речи взрослых мужей. Наступил Час Учения, Час Собеседования. Как ни томила его задержка, как ни терзало нетерпение при мысли о том, что поток жизни быстро иссякает и смерть надвигается, подобно черному метеору, Сим понимал, что разум его нуждается в знании. Эту ночь он проведет в школе. Но ему не сиделось. Осталось всего пять дней.

Кайон сидел напротив Сима, и тонкогубое лицо его выражало вызов.

Между ними появилась Лайт. За прошедшие несколько часов она еще подросла, ее движения стали мягче, поступь тверже, волосы блестели ярче. Улыбаясь, она села рядом с Симом, а Кайона словно и не заметила. Кайон насупился и перестал есть.

Пещеру наполняла громкая речь. Стремительная, как стук сердца — тысяча, две тысячи слов в минуту. Голова Сима усваивала науку. С открытыми глазами он словно погрузился в полусон, чуткую дремоту, чем-то напоминающую внутриутробное состояние. Слова, что отдавались где-то вдалеке, сплетались в голове в гобелен знаний.

Ему представились луга, зеленые, без единого камня, сплошная трава,— широкие луга, волнами уходящие навстречу рассвету, и ни леденящего холода, ни жаркого духа обожженных солнцем камней. Он шел через эти зеленые луга. Над ним, высоко-высоко в небе, которое дышало ровным мягким теплом, пролетали металлические зернышки. И все кругом протекало так медленно, медленно, медленно...

Птицы мирно сидели на могучих деревьях, которым нужно было для роста сто, двести, пять тысяч дней. Все оставалось на своих местах, и птицы не спешили укрыться, завидев солнечный свет, и деревья не съеживались в испуге, когда их касался солнечный луч.

Люди в этом сне ходили не торопясь, бегали редко, и сердца их бились размеренно, а не в безумном, скачущем ритме. Трава оставалась травой, ее не пожирало пламя. И люди говорили не о завтрашнем дне и смерти, а о завтрашнем дне и жизни. Причем все казалось таким знакомым, что, когда кто-то взял Сима за руку, он и это принял за продолжение сна.

Рука Лайт лежала в его руке.

— Грезишь? — спросила она.

— Да.

— Это для равновесия. Жизнь устроена несправедливо, вот разум и находит утешение в картинах, которые хранит наша память.

Он несколько раз ударил кулаком по каменному полу.

— Это ничего не исправляет! К черту! Не хочу, чтобы мне напоминали о том хорошем, что я утратил! Лучше бы нам ничего не знать! Почему мы не можем жить и умереть так, чтобы никто не знал, что наша жизнь идет не так, как надо?

Из искаженного гримасой полуоткрытого рта вырывалось хриплое дыхание.

— Все на свете имеет свой смысл,— сказала Лайт.— Вот и это придает смысл нашей жизни, заставляет нас что-то делать, что-то задумывать, искать какой-то выход.

Его глаза стали похожи на огненные изумруды.

— Я поднимался по склону зеленого холма, шел медленно-медленно,— сказал он.

— Того самого холма, на который я поднималась час назад? — спросила Лайт.

— Может быть. Что-то очень похожее. Только сон лучше яви.— Он прищурил глаза.— Я смотрел на людей, они не были заняты едой.

— А разговором?

— И разговором тоже. А мы все время едим и все время говорим. Иногда эти люди в моем сне лежали с закрытыми глазами и совсем не шевелились.

Лайт глядела на него, и тут произошла страшная вещь. Ему вдруг представилось, что ее лицо темнеет и покрывается старческими морщинами. Волосы над ушами — будто снег на ветру, глаза — бесцветные монеты в паутине ресниц. Губы обтянули беззубые десны, нежные пальцы обратились в опаленные прутики, подвешенные к омертвелому запястью. На глазах у него увядала, погибала ее прелесть. В ужасе Сим схватил Лайт за руку... и подавил рвущийся наружу крик: ему почудилось, что и его рука жухнет.

— Сим, ты что?

От вкуса этих слов у него стало сухо во рту.

— Еще пять дней...

— Ученые...

Сим вздрогнул. Кто это сказал? В тусклом свете высокий мужчина продолжал говорить:

— Ученые забросили нас на эту планету и погубили с тех пор напрасно тысячи жизней, бездну времени. Все их затеи впустую, никому не нужны. Не трогайте их, пусть живут, но и не жертвуйте им ни одной частицы вашего времени. Помните, вы живете только однажды.

Да где же они находятся, эти ненавидимые Ученые? Теперь, после Уроков, после Часа Собеседования, Сим был полон решимости их отыскать. Теперь он вооружен знанием и может начинать свою битву за свободу, за корабль!

— Сим, ты куда?

Но Сима уже не было. Эхо топота бегущих ног затерялось в переходе, выложенном гладкими плитами.

Казалось, половина ночи потрачена напрасно. Он потерял счет тупикам. Много раз на него нападали молодые безумцы, которые рассчитывали присвоить его жизненную энергию. Вдогонку ему летели их бредовые выкрики. Кожу исчертили глубокие царапины, оставленные алчными ногтями.

И все-таки Сим нашел то, что искал.

Горстка мужчин ютилась в базальтовом мешке в недрах горы. На столе перед ними лежали неведомые предметы, вид которых, однако, родил отзвук в душе Сима.

Ученые работали по группам — старики решали важные задачи, молодые обучались, задавали вопросы; было здесь и трое детей. Все вместе образовали звенья единого процесса. Каждые восемь дней состав группы, работающей над той или иной проблемой, полностью обновлялся. Общая отдача была до нелепости мала. Ученые старились и умирали, едва достигнув творческой зрелости. Созидательная пора каждого составляла от силы двенадцать часов. Три четверти жизни уходило на учение, а за короткой порой творческой отдачи тут же следовали дряхлость, безумие, смерть.

Все обернулись, когда вошел Сим.

— Неужели пополнение? — сказал самый старый.

— Не думаю,— заметил другой, помоложе.— Гоните его прочь. Это, должно быть, один из тех, кто подстрекает людей воевать.

— Нет-нет,— возразил старик. Шаркая по камню босыми ступнями, он подошел к Симу.— Входи, мальчик, входи.

Глаза у него были приветливые, уравновешенные, не такие, как у порывистых жителей верхних пещер. Серые спокойные глаза.

— Что тебе нужно?

Сим смешался и опустил голову, не выдержав спокойного ласкового взгляда.

— Жить,— прошептал он.

Старик негромко рассмеялся. Потом тронул Сима за плечо.

— Ты из какой-нибудь новой породы? Или, может быть, ты больной? — допытывался он почти всерьез.— Почему ты не играешь? Почему не готовишь себя к поре любви, к женитьбе, к отцовству? Разве ты не знаешь, что завтра вечером будешь почти взрослым? Не понимаешь, что жизнь пройдет мимо тебя, если ты не будешь осмотрительным?

Старик смолк.

С каждым вопросом глаза Сима переходили с предмета на предмет. Сейчас он смотрел на приборы на столе.

— Мне не надо было сюда приходить? — спросил он.

— Конечно, надо было,— прогремел старик.— Но это чудо, что ты пришел. Вот уже тысяча дней, как мы не получали пополнения извне! Приходится самим выращивать ученых, в собственной закрытой системе! Сосчитай-ка нас! Шесть! Шестеро мужчин! И трое детей. Могучая сила, верно? — Старик плюнул на каменный пол.— Мы зовем добровольцев, а нам отвечают: «Обратитесь к кому-нибудь другому!» Или: «Нам некогда!» А знаешь, почему они так говорят?

— Нет.— Сим пожал плечами.

— Потому что каждый думает о себе. Конечно, им хочется жить дольше, но они знают, что, как бы ни старались, вряд ли им лично прибавится хоть один день. Возможно, потомки будут жить дольше. Но ради потомков они не согласны жертвовать своей любовью, своей короткой юностью, даже хотя бы одним часом заката или восхода.

Сим прислонился к столу.

— Я понимаю,— серьезно сказал он.

— Понимаешь? — Старик рассеянно посмотрел на Сима. Потом вздохнул и ласково потрепал его по руке.— Ну конечно, понимаешь. Можно ли требовать от кого-нибудь, чтобы понимал больше. Ты молодец.

Остальные окружили кольцом Сима и старика.

— Мое имя Дайнк. Завтра ночью мое место займет Корт. Я к тому времени умру. На следующую ночь кто-то другой сменит Корта, а потом придет твоя очередь, если ты будешь трудиться и верить. Но прежде я хочу дать тебе подумать. Возвращайся к своим товарищам по играм, если хочешь. Ты кого-нибудь полюбил? Возвращайся к ней. Жизнь коротка. С какой стати тебе печалиться о тех, кто еще не родился? У тебя есть право на юность. Ступай, если хочешь. Ведь если ты останешься, все твое время уйдет только на то, чтобы трудиться, стариться и умереть за работой. Правда, ты будешь делать доброе дело. Ну?

Сим оглянулся на туннель. Где-то там завывал ветер, и пахло варевом, и шлепали босые ноги, и звучал, радуя сердце, молодой смех. Он сердито дернул головой, на глазах его блеснула влага.

— Я остаюсь,— сказал он.

VI

Третья ночь и третий день остались позади. Наступила четвертая ночь. Сим втянулся в жизнь Ученых. Ему рассказали про металлическое зернышко на вершине далекой горы. Рассказали про много зернышек — так называемые «корабли», и как они потерпели крушение, про то, как уцелевшие, которые укрылись среди скал, начали быстро стариться и в отчаянной борьбе за жизнь забыли все науки. В такой вулканической цивилизации знание механики не могло сохраниться. Всякий жил только настоящей минутой.

О вчерашнем дне никто не думал, завтрашний день зловеще глядел в глаза. Но та самая радиация, которая ускорила старение, породила и своего рода телепатическое общение, помогающее новорожденным воспринимать и осмысливать. А получившая силу инстинкта наследственная память сохранила картины других времен.

— Почему мы не пробуем добраться до корабля на горе? — спросил Сим.

— Слишком далеко. Понадобится защита от солнца,— объяснил Дайнк.

— Вы пробовали придумать защиту?

— Мази и втирания, одеяния из камня и птичьих перьев, а также в последнее время — из жестких металлов. Но ничто не помогает. Еще десять тысяч поколений,

и нам, возможно, удастся изготовить охлаждаемый водой панцирь, который защитит нас на пути к кораблю. Но мы работаем очень медленно и все на ощупь. Сегодня утром я, зрелый муж, взял в руки инструмент. Завтра, умирая, отложу его. Что может сделать человек за один день? Будь у нас десять тысяч человек, задачу удалось бы решить...

— Я пойду к кораблям,— сказал Сим.

— И погибнешь,— произнес старик в тишине, воцарившейся после слов Сима. Все смотрели на мальчика.— Ты очень эгоистичный юноша.

— Эгоистичный? — возмутился Сим.

Старик повел рукой в воздухе.

— Но такой эгоизм мне по душе. Ты хочешь жить дольше и готов все для этого сделать. Хочешь добраться до корабля. Но я говорю тебе, что ничего не выйдет. И все же, если ты будешь настаивать, я не смогу тебе помешать. По крайней мере ты не уподобишься тем из нас, которые уходят на войну, чтобы выиграть несколько лишних дней жизни.

— На войну? — переспросил Сим.— О какой войне тут может быть речь?

По его телу пробежала дрожь. Непонятно...

— Об этом завтра,— сказал Дайнк.— А сейчас слушай.

Еще одна ночь прошла.

VII

Настало утро. По одному из ходов, крича и плача, прибежала Лайт и упала прямо в объятия Сима. Она опять изменилась. Стала еще старше и еще прекраснее. Дрожа, она прижималась к нему.

— Сим, они идут за тобой!

В туннеле нарастал, приближаясь, звук шагающих босых ног. Показался Кайон. Он тоже вытянулся в длину, и в каждой его руке было по острому камню.

— А, вот ты где, Сим!

— Уходи! — яростно крикнула Лайт, замахиваясь на него.

— Без Сима не уйдем,— твердо ответил Кайон. И, улыбаясь, повернулся к Симу.— Если, конечно, он готов сражаться вместе с нами.

Дайнк, волоча ноги, вышел вперед, его глаза часто мигали, худые руки трепетали по-птичьи в воздухе.

— Ступайте! — гневно произнес он тонким голосом.— Этот юноша теперь Ученый. Он работает с нами.

Кайон перестал улыбаться.

— Его ждет работа получше этой. Мы идем воевать с обитателями дальних скал.— Глаза Кайона беспокойно блестели.— Ты ведь пойдешь с нами, Сим?

— Нет, нет! — Лайт повисла на руке Сима.

Сим погладил ее плечо, потом обернулся к Кайону.

— Почему вы решили напасть на тех людей?

— Три лишних дня ждут того, кто пойдет с нами.

— Три лишних дня? Три дня жизни?

Кайон уверенно кивнул.

— Если мы победим, будем жить вместо восьми одиннадцать дней. Там, где они живут, в скалах есть особая горная порода, она защищает от радиации! Подумай, Сим, три долгих славных дня жизни. Идешь с нами?

— Идите без него,— вмешался Дайнк.— Сим — мой ученик!

Кайон фыркнул.

— Шел бы ты умирать, старик. Сегодня на закате от тебя останутся одни обугленные кости. Кто ты такой, чтобы командовать нами? Мы молоды, мы хотим жить дольше.

Одиннадцать дней. Невероятно. Одиннадцать дней. Теперь Сим понимал, что́ порождает войны. Кто не пойдет воевать за то, чтобы почти наполовину продлить свою жизнь! Столько лишних дней жизни! Да. В самом деле, почему нет?

— Три лишних дня,— произнес скрипучий голос Дайнка.— Если вы до этого доживете. Если вас не убьют в бою. Если. Если! Вы еще никогда не побеждали. Всегда проигрывали!

— Но на этот раз,— твердо заявил Кайон,— мы победим!

Сим недоумевал.

— Но мы ведь все одной крови. Почему нельзя вместе жить там, где скалы защищают лучше?

Кайон рассмеялся, сжимая в руке острый камень.

— Те, кто там живет, считают себя лучше нас. Так всегда думает тот, кто сильнее. К тому же и пещеры там меньше, в них помещается только триста человек.

Три лишних дня.

— Я пойду с вами,— сказал Сим Кайону.

— Отлично! — Что-то Кайон уж очень обрадовался.

Дайнк порывисто вздохнул.

Сим повернулся к Дайнку и Лайт.

— Если я сумею победить в бою, то окажусь ближе к кораблю. И у меня в запасе будет три лишних дня, чтобы попытаться дойти до него. Кажется, у меня просто нет выбора.

Дайнк печально кивнул.

— Да, это так. Я верю тебе. Ступай же.

— Прощайте,— сказал Сим.

Лицо старика отразило удивление, потом он рассмеялся, словно в ответ на беззлобную шутку.

— Верно, ведь я тебя больше не увижу... Ну что ж, прощай.

И они пожали друг другу руку.

Все вместе: Кайон, Сим, Лайт и другие — дети, быстро вырастающие в бойцов,— покинули пещеру Ученых. Огонек в глазах Кайона не сулил ничего доброго.

Лайт пошла с Симом. Она собрала для него камни и понесла их. Уходить домой отказалась, сколько он ее ни убеждал. Они шагали через долину: близился восход.

— Прошу тебя, Лайт, ступай домой!

— Чтобы ждать возвращения Кайона? — сказала она.— Он решил, что я стану его женой, когда ты умрешь.

Она сердито тряхнула своими неправдоподобно голубыми кудрями.

— Нет, я пойду с тобой. Если ты погибнешь в бою, я тоже погибну.

Лицо Сима посуровело. Он сильно вырос. За ночь мир словно съежился. Стайки детей, которые с ликующими криками собирали плоды, вызвали у него удивление, даже недоумение: неужели он сам всего три дня назад был таким? Странно. В голове Сима отложился гораздо более долгий срок, как будто он на самом деле прожил тысячу дней. Пласт событий и размышлений в его сознании был таким мощным, таким многоцветным и многообразным, что просто не верилось — да разве могло столько всего произойти за считанные дни?

Бойцы бежали по двое, по трое. Сим посмотрел вперед, на торчащие вдали невысокие черные зубцы. «Сегодня мой четвертый день,— сказал он себе.— А я еще ни на шаг не приблизился к кораблю, ни к чему не

приблизился, даже к той,— он слышал рядом легкую поступь Лайт,— которая несет мое оружие и собирает для меня спелые ягоды».

Половина жизни прошла. Или одна треть... Если он выиграет эту битву. Если.

Сим бежал легко, упруго, непринужденно. «Сегодня я как-то особенно остро ощущаю свое бытие. Я бегу и ем, ем и расту, расту и с замиранием сердца обращаю взгляды на Лайт. И она тоже с нежностью глядит на меня. День нашей юности... Неужели мы тратим его впустую? Расходуем на вздор, на химеру?»

Издалека донесся смех. В детстве смех настораживал Сима. Теперь он его понимал. Этот смех родился в душе человека, который взбирался на высокие скалы, собирал там зеленые листья, пил хмельное вино с утренних сосулек, ел горные плоды и впервые вкушал сладость юных губ.

Вот уже близко скалы противника.

А у Сима перед глазами — стройная осанка Лайт. Он словно впервые открыл для себя ее шею, коснувшись которой можно сосчитать биение сердца, и пальцы, которые трепетно льнут к твоим пальцам, и...

Лайт резко повернулась.

— Гляди вперед! — крикнула она.— Следи за тем, что предстоит... Гляди только вперед.

У него было такое чувство, словно они пробегают мимо большого куска своей жизни: вся юность остается позади, и даже некогда оглянуться.

— Глаза устали смотреть на камни,— сказал он на бегу.

— Найди себе новые камни!

— Я вижу камни...— Голос его стал ласковым, как ее ладонь. Ландшафт уплывал назад, Сим будто летел в объятиях нежного, дремотного ветерка.— Вижу камни, ущелье, прохладную тень и каменные ягоды густо, как роса. Тронешь камень, и ягоды сыплются вниз беззвучной красной лавиной, и травы такие шелковистые...

— Не вижу! — Она побежала быстрее, глядя в другую сторону.

Он видел пушок на ее шее — будто тонкий серебристый мох на холодной стороне булыжников, что колышется от легчайшего дыхания. Потом представил самого себя, с напряженно сжатыми кулаками, мчащегося вперед, навстречу смерти. На его руках вздулись упругие жилы.

Лайт протянула ему какую-то пищу.

— Я не хочу есть,— сказал он.

— Ешь, ешь как следует,— строго велела она.— Чтобы были силы для битвы.

— Господи! — с болью воскликнул он.— Кому нужны эти битвы!

Навстречу им вниз по склону запрыгали камни. Один из бойцов упал с расколотым черепом. Война началась.

Лайт передала Симу оружие. Дальше они бежали без слов до самого боевого рубежа.

Сверху, из-за бастионов противника, на них обрушился искусственный обвал.

Теперь одна мысль владела Симом. Убивать, лишать жизни других, чтобы жить самому, закрепиться здесь, продлить свою жизнь и попробовать достичь корабля. Он приседал, уклонялся, хватал камни и метал их вверх. В левой руке у него был плоский каменный щит, которым он отбивал летящие сверху обломки. Кругом раздавались хлопки. Лайт бежала рядом, ободряя его. Один за другим впереди упали двое, оба убиты наповал — грудь распорота до кости, кровь бьет фонтаном...

И ведь все понапрасну. Сим мгновенно осознал бессмысленность затеянной ими схватки. Штурмом эту скалу не взять. Глыбы катились сверху сплошной лавиной. Десять бойцов пали с черными осколками в мозгу, еще у пятерых плетью повисли переломанные руки. Кто-то вскрикнул — белый коленный сустав торчал из кожи, распоротой метко брошенными кусками гранита. Атакующие спотыкались о тела убитых.

На скулах Сима заиграли желваки, он уже клял себя за то, что пришел сюда. И все-таки, прыгая то в одну, то в другую сторону, нырками уклоняясь от камней, он упорно смотрел вверх, на черные скалы. Жить там и сделать заветную попытку — это желание было сильнее всего. Он должен добиться своего! Но мужество было готово покинуть его.

Лайт пронзительно вскрикнула. Сим обернулся, обомлев от испуга, и увидел, что рука ее перебита, из рваной раны поперек запястья хлестала кровь. Она зажала руку под мышкой, чтобы умерить боль. Ярость всколыхнулась в его душе, он неистово рванулся вперед, бросая камни с убийственной точностью. Вот от меткого броска вражеский боец упал как подкошенный и покатился вниз по уступам. Наверно, Сим что-то кричал, потому что легкие

его толчками извергали воздух и в горле саднило, а земля стремительно убегала назад.

Камень ударил его по голове и опрокинул на землю. На зубах захрустел песок. Мир рассыпался на багровые завитушки. Сим не мог встать. Он лежал и думал, что вот и пришел его последний день, последний час. Кругом продолжала кипеть схватка, и в полузабытьи он ощутил, как над ним наклонилась Лайт. Руки ее охладили его лоб, она хотела оттащить Сима в безопасное место, но он лежал, хватая ртом воздух, и твердил, чтобы она бросила его.

— Стой! — крикнул чей-то голос.

Казалось, война на миг приостановилась.

— Назад! — быстро скомандовал тот же голос.

Лежа на боку, Сим увидел, как его товарищи повернули и побежали назад, домой.

— Солнце восходит, наше время кончилось!

Он проводил взглядом мускулистые спины, мелькающие в беге ноги. Мертвых оставили лежать на поле боя. Раненые взывали о помощи. Но разве сейчас до раненых! Только бы стремглав одолеть бесславный путь домой и с опаленными легкими нырнуть в пещеры, прежде чем беспощадное солнце настигнет их и убьет.

Солнце!

Кто-то бежал в сторону Сима. Это был Кайон! Шепча ободряющие слова, Лайт помогла Симу встать.

— Идти сможешь? — спросила она.

— Кажется, смогу,— простонал он.

— Тогда пошли,— продолжала она.— Сперва потише, потом быстрей и быстрей. Мы дойдем, я знаю, что дойдем.

Сим выпрямился, шатаясь. Подбежал Кайон — лицо искажено свирепыми складками, сверкающие глаза еще не остыли после битвы. Оттолкнув Лайт, он схватил острый камень и резким ударом распорол Симу ногу. Ударил молча, без единого звука.

Потом отступил назад, по-прежнему не говоря ни слова, только осклабился, будто ночной хищник. Грудь его тяжело вздымалась, глаза переходили с окровавленной ноги на Лайт и обратно. Наконец он отдышался.

— Он не дойдет.— Кайон кивком указал на Сима.— Придется нам оставить его здесь. Пошли, Лайт.

Лайт кошкой набросилась на Кайона, норовя добраться до его глаз. Тонкий визг вырвался сквозь ее оскаленные зубы, пальцы молниеносно прочертили глубокие кровавые борозды на бицепсах, затем на шее Кайона. С бранью

Кайон отпрянул от Лайт. Она бросила в него камень. Он увернулся и, рыча, отбежал еще на несколько ярдов.

— Дура! — презрительно крикнул он.— Идем со мной. Сим умрет через несколько минут. Пошли!

Лайт повернулась к нему спиной.

— Если ты меня понесешь.

Кайон изменился в лице. Блеск в его глазах пропал.

— Времени мало. Мы оба погибнем, если я тебя понесу.

Лайт смотрела на него как на пустое место.

— Неси же, я так хочу.

Не говоря ни слова, Кайон испуганно глянул на полосу алеющей зари и побежал. Его шаги умчались вдаль и затихли.

— Хоть бы упал и шею себе сломал,— прошептала Лайт, яростно глядя на пересекающий ущелье силуэт. Она повернулась к Симу.— Можешь идти?

От раны боль растекалась по всей ноге. Сим иронически кивнул.

— Если идти, часа за два доберемся. Но мы останемся здесь.

— Почему?

— Мы пришли сюда, чтобы отвоевать себе новую обитель. Если пойдем обратно — умрем. Лучше уж я умру здесь. Сколько времени нам осталось?

Вместе они посмотрели туда, где всходило солнце.

— Несколько минут,— тусклым, бесцветным голосом сказала она, прижимаясь к нему.

Солнечный свет хлынул из-за горизонта, и на черных скалах появились багровые и коричневые подпалины.

Глупец он! Надо было остаться и работать вместе с Дайнком, размышлять и мечтать.

Жилы на шее Сима вздулись, он вызывающе закричал, обращаясь к жителям черных пещер:

— Эй, вышлите кого-нибудь сюда на поединок!

Молчание. Голос отразился от скал. Стало жарко.

— Ни к чему это,— сказала Лайт.— Они не отзовутся.

— Слушайте! — снова закричал Сим. Раненая нога ныла от пульсирующей боли, он перенес вес на здоровую и взмахнул кулаком.— Вышлите сюда воина, да не труса! Я не убегу домой! Я пришел сразиться в честном поединке! Вышлите бойца, который готов воевать за право на свою пещеру! Я убью его!

По-прежнему молчание. Над ними прокатилась волна зноя.

— Эй,— с издевкой кричал Сим, широко раскрыв рот, закинув голову назад, оперев руки на голые бедра,— неужели не найдется среди вас человека, который отважится сразиться с калекой?

Молчание.

— Нет?

Молчание.

— Значит, я в вас ошибся. Просчитался. Ладно, останусь здесь, пока солнце не снимет черную стружку с моих костей, и буду вас поносить так, как вы этого заслуживаете.

Ему ответили.

— Я не люблю, когда меня поносят,— крикнул мужской голос.

Сим наклонился вперед, забыв об искалеченной ноге.

В устье пещеры на третьем ярусе показался плечистый силач.

— Спускайся,— твердил Сим.— Спускайся, толстяк, прикончи меня.

Секунду противник разглядывал Сима из-под насупленных бровей, затем медленно побрел вниз по тропе. В руках у него не было никакого оружия. В ту же секунду из всех пещер высунулись головы зрителей предстоящей драмы.

Чужак подошел к Симу.

— Сражаться будем по правилам, если ты их знаешь.

— Узнаю по ходу дела,— ответил Сим.

Его ответ понравился противнику, он посмотрел на Сима внимательно, но без неприязни.

— Вот что,— великодушно предложил он,— если ты погибнешь, я приму твою спутницу под свой кров и пусть живет без забот, потому что она жена доброго воина.

Сим быстро кивнул.

— Я готов,— сказал он.

— А правила простые. Руками друг друга не касаемся, наше оружие — камни. Камни и солнце убьют кого-то из нас. Теперь приступим...

VIII

Показался краешек солнца.

— Меня зовут Нхой.— Противник Сима небрежно поднял горсть камней и взвесил их на ладони.

Сим сделал так же. Он хотел есть. Уже много минут он ничего не ел. Голод был бичом жителей этой планеты, пустые желудки непрерывно требовали еще и еще пищи. Кровь вяло струилась по жилам, с жарким звоном стучала в висках, грудная клетка вздымалась и опадала, и снова порывисто вздымалась.

— Давай! — закричали триста зрителей со скал.— Давай! — требовали мужчины, женщины и дети, облепившие уступы.— Ну! Начинайте!

Словно по сигналу взошло солнце. Оно ударило бойцов будто плоским раскаленным камнем. Они даже качнулись, на обнаженных бедрах и спинах тотчас выступили капли пота, лица и ребра заблестели, как стеклянные.

Силач переступил с ноги на ногу и поглядел на солнце, как бы не торопясь начинать поединок. Вдруг беззвучно, без малейшего предупреждения, молниеносным движением указательного и большого пальцев он выстрелил камень. Снаряд поразил Сима в щеку, он невольно попятился, и дикая боль ракетой метнулась вверх по раненой ноге и взорвалась в желудке. Он ощутил вкус просочившейся в рот крови.

Нхой хладнокровно продолжал обстрел. Еще три неуловимых движения его ловких рук, и три маленьких, безобидных на вид камешка, словно свистящие птицы, рассекли воздух. Каждый из них нашел и поразил свою цель — нервные узлы! Один ударил в живот, и все съеденное Симом за предшествующие часы чуть не выскочило наружу. Второй поразил лоб, третий — шею. Сим рухнул на раскаленный песок. Колени его резко стукнулись о твердый грунт. Лицо стало мертвенно бледным, плотно зажмуренные глаза проталкивали слезы между горячими подрагивающими веками. Но в падении Сим успел с отчаянной силой метнуть свою горсть камней!

Они просвистели в воздухе. Один из них, только один, попал в Нхоя. Прямо в левый глаз. Нхой застонал и закрыл руками изувеченное глазное яблоко.

У Сима вырвался горький всхлипывающий смешок. Хоть тут ему повезло. Глаза противника — мера его успеха. Это даст ему... время. «Господи,— подумал он, борясь со спазмой в желудке, жадно хватая воздух,— живем в мире времени. Мне бы еще немного, хоть крошечку!»

Окривевший Нхой, шатаясь от боли, обрушил град камней на корчащееся тело Сима, но меткость ему измени-

ла и камни либо пролетали мимо, либо попадали в противника уже на излете, потеряв грозную силу.

Сим заставил себя привстать. Краешком глаза он видел, как Лайт напряженно глядит на него, тихо выговаривая ободряющие и обнадеживающие слова. Он купался в собственному поту, будто его окатило ливнем.

Солнце целиком вышло из-за горизонта. Его можно было обонять. Камни отливали зеркальным блеском, песок зашевелился, забурлил. Во всех концах долины возникали миражи. Вместо одного бойца перед Симом, готовясь метнуть очередной снаряд, стояли во весь рост десяток Нхоев. Десяток озаренных грозным золотистым сиянием волонтеров вибрировали в лад, как бронзовые гонги!

Сим лихорадочно дышал. Ноздри его расширялись и слипались, рот жадно глотал огонь вместо кислорода. Легкие горели, будто факелы из нежной ткани, пламя пожирало тело. Исторгнутый порами пот тотчас испарялся. Он чувствовал, как тело сжимается, ссыхается, и мысленно увидел себя таким, каким был его отец,— старым, чахлым, одряхлевшим. Песок... куда он делся? Есть ли силы двигаться? Да. Земля дыбилась под Симом, но он все-таки поднялся на ноги.

Перестрелки больше не будет.

Он понял это, с трудом разобрав слова, которые доносились сверху, со скал. Опаленные солнцем зрители кричали, осыпая его насмешками и подбадривая своего воина.

— Стой твердо, Нхой, береги свои силы теперь! Стой прямо, потей!

И Нхой стоял, покачиваясь медленно, словно маятник, подталкиваемый раскаленным добела дыханием небес.

— Не двигайся, Нхой, береги сердце, береги силы!

— Испытание, испытание! — повторяли люди вверху.— Испытание солнцем.

Самая тяжелая часть поединка... Напрягаясь, Сим глядел на расплывающиеся очертания скал, и ему чудились его родители: отец с убитым лицом и воспаленными зелеными глазами, мать — седые волосы, будто стелющийся дым.

За его спиной тонко всхлипнула Лайт. Послышался удар мягкого тела о песок... Она упала. И нельзя обернуться. На это потребуется усилие, которое может повергнуть его в пучину боли и тьмы.

У Сима подкосились ноги. «Если я упаду,— подумал он,— останусь здесь лежать и превращусь в пепел. Так, а где Нхой?» Нхой стоял в нескольких шагах от него, понурый, весь в поту, вид такой, будто на хребет его обрушился молот.

«Упади, Нхой! Упади! — твердил Сим про себя.— Упади, упади! Упади, чтобы я мог занять твою обитель!»

Но Нхой не падал. Один за другим из его слабеющей руки на накаленный песок сыпались камни, зубы Нхоя обнажились, слюна выкипела на губах, глаза остекленели. А он все не падал. Велика была в нем воля к жизни. Он держался, словно подвешенный на канате.

Сим упал на одно колено.

Торжествующее «А-а-а-а!» отдалось в скалах наверху. Они там знали: это смерть. Сим вскинул голову с какой-то деревянной, растерянной улыбкой, словно его поймали на нелепом, дурацком поступке.

— Нет,— убеждал он себя, как во сне,— нет...

И снова встал.

Дикая боль превратила его в сплошной гудящий колокол. Все вокруг звенело, шипело, клокотало. Высоко в горах скатилась лавина — беззвучно, будто спустился занавес, закрывающий сцену. Тишина, полная тишина, если не считать этого назойливого гудения. Перед взором Сима стояло уже полсотни Нхоев в кольчугах из пота: глаза искажены мукой, скулы выпирают, губы растянуты, будто лопнувшая кожура перезрелого плода. Но незримый канат все еще держал его.

— Ну вот.— Сим с трудом ворочал запекшимся языком между жарко поблескивающими зубами.— Сейчас я упаду, и буду лежать, и видеть сны.

Он произнес это медленно, стараясь продлить удовольствие. Заранее представил себе, как это будет. Как именно он все это проведет. Уж он постарается в точности выполнить программу. Сим поднял голову — проверил, наблюдают ли за ним зрители.

Они исчезли!

Солнце прогнало их. Всех, кроме одного-двух, самых упорных. Сим пьяно рассмеялся и стал смотреть, как на его онемевших руках выступают капли пота, срываются, летят вниз и, не долетев до песка, испаряются.

Нхой упал.

Незримый канат лопнул. Нхой рухнул плашмя на жи-

вот, изо рта у него выскочил сгусток крови. Закатившиеся глаза безумно сверкали глухими белками.

Упал Нхой. И вместе с ним упали все пятьдесят его призрачных двойников.

Над долиной гудели и пели ветры, и глазам Сима представилось голубое озеро с голубой рекой, и белые домики вдоль реки, и люди — кто входил или выходил из дома, кто гулял среди высоких зеленых деревьев. Деревья на берегу реки-миража были в семь раз больше человеческого роста.

— Вот теперь,— сказал себе, наконец, Сим,— теперь я могу падать. Прямо... в это... озеро.

Он упал ничком.

Но что это такое? Чьи-то руки поспешно подхватили его, подняли и стремительно понесли, держа высоко в ненасытном воздухе, будто пылающий на ветру факел.

«Это и есть смерть?» — удивился Сим и канул в кромешный мрак.

Его привели в себя струи холодной воды, которой ему плескали в лицо.

Он нерешительно открыл глаза. Лайт, положив его голову себе на колени, бережно кормила его. Сим был голоден и измучен, но все мгновенно заслонил страх. Превозмогая слабость, он приподнялся: над ним были своды какой-то незнакомой пещеры.

— Сколько времени прошло? — строго спросил он.

— Еще день не кончился. Лежи спокойно,— сказала она.

— День не кончился!

Она радостно кивнула.

— Ты не потерял ни одного дня жизни. Это пещера Нхоя. Нас защищают черные скалы. Мы проживем три лишних дня. Доволен? Ложись.

— Нхой умер? — Он откинулся на спину, напряженно дыша, сердце отчаянно колотилось в ребра. Но вот постепенно Сим отдышался.— Я победил, победил,— прошептал он.

— Нхой умер. И мы чуть не погибли. Нас подобрали в последнюю минуту.

Он принялся жадно есть.

— Нельзя терять ни минуты. Мы должны набраться сил. Моя нога...

Он поглядел на ногу, ощупал ее. Она была обмотана длинными желтыми стеблями, боль совсем исчезла. Вот

и теперь, можно сказать на глазах, лихорадочный ток крови вовсю работал, продолжая свое исцеляющее действие под повязкой. «До заката нога должна быть здорова,— сказал он себе.— Должна».

Сим встал и, прихрамывая, начал ходить взад-вперед, будто пойманный зверь. Он ощутил взгляд Лайт, но не мог заставить себя ответить на него. В конце концов все-таки обернулся.

Однако она заговорила первая.

— Ты хочешь идти дальше, к кораблю? — мягко спросила Лайт.— Сегодня вечером? Как только зайдет солнце?

Он набрал в легкие воздух, потом выдохнул.

— Да.

— А до завтра подождать нельзя?

— Нет.

— Тогда я иду с тобой.

— Нет!

— Если начну отставать, не жди меня. Здесь мне все равно не жить.

Долго и пристально они смотрели друг на друга. Он безнадежно пожал плечами.

— Ладно. Я знаю, тебя не отговорить. Пойдем вместе.

IX

Они ожидали в устье своей новой обители. Наступил закат. Камни настолько остыли, что по ним можно было ходить. Вот-вот придет пора выскакивать наружу и бежать к далекому, отливающему металлическим блеском зернышку на горе.

Скоро пойдут дожди. Сим представлял себе картины, которые не раз наблюдал: как ливень собирается в ручьи, а ручьи образуют реки, каждую ночь пробивающие новые русла. Сегодня река течет на север, завтра — на северо-восток, на третью ночь — строго на запад. Могучие потоки без конца бороздили долину шрамами. Старые русла заполнялись обвалами. Следующий день рождал новые. Реки, их направление — вот о чем он много часов думал снова и снова. Ведь очень может быть, что... Ладно, время покажет.

Сим заметил, что здесь и пульс реже и все жизненные

процессы замедлились. Это особая горная порода защищала их от солнечной радиации. Конечно, ток жизни и тут оставался стремительным, но не настолько.

— Пора, Сим! — крикнула Лайт.

Они побежали. Бежали в промежутке между двумя смертями — испепеляющей и леденящей. Бежали вместе от скал к манящему кораблю. Никогда в жизни они так не бегали. Настойчиво, упорно их бегущие ноги стучали по широким каменным плитам вниз по склонам, вверх по склонам и дальше — вперед, вперед... Воздух царапал их легкие, как наждаком. Черные скалы безвозвратно ушли назад. Они не ели на бегу. Оба еще в пещере наелись вдоволь, чтобы сберечь время. Теперь только бежать: выбросить вверх ногу, мах назад согнутой в локте рукой, мышцы предельно напряжены, рот жадно пьет воздух, который из жгучего стал освежающим.

— Они глядят на нас.

Сквозь стук сердца слух уловил прерывающийся голос Лайт.

Кто глядит?.. А, конечно, скальное племя. Когда в последний раз происходила подобная гонка? Тысячу, десять тысяч дней назад? Сколько времени прошло с тех пор, как кто-то, решив попытать счастья, мчался во весь опор, провожаемый взглядами целого народа, сквозь овраги и через студеную равнину? Может быть, влюбленные на минуту забыли о смехе и пристально смотрят на две крохотные точки, на мужчину и женщину, что бегут навстречу своей судьбе? Может быть, дети, уписывая спелые плоды, оторвались от игр, чтобы посмотреть на эту гонку со временем? Может быть, Дайнк еще жив и, щуря тускнеющие глаза под насупленными бровями, скрипучим, дрожащим голосом кричит что-то ободряющее и машет скрюченной рукой? Может быть, их осыпают насмешками? Называют глупцами, болванами? И звучит ли в язвительном хоре хоть один голос, желающий им удачи, надеющийся, что они достигнут корабля?

Сим глянул на небо, уже тронутое приближающейся ночью.

Из ничего возникли облака, и пелена дождя пересекла ущелье в двухстах ярдах перед ними. Молнии били в вершины вдали, в смятенном воздухе распространился резкий запах озона.

— Полпути,— выдохнул Сим и увидел, как Лайт, повернув лицо, с тоской глядит на все, что они оставляли

позади.— Теперь решай, если возвращаться, еще есть время. Через минуту...

В горах прорычал гром. Где-то вверху родился маленький обвал, который уже могучей лавиной рухнул в глубокую расщелину. Капли дождя покрыли пупырышками гладкую белую кожу Лайт. В одну минуту волосы ее стали влажными и блестящими.

— Поздно,— перекричала она хлесткий стук собственных босых ног.— Теперь осталось только бежать вперед!

Да, в самом деле поздно. Сим прикинул расстояние и убедился, что возврата нет.

Ногам больно... Он побежал медленнее. Вдруг подул ветер. Холодный, пронизывающий. Но так как он дул сзади, то больше помогал, чем мешал бежать. «Добрый знак?» — спросил себя Сим. Нет. Потому что с каждой минутой становилось все яснее, как плохо он угадал расстояние. Время тает, а до корабля еще так далеко. Он ничего не сказал, но бессильная злоба на немощность собственных мышц вылилась жгучими слезами.

Сим знал, что Лайт думает так же, как он. Но она летела вперед белой птицей, словно и не касаясь земли. Он слышал ее дыхание — воздух входил в ее горло, будто острый кинжал в ножны.

Мрак захватил полнеба. Первые звезды проглянули между длинными прядями черных туч. Молния прочертила дорожку на гребне прямо перед ними. Гроза обрушилась на них стеной ливня и электрических разрядов.

Они скользили и спотыкались на мшистых камнях. Лайт упала, у нее вырвался гневный возглас, она поспешила подняться на ноги. Тело ее было в ссадинах и потеках грязи. Ливень хлестал ее.

Рыдание неба обрушилось на Сима. Струи дождя залили глаза, ручейки побежали вниз по спине, и он тоже готов был рыдать.

Лайт упала и осталась лежать. Она с трудом дышала, ее била дрожь.

Он поднял ее, поставил на ноги.

— Беги, Лайт, прошу тебя, беги!

— Оставь меня, Сим. Ступай, живей! — Она чуть не захлебнулась дождем. Всюду была вода.— Не трудись впустую. Беги без меня.

Он стоял, скованный холодом и бессилием, мысли его иссякали, огонек надежды готов был угаснуть. Кругом

только мрак, холодные плети падающей воды и отчаяние...

— Тогда пойдем,— сказал он.— Будем идти и отдыхать.

Они пошли медленно, не торопясь, будто дети на прогулке. Овраг перед ними до краев заполнился потоком, и вода с торопливым бурлящим звуком устремилась к горизонту.

Сим что-то крикнул. Увлекая за собой Лайт, он опять побежал.

— Новое русло! — Он показал рукой.— Каждый день дождь прокладывает новое русло. За мной, Лайт!

Он наклонился над водой и нырнул, не выпуская руки Лайт.

Поток нес их, как щепки. Они силились держать головы над водой, чтобы не захлебнуться. Берега быстро убегали назад. С бешеной силой стискивая пальцы Лайт, Сим чувствовал, как стремнина бросает и кружит его, видел, как сверкают молнии в высоте, и в душе его родилась новая исступленная надежда. Бежать дальше нельзя — что ж, тогда вода поработает на них!

Бурная хватка новой недолговечной реки колотила Сима и Лайт о камни, распарывала плечи, сдирала кожу с ног.

— Сюда! — Голос Сима перекрыл раскат грома.

Лихорадочно загребая рукой, он поплыл к противоположной стороне оврага. Гора, на которой лежит корабль, прямо перед ними. Нельзя допустить, чтобы их пронесло мимо. Они упорно сражались с неистовой влагой, и их прибило к нужному берегу. Сим подпрыгнул, поймал руками нависший камень, ногами стиснул Лайт и медленно подтянулся вверх.

Гроза прекратилась так же быстро, как началась. Молнии потухли. Дождь перестал. Тучи растаяли и растворились в небе. Ветер еще пошептал и смолк.

— Корабль! — Лайт лежала на земле.— Корабль, Сим. Это та самая гора.

А к ним уже подкрадывалась стужа. Смертная стужа.

Борясь с изнеможением, они побрели вверх по склону. Холод лизал их тело, ядом проникал в артерии, сковывая конечности.

Впереди в ореоле блеска лежал свежеомытый корабль. Это было как сон. Сим не мог поверить, что до него так близко.

Землю стал обволакивать лед. Они скользили и без

конца падали. Река позади них превратилась в твердую бело-голубую холодную змею. Твердыми дробинками откуда-то прилетело несколько замешкавшихся капель дождя.

Сим всем телом привалился к обшивке корабля. Он чувствовал, трогал его! Слух уловил судорожное всхлипывание Лайт. Металл, корабль — вот он, вот он! Сколько еще человек касались его за много долгих дней? Он и Лайт дошли до цели!

Вдруг, словно в них просочился ночной воздух, по его жилам разлился холод.

А где же вход?

Ты бежишь, ты плывешь, ты чуть не тонешь. Клянешь все на свете, обливаешься потом, напрягаешь последние силы, и вот ты, наконец, добрался до горы, поднялся на нее, стучишь кулаками по металлу, кричишь от радости и... И не можешь найти входа.

Так, надо взять себя в руки. «Медленно, однако не слишком медленно,— сказал он себе,— обойди кругом весь корабль». Его испытующие пальцы скользили по металлу, настолько холодному, что влажная кожа грозила примерзнуть к обшивке. Теперь вдоль противоположной стороны... Лайт шла рядом с ним. Студеные длани мороза сжимались все крепче.

Вход.

Металл. Холодный, неподатливый. Узкая щель по краю люка. Отбросив осторожность, Сим принялся колотить по нему. Холод пронизывал до костей. Пальцы онемели, глазные яблоки начали коченеть. Он колотил то здесь, то там и кричал металлической дверце:

— Откройся! Откройся!

На минуту Сим потерял равновесие. Что-то подалось под его рукой... Щелчок!

Шумно вздохнул воздушный шлюз. Шурша металлом по резиновой прокладке, дверца мягко отворилась и ушла во мрак.

Сим увидел, как Лайт метнулась вперед, рывком поднесла руки к горлу и нырнула в тесную, полную света кабину. Не помня себя, он шагнул следом за ней.

Люк воздушного шлюза закрылся, отрезая путь назад.

Он задыхался. Сердце билось все медленнее, будто хотело остановиться. Они были заточены внутри корабля. Судорожно ловя ртом воздух, Сим упал на колени.

Тот самый корабль, к которому он пришел за спасе-

нием, теперь тормозил биение его сердца, омрачал сознание, чем-то отравлял его. С каким-то смутным, угасающим чувством томительного страха Сим понял, что умирает.

Чернота.

Словно в тумане Сим ощущал, как идет время, как сознание силится принудить сердце биться быстрей, быстрей... И заставить глаза видеть ясно. Но сок жизни медленно протекал по усмиренным сосудам, и он слышал тягучий ритм пульса — тук... пауза, тук... пауза, тук...

Он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, даже пальцем. Требовалось неимоверное усилие, чтобы поднять каменный груз век. И совсем невозможно повернуть голову, взглянуть на лежащую рядом Лайт.

Словно вдалеке слышалось ее неровное дыхание. Так раненая птица шуршит сухими, смятыми перьями. Хотя Лайт была совсем близко и он угадывал ее тепло, казалось, их разделяет непомерная даль.

«Я остываю! — думал он.— Уж не смерть ли это? Вялое течение крови, тихое биение сердца, холод во всем теле, тягучий ход мысли...»

Глядя на потолок корабля, он пытался разгадать это сложное сплетение трубок и приспособлений. Постепенно в мозгу рождалось представление о том, как устроен корабль, как он действует. В каком-то медленном прозрении он постигал смысл предметов, на которые переходил его взгляд. Не сразу. Не сразу.

Вот этот прибор с белой поблескивающей шкалой.

Его назначение?

Сим решал задачу с натугой, словно человек под водой.

Люди пользовались этим прибором. Касались его. Чинили. Устанавливали. Вообразили, а уже потом сделали его, наладили, трогали, пользовались им. В приборе было как бы заложено определенное воспоминание, самый облик его, будто образ из сновидения, говорил Симу, как изготовляли эту шкалу и для чего она служит. Рассматривая любой предмет, он прямо из него извлекал нужное знание. Словно некая частица его ума обволакивала предмет, анатомировала и проникала в его суть.

Этот прибор предназначен измерять время!

Миллионы часов времени!

Но как же так?.. Глаза Сима расширились, озарились жарким блеском. Разве есть люди, которым нужен такой прибор?

Кровь стучала в висках, в глазах помутилось. Он зажмурился.

Ему стало страшно. День был на исходе. «Как же так,— думал он,— жизнь уходит, а я лежу. Лежу и не могу двинуться. Молодость скоро кончится. Сколько времени еще пройдет, прежде чем я смогу двигаться?»

Через окошко иллюминатора он видел, как проходит ночь, наступает новый день и опять воцаряется ночь. В небе зябко мерцали звезды.

«Еще четыре-пять дней и я стану совсем дряхлым и немощным,— думал Сим.— Корабль не дает мне пошевельнуться. Лучше бы я оставался в родной пещере и там сполна насладился назначенной мне короткой жизнью. Чего я достиг тем, что пробился сюда? Сколько рассветов и закатов проходит понапрасну. Лайт рядом со мной, а я даже не могу ее коснуться».

Бред. Сознание куда-то вознеслось. Мысли метались в металлических отсеках корабля. Он чувствовал острый запах металла. Чувствовал, как ночью обшивка напрягается, днем опять расслабляется.

Рассвет. Уже новый рассвет!

«Сегодня я достиг бы полной возмужалости». Он стиснул зубы. «Я должен встать. Должен двигаться. Извлечь ту радость, какую может дать мне эта пора моей жизни».

Но он лежал неподвижно. Чувствовал, как сердце медленно перекачивает кровь из камеры в камеру и дальше через все его недвижимое тело, как она очищается в мерно вздымающихся и опускающихся легких.

Корабль нагрелся. Щелкнуло незримое устройство, и воздух автоматически охладился. Управляемый сквозняк охладил кабину.

Снова ночь. И еще один день.

Четыре дня жизни прошло, а он все лежит.

Сим не пытался бороться. Ни к чему. Его жизнь истекла.

Его больше не тянуло повернуть голову. Он не хотел увидеть Лайт — такое же изуродованное лицо, какое было у его матери: веки словно серые хлопья пепла, глаза как шершавый зернистый металл, щеки будто потрескавшиеся камни. Не хотел увидеть шею, похожую на жухлые плети желтой травы, руки, подобные дыму над угасающим костром, иссохшие груди, жесткие, растрепанные волосы цвета вчерашней сорной травы.

А сам-то он? Как он выглядит? Отвислая челюсть, ввалившиеся глаза, иссеченный старостью лоб?..

Он почувствовал, что к нему возвращаются силы. Сердце билось невообразимо медленно. Сто ударов в минуту. Не может быть. А это спокойствие, хладнокровие, умиротворенность...

Голова сама наклонилась вбок. Сим вытаращил глаза. Глядя на Лайт, он удивленно вскрикнул.

Она была молода и прекрасна.

Лайт смотрела на него, у нее не было сил говорить. Глаза ее были словно кружочки серебра, лебединая шея — будто рука ребенка. Волосы Лайт были точно нежное голубое пламя, питаемое ее хрупкой плотью.

Прошло четыре дня, а она все еще молода... Нет, моложе, чем была, когда они проникли в корабль. Она совсем юная!

Он не верил глазам.

Наконец она заговорила:

— Сколько еще это продлится?

— Не знаю,— осторожно ответил он.

— Мы еще молоды.

— Корабль. Мы ограждены его обшивкой. Металл не пропускает солнце и лучи, которые нас старят.

Она отвела глаза, размышляя.

— Значит, если мы будем здесь...

— То останемся молодыми.

— Еще шесть дней? Четырнадцать? Двадцать?

— Может быть, даже больше.

Она примолкла. Потом после долгого перерыва сказала:

— Сим?

— Да.

— Давай останемся здесь. Не будем возвращаться. Если мы теперь вернемся, ты ведь знаешь, что с нами случится?

— Я не уверен.

— Мы опять начнем стариться, разве нет?

Он отвернулся. Посмотрел на часы с ползущей стрелкой.

— Да. Мы состаримся.

— А вдруг мы состаримся... сразу. Может быть, когда выйдем из корабля, переход окажется слишком резким?

— Может быть.

Снова молчание. Сим сделал несколько движений,

разминая руки и ноги. Ему страшно хотелось есть.

— Остальные ждут,— сказал он.

Ответные слова Лайт заставили его ахнуть.

— Остальные умерли,— сказала она.— Или умрут через несколько часов. Все, кого мы знали, уже старики.

Сим попытался представить себе их стариками. Его сестренка Дак — дряхлая, сгорбленная временем... Он тряхнул головой, прогоняя видение.

— Допустим, они умерли,— сказал он.— Но ведь родились другие.

— Люди, которых мы даже не знаем.

— И все-таки люди нашего племени,— ответил он.— Люди, которые будут жить только восемь дней или одиннадцать дней, если мы им не поможем.

— Но мы молоды, Сим! И можем оставаться молодыми!

Лучше не слушать ее. Слишком заманчиво то, о чем она говорит. Остаться здесь. Жить.

— Мы и так прожили больше других,— сказал он.— Мне нужны работники. Люди, которые могли бы наладить корабль. Сейчас мы с тобой оба встанем, найдем какую-нибудь пищу, поедим и проверим, в каком он состоянии. Один я боюсь его налаживать. Уж очень он большой. Нужна помощь.

— Но тогда надо бежать весь этот путь обратно!

— Знаю.— Он медленно приподнялся на локтях. — Но я это сделаю.

— А как ты приведешь сюда людей?

— Мы воспользуемся рекой.

— Если русло осталось прежним. Оно могло сместиться.

— Дождемся, пока не появится подходящее для нас. Я должен вернуться, Лайт. Сын Дайнка ждет меня, моя сестра, твой брат — они состарились, готовятся умереть и ждут вестей от нас...

После долгой паузы он услышал, как Лайт устало подвигается к нему. Она положила голову ему на грудь и с закрытыми глазами погладила его руку.

— Прости. Извини меня. Ты должен вернуться. Я глупая эгоистка.

Он неловко коснулся ее щеки.

— Ты человек. Я понимаю тебя. Не нужно извиняться.

Они нашли пищу. Потом прошли по кораблю. Он был пуст. Только в пилотской кабине лежали останки че-

ловека, который, вероятно, был командиром корабля. Остальные, видимо, выбросились в космос в спасательных капсулах. Командир, сидя один у пульта управления, посадил корабль на горе, неподалеку от других упавших и разбившихся кораблей. То, что корабль оказался на возвышенном месте, сохранило его от бурных потоков. Командир умер вскоре после посадки — наверно, сердце не выдержало. И остался корабль лежать здесь, почти в пределах досягаемости для спасшихся, целый и невредимый, но потерявший способность двигаться — на сколько тысяч дней? Если бы командир не погиб, жизнь предков Сима и Лайт могла бы сложиться совсем иначе. Размышляя об этом, Сим уловил далекий зловещий отголосок войны. Чем кончилась эта война миров? Какая планета победила? Или обе проиграли и некому было разыскивать уцелевших? На чьей стороне была правда? Кем был их враг? Принадлежал ли народ Сима к правым или неправым? Быть может, это так и останется неизвестным.

Скорей, скорей изучить корабль. Он совсем не знал его устройства, но все постигал, идя по переходам и поглаживая механизмы. Да, нужен только экипаж. Один человек не справится с этой махиной. Он коснулся какой-то штуковины. И отдернул руку, словно обжегся.

— Лайт!

— Что это?

Он снова коснулся машины, погладил ее дрожащими руками, и на глазах у него выступили слезы, рот сперва открылся, потом опять закрылся... С глубокой нежностью Сим оглядел машину, наконец повернулся к Лайт.

— С этой штукой...— тихо, будто не веря себе, молвил он,— с этой штукой я... я могу...

— Что, Сим?

Он вложил руку в какую-то чашу с рычагом внутри. Через иллюминатор впереди были видны далекие скалы.

— Кажется, мы боялись, что придется очень долго ждать, пока к горе опять подойдет река? — спросил он с торжеством в голосе.

— Да, Сим, но...

— Река будет. И я вернусь, вернусь сегодня же вечером! И приведу с собой людей. Пятьсот человек! Потому что с этой машиной я могу пробить русло до самых скал, и по этому руслу хлынет поток, который

надежно и быстро доставит сюда меня и других.— Он потер бочковидное тело машины.— Как только я ее коснулся, меня сразу осенило, что это за штука и как она действует. Гляди!

Он нажал рычаг.

С жутким воем от корабля протянулся луч раскаленного пламени.

Старательно, методично Сим принялся высекать лучом русло для утреннего ливневого потока. Луч жадно вгрызался в камень.

Сим решил один бежать к скалам. Лайт останется в корабле на случай какой-нибудь неудачи. На первый взгляд путь до скал казался непреодолимым. Не будет стремительной реки, которая быстро понесет его к цели, позволяя выиграть время. Придется всю дорогу бежать, но ведь солнце перехватит его, застигнет прежде, чем он достигнет укрытия.

— Остается одно: отправиться до восхода.

— Но ты сразу замерзнешь, Сим.

— Гляди.

Он изменил наводку машины, которая только что закончила прокладывать борозду в каменном ложе долины. Чуть приподнял гладкое дуло, нажал рычаг и закрепил его. Язык пламени протянулся в сторону скал. Сим подкрутил верньер дальности и сфокусировал пламя так, что оно обрывалось в трех милях от машины. Готово. Он повернулся к Лайт.

— Я не понимаю,— сказала она.

Сим открыл люк воздушного шлюза.

— Мороз лютый, и до рассвета еще полчаса. Но я побегу вдоль пламени, достаточно близко. Жарко не будет, но для поддержания жизни тепла хватит.

— Мне это не кажется надежным,— возразила Лайт.

— А что надежно в этом мире? — Он подался вперед.— Зато у меня будет лишних полчаса в запасе. И я успею добраться до скал.

— А если машина откажет, пока ты будешь бежать рядом с лучом?

— Об этом лучше не думать,— сказал Сим.

Миг, и он уже снаружи — и попятился назад, как если бы его ударили в живот. Казалось, сердце сейчас взорвется. Среда родной планеты снова взвинтила его жизненный ритм. Сим почувствовал, как учащается пульс и кровь клокочет в сосудах.

Ночь была холодна, как смерть. Гудящий тепловой луч, проверенный, обогревающий, протянулся от корабля через долину. Сим бежал вдоль него совсем близко. Один неверный шаг и...

— Я вернусь,— крикнул он Лайт.

Бок о бок с лучом света он исчез вдали.

Рано утром пещерный люд увидел длинный перст оранжевого накала и парящее вдоль него таинственное беловатое видение. Толпа бормотала, ужасалась, благоговейно ахала.

Когда же Сим, наконец, достиг скал своего детства, он увидел скопище совершенно чужих людей. Ни одного знакомого лица. Тут же он сообразил, как нелепо было ожидать другого. Один старик подозрительно рассматривал его.

— Кто ты? — крикнул он.— Ты пришел с чужих скал? Как твое имя?

— Я Сим, сын Сима!

— Сим! — пронзительно всхлипнула старая женщина, которая стояла на утесе вверху. Она заковыляла вниз по каменной дорожке.— Сим, Сим, неужели это ты?

Он смотрел на нее в полном замешательстве.

— Но я вас не знаю,— пробормотал он.

— Сим, ты меня не узнаешь? О Сим, это же я, Дак!

— Дак?!

У него все сжалось в груди. Женщина упала в его объятия. Эта трясущаяся, полуслепая старуха — его сестра.

Вверху показалось еще одно лицо. Лицо старика, свирепое, угрюмое. Злобно рыча, он глядел на Сима.

— Гоните его отсюда! — закричал старик.— Он из вражеского стана. Он жил в чужих скалах! Он до сих пор молодой! Кто уходил туда, тому не место среди нас! Предатель!

Вниз по склону запрыгал тяжелый камень.

Сим отпрянул в сторону, увлекая сестру с собой.

Толпа взревела. Потрясая кулаками, все кинулись к Симу.

— Смерть ему, смерть! — бесновался незнакомый Симу старик.

— Стойте! — Сим выбросил вперед обе руки.— Я пришел с корабля!

— С корабля?

Толпа замедлила шаг. Прижавшись к Симу, Дак смо-

трела на его молодое лицо и поражалась, какое оно гладкое.

— Убейте его, убейте, убейте! — прокаркал старик и взялся за новый камень.

— Я продлю вашу жизнь на десять, двадцать, тридцать дней!

Они остановились. Раскрытые рты, неверящие глаза...

— Тридцать дней? — эхом отдавалось в толпе.— Как?

— Идемте со мной к кораблю. Внутри него человек может жить почти вечно!

Старик поднял над головой камень, но, сраженный апоплексическим ударом, хрипя скатился по склону вниз, к самым ногам Сима.

Сим нагнулся, пристально разглядывая морщинистое лицо, холодные мертвые глаза, вяло оскаленный рот, иссохшее недвижимое тело.

— Кайон!

— Да,— произнес за его спиной странный, скрипучий голос Дак.— Твой враг. Кайон.

В ту ночь двести человек тронулись в путь к кораблю. Вода устремилась по новому руслу. Сто человек утонули, затерялись в студеной ночи. Остальные вместе с Симом дошли до корабля.

Лайт ждала их и распахнула металлический люк.

Шли недели. Люди в корабле упорно трудились, постигая разные механизмы и их действие. И вот наконец двадцать пять человек встали по местам внутри корабля. Теперь в далекий путь!

Сим взялся за рычаги управления.

Подошла Лайт, сонно протирая глаза, села на пол подле него и положила голову ему на колено.

— Мне снился сон,— заговорила она, глядя куда-то вдаль.— Мне снилось, будто я жила в пещере, в горах, на студеной и жаркой планете, где люди старились и умирали за восемь дней.

— Нелепый сон,— сказал Сим.— Люди не могли бы жить в таком кошмаре. Забудь про это. Сон твой кончился.

Он мягко нажал рычаги. Корабль поднялся и ушел в космос.

Сим был прав.

Кошмар, наконец, кончился.

Джеймс ПОЛЛАРД

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ПОЕЗД

— Я ведь ясно сказала: один до Ведьмина Лога! — хрипло пролаял голос.

— Очень жаль, мамаша, но вот уже пять лет как эта ветка закрыта.

Бенджамин Уайт пристально посмотрел на странную фигуру за окошком кассы. Перед ним загорелись два больших глаза, и он почувствовал, как его собственные глаза полезли на лоб.

— Чушь! Я сама из Ведьмина Лога! Рельсы не сняты, станция на том же месте. Не дашь билета — плохо будет!

Душевное равновесие Бенджамина восстановилось окончательно.

— Катитесь-ка вы подальше, мамаша. Поезда через эту станцию не ходят, и билетов туда мы давным-давно не печатаем. Куда-нибудь еще желаете ехать?

— Нет! Мне надо в Ведьмин Лог!

Бен отрицательно покачал головой и отвернулся от окошка. Ему еще предстояло сделать записи в станционном журнале, и, пожалуй, лучше было заняться делом, нежели спорить с помешанной.

«Помешанная» издала негодующее шипение, а потом как бы втекла через окошко кассы в станционную дежурку Бена.

Усаживаясь поудобнее, Бенджамин почувствовал движение воздуха. Он поднял глаза и увидел, что его собеседница сидит на углу стола, свесив одну ногу, а другой обвив метлу. Верхний конец метлы сжимала пара рук, костлявей которых, казалось, на свете нет, а на этих костлявых руках покоился острый подбородок.

Одета она была в то, что Бен позднее назвал балахо-

ном. Из-под капюшона выглядывало лицо старой карги: нос крючком, беззубые десны, мутные глаза.

С полминуты Бенджамин молча моргал. Он не верил глазам своим.

— Нет,— сказал он вслух,— не может этого быть.

Он сделал запись в журнале и добавил:

— Через окошко кассы войти нельзя, а дверь заперта.

Он покосился на угол стола — и глаза его снова полезли на лоб.

— Помнишь, как тридцать лет назад, еще до женитьбы, ты звал жену очаровательной ведьмочкой — столько раз называл, что и не сосчитаешь? — сварливо прошамкала незваная гостья.

— Еще бы, конечно, помню! Но вы-то это откуда знаете?

— А сегодня утром ты назвал ее страшной ведьмой и еще сказал, что был бы до смерти рад отправить ее в Ведьмин Лог и навсегда от нее избавиться — помнишь?

— Да как же это? Откуда вы все?..

— И разве не думал ты, что рождество веселее было бы встречать без нее? Разве не ломал голову, как бы стащить ящик спиртного с поезда номер двадцать шесть? И разве не хотелось тебе, чтобы в доме на праздники никогошеньки не осталось и чтобы даже малышей не было?

— Будь я проклят!..— Бенджамин вскочил на ноги, у него перехватило дыхание.— Чего ты хочешь, ведьмина дочь?

Верхом на метле она сделала круг по дежурке и ответила:

— Хочу научить тебя уважать ведьм, как ты уважал их в молодые годы.

Стоя на одной ноге и опираясь на метлу, она почти вплотную приблизила к нему свой крючковатый нос и острый подбородок. Глаза ее сверкали.

— Так вот что я скажу тебе, друг любезный: двадцать шестой прибудет сегодня ночью на час позже. На разъезде у корявого дерева он перейдет на закрытый путь, и я без билета поеду в Ведьмин Лог! Ха-кха-кха-кха-кха!

Хрипло смеясь, она покинула дежурку тем же путем, каким проникла туда. Бенджамин остолбенело глядел на все это. Ее уж и след простыл, а он все стоял и смотрел на открытое окошко кассы.

Он слышал обычное тиканье станционных часов, за-

выванье ночного ветра на платформе, воду, капающую из крана за дверью,— и ничего более.

Крадучись, Бенджамин с фонарем в руках обошел одно за другим все станционные помещения, но таинственная гостья бесследно исчезла.

Вернувшись в дежурку, он увидел, что здесь тоже ничего не изменилось, и сел за стол, бормоча:

— Не могло этого быть!

Он прислушался — и снова услышал тиканье часов, стенания ветра, капанье воды.

— Нет! — и он углубился в свою работу.

Зять Бена, Шедрик Малкехи, был машинистом товарного поезда номер двадцать шесть, который жители городка Меррины называли «специальным рождественским». Меррина, конечная станция в Сказочных Горах, была поселением рудокопов, добывавших золото и свинец, опалы и уран; поезд должен был прийти туда в ночь перед сочельником, а точнее — 24 декабря в 0.15.

В 23.30, когда двадцать шестой пыхтел уже на переезде Карремби, Шедрик увидел, что его кочегар Джо Браун нагнулся, опираясь на лопату, и заглядывает в тендер.

— Тут ведьма, Шедрик! — крикнул Джо Браун и, шагнув вперед, замахнулся лопатой. В следующее мгновенье лопата зазвенела о металл площадки, и кочегар, отброшенный какой-то непонятной силой, мешком плюхнулся на сиденье.

— Повесить ее! — захохотал Шедрик.

Но его смех оборвался, когда он услыхал позади себя другой, более громкий хохот. Он обернулся, и его рот раскрылся еще шире.

— К-кто это?

Он шагнул к кому-то или чему-то, шевелившемуся в тендере, но наткнулся на невидимую преграду.

— Ха-кха, кха, кха, кха, кха, кха! Помнишь, как сегодня утром ты сказал своей доброй женушке, что она ведьмина дочь и что в прежние времена ее бы сожгли на костре?

— Сказал, ну и что?

— А ведь только год как ты женат, Шедрик Малкехи! Постыдился бы, хоть ты и внук палача,— я ведь хорошо помню имя того, кто меня повесил!

В стуке колес Шедрика слышалось: «Ух, ух, ведьмин дух».

— Ну и шум был сегодня утром в старом доме! Как в мое время не могли ужиться две семьи под одной крышей, так и теперь не могут...

— Вот что, миссис, мисс или как вас там, проваливайте, а то сам сброшу с паровоза!

— Не сбросишь, паровоз теперь веду я. Иначе нам не доставить тебя в Ведьмин Лог.

— А я туда не поеду. Кондуктор...

— А я любого кондуктора заколдую,— так что поедешь куда мне надо! Ты сам захотел! Помнишь, как сегодня утром поддержал тестя,— сказал ему, что вздумай тот посадить свою жену со всем ее барахлом на твой поезд, ты выведешь его на закрытый путь и ссадишь у Ведьмина Лога? Что, потешил тестюшку?

«Чух-чу-чу-чух! Ведьмин дух! Ток-то-то-ток! Ведьмин Лог!» — стучали колеса.

«Да захоти я на самом деле отвезти ее туда,— подумал Шедрик,— все равно бы из этого ничего не вышло. Уже как стрелки на разъезде замкнуты — и слава богу! От этой линии и так были одни убытки, а как в Логе завелись ведьмы да народ подался за деньгой в другие края, кому охота туда ездить?»

Скрипучий голос звучал где-то совсем рядом, между машинистом и кочегаром, и оба посмотрели вверх, ожидая увидеть над паровозной будкой всадницу верхом на метле; но единственное, что они увидели, было красное перо дыма.

— Мы научим тебя уважать ведьм и женщин, Шедрик Малкехи! Проедешься этой ночью через Лог! Ха-кха-кха-кха-кха!

Поезд сделал поворот, и головной прожектор осветил сухое корявое дерево, за которым начинался разъезд. Шедрик потянул за проволочный крюк. «У-и-и-иии!»

Он думал, что свисток прозвучит презрительно и торжествующе. Так и было в самом начале, когда свисток победным криком пронзил ночь. Потом поезд прогрохотал через переезд, проследовал к стрелкам закрытой линии, каким-то образом прошел через них и повернул на юг. И тогда свисток страдальчески взвыл: «Уай-ай-ай-ай!»

Шедрик слышал, как два голоса закатились хриплым смехом, и под жуткое завыванье свистка груженный дровами состав с гривой из окрашенного пламенем дыма понесся вместе с поездной бригадой и двумя ведьмами

по заржавелым рельсам, проходившим через покинутый людьми Ведьмин Лог.

А на платформе Подветренная ночной дежурный Бенджамин Уайт в 23.55 проверил свой хронометр по станционным часам и увидел, что те и другие часы показывают одно и то же время. «Где же двадцать шестой?» — удивился он и прислушался, силясь за тиканьем часов и капаньем воды уловить шум приближающегося поезда.

Но шума не было.

В 00.05 он снова вышел на платформу, снова прислушался и напряг глаза, ожидая увидеть вдали светлое пятно головного прожектора.

В 00.15 он услышал только крик ночной птицы, донесшийся со второго от станции (так ему показалось) телеграфного столба.

В 00.30, устав от долгого и мучительного ожидания, он жалобно спросил у мыши, присевшей на полу освещенного коридора станции почесать усы:

— Ведь не мог Шед поехать через Ведьмин Лог? Или... поехал? Это все она, проклятая! — простонал он.

В 00.45 Бену начало мерещиться, что из всех темных уголков станции ему корчат рожи привидения. И когда наконец вдалеке послышались какие-то слабые звуки, то уж они успокоить его никак не могли. Ведь никакой уважающий себя поезд не станет скрипеть при движении, как разваливающаяся на ходу телега, тарахтящая по булыжной мостовой, и при этом еще кашлять, свистеть и хрипеть как старые-престарые мехи.

Тому, что под этот пугающий аккомпанемент приближалось к платформе Подветренная, понадобилась целая четверть часа, чтобы покрыть расстояние, которое обычно поезд проходит за две минуты. К концу этой четверти часа любой, увидев приросшего к земле Бена, решил бы, что перед ним каменное изваяние.

То, что наконец подкатило к платформе, вернуло Бенджамина к жизни — к той жизни, которой живут в страшном сне.

Ибо, рассуждал он позднее, когда к нему вернулась способность соображать, мог ли он рассматривать этот «поезд» иначе, нежели как некий фантастический кошмар?

Котел паровоза был смят, его бока раздались в стороны и нависали над колесами. Паровозная труба вытянулась и раздвоилась, и ее обвивали теперь немыслимо вытянув-

шиеся буфера. На месте будки был корявый, сгнивший внутри эвкалиптовый пень, шишковатый, трухлявый и мшистый. Предохранительная решетка скрывалась под кучей прелых листьев, на которой восседал черный кот с фосфоресцирующими глазами.

Из будки на Бена таращились Шед и его кочегар. Это были два сморщенных тщедушных старичка — похоже, таких деревенщин, что в паровозную будку им и соваться было нечего, разве только в эту вот выдуманную ведьмами.

Взгляд Бена переметнулся к хвосту поезда; но непонятное отсутствие там кондуктора Рока Имдарна его уже ничуть не удивило. Взглядом затравленного зверя Бен снова посмотрел на локомотив.

Из локомотива шел пар, он тяжело дышал и, казалось, потел. Силы его вовсе не были на исходе — напротив, впечатление было такое, что он может двигаться без конца. Исходившие от него серные и аммиачные испарения наводили на мысль, что двадцать шестой побывал в плену у ведьм и стоял в их логове возле котлов, в которых варились их зелья.

На эту мысль наводил не только вид паровоза, но и вид вагонов. Если каждый второй вагон оставался таким, каким он должен быть (то есть контейнером с дровами, предназначенными для печей Меррины), то остальные вагоны — в них везли заправку для самих рудокопов: имбирное вино и крапивное пиво, эвкалиптовый коктейль и овечий ром — эти вагоны, доверху нагруженные рождественским весельем, предстали взору Бенджамина Уайта какими-то чудовищами. Чудовища истекали пузырящимися дрожжами и брызгали суслом, и в довершение всего из них высовывались диковинные разноцветные фигуры, столь странные, неправдоподобные и быстро меняющиеся, что описать их не было никакой возможности.

У Бенджамина подкосились ноги. Он снова окинул состав отупелым взглядом и застонал.

— Вы опоздали,— начал он трагическим шепотом. По мере того как он говорил, голос его набирал силу.— Я не помню, чтобы вы когда-нибудь так опаздывали. А вид у вас какой! Похоже, что вы проехали через Ведьмин Лог. Как вы туда попали?

— Спроси лучше, как мы сюда попали,— плачущим шепотом отозвался Шед.

Голос Бена звучал как дальнее эхо.

— О-о-ох! Будь проклят день, когда я стал железно-

дорожником! Что за собачья жизнь! Ты скажи, поедет эта... чертова машина?

— Поехать-то она поедет, но только что скажут в Меррине, когда мы прибудем туда? — уже громко простонал Шед.— Бенджамин, ты мой тесть. Скажи мне, чем я заслужил это?

— И я! — пропищал Джо, таращась на Бена выпученными глазами.

— Это ты мне скажи! А что сделал я? Катись отсюда, и чтоб твоего духу здесь не было! Мне и без тебя тошно. Ну, тронулся! Отправление! Брысь! Пи-и-и-п! — Бен свистнул, махнул рукой, а его сигнальный фонарь быстро просверкал красным, зеленым и белым светом. Бен топнул ногой.— Нечего тебе торчать здесь, проваливай! Ведь ты страшилище, Шедрик Малкехи! Ты мне не зять, я от тебя отказываюсь! Глаза бы мои на тебя не глядели! Ох, помираю, конец мне!

Тут же, около издававшего булькающие звуки паровоза, Бен закрыл лицо руками, упал на колени и горько зарыдал.

Шед скрылся в своем эвкалиптовом пне. Паровоз жалобно заблеял, и какая-то жуткая, неведомая сила сдвинула с места и медленно поволокла конвульсивно дергающийся состав. Вихляясь и повизгивая, он пополз по направлению к Меррине.

Когда «специальный рождественский» растворился в ночной тьме, Бенджамин поднялся и вытер слезы. Обычные тишина и спокойствие снова царили вокруг, когда он вернулся наконец к исполнению своих служебных обязанностей и сообщил в Меррину, что двадцать шестой только что проследовал через Подветренную, и о том, как он проследовал.

Ночной дежурный в Меррине написал небольшой рапорт о своем разговоре с Бенджамином. «Если и вправду на поезде были ведьмы,— размышлял он,— то хоть не меня за это повесят». Потом он вышел на платформу, остановился, поставил фонарь рядом и, словно желая унять невольную дрожь, похлопал себя по груди. Так и стоял он, обеспокоенно глядя туда, откуда должен был прийти поезд.

Беспокойство сменилось головной болью, а головная боль — лихорадкой еще задолго до того, как он услышал стук колес «специального рождественского», а произошло это в 01.45.

Вслушавшись хорошенько, он пришел к выводу, что звук приближающегося поезда ничем не отличается от обычного. И когда в 01.50 двадцать шестой подошел к платформе, лицо дежурного озарилось радостью. Ибо перед ним была не оседланная ведьмами фантастическая машина, а самый настоящий товарный поезд с облаком пара из паровоза и электрическим освещением. Ночной дежурный пошел по платформе к паровозу, попутно с удовлетворением отмечая абсолютно нормальный вид как вагонов с дровами, так и вагонов с жидким «топливом».

— Привет, Шед! До чего же я рад тебя видеть! Где это ты пропадал? Что за адское зелье ты везешь? Бен Уайт не иначе как рехнулся! Ты, случаем, не распечатал бочонок, когда приехал к нему в Подветренную? Если бы вправду был такой, как он рассказывал, ни в жизнь бы тебе не довести поезда, голову даю на отсечение!

Шед спрыгнул на платформу, вытирая лицо замасленной тряпкой.

— Когда у тебя на поезде ведьмы, и не такое может случиться.

— Постой, как ты ехал?

— Через Ведьмин Лог.

Дежурный по станции так и застыл на месте с горящей спичкой в руке и стоял до тех пор, пока она не обожгла ему пальцы. Потом он сплюнул.

— Ну ладно, надо закончить рапорт. И раз ты говоришь, что ехал через Ведьмин Лог, то я так и запишу. Значит, этим путем ты ехал?

— Конечно! Я и Джо, мы оба. И Рок Имдарн — вон он лежит без памяти в багажном вагоне. Ведьмы этой ночью проволокли поезд через Ведьмин Лог. Так и докладывай. А я теперь домой и на боковую.

А ведьмы, Мэгги и Хейзл, кружились, невидимые, под потолком спальни, в которую на цыпочках, с ботинками в руках, вошел Бенджамин. Они увидели, как он остановился в ногах кровати и виновато посмотрел в лицо жене, которая крепко спала, увенчанная короной серебряных волос. Они услышали, как он сказал:

— Дженни, ты для меня была и будешь самой милой ведьмой на свете.— И, вздохнув, добавил: — До чего же хорошо дома!

Потом он вынул из карманов две бутылки с золотыми

этикетками, на которых стояло: «Пивовары, Волшебники и Компания», и тихонько пропел: «...И снова мы встретим с тобой рождество, любимая Дженни».

Ведьмы перелетели в соседнюю комнату, где молодой Шедрик Малкехи как раз наклонился поцеловать розовое личико своей жены, и услыхали, как он шепчет:

— Всегда бы меня ждала дома такая ведьмочка, как ты, дорогая!

Потом Шедрик повернулся к окну и хмуро посмотрел в темноту за окном. Уже раздеваясь, он пробормотал:

— Ух, попадись мне сейчас какая-нибудь из тех, с Ведьмина Лога — в клочки бы разорвал!

Мэгги и Хейзл оседлали свои метлы и поздним утром опустились в городе Фейберре. Там они проникли в кабинет Уильяма Дамбоди, директора всех железных дорог страны Экстралии, который в это время, размахивая листком почтовой бумаги, говорил по телефону:

— Гарри! Я получил рапорт из Меррины, в нем говорится, что, по словам машиниста Малкехи, ведьмы прогнали его состав через Ведьмин Лог, по закрытой соединительной ветке... Да, так он рассказал... Да, в рапорте из Меррины... Нет, с ума я не сошел!.. Еще в рапорте говорится, что Бенджамин Уайт, увидевший «специальный рождественский», когда тот прибыл в Подветренную, до сих пор никак не отчурается!

Дамбоди засмеялся в трубку. Ему было смешно, и он совсем не сердился. Сейчас он припоминал, что на станциях, через которые раз в год проходит по пути в Меррину «специальный рождественский», никогда не упускают случая стянуть что-нибудь из рождественских грузов; это стало неписаным законом, и на это смотрят сквозь пальцы: «Может, в этом году приложились раньше времени? — подумал он.— Может быть, басни о Ведьмином Логе — результат предпраздничных возлияний? Может...»

— Что? — воскликнул он.— Вы верите этому?! Вы знаете этих людей?

Чувствуя непреодолимое желание накричать на инспектора, он продолжал:

— Не сводите меня с ума! Я не верю, что двадцать шестой прошел по этому пути! В Ведьмином Логе ведьм нет и никогда не было! Пройдут праздники — сразу же снять рельсы на этой линии, чтобы такое никогда больше не повторялось!

Мэгги и Хейзл, довольные, с веселым смехом полетели

прочь. После этих событий Уильям Дамбоди начал задумываться, без видимой причины останавливаться иногда с недоуменным видом, и вообще в его поведении стала проглядывать теперь какая-то неуверенность.

Таким же стал и Рок Имдари, о котором дежурный из Меррины тактично умолчал в своем рапорте. До последних дней жизни Рок так и остался нервным, все время постукивающим по столу пальцами существом. Он так никогда и не оправился от своего двухчасового забытья на «специальном рождественском».

Когда горняцкому городку Меррине пришло время праздновать рождество, оказалось, что «специальный рождественский», к величайшему огорчению грузополучателей, совершенно не оправдал их ожиданий. Когда с него сгрузили «топливо» для человеческого нутра, обнаружилось, что имбирное вино все прокисло, а крапивное пиво — сплошной уксус, что в эвкалиптовом коктейле — плесень, а овечий ром — чистая кислота; и что выдержанный продукт «Пивоваров, Волшебников и Компании» выдохся настолько, что его в рот взять противно.

Если вы захотите провести рождественские праздники в маленьком старом городке Меррине, вы встретитесь там с гостеприимными и обаятельными людьми. Среди них вы не найдете ни одного плохого семьянина: все они мягкосердечны и покладисты. И кроме того, это люди, которые о волшебницах, бормочущих непонятные заклинания и готовящих колдовские зелья, отдающих всегда предпочтение самым черным из кошек и известных странным обычаем летать верхом на метле (случается, что и среди звезд), всегда говорят только хорошо.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

БРЭДБЕРИ Рэй Дуглас. *Классик современной американской НФ. Поэт, глубокий и тонкий прозаик, мастер философской притчи, замечательный стилист. Родился в 1920 г. в г. Ваукиган (штат Иллинойс). Зарабатывал на жизнь продажей газет. В литературе дебютировал в 1941 г. Под влиянием рассказа Льюиса Пэджетта (псевдоним Катрин Мур и Генри Каттнера) «Все тёнали бороговы...» стал писать фантастические истории о детях. Первый сборник рассказов — «Черный карнавал» — издан в 1947 г. Книги «Марсианские хроники», «Человек в картинках», «451° по Фаренгейту» получили высшие литературные премии. В последнее время писатель все чаще обращается к мифу. Большинство его произведений хорошо знакомы советскому читателю.*

ДЕЛЬ РЕЙ Лестер. *Один из представителей «золотого века НФ» в США. Родился в 1915 г. Служил цирковым рабочим, официантом, продавцом. Лишь с 1954 г. целиком посвятил себя литературной работе. Свой первый рассказ «Верующий» написал в 1938 г. Вскоре в журнале «Поразительная научная фантастика» был опубликован рассказ «Елена Лав», признанный в свое время одним из лучших в американской НФ. Мировую известность писателю принес рассказ «Нервы» (1942), в котором пророчески предсказывалась опасность ядерного взрыва, сопряженная с эксплуатацией атомной электростанции. На русский язык переведен рассказ «И снова в путь».*

ДЕМЮТ Мишель. *Французский писатель-фантаст, переводчик, ведущий издатель научно-фантастической литературы*

во Франции. Родился в 1935 г. Автор многих рассказов (более пятидесяти). Известен цикл рассказов о будущем «Галактические хроники», часть которых вошла в одноименный авторский сборник (1976), и сборник «Металлические горы» (1977). На русский язык переведен рассказ «Чужое лето».

ЛЕ ГУИН Урсула. *Знаменитая американская писательница. Родилась в 1929 г. в Калифорнии. Окончила Колумбийский университет, продолжала образование в Париже. Дебютировала в 1962 г. рассказом «Апрель в Париже» (переведен на русский язык). Подлинное признание принесли ей романы, объединенные в «Хейнскую тетралогию»,— «Мир Роканнона» (1966), «Планета изгнания» (1966, русский перевод 1980), «Город иллюзий» (1967), «Левая рука Тьмы» (1969). Последний роман получил две высшие премии в жанре НФ, присуждаемые в США,— «Хьюго» и «Небьюла». Обе премии получил (что случается крайне редко) и роман «Обездоленные» (1974). Награждался также ряд рассказов. Отмечена критикой сказочная трилогия «Волшебник из Эрти» (1968), «Могила Атуана» (1971), «Самый дальний берег» (1972). Произведения Урсулы Ле Гуин переведены на многие языки, выпущены миллионными тиражами. Включенный в данный сборник рассказ «Ожерелье» (1964) — поэтический пролог к роману «Мир Роканнона».*

НОРТОН Эндри. *Известная американская писательница. Родилась в 1912 г. в Кливленде. Как фантаст дебютировала в 30-е годы. Кроме НФ пишет детективы, исторические и шпионские романы. Автор более 90 книг, среди которых наиболее популярны серии НФ-романов «Мир ведьм» (9 романов), «Саргассы в космосе» (4 романа), «Торговец во времени» (4 романа). На русский язык переведен роман «Саргассы в космосе» — первый и, по отзывам критиков, лучший в одноименной серии.*

ПИТТ Джордано. *Итальянский писатель-фантаст и журналист. Родился в 1934 г., живет и работает в Милане. Известен также как автор и собиратель сказок и легенд Издал сборники: «Нордические легенды», «Ирландские*

легенды», «Персидские легенды». Автор сборника научно-фантастических рассказов «Истории будущего» (1964), который получил национальную премию. Рассказ «Возвращение Реда Спида» опубликован в 1967 г. вместе с НФ-романом «Роботочеловек».

ПОЛЛАРД Джеймс Теодор Харвей. *Австралийский писатель, журналист. Автор нескольких сборников рассказов, героями которых являются простые люди Австралии. Наиболее известен сборник «28 рассказов» (1948). Его перу принадлежат также несколько детских книг и сборник эссе «Мысль и критика» (1940).*

ПОРДЖЕС Артур. *Американский писатель-фантаст. Родился в 1915 г. На русский язык, кроме рассказа «Погоня», переведены новелла «Саймон Флэгг и дьявол» и рассказ «Ценный товар».*

РАССЕЛ Эрик Фрэнк *(1905—1978). Известный английский писатель-фантаст. Работал в фантастике с 1937 г. Автор нескольких НФ-романов, но признание получил как новеллист. Наиболее популярной его книгой является сборник рассказов «Люди, марсиане и машины». Произведениям Рассела присущи сюжетная острота, парадоксальность, мягкий юмор. На русский язык переведены повесть «И послышался голос», рассказ «Аламагуса».*

ХАЙНЛАЙН Роберт. *Знаменитый американский писатель-фантаст. Родился в 1907 г. Первый НФ-рассказ «Линия жизни» опубликовал в 1939 г. Затем издал роман об «истории будущего» «Если это наступит». Известен его рассказ «Дороги должны катиться» (1940) — о цивилизации, которая целиком зависит от функционирования движущихся дорог, эскалаторов, тротуаров. Всемирную известность принес Хайнлайну поистине пророческий рассказ «Неудовлетворительное решение», опубликованный под псевдонимом Энсон Макдональд в журнале «Поразительная научная фантастика» в 1941 г., в котором описано создание ядерного оружия. Опасностям, связанным с атомной энергией, посвящен также рассказ «Взрывов не избежать»*

(1940). Многократный лауреат премии «Хьюго». Советскому читателю известны рассказы «Долгая вахта», «Логика империи», «Зеленые холмы Земли», «Если это будет продолжаться» и др.

ШЕКЛИ Роберт. *Известнейший американский писатель-фантаст. Родился в 1928 г. Служил писарем, был гитаристом в военном ансамбле, получил специальность инженера-металлурга. Первые НФ-произведения опубликовал в 1952 г. и сразу же обратил на себя внимание остроумными, парадоксальными сюжетами, неиссякаемостью воображения. Автор ряда повестей и романов, но признание получил прежде всего как блестящий новеллист. Социальность творчества Шекли, гротесковое изображение мира наживы принесли ему мировую славу и неофициальный титул «короля сатиры». Наиболее интересны сборник рассказов «Не тронуто руками человека» (1954), романы «Бессмертие, Инкорпорейтед» (1959), «Обмен разумов» (1966, переведен в СССР), «Статичная цивилизация» (1960), серия рассказов о незадачливых бизнесменах Грегори и Арнольде. Повесть «Координаты чудес» написана в 1968 г. Творчество Шекли хорошо известно советскому читателю.*

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Ануфриев, С. Солодовников. Космос человеческой души 3

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Урсула Ле Гуин. Девять жизней. *Пер. с англ. И. Можейко* 12
Артур Порджес. Погоня. *Пер. с англ. Р. Рыбкина* 41
Роберт Хайнлайн. Пасынки Вселенной. *Пер. с англ. Ю. Зараховича* 55
Джордано Питт. Возвращение Реда Спида. *Пер. с итал. Л. Вершинина* 158
Мишель Демют. Оседлавшие свет. *Пер. с франц. П. Гурова* 185
Эндри Нортон. ...Все кошки серы. *Пер. с англ. Е. Дрозда* 213
Эндри Нортон. Мышеловка. *Пер. с англ. Е. Дрозда* 222

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС

Лестер дель Рей. Крылья ночи. *Пер. с англ. Норы Галь* 232
Урсула Ле Гуин. Ожерелье. *Пер. с англ. Р. Рыбкина* 252
Роберт Шекли. Координаты чудес. *Пер. с англ. Г. Гринева* 275
Эрик Фрэнк Рассел. Свидетельствую. *Пер. с англ. Б. Клюевой* . . 365
Рэй Брэдбери. Уснувший в Армагеддоне. *Пер. с англ. Л. Сумилло* . . 389
Рэй Брэдбери. Лед и пламя. *Пер. с англ. Л. Жданова* 404
Джеймс Поллард. Заколдованный поезд. *Пер. с англ. Р. Рыбкина* . . 448

Коротко об авторах 458

Литературно-художественное издание

КРЫЛЬЯ НОЧИ

Составители
Ануфриев Геннадий Григорьевич,
Солодовников Станислав Васильевич

Ответственный за выпуск С. М. Смирнов
Оформление и художественное редактирование С. В. Баленка
Технический редактор Т. К. Романович
Корректоры Л. В. Лебедева, А. А. Срогис

ИБ № 1487

Сдано в набор 20 12 88 Подписано в печать 26 07 89 Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$ Бумага книжно-журнальная Гарнитура литературная Высокая печать. Усл печ. л 24,36. Усл. кр.-отт 24,56. Уч. изд. л. 25,83. Тираж 150 000 экз. Заказ 2122. Цена 3 р 90 к.

Издательство «Университетское» Госкомиздата БССР 220048, Минск, пр. Машерова, 11

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им Я Коласа 220005, Минск, Красная, 23.

Фотонабор и верстка выполнены с использованием автоматизированной системы перера ботки текстовой информации АККОРД, разработанной в УНИИПП, Львов

Крылья ночи/Сост., предисл. и сведения об авт. К 85Г. Ануфриева, С. Солодовникова; худож. С. Баленок.— Мн.: Университетское, 1989.— 462 с.— (Сер науч. фантаст. «Галактика»).

ISBN 5-7855-0279-8.

В сборник современной зарубежной фантастики включены произведения писателей капиталистических стран: роман Р. Хайнлайна «Пасынки Вселенной», повести и рассказы У. Ле Гуин, Р. Брэдбери, Р. Шекли, Э. Нортон и др. Его главные темы — освоение космического пространства, контакт с братьями по разуму, человек в экстремальной ситуации.

$\frac{4703000000\text{-}068}{\text{К}\quad\text{М317(03)-89}}$ БЗ 154—89

ББК 84(0)6

3 р. 90 к.